

АЛБЕРТ КАН

**ИЗМЕНА
РОДИНЕ**

И*Л

*Издательство
иностранной
литературы*
*

Альберт Кан
при участии Артура Кана

ИЗМЕНА РОДИНЕ

ЗАГОВОР ПРОТИВ НАРОДА

Перевод с английского

Вступительная статья

В. КОРИОНОВА

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

ALBERT E. KAHN
(*With the assistance of Arthur Kahn*)

HIGH
TREASON

THE PLOT AGAINST THE PEOPLE

NEW YORK

195 0

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Альберта Кана (написанная при участии Артура Кана) «Измена родине» будет, несомненно, с интересом встречена широкими кругами советской общественности.

Еще в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин указывал, что так называемая «современная демократия» в мире капитализма, о которой до хрипоты кричат социал-демократы, «представляет из себя не что иное, как свободу проповедывать то, что буржуазии выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.»¹.

Книга «Измена родине» дает большой фактический материал, показывающий подлинный облик американской «демократии» — этой ширмы, за которой скрывается самый реакционный, самый агрессивный империализм нашего времени.

Имя автора книги — Альберта Кана хорошо известно советскому читателю по переведенным и изданным ранее в СССР книгам «Тайная война против Америки» и «Тайная война против Советской России».

В своих работах Кан разоблачает американских империалистических заправил, подготавливающих и развязывающих войны. Альберт Кан известен в Соединенных Штатах не только как талантливый публицист, но и как видный борец за мир. Он представляет американских борцов за мир в Постоянном комитете Всемирного конгресса сторонников мира.

Книга «Измена родине» — обличительный документ большой силы. В ней приводится разнообразный факти-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 186.

ческий материал, убедительно рисующий отвратительный облик разбойничьего американского империализма.

Автор описывает события, происходившие в США с 1919 г., то есть с того периода, когда американский империализм, напуганный победой Великой Октябрьской социалистической революции в СССР, стал играть особенно активную организующую роль во всех черных делах международной реакции.

С первых дней существования Советской России правительство США являлось инициатором иностранной империалистической интервенции против нашей страны с целью удушения первого в мире государства трудящихся и превращения его в колонию США.

«Идеализированная демократическая республика Вильсона, — писал В. И. Ленин в те годы, — *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹.

Приводя большой фактический материал, А. Кан рисует картину усиления реакции в США за последние десятилетия. Он доводит изложение событий до наших дней, убедительно показывая, как реакционные правящие клики превращают Соединенные Штаты в полицейское государство, насаждают в стране фашистские порядки.

Основной темой книги Альберта Кана является все ускоряющееся скатывание американского империализма к фашизму и войне. «В 1950 году, — пишет А. Кан, — перед американским народом поставлены в упор два исторической важности вопроса, перед которыми все остальное отходит на задний план: *демократия или фашизм в США? Мир или война во всем мире?*

Во всех уголках земного шара сотни миллионов свободолюбивых людей, стремящихся защитить мир, с тревогой следят за тем, какой из этих путей выберет американский народ».

Кан написал свою книгу для американцев. Но она, несомненно, представляет интерес для всех, кто борется за построение прочного демократического мира против американских поджигателей войны — самых лютых врагов человечества.

Гневно бичует автор заправил Уолл-стрита. Они, пишет Кан, совершают самое позорное преступление —

¹В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 28, стр. 169.

они изменяют народу, подвергая его невиданной эксплоатации, разорению, террору, увлекая страну к фашизму и войне. Автор напоминает, что именно банда заправил Уолл-стрита наживалась на первой мировой войне, подвергала Америку невиданному разграблению, что именно она привела США к грозному кризису 30-х годов. Кан подчеркивает, что именно клика монополистических хищников США вскормила германский фашизм, привела Гитлера к власти и сделала неизбежной вторую мировую войну, во время которой она еще более нажилась на кровопролитии, страданиях и обнищании народных масс. «Именно эти враги народа — привилегированное меньшинство и его прислужники на государственных постах, — пишет Кан, — несут ответственность за рост реакции и ущемление свобод в нашей стране. Именно они породили страшную угрозу третьей мировой войны с ее бесчисленными жертвами и разрушениями».

При рассмотрении вопроса о фашизации капиталистических стран важное значение приобретает выяснение истоков фашистских тенденций в политике империалистических правящих кругов.

Фашизм является порождением упадка капиталистической системы в эпоху империализма. Это — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, попытка империалистической буржуазии методами самого дикого насилия сохранить и продлить свое господство, подавить крепнущие силы рабочего класса, демократии.

«Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия», — указывал товарищ Сталин в беседе с Гербертом Уэллсом.

Приход фашизма к власти в той или иной капиталистической стране является признаком слабости буржуазии, признакам того, что буржуазия, будучи уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, прибегает во внутренней политике к террористическим методам управления.

Так было в 30-х годах в Германии; подобный процесс происходит в настоящее время и в Соединенных Штатах Америки.

В основе усиления фашистских тенденций американского империализма лежит возрастающая слабость позиций американской реакции, страх заправил Уолл-стрита перед растущими силами демократии. Процесс разрушения устоев капитализма, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, происходит в последние годы все более убыстряющимся темпом. Первое в мире социалистическое государство — Советский Союз—(превратилось в могучую, несокрушимую силу, в самое прочное в мире государство.

В результате победы Советского Союза во второй мировой войне от системы капитализма отпал ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Народные массы этих стран взяли свою судьбу в собственные руки и встали на путь строительства социализма.

Важнейшим результатом разгрома германского фашизма и японского империализма Советским Союзом и другими свободолюбивыми народами явилось торжество национально-освободительного движения в Китае. Победа народно-освободительного движения в Китае — этой величайшей стране Азии — является после Великой Октябрьской социалистической революции новым сильнейшим ударом по всей системе мирового империализма и планам империалистических агрессоров.

В итоге войны оказались разбитыми ударные силы международной империалистической реакции в лице фашистских государств.

Позиции капитализма ослабели повсеместно. В послевоенный период этот процесс принял еще большие масштабы. В борьбе против агрессивного курса империалистического лагеря оплачиваются все народы мира. Народные массы все более убеждаются в том, что существование капитализма грозит им новыми неисчислимыми бедствиями. На примере Советского Союза миллионы трудящихся ежедневно убеждаются в величайших преимуществах социализма над капитализмом. Поэтому все новые десятки миллионов трудящихся поднимаются на борьбу за мир, за демократию, за социализм.

Грозные события второй мировой войны наглядно показали народам, что самыми смелыми и надежными борцами против фашизма являются коммунисты. В послевоенный период коммунистические и рабочие партии показали себя как передовые борцы за жизненные инте-

ресы своих народов, против новой войны. Поэтому влияние коммунистов в массах трудящихся все более растет. Рост влияния коммунистических партий, указывает товарищ Сталин, — закон исторического развития. Наоборот, (влияние правой социал-демократии, являющейся, по определению товарища Сталина, «основной опорой капитализма в рабочем классе в деле подготовки новых войн и интервенций», неуклонно падает.

Одновременно с ослаблением политических позиций капитализма происходит дальнейшее обострение противоречий внутри империалистического лагеря, между капиталистическими хищниками различных стран, отчаянно грызущимися за рынки сбыта, сферы влияния, области приложения капитала.

Заправила капиталистического мира ищет выхода из этих углубляющихся противоречий на путях фашизации и развязывания новой войны.

То же самое в недалеком прошлом происходило в Германии и в ряде других капиталистических стран. Разоблачая планы империалистических политиков того времени, искавших выхода из растущих противоречий на путях фашизма и ноной войны, товарищ Сталин говорил на XVII съезде ВКП(б):

«Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков»¹.

Правящие круги Соединенных Штатов Америки, пытающиеся ныне взять на себя миссию «спасителей» капитализма, видят в фашизме основное средство для достижения своих целей. Они рассчитывают путем фашизации страны подавить стремление американского народа к миру и демократии и таким образом обеспечить безопасность своего тыла в подготавливаемых и развязываемых ими новых военных авантюрах.

---

1 И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 430.

Переход американского империализма к террористическим методам управления свидетельствует о страхе монополистических кругов США перед растущими силами демократии и мира как в других странах, так и в самих Соединенных Штатах. Альберт Кан прав, указывая в своей книге: «...теперь, когда народ достиг небывалой мощи, когда его стремление к лучшей жизни уже ничем нельзя заглушить, меньшинство действует все отчаяннее и безжалостнее в своем стремлении поработить большинство. Фашизм и является порождением этой безжалостности и отчаяния».

Наступление фашиствующей реакции США на права американского народа и подготовка новой войны развертываются под лозунгом «антикоммунизма», заимствованным империалистами Соединенных Штатов у разгромленного германского фашизма.

В области внешней политики «антикоммунизм» Трумэна является прикрытием агрессивных воцелений американского монополистического капитала.

Характеризуя захватническую внешнеполитическую программу империалистов США, тов. Маленков указывал в своем докладе о 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции:

«Эта программа предполагает создание путем насилия и новых войн мировой американской империи, которая должна по своим масштабам превзойти все когда-либо существовавшие в истории мировые империи завоевателей. Речь идет не более не менее, как о том, чтобы превратить весь мир в колонию американских империалистов, низвести суверенные народы до положения рабов.

Чем отличаются бредовые замыслы такого рода «американизации» всех стран и континентов от сумасшедшего плана Гитлера — Геринга насчет «германизации» сперва Европы, а затем всего мира? Чем отличаются эти замыслы от не менее сумасшедших планов Танака — Тодзио насчет подчинения японским империалистам всей Азии и бассейна Тихого океана? По сути дела только тем, что агрессивная программа поджигателей новой войны превосходит вместе взятые планы их немецких и японских предшественников».

Воплями о «борьбе с коммунизмом» американские империалистические хищники пытаются замаскировать проводимый ими курс на насильственное порабощение народов всего мира.

В области внутренней политики «антикоммунизм» Трумэна является прикрытием курса американского империализма на ликвидацию в США последних остатков куцых буржуазных «свобод» и установление в стране жестокого террористического режима. При этом главный удар фашиствующие круги США наносят по основной силе демократии — рабочему классу, его организациям.

Альберт Кан, основываясь на фактах и событиях последних трех десятилетий, рисует картину постепенного превращения Соединенных Штатов Америки в полицейское государство.

Автор напоминает о кровавых событиях 1919—1920 гг., когда, задолго до разгула фашистского террора в Германии, министр юстиции США того времени Пальмер и один из ведущих чиновников министерства юстиции Эдгар Гувер — нынешний начальник американской охраны (Федеральное бюро расследований), охваченные страхом в связи с подъемом рабочего движения в США после первой мировой войны, организовали свирепую расправу с прогрессивными организациями и деятелями США. В книге описывается возникновение и кровавая деятельность первых фашистско-террористических организаций в США — Ку-клукс-клана, «Американского легиона», «Черного легиона» и других.

Значительный интерес представляют приводимые Каном документальные данные о подготовке в США фашистского путча в 1933 г., то есть в то же время, когда Гитлер пришел к власти в Германии. Характерны впервые приводимые Каном данные о том, что участие в подготовке этого путча принимали бывший командор «Американского легиона», Луис Джонсон, являвшийся до осени 1950 г. министром обороны США, и генерал Дуглас Макартур, кровавый палач освободительного движения народов Азии.

Особенно важны те разделы книги, в которых автор описывает разгул террора в США в послевоенный период.

Американские реакционеры всеми средствами раздувают в стране антикоммунистическую истерию.

«Для широчайшей антикоммунистической кампании, охватившей все области жизни страны, — пишет Кан, — были использованы все доступные воображению способы и приемы пропаганды, все наличные средства связи, органы федерального правительства и правительства штатов, учебные заведения, организации деловых кругов, церковные объединения, ура-патриотические общества, братства, организации ветеранов войны». Вся эта огромная машина пропаганды, подчеркивает автор, была пущена в ход для того, чтобы вытравить из сознания американского народа воспоминания о военном союзе между Соединенными Штатами и СССР и об огромном вкладе Советского Союза в дело победы.

Апогеем этой антикоммунистической истерии явился процесс над лидерами коммунистической партии США.

Коммунистическая партия США идет в авангарде растущего в стране демократического движения за мир. В первые же годы после окончания войны коммунистическая партия США стала предупреждать американский народ о грозящей опасности фашизма и войны, решительно разоблачать хищнические воцеления американского империализма. Коммунистическая партия неустанно указывает трудящимся США путь, ведущий к прочному миру, к предотвращению опасности фашизма. Коммунисты выдвинули программу демократизации общественного строя США. Они настойчиво зовут американский народ на борьбу за продолжение политики сотрудничества с СССР. Они выбросили в США лозунг «Руки прочь от Кореи!». Коммунистическая партия США отстаивает коренные, жизненные интересы американского народа.

Именно поэтому реакционные правящие круги США питают столь лютую ненависть к этому передовому отряду демократических сил американского народа и прилагают все усилия к тому, чтобы программа коммунистической партии не стала достоянием американского народа. Идя по стопам гитлеровцев, американская реакция развернула против коммунистов бешеную кампанию террора и клеветы.

Посадив на скамью подсудимых одиннадцать руководителей коммунистической партии, реакционеры рассчитывали сломить моральный дух американских коммунистов. Но они жестоко просчитались. Подобно страстно-

му борцу против фашизма Георгию Димитрову, Деннис, Холл, Гейтс и другие руководители коммунистической партии превратили судилище на Фоли-сквер в трибуну защиты мира и смелого разоблачения преступной политики заправил Уолл-стрита.

Взбешенные стойкостью коммунистов, реакционеры вынесли руководителям коммунистической партии обвинительный приговор. Одиннадцать руководителей коммунистической партии приговорены к длительному тюремному заключению. В мае 1950 г. в тюрьму брошен генеральный секретарь коммунистической партии США Юджин Деннис.

История фашистской Германии показала, что преследования коммунистов являются прелюдией к всеобщему наступлению реакции на все демократические силы. Современное политическое положение в США является еще одной иллюстрацией этого. Вслед за репрессиями против коммунистической партии фашиствующие клики США повели свирепое наступление на все демократические прогрессивные силы страны.

Особенно позорную роль в этом черном деле играют злейшие враги американского рабочего класса — главари Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов.

Почти четверть века назад товарищ Сталин в беседе с первой американской рабочей делегацией, говоря об американских реформистских лидерах, указывал, что «американские рабочие лидеры являются, оказывается, более решительными противниками элементарной демократии, чем многие буржуа в той же Америке»¹.

Вся дальнейшая политика реформистских вожakov КПП и АФТ еще более ярко показала, что гринь, кэри, мэрреи являются настоящими душителями американского рабочего класса. Они окончательно превратились в преданных слуг воротил банков и трестов, в наемную агентуру поджигателей войны. Гринь, мэрреи и рейтеры даже перещеголяли капиталистов в разжигании антикоммунистической и военной истерии, они выступают глашатаями наиболее реакционных мероприятий правительства Трумэна во внутренней политике, исходят ядовитой слюной клеветы на СССР и силы демократии во всем мире.

---

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 10, стр. 128.

Именно в результате предательской политики руководства АФТ и КПП реакции удалось протолкнуть реакционный профашистский закон Тафта—Хартли, уничтожающий завоевания рабочего класса за многие десятилетия упорной борьбы. Профсоюзные боссы лезут вон из кожи, добиваясь все большей фашизации американских профсоюзов, превращения их в придатки полицейского государства.

Руководимые этими предателями американские профсоюзы превратились в опору реакции в ее наступлении на права рабочих. Ярким примером гнусной роли предательских вожаков АФТ и КПП являются их усилия расколоть в интересах Уолл-стрита Всемирную федерацию профсоюзов и таким образом ликвидировать одно из важнейших завоеваний международного рабочего класса за последние годы — единство его рядов. Известно, однако, что эти преступные замыслы профсоюзных наймитов монополистического капитала потерпели полный крах. Очистившись от наймитов американско-английского империализма, Всемирная федерация профсоюзов еще более окрепла, увеличила численность своих рядов.

Ярко и убедительно Альберт Кан рисует в своей книге картину все большего усиления реакции в США. Он рассказывает о нестерпимой атмосфере всеобщего сыска, господствующей в современной Америке. Тайные агенты начальника американской охраны Эдгара Гувера — этого главного организатора охоты на людей — опутали в Америке решительно все, проникли во все уголки. Его шпиками, следователями, осведомителями кишат профсоюзы и политические партии, редакции газет и университетов, коммерческие компании и профсоюзы, местные органы полиции и суды, правительственные учреждения и вооруженные силы.

Агенты американской разведки орудуют не только в Америке, но и в других странах. Злодейское покушение на вождя итальянского рабочего класса и всех трудящихся Италии тов. Пальмиро Тольятти, на руководителя японской коммунистической партии тов. Токуда, убийство фашистскими наймитами председателя коммунистической партии Бельгии тов. Ляо и другие акты фашистского террора против руководящих деятелей миро-

вого демократического движения — прямое следствие преступной деятельности американского империализма, его разведывательных органов, его наемных убийц.

В книге «Измена родине» подробно рассказывается о невиданных в истории массовых преследованиях прогрессивной интеллигенции в США, о чудовищной расовой дискриминации, о кровавом разгуле фашистских террористических организаций. Читатель с напряженным вниманием прочтет эти страницы, повествующие о мрачных днях американской истории.

После написания книги Кана прошло всего несколько месяцев. Однако за это время полицейский террор в США принял еще большие размеры. Развязав захватническую войну против свободолюбивого корейского народа, героически борющегося за независимость и единство своей родины, американские империалисты еще более усилили преследование в Соединенных Штатах прогрессивных демократических сил.

Под флагом «чрезвычайного положения» реакция все яростнее ведет разнузданную травлю прогрессивных организаций и деятелей. Реакционерам удалось добиться принятия конгрессом законопроекта о продлении срока полномочий Трумэна призвать молодежь на военную службу без одобрения конгресса. Этот закон еще более усиливает засилие военщины в стране. Воспользовавшись военной истерией, палата представителей одобрила законопроект Хоббса, предусматривающий, наряду с другими антидемократическими мерами, заключение в концлагери прогрессивно настроенных иностранцев. 23 сентября 1950 года в Соединенных Штатах вступил в силу реакционнейший закон «о внутренней безопасности», объединивший все прежние законопроекты Маккарэна, Мундта, Никсона, Фергюсона, Вуда и других оголтелых реакционеров. Тем самым фактически объявлены вне закона коммунистическая партия США и все другие прогрессивные организации страны. Этот фашистский закон требует немедленной регистрации всех коммунистов и разрешает правительству в случае войны или других «чрезвычайных обстоятельств» производить массовые аресты и заключать в концентрационные лагеря без суда так называемые «подрывные элементы», под которыми подразумеваются борцы за мир и все демократически настроенные люди. Закон запрещает допус-

кать таких людей на работу, имеющую «оборонное» значение, устанавливает многочисленные ограничения для лиц «иностранного происхождения», для всех, не угодных властям, и разрешает преследование любого американского гражданина без какого-либо судебного разбирательства, а лишь на основании «секретной информации», то есть по доносу охраны.

Все большие размеры принимает преследование сторонников мира. Фашистская «комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности» публично угрожает, что будет преследовать всех, кто подписывает Стокгольмское Воззвание о запрещении атомного оружия и объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие против какой-либо страны. В начале августа 1950 г. в Нью-Йорке произошла беспрецедентная кровавая расправа полиции с тысячами людей, требовавших мира, прекращения агрессии США в Корею.

После развязывания американским правительством захватнической войны в Корею преследования коммунистов и других борцов за мир и демократию приняли в США еще большие масштабы. Усилилась террористическая деятельность Ку-клукс-клана и других фашистских, террористических организаций.

В условиях усиливающегося разгула реакции в США коммунистическая партия и другие прогрессивные силы страны еще решительнее ведут борьбу против фашизма, за мир и демократию.

Секретарь Национального комитета коммунистической партии США Холл, подчеркивая, что американский народ имеет возможность отбить наступление фашистской реакции, писал в конце июля 1950 г.:

«...еще не поздно организовать широкий единый народно-демократический фронт для борьбы против фашизма. Еще не поздно мобилизовать народ для борьбы за демократию и для мощного наступления против тех, кто хочет повести нашу страну по гитлеровскому пути к национальному бесчестью и национальной катастрофе».

Есть ли в Соединенных Штатах силы, способные преградить дорогу фашизму, помешать клике авантюристов свергнуть страну и весь мир в катастрофу новой войны?

Альберт Кан в своей книге касается этого вопроса. Он подчеркивает, что огромные богатства, которые сосредоточены в руках империалистов Уолл-стрита, не следует считать надежной гарантией незыблемости господства реакционеров США. «Их влияние в нашей стране, как и во всем мире, — пишет он, — так же непрочно, как обман и иллюзии, на которых оно держится. Их ярость — это ярость отчаяния, потому что их реальные силы уменьшаются с каждым днем. Они — колоссы на глиняных ногах».

Усиливающийся разгул фашистского террора не может сломить дух прогрессивных сил США. Американский народ отвечает на наступление фашизма и военные авантюры усилением своей борьбы за мир и демократию. Альберт Кан заканчивает свою книгу словами, полными веры в торжество мира и демократии в США. «Народ выиграл войну, — пишет он. — Народ выиграет и мир».

Однако — и это является основным недостатком книги — автор не показывает силы, ведущие в Соединенных Штатах битву за мир и демократию. Между тем развертывающееся в США движение против угрозы войны и фашизма имеет в американском народе Глубокие корни.

Десятки миллионов простых людей Америки, как и народы всех стран, ненавидят войну и стремятся к миру. Несмотря на истерические завывания милитаристской фашистской пропаганды и все большее превращение США в военную казарму, миллионы американцев отдают себе отчет в том, что если клике заговорщиков против мира и безопасности народов, окопавшейся на Уолл-стрите и в Пентагоне, удастся развязать новую войну, эта война не будет вестись только чужими руками и где-то далеко от Америки. Война придет на американский континент, принеся с собой все ужасы, лишения и бедствия, которыми сопровождаются современные войны.

Война в Корее уже потребовала проведения мобилизации многих тысяч американцев в армию, привела к еще более чудовищному увеличению военных расходов, вся тяжесть которых ложится на народные массы США.

Рядовой американец все более явственно ощущает на себе первые результаты авантюры, затеянной Уолл-

стритом в Корее. Недаром сенатор Бриджес заявил по этому поводу в одном из своих выступлений: «Мы будем поражены, когда узнаем всю правду о наших потерях в корейской войне. Это скрывается. Наши потери колоссальны, и когда нам станут известны истинные сведения о наших делах в Корее... мы будем потрясены».

Авантюра Трумэна—Ачесона в Корее привела к новому росту цен, налогов, усилению гнета милитаризма, разгулу полицейских репрессий.

Миллионы американцев начинают все более придумываться над тем, что принесет им «большая война», подготавливаемая и разжигаемая Уолл-стритом. В американском народе зреет протест против губительной антинациональной политики правящих кругов.

Вторая мировая война не прошла бесследно для американского народа. Его политическое сознание выросло. Окрепли рабочие организации. Фашизация верхушки АФТ и КПП, ее открытый переход на рельсы поддержки агрессии — свидетельство не силы, а слабости позиции гринов, уоллов, кэри, признак их растущей изолированности в массах.

Преодолевая жестокий полицейский террор и разлагающее влияние буржуазной идеологии, рабочий класс США сумел создать свою коммунистическую партию, которая, как пишет ее председатель У. Фостер, «превратится со временем в великую массовую коммунистическую партию Соединенных Штатов». Компартии США в грядущих классовых боях американского пролетариата предстоит сыграть решающую историческую роль. Разнузданная травля и террор, которым подвергают американских коммунистов реакционные силы, выдают страх империалистов перед коммунистической партией, влияние которой крепнет в массах трудящихся США.

Тщетны усилия заокеанских подражателей Гитлера «уничтожить» коммунистическую партию. Нынешних «искоренителей» коммунизма в США ожидает не менее позорная участь, чем та, которая постигла их предшественников — Гитлера, Муссолини, японских самураев и Чан Кай-ши.

«Марксизм, — говорит товарищ Сталин, — есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить

рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно»¹.

Драконовский приговор судьи Медины по «делу» руководителей коммунистической партии вызвал в США и во всем мире волну возмущения. Сознательные слои американских трудящихся справедливо видят в коммунистах своих самых верных и стойких защитников от угрозы новой войны. Поэтому движение в защиту коммунистической партии все шире распространяется в массах американских трудящихся. 1200 делегатов, собравшихся в октябре 1949 г. на Всеамериканскую конференцию прогрессивных профсоюзов в защиту мира в Чикаго, от имени передовых слоев народа Америки заявили, что защита коммунистической партии является первой линией обороны мира, демократии и прав профсоюзов от наступления фашизма. В защиту компартии выступают многочисленные общественные организации США: прогрессивная партия, Американский всеславянский конгресс, Национальный совет работников науки, искусства и свободных профессий, прогрессивные профсоюзные объединения, негритянские организации и другие. Со всех концов страны в министерство юстиции, в Белый дом идут телеграммы, требующие прекратить травлю коммунистов, освободить Денниса.

Эти протесты свидетельствуют, что несмотря на невиданную по своим масштабам антикоммунистическую истерию, заокеанские подражатели Гитлера не сумели добиться решающих успехов в достижении своих преступных целей.

Антифашистские, антивоенные настроения все более глубоко проникают в массы американского народа. Преодолевая усиливающийся политический террор, народные массы США развертывают борьбу за мир. Характерно, что число подписей под Стокгольмским Воззванием в США после начала войны в Корее резко возросло. К началу ноября 1950 г. 2,5 миллиона американцев поставили свои подписи под этим Воззванием. Поджигатели войны испытывают все большую тревогу в связи с усиливающимся движением американского народа за мир. Репрессии, запугивания сторонников мира — наглядное свидетельство этого страха.

И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 597.

Подавляющее большинство американцев ненавидит войну, стремится к миру. Такая позиция американского народа является серьезным препятствием для поджигателей войны, пытающихся свергнуть страну в пучину фашизма и войны.

«Серьезное ущемление в Соединенных Штатах гражданских свобод, в особенности после окончания войны,— пишет Уильям Фостер, — представляет большую опасность, но Соединенные Штаты отнюдь еще не вступили в стадию фашизма. Да мы, коммунисты, и не считаем фашизм в Америке неизбежным. Широкий подъем народного движения во время последних президентских выборов убедительно доказал обоснованность нашей веры в демократические силы американского народа».

Книга Альберта Кана еще более выиграла бы, если бы она показала эти крепнущие демократические силы Америки.

В книге имеются и другие недостатки. Нельзя, например, признать правильной оценку, которую дает автор покойному президенту Франклину Рузвельту в ряде мест книги, называя его «поборником прав маленьких людей и всех обездоленных, защитником интересов народа». Кан идеализирует, приукрашивает мероприятия «нового курса» внутри страны, изображая «новый курс» как политику, проводившуюся в интересах народа. Автор не учитывает того несомненного факта, что политика «нового курса» была вызвана экономическим кризисом, потрясшим в 1929—1932 гг. здание американского капитализма. Политика «нового курса» была, по выражению товарища Сталина, попыткой «разделаться с кризисом на основе частно-капиталистической деятельности, не меняя экономической базы» (И. В. Сталин, Вопросы ленинизма).

Многие факты, приводимые самим Каном в книге, опровергают ту идеализированную оценку, которую он дает Рузвельту и его «новому курсу».

Автор не дает точной оценки политики американского правительства во время войны. В книге правильно отмечается, что, в то время как империалисты Уолл-стрита видели в войне лишь средство извлечения грабительских сверхприбылей, американский народ энергично выступил на борьбу с фашизмом. Однако Кан не показы-

вает, что антифашистский боевой дух американского народа обусловил включение США в войну против стран агрессивного блока; что, с другой стороны, соблюдая интересы своих хозяев, магнатов Уолл-стрита, правительство США заодно с Черчиллем всячески затягивало открытие второго фронта, а там, куда вступали американские войска, старалось поставить у власти и поддерживало явно реакционные профашистские элементы.

«Политика откладывания второго фронта была отнюдь не случайной. Она питалась устремлением тех реакционных кругов в Англии и Соединенных Штатах, которые преследовали свои цели в войне с Германией, не имевшие ничего общего с освободительными задачами борьбы против германского фашизма. В их планы не входила задача полного разгрома германского фашизма. Они были заинтересованы в подрыве мощи Германии и, главным образом, в устранении Германии как опасного конкурента на мировом рынке, исходя из своих узкокорыстных целей. Но в их намерения отнюдь не входило освобождение Германии и других стран от господства реакционных сил, являющихся постоянными носителями империалистической агрессии и фашизма, как не входило и осуществление коренных демократических преобразований.

Вместе с тем, они строили расчеты на ослабление СССР, на его обескровление и на то, что в результате изнурительной войны СССР надолго потеряет свое значение как великая и мощная держава и попадет после войны в зависимость от Соединенных Штатов Америки и Великобритании»¹.

Наконец, следует внести еще один корректив к выводам Альберта Кана. События последнего времени внесли полную ясность в вопрос о бывшем лидере прогрессивной партии США Генри Уоллесе. В свете пожара войны в Корее политическая физиономия Уоллеса окончательно прояснилась. Демагогическим выступлениям Уоллеса с критикой внешнеполитической линии Трумэна — Ачесона пришел конец. Уоллес встал на путь поддержки агрессивной войны в Корее, выступил против решения исполкома прогрессивной партии, осуждающего эту войну, и порвал с прогрессивной партией.

---

¹ «Фальсификаторы истории» (Историческая справка).

На состоявшемся в ноябре 1950 г. в Варшаве Втором Всемирном конгрессе сторонников мира была сорвана маска «прогрессивного деятеля» и с достойного партнера Уоллеса — Джона Рогге. Конгресс полностью разоблачил и осудил провокационную деятельность этого «слупи двух господ» — адвоката и платного агента империалистов Уолл-стрита и антинародной клики Тито — Ранковича.

Мы указали на некоторые существенные недостатки в книге Альберта Кана. Однако эти недостатки не умаляют основного достоинства книги: смелого, гневного разоблачения агрессивного американского империализма — этого злейшего врага всех свободолюбивых народов.

Несомненно, что книга «Измена родине» принесет существенную пользу тем, кто стремится познать современную Америку, кто посвятил себя благородной борьбе против американских поджигателей войны, за мир и демократию.

В. Корионов.

ПОСВЯЩАЮ СВОЕЙ МАТЕРИ,
ОТДАВШЕЙ СЕРДЦЕ НАРОДУ

Альберт Кан

ИЗМЕНА
РОДИНЕ

Автор не выдумал ни одного из инцидентов и диалогов, приводимых в настоящей книге. Весь материал заимствован из различных документов, ссылки на которые даются в тексте.

Название этой книги — «Изнамена родине» — не должно наводить читателя на мысль, что кто-либо из упоминаемых ниже людей виновен в измене по отношению к правительству США. Название книги вытекает из ее основной идеи, которая сформулирована в предисловии автора. В тех же случаях, когда фигурирующие в книге личности действительно изменяли правительству США, автор подтверждает это конкретными фактами.

*Самый подлый из изменников тот,
кто изменяет человечеству.*

Джемс Рассел Лоуэлл

Настанут дни, когда народ привыкнет
Хранить свой прошлый опыт и на нем учиться,
Когда он долго, долго помнить будет,
Кто и когда его дурачил, грабил, мучил.
Никто тогда на свете не посмеет
Произносить слова «простой народ»
С насмешкой в голосе, с презрительной улыбкой.
Тогда наступит власть народа, масс.

Карл Сандберг

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Об измене

Самая преступная из измен — это измена народу, а не правительству.

Измена народу совершается самыми разнообразными способами. Угнетение народа путем насилия, террора и инквизиции; экоплоатация, ограбление и разорение миллионов людей; провозглашение деспотических законов и использование судов как орудия подавления; лживая пропаганда, натравливание одной части народа на другую, войны и иные чудовищные деяния современных алхимиков, превращающие человеческую кровь в золото, — все это различные формы измены народу.

А за всем этим кроется отчаянное стремление привилегированного меньшинства сохранить за собой власть и добиваться новых привилегий ценой страданий большинства народа.

Измена народу — не новое дело в нашем мире. Она омрачала собой все известные нам этапы истории человечества. Но теперь, когда народ достиг небывалой мощи, когда его стремление к лучшей жизни уже ничем нельзя заглушить, меньшинство действует все отчаяннее и безжалостнее в своем стремлении поработить большинство. Фашизм и является порождением этой безжалост-

ности и отчаяния. Немецкие граждане, активно выступавшие против гитлеровского режима, были не изменниками, а настоящими патриотами; изменником было гитлеровское правительство.

Настоящая книга рассказывает об измене, совершенной по отношению к американскому народу. Ее нельзя назвать материалом для легкого чтения. Описание преступлений и заговоров против народа глубоко потрясает рядового американца. Тем не менее совершенно необходимо, чтобы американцы уяснили себе, какими методами действовали изменники в прошлом и чем они угрожают нам в настоящее время. От уяснения этого будут в значительной степени зависеть судьбы американской демократии и всеобщего мира.

Я написал эту книгу в надежде, что она поможет американцам понять все это и поднимет их на борьбу против растущей в нашей стране опасности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эпоха террора

ВОЙНА В ДНИ МИРА

...Отдай мне тех своих сынов,
Кто беден, кто устал, кто крова не имеет,
Кто изнемог в борьбе с житейской суетой,
Чья грудь без воздуха день ото дня слабеет.
Зажгла светильник я пред дверью золотой.

Из стихотворения Эммы Лазарус «Новый
колосс», высеченного на цоколе статуи
Свободы в Нью-Йорке.

1. Мрачные последствия

Спустя год после окончания войны, в одно холодное и пасмурное декабрьское утро, незадолго до рассвета тщательно охраняемое транспортное судно, стоявшее под дулами орудий форта Уодсуорт, подняло якорь и покинуло нью-йоркскую гавань при весьма странных и таинственных обстоятельствах. Даже капитан не знал, куда оно направляется: он получил инструкции в запечатанном пакете, который имел право вскрыть только через 24 часа после отплытия. Место назначения судна было известно лишь нескольким видным деятелям правительства Соединенных Штатов.

Всю эту долгую и беспокойную ночь пирс был оцеплен вооруженными до зубов солдатами. По палубам корабля тоже расхаживали патрули, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. На корабле находились специальный отряд морской пехоты, несколько представителей министерства юстиции и видный офицер разведки генерального штаба американской армии. Перед отплытием всему экипажу были розданы револьверы...

Корабль вез необычайный груз: 249 уроженцев России, которые были арестованы агентами федеральной полиции во время внезапно проведенных по всей стране облав и доставлены под стражей на остров Эллис для последую-

шей высылки. По словам представителей министерства юстиции, арестованные являлись «руководителями и вдохновителями ультрарадикального движения» и «советскими агентами» и «тайно замыслили свергнуть правительство Соединенных Штатов».

В то время как на тихих улицах еще не проснувшегося Нью-Йорка гасли фонари, корабль с высылаемыми медленно удалялся от маячившей в утренней полумгле статуи Свободы, направляясь в открытое море.

Корабль этот назывался «Буфорд».

Тем читателям, которые уже не помнят крикливых газетных заголовков, возвестивших об отплытии «Буфорда», следует напомнить, что это небывалое плавание имело место не после второй мировой войны, а год спустя после первой.

«Буфорд» отплыл из Нью-Йорка 21 декабря 1919 г.¹

Мировая война закончилась, но подписание перемирия 11 ноября 1918 г. еще не принесло мира.

В этот долгожданный день, официально ознаменовавший конец казавшегося нескончаемым четырехлетия страданий и разрушений, когда желанное слово «мир» с быстротой молнии облетело всю страну, когда в каждом городе, в каждой деревне улицы оглашались неистовым воем сирен, ревом гудков и звоном колоколов, а десятки тысяч людей плясали от радости прямо на улицах, — в этот день президент Вудро Вильсон, сидя за своим письменным столом в Белом доме, писал торжественное и радостное послание к американскому народу:

«Мои соотечественники! Сегодня утром подписано перемирие. Свершилось все то, за что Америка сражалась. Теперь на нас лежит радостная обязанность — содействовать своим примером, разумным дружеским советом и материальной помощью установлению справедливой демократии во всем мире».

Как в Европе, так и в Америке эти донкихотские высказывания президента Вильсона стали предметом ожив-

---

¹ Пройдя под конвоем английского эсминца пролив Паде-Кале и выйдя через Кильский канал в Балтийское море, «Буфорд» 17 января 1920 г. оставил свой живой груз в финском порту Ханко. Правительство Финляндии немедленно доставило высланных к русской границе и там передало их советским властям.

ленного обсуждения. В декабре 1918 г. сам Вильсон — высокий, тощий, украшенный очками профессор Принстонского университета — прибыл в Европу для участия в Парижской мирной конференции. Истомленные войной массы горячо приветствовали его, как нового Моисея, который поведет человечество в обетованную землю мира и братской любви.

И все же, как это было ни невероятно, прошло несколько недель, и радужные видения, порожденные волшебными словами Вильсона, рассеялись. Их сменили зловещие предзнаменования бурных и трагических событий.

«Теперь ясно, — писал в своем дневнике 3 марта 1919 г. главный советник и ближайший поверенный Вильсона полковник Хауз, — что мир будет не таким, каким он мне рисовался, и не таким, каким ему следовало бы быть после этих ужасных потрясений».

На строго засекреченных совещаниях Большой четверки в одном из кабинетов французского министерства иностранных дел быстро всплыли на свет подлинные цели, за которые гибли миллионы людей, месивших грязь на полях Европы.

Связанные тайными договорами и торговыми соглашениями, горя нетерпением переделить мировые рынки и раскромсать на части Германскую империю, Давид Ллойд-Джордж, Уинстон Черчилль¹, Жорж Клемансо и Витторио Орландо, не теряя времени, отмахнулись от пышных фраз мирных предложений Вильсона и занялись практическим делом.

«Старые политики, которые вели свою политическую игру еще до войны, ставя на карту чужие жизни ради приобретения территории, выгодных рынков, нефтяных месторождений, угольных станций, закабаления туземных народов и поддержания престижа своих империй, — писал известный английский военный корреспондент сэра Филип Гиббс, — теперь расхватывали с кона проигранное немцами, когда их последние козыри были биты, и ссорились из-за дележа добычи».

Разногласия возникли и в связи с другими вопросами, обсуждавшимися на мирной конференции.

---

¹ Уинстон Черчилль, бывший в то время английским военным министром, в феврале 1919 г. временно заменял премьер-министра Ллойд-Джорджа в качестве представителя Англии на Парижской мирной конференции.

Мировая война принесла не только гибель и увечья миллионам людей, разрушения и эпидемии, голод и нищету. Из этой катастрофы родилось гигантское, неожиданное и непредвиденное движение народных масс, которые восстали против страданий и кровопролития, требуя мира, хлеба, земли и ликвидации старого порядка.

«Вся Европа прониклась революционным духом... — писал в секретном меморандуме английский премьер Ллойд-Джордж, обращаясь к мирной конференции.— Массы населения всей Европы поднимаются против существующего политического, социального и экономического порядка».

Как подавить этот «революционный дух» и отстоять статус-кво? Как ликвидировать Советы в Берлине и Гамбурге, в Баварии и Венгрии? Эти вопросы не давали спать парижским миротворцам.

Но важнее всего для них был вопрос о том, как раздавить русскую революцию, которая 7 ноября 1917 г. установила советскую власть.

В полуофициальной «Истории мирной конференции», изданной Британским Королевским институтом международных отношений, говорится:

«Русская проблема оказывала огромное влияние на Парижскую мирную конференцию. Париж нельзя понять, если не помнить о Москве. Большевики и большевизм оказывали огромное влияние на конференцию на всех ее этапах, хотя они там и не были представлены. Россия играла в Париже более важную роль, чем Пруссия».

«Большевизм распространяется, — встревоженно предостерегал мирную конференцию состарившийся «тигр», французский премьер Клемансо.— Он вторгся в Прибалтику и Польшу... Мы получили очень неприятные сведения относительно его проникновения в Будапешт и Вену. Италия тоже под угрозой... Поэтому против большевизма необходимо что-то предпринять!»

И кое-что предпринималось. Хотя мир был уже объявлен, десятки тысяч солдат союзнических войск плечом к плечу с контрреволюционными белыми армиями, во главе которых стояли бывшие царские генералы, продолжали вести необъявленную кровопролитную войну на территории России, стремясь свергнуть молодое советское правительство.

«Большевизм хуже войны», — заявил на мирной конференции председатель Американской администрации помощи (АРА) Герберт Кларк Гувер¹.

Шестой из 14 пунктов Вильсона требовал «эвакуации всей русской территории» и предоставления России возможности «самостоятельно определить пути своего политического развития и свою государственную политику». Но в Париже Вильсон капитулировал перед сторонниками интервенции. За день до своего отъезда в Америку он заметил: «Я уже сказал, как я поступил бы, если бы решал один. Тем не менее я буду голосовать за то же, за что голосуют остальные».

Вернувшись в Америку, президент Вильсон представил Версальский договор на рассмотрение сената. Не желая признаться ни самому себе, ни другим в провале своей миссии и в том, что условия мирного договора несправедливы, Вильсон ораторствовал:

«Наш путь ясен! Перед нами раскрыто будущее! Все это произошло не по нашему замыслению, а по воле господ, который повел нас на войну... Теперь мы можем идти только вперед с просветленной

---

¹ К лету 1919 г. на территорию Советской России вторглись без объявления войны вооруженные силы 14 держав (Англии, Франции, Японии, Германии, Италии, Чехословакии, Сербии, Китая, Финляндии, Греции, Польши, Румынии, Турции и Соединенных Штатов).

Интервенция и гражданская война в России закончились лишь летом 1921 г., когда Красная Армия окончательно разгромила интервентов и их союзников — белогвардейцев.

Хотя большинство историков обходит это обстоятельство молчанием, необходимо помнить, что за два с половиной года интервенции и гражданской войны в России погибло от военных действий, голода и болезней около 7 млн. мужчин, женщин и детей.

Материальный ущерб, понесенный Россией, был позднее оценен советским правительством в 60 млрд. долларов. Однако интервенты не уплатили никаких репараций.

Уинстон Черчилль, лично руководивший военными действиями союзников против Советской России, писал впоследствии со своей обычной грубоватой иронией в книге «Мировой кризис»: «Воевали ли союзники с Россией? Конечно, нет, но они стреляли в советских граждан без предупреждения. Они пришли в Россию как захватчики. Они вооружали врагов советского правительства. Они блокировали русские порты и топили русские военные суда. Стремясь добиться свержения советского правительства, они вели против него интриги. Но воевать? — «ужасно!» Вмешиваться? — «позор!». Нам безразлично, твердили они, как русские урегулиру-

душой и устремленными ввысь очами, следуя божественному предназначению».

Но теперь вильсоновское красноречие ни на кого не действовало. Сенатская комиссия по иностранным делам, возглавляемая старым твердолобым изоляционистом Генри Каботом Лоджем, начала кромсать и исправлять мирный договор, сосредоточив основной удар на Уставе Лиги наций.

***

Ни в Европе, ни в Америке (подписание перемирия не принесло мира).

Пока президент Вильсон разъезжал по стране, произнося страстные речи в защиту своих планов установления всеобщего мира, страну потрясали бурные конфликты и ожесточенная борьба в промышленности.

Наступившее во время войны непрочное перемирие между трудом и капиталом вдруг закончилось. Руководители Американской федерации труда повторяли еще на все лады вильсоновский лозунг «промышленной демократии» и предсказывали наступление «новой эры» для рабочего класса США, как вдруг в основных отраслях

ют свои внутренние дела. Они были беспристрастны, чорт возьми!»

5 сентября 1919 г. сенатор Вильям Бора заявил в американском сенате:

«Господин президент, мы не находимся в состоянии войны с Россией: конгресс не объявлял войны ни русскому правительству, ни русскому народу. Американский народ не желает воевать с Россией... И все же... мы воюем с русским народом. Мы держим в России армию; мы снабжаем находящиеся в этой стране вооруженные силы других государств военными материалами и продовольствием... У нас нет ни юридического, ни морального права убивать этих людей. Мы нарушаем непреложный принцип свободы выбора формы правления».

Руководимая Гербертом Рувером Американская администрация помощи (АРА) направляла все предназначенное для России продовольствие на территорию, оккупированную войсками Юденича и других бывших царских и белогвардейских генералов, но не посылала ничего на советскую территорию, где в это время сотни тысяч людей умирали от голода. АРА организовала также поставки военного снаряжения для белых армий. В конце концов, после окончания интервенции и гражданской войны в России под давлением американского общественного мнения была начата отправка продовольствия и в голодавшую Советскую Россию.

«Американская политика в период ликвидации перемирия, — писал Герберт Гувер Освальду Гаррисону Вилларду 17 августа 1921 г., — всецело сводилась к тому, чтобы всеми возможными средствами предотвратить большевизацию Европы...»

промышленности началась бурная кампания, имевшая целью свести на нет уступки, которых рабочие добились во время войны, и подавить профсоюзы¹.

«Я считаю, что в далеком прошлом существование профсоюзов еще можно было оправдать, — заявил на собрании акционеров председатель правления стального треста «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» судья Эльберт Х. Гэри. — Но... в настоящее время, по мнению подавляющего большинства предпринимателей и рабочих, нет никакой надобности в них... Самое существование и деятельность профсоюзов, по крайней мере в США, наносят ущерб коренным интересам рабочих, предпринимателей и народа в целом».

Газета «Миннесота бэнкер» писала в передовой статье:

«Ценность системы «открытых цехов» с экономической точки зрения не вызывает сомнений... За систему «закрытых цехов» рьяно борется радикальное крыло рабочего движения. Ввести систему «открытых цехов» легче всего путем устранения радикальных элементов из рабочих организаций... а там, где их позиции слишком сильны, добиться этого, в конечном счете, можно лишь путем применения силы».

Председатель «Нэйшнл фаундерс ассосиэйшн» Уильям Х. Барр подытожил положение одной выразительной фразой: «Заработную плату военного времени надо ликвидировать!» Но американские рабочие не спасовали перед этим дружным наступлением на их жизненный

---

¹ В интересах ведения войны те отрасли промышленности, которые, выражаясь словами профсоюзных историков Зелига Пэрлмана и Филипа Тафта, «в погоне за военными прибылями пустились в отчаянную конкуренцию за рабочую силу», пошли на большие уступки профсоюзам: они подняли заработную плату и сократили рабочий день. Рабочие массами вступали в профсоюзы. С 1913 по 1920 г. численность профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда, возросла с 1 996 000 до 4 078 000 человек.

Но несмотря на успехи, достигнутые организованными рабочими во время войны, к концу ее большинство американских рабочих находилось еще в чрезвычайно тяжелом положении. В сталеплавильной промышленности, например, в 1919 г. рабочие не имели выходных дней, а многие из них работали от 12 до 14 часов в день. В докладе следственной комиссии, назначенной Всемирным межцерковным объединением, условия труда в сталеплавильной промышленности в 1919 г. оценивались следующим образом:

«...12-часовой рабочий день — это совершенно неоправданное варварство, губительное для рабочих и для всей страны».

уровень и на профсоюзы. По стране прокатилась волна забастовок.

В январе 1919 г. в знак протеста против снижения заработной платы забастовали судостроители Сиэттля (штат Вашингтон), а еще через три недели вся жизнь города была парализована всеобщей забастовкой. В последующие месяцы из штата в штат перекачивалась волна забастовок печатников и строителей, телефонисток и железнодорожников, портовых грузчиков, шоферов и текстильщиков. Стаечная волна достигла своей высшей точки в сентябре и октябре, когда работу прекратили почти 350 тыс. рабочих сталеплавильной промышленности и полмиллиона горняков; общее число бастующих в стране перевалило за два миллиона...

«Это не что иное, как открытая и наглая революция», — гласил заголовок одного из сообщений о стачке горняков в декабрьском номере журнала «Эмплоер», органа Ассоциации предпринимателей штата Оклахома, В том же номере журнала ставился вопрос: «Кто причинил Америке больше зла: Гинденбург и Людендорф или Льюис и Фостер?»¹

Подавление стачек было поручено федеральным войскам, милиции штатов, муниципальной полиции и целым армиям штрейкбрехеров и наемных убийц, состоявших на службе у предпринимателей. Во многих промышленных центрах было объявлено военное положение. В угольных районах происходили ожесточенные бои. В одном таком бою в западной части штата Вирджиния против бастующих горняков, взявшихся за оружие для отпора наемным убийцам, выступавшим в качестве штрейкбрехеров, было направлено около 1500 вооруженных полицейских и 2000 солдат федеральной армии. В жарких схватках при подавлении выступлений рабочего класса были убиты и ранены сотни людей.

Применение после войны насильственных мер с кровавыми последствиями не ограничивалось областью взаимоотношений между рабочими и предпринимателями.

---

¹ Имеются в виду Джон Л. Льюис, который в то время исполнял обязанности председателя Объединенного профсоюза горняков США, а впоследствии стал его председателем, и Уильям З. Фостер, бывший тогда секретарем Национального комитета по организации рабочих сталеплавильной промышленности и руководивший крупной забастовкой сталеплавильщиков. Впоследствии он стал председателем коммунистической партии США.

«За этот год (1919), — пишет известный ученый Дюбуа в своей книге «Предрассветная мгла», — крупные и мелкие столкновения на почве расовой вражды происходили в 26 городах США. При этом в Чикаго во время августовского погрома было убито 38 человек, в округе Филлипс штата Арканзас — от 25 до 50 человек и в Вашингтоне — 6 человек».

Губернатор штата Джорджия Хью Дорси заявил на собрании граждан города Атланты: «Из некоторых округов негров изгоняют, как диких зверей, в других их держат на положении рабов, а кое-где их и вовсе не остается».

Массовый террор, направленный против негров, принял самые острые формы в округе Филлипс штата Арканзас.

Задавленные режимом долгового рабства, царившим на феодальных плантациях, негры—сборщики хлопка — организовали Союз прогрессивных фермеров, надеясь таким образом улучшить недостойные человека условия своей жизни и труда. Плантаторы и местные власти сразу же принялись беспощадно громить эту организацию. Членов союза систематически выслеживали, бросали в тюрьмы, расстреливали, линчевали. Проникшиеся мужеством отчаяния, негры вооружались, организовывали тайную вербовку новых членов в свой союз и отбивали атаки под лозунгом: «Мы еще только начали!».

В округ Филлипс были спешно двинуты федеральные войска с пулеметами. Сотни негров были арестованы и брошены в тюрьмы. После судебных процессов, которые длились буквально по несколько минут, 11 негров было приговорено к смертной казни, 9—к заключению в тюрьму на 21 год и 122 — к различным другим мерам наказания.

Союз прогрессивных фермеров был разгромлен.

25 августа 1919 г. член палаты представителей от штата Южная Каролина Джемс Бирнс заявил в палате:

«Ни один негр, снедаемый желанием добиться политического равноправия, не найдет себе на Юге работы. Это—страна белых, и страну белых она останется навсегда»¹.

---

¹ О деятельности Джемса Бирнса в качестве государственного секретаря США после второй мировой войны см. часть четвертую настоящей книги.

Для послевоенной обстановки в Америке были характерны и другие мрачные черты. Фредерик Льюис Аллен пишет в своей книге «Только вчера»:

«Если американцы в течение десятка лет после войны не соглашались с соображениями Вудро Вильсона относительно Лиги наций, это происходило не только потому, что им надоело путаться с границей. Ими руководили и другие соображения. Они верили отвратительным слухам о страшном заговоре радикалов против правительства Соединенных Штатов и всех американских установлений. Они напряженно прислушивались, не взрываются ли где-нибудь неподалеку большевистские бомбы, не идут ли большевистские армии. Они всерьез ожидали—и это относится к миллионам людей, которые во всем остальном проявляли безупречное благоразумие,— что красная революция начнется в Соединенных Штатах уже в будущем месяце, уже на следующей, неделе...».

2. Тайны министерства юстиции

К концу 1919 г. заместитель начальника Бюро расследований министерства юстиции¹ Франк Берке направил всем агентам федеральной полиции в США срочную и совершенно секретную директиву. В этой директиве говорилось, что министерство юстиции готовится организовать по всей стране десятки полицейских облав, чтобы выловить всех «коммунистов» и «радикалов-иностранцев».

«Вам будет точно указано по телеграфу, — писал Берке, — в какой день и час произвести аресты».

Берке писал агентам министерства юстиции, что их шпионы-осведомители и провокаторы, засланные в «коммунистические группы», должны принять все меры к тому, чтобы в назначенный для облав вечер эти организации проводили у себя собрания. Берке поучал:

«Если возможно, договоритесь со своими секретными осведомителями о том, чтобы в назначенный вечер состоялись собрания организаций коммунисти-

---

¹ В 1924 г. оно было переименовано в Федеральное бюро расследований (ФБР).

ческой партии и коммунистической рабочей партии¹... Это, разумеется, поможет провести аресты».

В заключение Берке писал:

«В ночь, на которую будут назначены аресты, наше управление будет открыто до утра, и вы должны будете связываться по телефону с г-ном Гувером по всем особо важным или интересным вопросам, которые могут возникнуть во время арестов.

На следующее утро после арестов вышлите в управление с нарочным полный список арестованных лично на имя г-на Гувера. Кроме того, на следующее утро после арестов подробно сообщите телеграммой на имя г-на Гувера о результатах облав, указав общее число арестованных членов каждой из этих организаций, а также сообщив об интересных уликах, найденных при арестах».

Г-н Гувер, о котором говорилось в этой директиве, был не кто иной, как Джон Эдгар Гувер.

Этот коренастый круглолицый молодой человек с коротко стриженными черными волосами и невыразительными черными глазами посещал вечерние лекции по юриспруденции при университете имени Джорджа Вашингтона. Во время войны он поступил на маленькую должность в министерство юстиции. Ловкий и честолюбивый, он быстро делал карьеру. В 1919 г., в возрасте 25 лет, он был назначен начальником вновь созданного довольно таинственного отдела общей информации бюро расследований министерства. На этом посту Гувер выполнял важные задачи по руководству деятельностью отдела, направленной «против радикалов». Официально он занимал пост «специального помощника министра юстиции».

Тогдашний министр юстиции Митчелл А. Пальмер лежал широкие замыслы. Он знал, что Вильсон тяжело болен, и был не прочь пометать о роли кандидата на пост президента от демократической партии на выборах 1920 г. Пальмер понимал, что исполнение этих мечтаний

---

¹ Коммунистическая партия и коммунистическая рабочая партия возникли в сентябре 1919 г. после раскола в социалистической партии. Впоследствии обе эти группы объединились, образовав рабочую (коммунистическую) партию Америки. В 1928 г. она стала называться Коммунистической партией Соединенных Штатов Америки.

зависело в значительной степени от его общественной известности, — а как было ему обеспечить себе такую известность, если не через руководство крестовым походом против «подрывных элементов», угрожающих «самоу существованию республики»?

Миллионы американцев называли красивого, безупречно одетого министра юстиции «воинствующим квакером». Он был одним из самых сладкоречивых поборников демократии и гражданских прав. «Существование республики, — декламировал он, — основывается на свободном распространении идей и на гарантиях свободы слова, печати и собраний».

Массовые облавы и поголовные аресты? Но ведь они именно для того и были нужны, заверял министр юстиции, чтобы уберечь конституцию и защитить американцев от «иностранных агитаторов... стремящихся разрушить их домашние очаги, их религию и их страну».

Наряду с тревогой за судьбу конституции, о чем Пальмер твердил много раз, и с важным значением этих налетов для его репутации у него были и другие сугубо личные причины добиваться крестового похода против радикалов. Дело в том, что Пальмер состоял директором банка «Страудсбург нэйшнл бэнк», компаний «Скрэнтон траст», «Ситизенс гэс», «Интернэйшнл бойлер» и различных других подобных предприятий.

На протяжении весны и лета 1919 г. в министерстве юстиции втихомолку разрабатывались детальные планы атаки всеми силами на «радикальное движение». Под руководством министра юстиции Пальмера, начальника бюро расследований Уильяма Флинна и начальника отдела общей информации Дж. Эдгара Гувера сотни специальных оперативных агентов, шпииков и платных осведомителей хлынули в организации иммигрантов и левых элементов, в прогрессивные организации и профсоюзы по всей стране. Усердно собирая данные о «радикалах» и «профсоюзных агитаторах», эта подпольная сеть полицейских агентов и шпииков направляла в министерство юстиции в Вашингтоне непрерывный поток секретных донесений. Здесь эти донесения тщательно сортировались и поступали в возглавляемый Гувером отдел общей информации.

Прошло немного времени, и Пальмер уже был в состоянии доложить комиссии конгресса, что в этом отделе

«создана картотека из более чем 200 тыс. карточек с подробными сведениями не только об отдельных агитаторах, связанных с ультрарадикальным движением, но и об организациях, ассоциациях, обществах, изданиях и об особых условиях, создавшихся в некоторых районах».

Шпикам министерства юстиции было поручено разыскивать «подрывную» литературу. Когда им не удавалось ее обнаружить, они нередко сами занимались ее печатанием и распространением. В одном таком случае частное сыскное агентство, помогавшее министерству юстиции, отпечатало несколько сот экземпляров «Коммунистического манифеста» и через своих сотрудников подбросило эти экземпляры в соответствующие места, чтобы их можно было там обнаружить во время предстоящих облав...

Одновременно специальный отдел пропаганды министерства юстиции засыпал всю страну сенсационными сообщениями о «руководимых Москвой» «большевистских заговорах», направленных на свержение правительства США. Чуть не каждый день этот отдел рассылал газетам сообщения под заголовками: «Министр юстиции предупреждает страну о существовании красной опасности», «Министерство юстиции США призывает американцев остерегаться большевистской угрозы», «Печать, церковь, школа, профсоюзы и организации граждан должны разъяснять подлинные цели коммунистической пропаганды».

***

1 мая 1919 г. был дан внезапный сигнал к началу крестового похода против радикалов.

В то время как рабочие в десятках американских городов праздновали свой традиционный праздник — Первое мая, почтовое ведомство опубликовало сенсационное сообщение, в котором говорилось, что оно раскрыло широкий «большевистский террористический заговор» против жизни нескольких десятков видных американцев. Почтовое ведомство далее сообщало, что оно уже перехватило свыше тридцати посылок с бомбами, причем в числе видных деятелей, которым эти посылки были адресованы, находились якобы и министр почты Альберт Берльсон, и Джон Рокфеллер, и Дж. П. Морган, и сам министр юстиции Пальмер.

Министр юстиции опубликовал личное заявление, в котором заверял народ, что оснований для паники нет: министерство юстиции «справилось с положением».

Через месяц после этого, 2 июня, одновременно в восьми городах произошли взрывы бомб. По сообщениям печати, виновниками этих взрывов были «эmissары большевистского вождя Ленина»¹.

«Почти достоверно известно,— заявил министр юстиции Пальмер,— что в день, о котором мы осведомлены, безумцы, участвующие в этом движении, произведут новую серьезную и даже, вероятно, еще; более крупную попытку осуществить то, что они называют революцией, то есть восстать и одним ударом смести правительство».

В конце лета газета «Нью-Йорк трибюн» поместила сообщение под заголовком: «Охота за красными начинается по всей стране».

Так была подготовлена почва для пальмеровских облав.

3. *Облавы*

7 ноября 1919 г. министерство юстиции выступило в поход. Как писала на следующий день газета «Нью-Йорк таймс», этот день был избран для облав по «психологическим соображениям»: это была «вторая годовщина большевистской революции в России».

¹ Виновники этих удачно согласованных во времени взрывов так и не были обнаружены; власти не нашли даже никаких улик, которые помогли бы опознать их. 4 июня 1919 г. Алджернон Ли, директор школы Рэнд, заявил репортеру газеты «Нью-Йорк трибюн»: «Я убежден в том, что это — провокация... предпринятая с явной целью оказать влияние на государственную комиссию по расследованию действий большевиков и на конгресс при принятии законов, направленных против радикальных организаций».

16 сентября 1920 г. на Уолл-стрит прямо против здания, занимаемого фирмой Дж. П. Морган и К^о, взорвалась бомба огромной силы. Взрывом было убито 30 и ранено несколько сот человек. Как и в предыдущих случаях, никто из виновных не был пойман.

29 лет спустя, 10 октября 1949 г., журнал «Лайф» поместил статью об атомной бомбе под заголовком: «Может ли Россия доставить сюда бомбу?» В качестве иллюстрации к этой статье фигурировала фотография разрушений, причиненных взрывом бомбы в 1920 г. на Уолл-стрите. Под этой фотографией стояла следующая подпись: «В 1920 г. красные взорвали бомбу на Уолл-стрите, убив 30 и ранив несколько сот человек». Однако вопреки этому злобному утверждению, тайна преступления, пишет историк Фредерик Льюис Аллен, «так и осталась тайной».

Агенты федеральной полиции врываются на собрания «радикальных» организаций в Нью-Йорке, Филадельфии, Ньюарке, Детройте и в десятках других городов, арестовывали сотни иммигрантов и коренных американцев и увозили их в тюрьмы,

Характерным примером может служить облава в нью-йоркском «Русском народном доме», который помещался в доме № 133 по 15-й улице и служил школой и клубом для иммигрантов из России.

Агенты федеральной полиции вломились в здание внезапно, без всякого предупреждения, в момент, когда там шли уроки английского языка, арифметики и других предметов. Ошеломленным преподавателям и учащимся, в числе которых находилось много участников войны, недавно демобилизованных из армии США, было грубо приказано выстроиться вдоль стен. Тех, кто с точки зрения участников облавы поворачивался недостаточно быстро, подталкивали и избивали дубинками. Затем громилы стали сбрасывать пишущие машинки на пол, рвать книги, картины, ломать столы, стулья и прочую мебель.

Арестованных преподавателей и учащихся грубо вытолкали из здания. Некоторых буквально сбрасывали с лестницы. На улице арестованных прогоняли сквозь строй полицейских агентов и офицеров, вооруженных дубинками и палками. Затем их бросили в стоявшие наготове полицейские машины. По словам «Нью-Йорк таймс», «многие из тех, кто во время облавы находился в здании, были жестоко избиты полицией. Их забинтованные головы свидетельствовали о жестоком обращении, которому они подверглись... У большинства арестованных были подбиты глаза, изранены головы. Все это было свидетельством новой агрессивной политики, проводящейся теперь агентами федеральной полиции по отношению к красным и к тем, кто подозревается в сочувствии красным».

Газеты всей страны прославляли эти облавы как смертельный удар по «красному революционному заговору в Америке».

Но облавы 7 ноября оказались только первой ласточкой. По словам некоего видного представителя правительства, «ноябрьские облавы были лишь пробой пера — своего рода лабораторным опытом».

Они происходили с перерывами в течение всего ноября и декабря и завершились сенсационной высылкой 249 арестованных иностранцев на пароходе «Буфорд».

Тем временем министр юстиции Пальмер и некоторые из самых доверенных его помощников втихомолку готовили следующий ход.

Облавы показали министру юстиции, что закон 1917 г. об иностранцах, теоретически служивший основанием для его действий, создавал для него излишние неудобства. В силу этого закона нельзя было ни арестовывать иностранцев, ни обыскивать лично их или их квартиры, не имея на это ордеров. Закон требовал также, чтобы вопрос о высылке иностранцев из страны решался в порядке справедливого разбора их дел административными властями, причем они имели право прибегать к помощи адвокатов.

«Эти правила связывают нам руки», — жаловался Пальмер.

Он решил добиться их пересмотра.

Чтобы избежать возражений со стороны тех, кто проявлял чрезмерную щепетильность в юридических вопросах, Пальмер тщательно избегал всякой огласки своих планов. Как сам он впоследствии рассказывал,

«учитывая, что уголовное законодательство Соединенных Штатов не обеспечивает возможности должным образом разрешить вопрос о радикалах, министерство юстиции провело несколько совещаний с представителями министерства труда и добилось удовлетворительного соглашения о порядке осуществления правил высылки»¹.

Совещания, о которых говорил Пальмер, проводились в строгой тайне. В силу «удовлетворительного соглашения», достигнутого Пальмером с исполняющим обязанности министра труда Джоном Эберкромби, правила были изменены: процедура выдачи ордеров на аресты стала проще, и арестованные иностранцы лишились права прибегать к услугам адвокатов. Пальмер предъявил Эберкромби целую кипу отпечатанных на ротаторе бланков «показаний под присягой», якобы устанавливавших

---

¹ До 14 июня 1940 г. Комитет по делам иммиграции был подчинен министерству труда, а затем перешел в ведение министерства юстиции.

виновность лиц, которых он хотел арестовать. Взамен он получил несколько тысяч ордеров на аресты.

Среди участников тайных совещаний представителей министерства юстиции и труда был и специальный помощник министра юстиции Джон Эдгар Гувер...

Впоследствии, когда одно из дел о незаконном аресте иностранцев разбиралось в суде, судья задал уполномоченному по иммиграции Генри Скеффингтону вопрос:

«Получали ли вы какие-нибудь инструкции по этому поводу?»

«У нас была договоренность», — ответил Скеффингтон.

«А письменные инструкции?» — переспросил судья.

«Нет, — ответил Скеффингтон. — Мы совещались в министерстве труда в Вашингтоне с г-ном Гувером».

***

2 января 1920 г., в 8 час. 30 мин. вечера, начались облавы по всей территории США. В семидесяти с лишним городах агенты министерства юстиции в сопровождении полиции штатов и городской полиции врываются на собрания, в частные конторы и квартиры. В Нью-Йорке было арестовано около тысячи человек. По улицам Бостона провели в тюрьму около 400 закованных в наручники мужчин и женщин. Тысячи людей были арестованы в штатах Мэн, Орегон, Нью-Джерси, Калифорния, Огайо, Миссисипи, Иллинойс, Небраска и многих других.

И повсюду участники этих облав вели себя не как блюстители закона, а как банды погромщиков.

В Нью-Йорке агенты федеральной полиции, сыщики и полицейские силой вломилась в помещение центрального комитета коммунистической партии; потрясая револьверами, они арестовали и сфотографировали всех, кто в это время оказался в здании, а затем сорвали со стен портреты Юджина Дебса, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, сделали из них маски, нацепили их на собственные физиономии и в таком виде с шумом носились по всему зданию. В одном маленьком городке в штате Нью-Джерси полицейские агенты случайно наткнулись на комиссию граждан, собиравшую деньги на похороны бедного польского иммигранта; они арестовали на месте всех

членов комиссии и засадили их в тюрьму вместе с другими арестованными «радикалами». Описывая впоследствии облавы в штате Массачусетс, судья бостонского окружного суда Джордж Андерсон рассказывал:

«Принимались всевозможные меры для того, чтобы дать этим облавам широкую огласку, представить дело таким образом, будто государству непосредственно угрожала серьезная опасность, против которой и ополчилось министерство юстиции. Арестованные иностранцы были в большинстве случаев совершенно мирными и безобидными тружениками—многие из них недавно занимались в России хлебопашеством. Но для того, чтобы посадить их в поезд или провести по улицам Бостона, их заковывали попарно в наручники, а затем всех сковывали общей цепью. Лица, арестованные в северной части округа Нью-Гемпшир, были сначала свезены в тюрьму в город Конкорд, а затем в специальном вагоне доставлены в Бостон, причем и они были в наручниках и скованы общей цепью. Когда поезд прибыл на Северный вокзал, фоторепортерам было разрешено снимать этих иностранцев в наручниках и цепях; то же самое происходило на пристани, когда их сажали на паром для отправки в тюрьму на острове Дир...»

Относительно поведения участников облав тот же судья Андерсон заявил:

«Банда остается бандой—все равно, составляют ли ее чиновники, выполняющие указания министерства юстиции, или преступники, лодыри и хулиганы».

Что касается общего числа арестованных, то назывались самые различные цифры. 3 января газета «Нью-Йорк уорлд» сообщала об аресте «2000 красных», участвовавших в «широком заговоре с целью свергнуть правительство». Заголовки в «Нью-Йорк таймс» кричали: «Красные готовили в стране всеобщую забастовку. Арестовано свыше 5000 человек, из них 2635 находятся сейчас в заключении». Выдающийся юрист, сенатор Томас Дж. Уолш из штата Монтана, прославившийся своей честностью и тщательно проверенной точностью своих публичных заявлений, впоследствии говорил, что число арестованных превышало 6 тысяч.

Через несколько дней после облав специальный помощник министра юстиции Дж. Эдгар Гувер заявил представителям печати: «У нас есть все основания ставить вопрос о высылке из страны примерно 3000 из 3600¹ иностранцев, арестованных во время облав на радикалов, недавно проведенных во всей стране». Он обещал, что разбор дел о высылке и самая высылка будут проводиться в самые сжатые сроки.

«По мере разбора этих дел,— заявил Гувер,— мы подготовим к отправке второй «Советский ковчег», потом третий и т. д. — столько, сколько понадобится,— и начнем высылать этих людей, не дожидаясь окончания разбора всех дел»².

Сотни иностранцев и граждан США были взяты под стражу без ордеров на арест. Полиция врывается в частные дома, обыскивала их, не имея ордеров на обыск, и увозила с собой личное имущество арестованных. Во многих случаях ни в чем не повинные люди содержались в тюрьме в условиях строжайшей изоляции: им не разрешалось не только обращаться к услугам адвокатов, но и связываться со своими родными и знакомыми.

«Если бы я мог действовать по собственному усмотрению,— заявил секретарь штата Массачусетс Альберт Лангтри,— я бы каждое утро расстреливал во дворе тюрьмы партию арестованных, а на следующий день разбирали бы их дела в суде, чтобы удостовериться в их виновности».

Ура-патриотический писатель Артур Гай Эмпи заявил: «Мы хотим, чтобы патриоты разделились с большевизмом. Необходимые для этого инструменты можно приобрести в ближайшей оружейной лавке. В отношении красных мой лозунг — высылка или расстрел».

---

¹ Чиновники министерства юстиции называли несколько разных цифр, в том числе 3600.

² Впоследствии, когда Дж. Эдгар Гувер стал директором ФБР и на этом посту приобрел широкую известность, он категорически отрицал свое активное участие в пальмеровских облавах и утверждал, что в свое время он решительно выступал против них. «Я не был согласен с порядком проведения этих облав и остаюсь при своем мнении по сей день», — заявил он в письменном виде корреспонденту «Нью-Йорк геральд трибюн». Это его заявление было опубликовано в газете 16 января 1947 г.

Будь в это время жив бывший министр юстиции Пальмер, заявление Гувера, вероятно, несколько удивило бы его. В 1920 г. Пальмера допрашивала комиссия по регламенту палаты предста-

Большинство американских газет ничуть не возмушались террором, беззакониями и насилиями, творившимися во время налетов. Впоследствии журнал «Эдитор энд публишер» писал в передовой:

«Когда министр юстиции Пальмер предпринял свои так называемые «облавы на радикалов», в Америке нашлось так много газет, одоббивших это позорное проявление мракобесия, что репутация американской печати серьезно пострадала».

В качестве примера общего отношения американской печати к этим событиям можно привести передовую «Нью-Йорк таймс» от 5 января 1920 г., в которой говорилось:

«Если кто-нибудь из нас, стремящихся поскорее покончить с красными, когда-либо сомневался в том, что министерство юстиции действует оперативно, твердо и проявляет плодотворную и разумную энергию в деле подавления этих врагов США, то теперь эти сомневающиеся имеют все основания одобрять и приветствовать действия министерства.

Эти облавы — только начало. За ними последуют другие. Министерство будет неустанно и без предупреждений преследовать и вылавливать тех, кто устраивает заговоры против нашего правительства... Оно будет разворачивать свою широкую плодотворную деятельность».

Несколько лет спустя журнал «Нью Рипаблик» показал, какой широкий размах приняла эта деятельность министерства юстиции в послевоенный период:

«В ту мрачную эпоху Гувер составил списки, в которые было включено полмиллиона лиц, считавшихся опасными в силу того, что они исповедовали «ультрарадикальные» экономические или политические взгляды или вели «ультрарадикальную»

вителей, а в 1921 г. — сенатская комиссия по делам судебных органов. Обе эти комиссии занимались расследованием дела о пальмеровских облавах, и в обоих случаях его специальный помощник Дж. Эдгар Гувер сидел рядом с ним и часто подсказывал ему ответы на вопросы комиссий.

На одном из заседаний сенатской комиссии по делам судебных органов сенатор Томас Уолш спросил у Пальмера, сколько всего было выдано ордеров на обыск. Пальмер ответил: «Я лично не смогу сказать вам, но если вы сообразовоите спросить г-на Гувера, который непосредственно ведал этим делом, он вам ответит».

деятельность, другими словами, в эти списки попал один американец на каждые шестьдесят семей. Гувер опередил Гиммлера на 14 лет».

Но Дж. Эдгар Гувер и его сподвижники опередили тайную полицию гитлеровской Германии не только в деле составления огромных проскрипционных списков «опасных граждан». Было и еще кое-что, и притом бо́лее страшное.

4. Камеры ужасов

Хотя обращение с арестованными во время пальметровских облав было исключительно жестоким, оно бледнеет в сравнении с тем, что этим людям пришлось впоследствии перенести в тюрьмах.

На инсценированных наспех заседаниях Иммиграционного управления, где решался вопрос о высылке арестованных иностранцев, представители министерства юстиции и министерства труда выступали в качестве свидетелей, обвинителей и судей. Перед лицом обвинений в крамольных действиях, выдвинутых разношерстной шайкой шпииков, провокаторов и агентов федеральной полиции, не имея собственных защитников и часто не зная английского языка, арестованные оказывались полностью во власти своих мучителей. Многие, не отдавая себе отчета в своих действиях, подписывали «признания» в том, что они участвовали в заговорах с целью свержения правительства Соединенных Штатов. Другие признавали свою «вину» под пытками. В некоторых случаях, когда арестованные не поддавались запугиванию, их подписи на компрометирующих документах подделывались.

В местных тюрьмах, казармах и так называемых «загонах» заключенные содержались в ужасающих условиях. Все без исключения помещения для заключенных были грязны, переполнены и лишены элементарных удобств. Все заключенные, молодые и старики, мужчины и женщины, зачастую спали на полу без тюфяков и постельных принадлежностей.

Агенты министерства юстиции и полицейские чины зверски избивали и пытали заключенных.

63 рабочих, арестованных без ордеров во время облавы в Бриджпорте (штат Коннектикут), были посаже-

ны в тюрьму в Хартфорде и просидели там пять месяцев, не зная даже, в чем их обвиняют. Скучная пища, которая им выдавалась, была на вкус отвратительной. Заключенные были лишены прогулок; их выпускали из камер лишь «а три минуты в день, чтобы они могли вымыть лицо и руки в грязной раковине. Раз в месяц им разрешалось купаться в ванне.

Заключенных в Хартфорде периодически «допрашивали» агенты федеральной полиции; их зверски избивали и нередко угрожали им смертью, если они не признаются в том, что являются «революционерами».

Один из заключенных, 33-летний механик Семен Нахват, родом из России, впоследствии показывал под присягой:

«На тринадцатой неделе моего заключения агент министерства юстиции Эдвард Дж. Хики вошел в мою камеру и потребовал у меня адрес человека по фамилии Бойко, проживающего в Гринпойнте (Бруклин). Я этого человека не знаю и так и ответил Хики. Тогда он ударил меня кулаком сначала в лоб, потом в челюсть, и я упал. Затем он ударил меня ногой в спину, и я потерял сознание. Хики — плотный мужчина, весит фунтов 200. После этого у меня три недели сильно болела спина»¹.

Другой заключенный, портной из Бриджпорта, пришел в тюрьму навестить друга, и его тут же схватили и арестовали. Позднее он заявил:

«Меня допрашивали шесть человек — очевидно, это были агенты министерства юстиции. Они угрожали мне расправой, если я не буду говорить правду. Один из них принес веревку, накинул ее мне на шею и заявил, что он меня немедленно повесит, если я не скажу, кто ведет собрания и вообще руководит организацией, именуемой «Союзом русских рабочих...»

Четыре камеры хартфордской тюрьмы получили среди заключенных печальную известность как «карцеры».

---

¹ Это заявление, как и другие сделанные под присягой заявления, цитируемые в данной книге, взяты из документа, который был опубликован в мае 1920 г. двенадцатью виднейшими американскими юристами под названием «Американскому народу. Доклад о незаконных действиях министерства юстиции Соединенных Штатов». Подробнее об этом сообщении см. главу II, раздел 1.

В этих камерах одинакового устройства, размером приблизительно в 36 кв. футов, с бетонными стенами и полом, не было ни окон, ни какой бы то ни было мебели. Заключенных, обвиняемых в анархизме или коммунизме, часто запирали группами в 10—15 человек в одну из этих маленьких камер, без вентиляции и освещения. Затем пускалась в ход отопительная система, и заключенные проводили в камере от 36 до 60 часов в абсолютной темноте и при невыносимой жаре. Каждые двенадцать часов дверь камеры на одно мгновение отпиралась, и заключенным давали по стакану воды и по куску хлеба.

Вот как один из людей, испытавших на себе ужасы «карцера», Питер Мусек, описывает эту пытку:

«6 февраля... меня вывели из моей камеры... и привели в другую, в подвале тюрьмы. Низкий потолок едва позволял мне выпрямиться, длина камеры не превышала двух с половиной шагов. В момент, когда меня ввели в нее, я услышал, как тюремщик сказал кому-то: «Поддай ему жару». В камере уже было очень тепло. Но вскоре пол ее сильно нагрелся, и я чуть не изжарился. Я разделся донага, но тем не менее жара была невыносимой... Я снова услышал слова: «Поддай ему еще жару»... Я не в силах был стоять и пролежал на полу до 8 часов утра, когда дверь камеры открылась, и человек дал мне стакан воды и бросил кусок хлеба. Я попросил его вызвать врача, так как чувствовал близость смерти. В ответ он засмеялся и сказал, что я смогу это выдержать, и снова запер камеру... Я испытывал страшную боль в груди. Половина моего тела была обожжена от соприкосновения с горячим полом. Я оставался в камере приблизительно до 8 часов вечера 8 февраля... В камере было так темно, что я не видел собственной руки».

Как и многие другие заключенные, Питер Мусек был арестован только за то, что пришел в тюрьму навестить друга. Никаких обвинений ему не было предъявлено, и 18 марта 1920 г. он был освобожден...

В Детройте 800 мужчин и женщин, арестованных во время облав, были загнаны в темный коридор на верхнем этаже здания федеральной тюрьмы. На всех заключенных имелась одна уборная. Постелью им служили

газеты, пальто и другая одежда. Питались заключенные только тем, что им приносили друзья и родственники.

На седьмой день заключения 128 человек из этой партии арестованных были переведены в здание муниципалитета и посажены в подвал размером 720 кв. футов. Дважды в день им давали по стакану кофе и по два сухаря.

Когда мэр Детройта Джемс Казенс заявил на заседании городского совета, что «в культурном городе этого терпеть нельзя», большинство заключенных было переведено в старые казармы в Форт Вейн...

Одна из самых жестоких пыток, применявшихся в Форт Вейне, состояла в том, что на глазах у заключенных тюремщики избивали их жен и детей, приходивших в тюрьму на свидание.

В качестве примера можно привести случай с заключенным Буковецким. Однажды его вызвали из камеры и сообщили, что его жена и двое детей, двенадцатилетняя девочка и восьмилетний мальчик, пришли его навестить. Ему приказали явиться в канцелярию, которая находилась в том же здании. У дверей канцелярии один из тюремщиков схватил Буковецкого и скрутил ему руки. Два других тюремщика вытащили в коридор жену Буковецкого и его детей. О том, что произошло дальше, рассказывал впоследствии сам Буковецкий:

«Мою жену и детей выволокли из комнаты за руки... Сержант Митчелл втолкнул их в коридор потом подвел мою жену поближе ко мне и стал бить ее кулаком в спину и грудь. Жена и дети заплакали. Я спросил сержанта, не пытается ли он спровоцировать меня на драку. Не отвечая мне, он ударил жену еще несколько раз, и она упала на пол. После этого он выхватил пистолет, Росс взял дубинку, а третий тюремщик, Кларк, появившись в этот момент, ударил меня рукояткой пистолета по голове... Я упал, обливаясь кровью. Моя маленькая дочь Вайолет подбежала к нему, стала гладить его рукой по лицу и упрашивать: «Пожалуйста, не трогайте папу и маму!» Но ни вид крови на полу, ни слезы моей жены и детей ничуть его не тронули».

Буковецкий, шатаясь, поднялся на ноги и бросился бежать вверх по лестнице. Тогда один из тюремщиков

прицелился и выстрелил ему вслед, но промахнулся и ранил другого заключенного...

Доведенные до отчаяния, обезумевшие от постоянного запугивания и пыток, многие из арестованных во время пальмеровских облав не выдержали страшного напряжения.

Один из заключенных на острове Дир покончил с собой, выбросившись из окна пятого этажа. Некоторые заключенные на острове Дир и в других местах сошли с ума.

Шесть заключенных на острове Эллис умерли.

Одного заключенного незаконно продержали в тюрьме без права переписки и свиданий в течение 8 недель. В здании Парк Роу в Нью-Йорке его пытали агенты министерства юстиции, и в конце концов он выбросился — или его толкнули — из окна четырнадцатого этажа¹.

Общее число убитых, искалеченных и сошедших с ума в этот период установить невозможно.

За чудовищные преступления, которые были совершены во время пальмеровских облав под предлогом защиты конституции Соединенных Штатов, не привлекался к суду и не был наказан ни один работник министерства юстиции.

---

¹ Это был анархист Андреа Сальседо, итальянец по происхождению и печатник по профессии. Об этом деле см. также главу IV, раздел 3.

Глава II

МУТНАЯ ВОЛНА

«Г-н председатель! Призрак большевизма бродит по всему миру. Государственные деятели, коммерсанты, священники, плутократы, редакторы газет — все предостерегают человечество, что вот-вот его уничтожит большевизм... Но хуже всего то, что на всякое новое движение, на всякую новую идею, новую мысль, новое предложение немедленно наклеивается ярлык: «большевизм». С человеком, выдвигающим новую идею, теперь уже незачем спорить: достаточно сказать: «Это большевизм».

Из выступления члена палаты представителей
США Мейера Лондона 11 февраля 1919 г.

1. Характер преступления

1 января 1920 г. помощник министра труда США Луис Фрилэнд Пост записал в своем дневнике:

«Некоторые симптомы свидетельствуют о том, что наш строй перестает быть строем свободы. Его превращение в несвободный строй осуществляется под прикрытием решительного «наступления» на «анархистов», причем «анархистом» объявляется почти всякий, кто не хочет, чтобы народом управляли консерваторы и финансисты».

На 72-м году своей жизни этот коренастый человек обладал густой шевелюрой, всклокоченной черной бородой и совершенно не свойственной этому возрасту безграничной энергией и пытливым умом. Он прожил очень пеструю жизнь: побывал адвокатом, журналистом, учителем, лектором, критиком, историком и политическим деятелем. В политике он восставал против традиционных взглядов, в свое время агитировал за единый налог, участвовал в борьбе за другие преобразования и вообще был либералом боевого склада, поборником всякого прогрессивного начинания.

На Поста не повлияла ни паника, ни истерия. В его глазах объявленный Пальмером крестовый поход против «красных» был «проявлением гнусного деспотизма».

И вдруг, совершенно неожиданно для него самого, Посту представилась возможность вмешаться в это дело. Юрисконсульт министерства труда Джон Эбер-кромби, замещавший больного министра труда Вильсона Л., объявил, что он уходит в отпуск. Полномочия министра труда перешли к просвещенному либералу Посту.

Он сразу же взялся за детальное изучение «красных досье» министерства юстиции, послуживших основанием для арестов и высылки. Впоследствии Пост писал в своей книге «Высылочная истерия 1920 года»:

«Окунувшись в эту клоаку, я был ошеломлен. Весь «крестовый поход против красных» оказался колоссальной и жестокой фальшивкой. Если бы факты, о которых меня тогда информировали, получили широкую огласку, общественное мнение без промедления сурово осудило бы и министерство юстиции и организации, помогавшие ему в этом деле».

Для подкрепления своих выводов Пост направил ряд работников министерства труда на места с заданием собрать из первоисточников сведения об обращении с людьми, брошенными в тюрьмы во время пальмеровских облав. Вскоре он стал получать жуткие донесения одно за другим.

Два сотрудника Поста посетили тюрьму на острове Дир. Вернувшись оттуда, они рассказали своему начальнику, как в эту тюрьму свозили арестованных. «На полу образовалась вот такая гора цепей», — сказал один из них, подняв руку примерно на три фута от пола.

«Гора цепей?» — изумленно воскликнул Пост.

Второй сотрудник объяснил ему, в чем дело: «Министерство юстиции приказало провести арестованных по улицам Бостона закованными в цепи. Мы знаем это наверняка, потому что сами видели фотографии группы закованных в цепи арестантов». Он помолчал, потом добавил с кривой усмешкой: «Вообще, с точки зрения внешнего эффекта, нехватало только духового оркестра».

Заручившись обильными доказательствами незаконного характера арестов и высылки, Пост приступил к делу. Он аннулировал 2500 ордеров на аресты и приказал освободить заключенных.

И тут он попал, как он сам впоследствии выразился, под «ураганный огонь» политиканов в конгрессе и газет.

Газета «Нью-Йорк тайме» заявила, что помощник министра труда «выпустил на страну свору врагов народа, в числе которых имеются и лица, укрывающиеся от правосудия». Многие газеты требовали немедленного отстранения Поста от должности.

Председатель комиссии палаты представителей по вопросам иммиграции и предоставления гражданства Альберт Джонсон, выступая в конгрессе, заявил, что Пост является вожаком «красных», подрывающих министерство труда изнутри. Группа членов конгресса внесла предложение о предании его суду за государственное преступление.

Несмотря на свой почтенный возраст, Пост был готов драться за правое дело даже при самых неблагоприятных условиях. Но он знал, что если его обвинят в государственном преступлении, ему потребуются помощь способнейших юристов. А как мог человек, столь ограниченный в средствах, позволить себе обратиться к дороговому адвокату?

Однажды вечером, когда Пост сидел у себя в кабинете в министерстве труда и размышлял над своим положением, к нему явился коммерсант, с которым он как-то случайно познакомился. Звали его И. Т. Гамлак. Он рассказал Посту, что накануне услышал о его затруднениях, что сам он убежденный консерватор и вовсе не собирается защищать радикалов, но как американец он стоит за справедливость...

Далее Гамлак перешел к непосредственной цели своего визита. «В вашем положении, — сказал он, — вам потребуются деньги, вам они будут крайне необходимы, и я пришел сказать вам, что вы можете получить у меня в любой момент 10 тысяч долларов».

Оправившись от изумления, Пост ответил посетителю, что он примет это предложение, так как «понимает, из каких побуждений оно сделано».

На деньги, предоставленные ему Гамлаком, Пост пригласил одного из виднейших американских адвокатов — Джексона Х. Ральстона.

7 мая 1920 г. Пост был вызван на допрос в комиссию по регламенту палаты представителей.

Допрос быстро принял совершенно неожиданный и поразительный оборот. Высокообразованный Пост с его живым умом и страстными демократическими убеждениями оказался не по плечу допрашивателям конгресса. Удачно парируя их вопросы, произнося горячие речи и представляя неоспоримые документы в доказательство каждого своего утверждения, Пост сумел превратить этот суд в суд над своими обвинителями.

Все чаще и чаще Пост вынуждал членов комиссии отмалчиваться. Он красочно описывал многочисленные нарушения конституционных свобод во время пальмеровских облав, сотни незаконных арестов, противозаконные обыски без ордеров, бесчеловечное обращение с арестованными. Пост заявил комиссии, что американские граждане, и в особенности правительственные чиновники, обязаны охранять права иностранцев. «Мы обязаны следить за тем, чтобы они не становились жертвами несправедливости, — подчеркнул Пост. — Если они постоянно живут в нашей стране, они вправе рассчитывать на покровительство нашей конституции, наших законов...»

. Г-жа Вильям Хард писала в «Нью Рипаблик» по поводу показаний Поста:

«73 года жизни¹ не сгорбили его спины, не выбелили его волос. Когда он давал свои показания, казалось, что перед комиссией проходит вереница живых призраков — неосведомленных, гонимых, не понимающих, что с ними происходит, иностранцев. За ними виднелись перетрусившие охранители нашего строя, а еще дальше маячили тени высокопоставленных американизаторов. А на переднем плане стоял маленький хладнокровный и страстный человек, на которого не действовали необузданные эмоции ни той, ни другой стороны, для которого вера в конституцию своей родины была превыше всяких страхов и который умел показывать факты во мно-
— жестве...»

И этот маленький человек со своими фактами вышел победителем. Комиссия решила прекратить дело по обвинению его в государственном преступлении.

«На деле же, — писала по этому поводу газета «Нью-Йорк пост», — Луис Пост заслуживает благодар-»

¹ Здесь г-жа Хард допустила ошибку. Посту было в это время 71 год.

ности всех американцев за свое мужественное и решительное выступление в защиту наших основных свобод. Очень жаль, что он здесь разошелся с г-ном Пальмером, но г-ну Пальмеру нужно жаловаться на конституцию, а не на г-на Поста».

Некоторые другие мужественные патриоты тоже признавали, как и Пост, что под прикрытием крестового похода против «красных» идет наступление на основные устои американской демократии.

В мае 1920 г. двенадцать виднейших американских юристов опубликовали чрезвычайно знаменательную брошюру в 63 страницы под названием «Американскому народу. Доклад о незаконных действиях министерства юстиции Соединенных Штатов». В числе авторов этого доклада были такие видные юристы, как декан Гарвардского юридического института Роско Паунд, профессор права этого же института Феликс Франкфуртер, один из виднейших в стране авторов по государственному праву Захария Чэфи младший, Фрэнсис Шифер Кейн, вышедший в отставку с поста окружного прокурора Филадельфии в знак протеста против пальмеровских облав.

Брошюра, изданная этими юристами, содержала тщательно документированный доклад о противоконституционных действиях министерства юстиции во время пальмеровских облав и глубокий анализ губительных последствий этих действий.

Доклад начинался следующими словами:

«На протяжении более чем полугода мы, нижеподписавшиеся юристы, обязанные своей присягой защищать конституцию и законы Соединенных Штатов, с растущей тревогой наблюдаем, как министерство юстиции непрерывно нарушает и конституцию и законы.

Под предлогом кампании по подавлению деятельности радикальных элементов министерство... занимается незаконными действиями...»

В докладе говорилось, что в своем стремлении убедить американский народ в существовании «красного заговора» против правительства и «представить свою деятельность в благоприятном свете, министерство юстиции превратилось в орган пропаганды и рассылает газетам и журналам в США множество материалов,

предназначенных для того, чтобы настраивать общественное мнение против радикалов».

Переходя к подробному разбору пальмеровских об- лав, авторы доклада сгруппировали различные нарушения конституции министерством юстиции в следующие рубрики: «Жестокие и необычные наказания», «Аресты без ордеров», «Беспричинные обыски и конфискации», «Вынуждение граждан свидетельствовать против самих себя».

«Американский народ, — писали юристы в разделе, озаглавленном «Провокаторы», — никогда не допускал использования тайных провокаторов, что практиковалось в старой России или в Испании. Но министерство юстиции использует таких людей, чтобы провоцировать действия, которые можно было бы назвать преступными...»

В заключение двенадцать виднейших юристов пи- сали:

«Свободные люди уважают справедливость и следуют правде; произволу же они будут противиться вечно...

Теперь, как и в прошлом, было бы ошибкой по- лагать, что кто-либо из слуг народа может безна- казанно присвоить себе неограниченную власть. Та- кое предположение в корне противоречит основному принципу — принципу управления народом с согла- сия самого этого народа. Теперь уже нужно гово- рить не о какой-то смутно представляющейся потенциальной опасности, а о прямом посягатель- стве на самые священные основы нашей консти- туции».

Не менее резкое обвинение содержалось в простран- ном отчете, который был включен в протоколы конгресса председателем сенатской комиссии по расследованию деятельности министерства юстиции сенатором Томасом Дж. Уолшем. Этот документ был озаглавлен: «Противо- законные действия министерства юстиции».

«Авторы критикуемых здесь методов, — говорилось в отчете, — забыли текст билля о правах и совершенно не понимают его духа».

Но печать игнорировала или грубо извращала смысл сенсационных разоблачений и тревожных предостереже- ний, исходивших от людей типа Луиса Ф. Поста, сенато- ра Томаса Дж. Уолша и двенадцати юристов, подписав-

ших доклад «Американскому народу». Их трезвые голоса заглушала истерическая кампания травли радикалов, ненависти и репрессий.

2. «Позорнейшая страница»

Длившаяся несколько месяцев кампания разжигания ненависти к «красным», выступления официальных представителей правительства, пугавших народ революцией, жуткие легенды о террористических заговорах, паника и террор, сопутствовавшие пальмеровским облавам, — все это не могло не сказаться на всей жизни США. Страх перед «красной угрозой» разнесся, как поветрие, по всей стране.

«Бесчисленные... джентльмены вдруг обнаружили, что они имеют возможность расправиться со всем тем, с чем им хотелось расправиться: достаточно изобразить то, что им не нравится как «большевизм», — писал впоследствии историк Фредерик Льюис Аллеи. — Поборники строительства большого военно-морского флота, введения обязательной воинской повинности, установления цензуры печати, антисемиты, негрненавистники, землевладельцы, фабриканты, заправилы монополий — все они драпировались в звездный флаг, рядились в мантии «отцов-основателей» и обвиняли своих противников в единомыслии с Лениным».

Газеты и журналы заполнялись леденящими кровь сообщениями о «большевистских зверствах» в России и о зловещих интригах «платных советских агентов» в Америке. 8 января 1920 г. американская печать преподнесла стране сенсационную новость: агенты министерства юстиции «выслеживают» советского представителя в Соединенных Штатах Людвиг Мартенса, который якобы финансирует «заговор, имеющий целью свергнуть американское правительство»¹. Два дня спустя палата представителей не допустила на заседание члена кон-

---

¹ По просьбе министерства юстиции министерство труда выдало ордер на арест и высылку Мартенса. Обвинение против Мартенса было состряпано Дж. Эдгаром Гувером.

В декабре 1920 г. министр труда Вильсон Л. вынес решение, в котором говорилось, что «лично Мартенс не уличен ни в каких противозаконных действиях». Незаконно выданный Гуверу ордер на высылку Мартенса был аннулирован. В январе 1921 г. Мартенс возвратился в Россию по собственному желанию.

гресса от Милуоки социалиста Виктора Бедгера, заявив, что его «дальнейшее присутствие» в палате «представляет угрозу» этому законодательному органу.

Вскоре после этого законодательное собрание штата Нью-Йорк исключило из своего состава пятерых депутатов-социалистов под тем предлогом, что они являются членами «нелойальной организации, состоящей из одних изменников». «Нью-Йорк таймс» писала по данному поводу: «Это истинно американское решение — патриотическое и консервативное».

В конгрессе находилось на рассмотрении свыше семидесяти законопроектов о «бунтах». Некоторые из них требовали тюремного заключения на срок до 20 лет за «противозаконные высказывания», лишения иммигрантов американского гражданства и высылки из страны за подобные же проступки. Сенатор Кеннет Д. Маккеллар из штата Теннесси предлагал создать на острове Гуам исправительную колонию для коренных американцев, осужденных за «подрывную деятельность».

Почти во всех штатах были изданы законы против «преступного синдикализма», объявлявшие тяжким преступлением пропаганду «революционного» преобразования американского общественного строя. В Западной Вирджинии был принят закон, объявивший преступным всякое учение, проникнутое сочувствием «идеям, враждебным тому порядку, который существует или будет существовать в данном штате в соответствии с его конституцией и законами».

В тридцати двух штатах вывешивание красного флага было объявлено уголовным преступлением. В некоторых из этих штатов стало наказуемым употребление любой эмблемы, независимо от ее цвета, «характерной для большевизма, анархизма или радикального социализма». В ряде штатов считалось судебным наказуемым проступком ношение красного галстука...

Повсюду в стране местные власти и власти штатов ввели проверку «лойяльности» преподавателей и учащихся школ и университетов. По рекомендации комиссии Ласка по расследованию бунтарской деятельности законодательное собрание штата Нью-Йорк приняло закон, требующий, чтобы «учителя государственных школ представляли... специальные свидетельства, удостоверяющие их благонадежность и лойяльность по отношению к вла-

стям штата и всей страны». В этом законе, в частности, говорилось:

«Лицам, не стремящимся бороться против теорий преобразования общества, нельзя доверять задачу подготовки молодежи и взрослого населения данного штата к выполнению своих гражданских обязанностей».

Известных либеральных деятелей того времени, таких, как Джейн Адамс, раввин Стефен С. Уайз, Освальд Виллард и Феликс Франкфуртер, травили как «подголосков красных». Чарли Чаплин, Уилл Роджерс, Норма Толмедж и другие артисты и деятели искусств обвинялись в «коммунизме». По мнению калифорнийской федерации «Лучших американцев», роман Синклера Льюиса «Главная улица» был «подрывным», потому что он «вызывал недовольство общепринятым образом жизни американцев».

В одном из городов штата Индиана присяжные заседатели после двухминутного совещания оправдали человека, убившего иностранца, который крикнул: «К черту Соединенные Штаты!»...

В этой удушливой атмосфере во всех уголках страны расплодилось группы погромщиков, именовавших себя патриотами. В Джорджии, Индиане, Колорадо, Огайо и многих других штатах быстро, как ядовитые грибы, росли организации Ку-клукс-клана. С каждым месяцем сотни тысяч людей вливались в ряды этих террористов в белых капюшонах, поклявшихся очистить Америку от «католиков, коммунистов, евреев и иностранцев»¹.

---

¹ Основанная в семидесятых годах, тайная террористическая организация Ку-клукс-клан ставила себе целью отнять у негров права, завоеванные ими в период гражданской войны. С начала нынешнего века до 1915 г. она не проявляла никакой активности, но затем возродилась под руководством бывшего священника и коммивояжера Уильяма Дж. Симмонса. К 1920 г. число членов Ку-клукс-клана достигло 700 тыс., а в 1925 г. он насчитывал уже почти 9 млн. членов и играл важную роль в жизни страны.

С помощью своего широко разветвленного подпольного аппарата — так называемой «невидимой империи» — Ку-клукс-клан господствовал над всей политической жизнью Техаса, Джорджии, Арканзаса, Оклахомы, Индианы, Орегона и других штатов. В 1924 г. его кандидаты одержали победу на выборах губернаторов в Канзасе, Индиане и Мэне и на выборах сенаторов в Оклахоме и Колорадо.

«Рост Ку-клукс-клана в период с 1922 по 1925 г. не был случайностью, — писал впоследствии руководитель Американского сою-

Еженедельник «Дирборн индипендент», издаваемый знаменитым автомобильным магнатом Генри Фордом, открыл всеамериканскую кампанию бешеной антисемитской пропаганды передовой статьей, озаглавленной: «Международное еврейство — мировая проблема», а вскоре после этого начал печатать в ряде номеров гнусную антисемитскую фальшивку — «Протоколы сионских мудрецов».

Выступая летом того же года в Вашингтоне перед сенатской комиссией по делам судебных органов, министр юстиции А. Митчелл Пальмер заявил:

«Я не считаю нужным извиняться за какие-либо действия министерства юстиции... Я горжусь ими. Я с восторгом и гордостью указываю на результаты нашей работы; и если... кто-либо из моих агентов на местах держал себя несколько грубо, нелюбезно или бесцеремонно с этими иностранными агитаторами... я полагаю, что этому не следует придавать особого значения, учитывая пользу, которую вся эта операция принесла стране».

Министр юстиции рекомендовал конгрессу принять закон, предусматривающий смертную казнь для «опасных преступников», занимающихся подстрекательством к мятежу в мирное время...

Облавы на «советских шпионов» и «опасных иностранцев-радикалов» не прекращались. В числе арестованных оказались два дотоле неизвестных анархиста-

---

за гражданских свобод Роджер Н. Болдуин.— Господствующие классы сознательно разжигали и организовывали расовую и национальную нетерпимость, чтобы отвлечь массы от экономической борьбы...»

Одетые в белые балахоны с капюшонами, куклуксклановцы орудовали во многих районах страны, терроризируя население огненными крестами, ночными налетами, парадами; они калечили свои жертвы, пороли и линчевали их. В Луизиане куклуксклановцы раздавили несколько человек паровым катком. Комиссия, расследовавшая деятельность Ку-клукс-клана в Оклахоме, выявила более двух тысяч случаев насилия, совершенных в течение двух лет. Однако в связи с этими преступлениями ни один человек не был арестован, никто не попал под суд.

В конце двадцатых годов, после ряда разоблачений в печати и публичных расследований, число членов Ку-клукс-клана и его влияние стали быстро падать. Однако он стал снова расти в середине тридцатых годов, когда его члены играли ведущую роль в борьбе с развивающимся профсоюзным движением в промышленности.

итальянца — Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти, задержанные 5 мая в небольшом городке вблизи Бостона и посаженные в тюрьму по обвинению в краже и убийстве. Вскоре их имена прогремели на весь мир¹.

В том же месяце один ничем не примечательный сенатор заявил группе бостонских дельцов: «Сегодня Америке нужны не герои, а целители, не чудодейственные средства, а нормальный образ жизни, не революция, а восстановление».

Это был член республиканской партии Уоррен Дж. Гардинг из Огайо.

«Америка перестала быть свободной страной в старом понимании этого слова; свобода все больше становится чисто риторическим образом, — писала Катерина Фуллертон Жеру в статье, напечатанной в «Харперс мэгэзин». — Повсюду в стране тем или иным способом душат свободу слова. Американец, действительно заинтересованный в разрешении социальных и политических проблем, стоящих перед страной, может свободно высказывать свои мысли только в том случае, если он выберет наиболее сочувствующую ему толпу и спрячется под ее крыло».

В проповеди, произнесенной в соборе св. Иоанна в Нью-Йорке, протестантский епископ Восточного Мичигана Чарльз Д. Уильямс сказал:

«Дельцы взбесились. Они начали беситься, когда выступили в поход против радикализма. Наемные шпики тайно арестовывают людей на основании ложных доносов, а потом высылают их из страны без всякого к тому основания... Истерия и паника подрывают самые принципы американизма. Это — позорнейшая страница в истории Америки!»

¹ Подробно о деле Сакко и Ванцетти см. главу IV, раздел 3.

ИТОГИ

Послевоенный разгул реакции стоил американцам многих демократических свобод, которые они высоко ценили. Он разжег в стране нетерпимость, истерию, ненависть и страх. Тысячи ни в чем не повинных людей были арестованы, брошены в тюрьмы, подверглись пыткам. Многие погибли в борьбе за права рабочего класса, пали жертвами суда Линча и погромов. Америка никогда еще не знала такого разгула террора.

Чем же объяснить эту «позорнейшую страницу» в истории Америки?

Федеральные власти изображали пальмеровские облавы и другие послевоенные репрессии как необходимые средства защиты страны от «коммунистического заговора», имевшего целью свергнуть правительство Соединенных Штатов.

Но на деле поход против коммунизма играл лишь второстепенную роль. Левые группы были в то время чрезвычайно малочисленны. По подсчету, произведенному в конце 1919 г. профессором Иллинойского университета Гордоном С. Уоткинсом, общее число членов социалистической, коммунистической и коммунистической рабочей партий составляло от 80 до 100 тысяч. «Иными словами... — писал Фредерик Льюис . Аллея в «Только вчера», — коммунисты могли мобилизовать не более одной десятой процента взрослого населения США, а все три партии вместе... не более двух десятых процента, чего явно недостаточно для массового революционного движения».

Аллен указывает на некоторые мотивы, вызвавшие послевоенный «антикоммунистический поход»:

«Американский предприниматель... вышел из войны в боевом настроении, готовый сразиться с очередным противником. Очередным противником оказалось профсоюзное движение, угрожавшее его прибылям. Он не сомневался в том, что стопроцентный

американизм... означает право предпринимателя прогнать профсоюзных организаторов со своих заводов... он охотно верил, что борьба американского рабочего за более высокую заработную плату представляла собой начало вооруженного восстания, руководимого Лениным¹.

Американских рабочих, которые участвовали в стачках, защищая свои профсоюзы и свой жизненный уровень, объявляли «красными» и «пешками большевистских агентов».

«Чтобы разгромить эти забастовки, — писали Генри М. Морейс и Уильям Кан в биографии Юджина Дебса, — была пущена в ход легенда о «красном заговоре».

Ассоциация промышленников Индианаполиса требовала немедленного «принятия и проведения в жизнь законов, которые положили бы конец радикализму Американской федерации труда и большевиков».

Трюк с «красной опасностью» был задуман с учетом духа времени. Зелиг Перлман и Филип Тафт пишут в

---

¹ Уже во время войны широко применялись суровые репрессии против тех профсоюзных организаций, требования которых считались «необоснованными», и против левых элементов, выступавших против участия Америки в войне, потому что эта война была империалистической. По всей стране полиция и черносотенцы жестоко преследовали членов ИРМ («Индустриальные рабочие мира»), свирепо избивали их, бросали в тюрьмы, линчевали. Активных руководителей профсоюзов и радикалов судили по вымышленным обвинениям и сажали в тюрьмы.

Во время войны были заключены в тюрьму два известных руководителя профсоюзного движения — Том Дж. Муни и Юджин В. Дебс.

Выдающийся профсоюзный деятель Калифорнии Том Муни в июле 1916 г. был приговорен к повешению по ложному обвинению в том, что он якобы бросил в Сан-Франциско бомбу. В результате широкой кампании протеста ему заменили смертную казнь пожизненным заключением. В 1930 г., просидев 22 года в тюрьме Сент-Квентин, Муни был помилован губернатором Калифорнии Калбертом Олсоном и вышел на свободу.

Известный социалист, бывший лидер профсоюзов железнодорожников Юджин В. Дебс, выступавший против участия Америки в войне, был присужден в сентябре 1918 г. к десяти годам тюремного заключения по обвинению в нарушении закона о шпионаже. Просидев три года в тюрьме, Дебс в декабре 1921 г. был помилован президентом Гардингом. На президентских выборах 1920 г. социалистическая партия выдвинула кандидатуру Дебса, находившегося тогда еще в тюрьме. Он собрал 920 тыс. голосов.

своей «Истории профсоюзного движения в Соединенных Штатах»:

«Во время войны значительные слои населения пребывали во взвинченном состоянии; после войны нетрудно было превратить эти настроения в антикрасную истерию, изображая стачки и требования о повышении заработной платы как выступления «красных».

Основной целью инициаторов пальмеровских облав и «похода против коммунизма» было подавить организованное профсоюзное движение, снизить заработную плату, восстановить во всей стране систему «открытых цехов» и обеспечить рост прибылей крупных компаний.

Министерство юстиции разделяло устремления крупного капитала. Пальмеровские облавы и поход на «радикалов», предпринятый гуверовским отделом общей информации Бюро расследований, были направлены прежде всего против профсоюзов и рабочего движения.

В своих показаниях комиссии по регламенту палаты представителей министр юстиции Пальмер говорил, что стачка, объявленная в июне 1919 г. на заводе «Америкэн брасс компани» в городе Ансония, штат Коннектикут, «была организована исключительно иностранцами», а подавили ее следующим образом:

«Несколько наиболее активных руководителей стачки было арестовано на основании ордеров о высылке; некоторые из них были посажены на «Бу-форд»... Однако многие видные агитаторы из числа американских граждан продолжали вести борьбу. Стачка была подавлена судебными мерами».

Далее Пальмер заявил, что массовая забастовка 1919 г. в сталеплавильной промышленности была «ликвидирована... благодаря действиям министерства юстиции».

3 января 1920 г., на другой день после пальмеровских облав, «Нью-Йорк таймс» описывала, как министерство юстиции готовилось к этим облавам:

«Хотя эта операция была проведена с поразительной внезапностью, ей предшествовали тщательная подготовка, изучение и систематизация данных... На протяжении нескольких месяцев служащие министерства юстиции, забросив всю остальную работу, занимались исключительно красными. Аген-

ты министерства незаметно просочились в ряды радикалов... и начали действовать, — где под видом поваров в отдаленных шахтерских поселках, где под видом сталеваров, а при возможности и под видом самых пламенных агитаторов... Некоторым из этих тайных агентов удалось выдвинуться в радикальном движении, а был и такой случай, когда агент стал официальным руководителем целого района...

Во время забастовки в сталеплавильной промышленности, забастовки шахтеров и назревавших забастовок железнодорожников тайные агенты постоянно вращались в среде самых радикальных агитаторов и собрали огромное количество улик. В течение ряда месяцев составлялась подробная картотека, в которую заносились высказывания, привычки и адреса этих людей. Министерство юстиции намечается время от времени задерживать этих нарушителей порядка и либо предавать их суду, либо высылать из страны».

В течение всего этого периода Бюро расследований действовало в негласном, но тесном контакте с сыскным аппаратом крупных компаний.

«Во всем этом крестовом походе против «красных», — писал Луис Ф. Пост в своей книге, — огромную роль сыграли шпики, засланные в рабочие организации, — иначе говоря, частные сыскные агентства ...тайком состоящие на службе у могущественных компаний...»

Следственная комиссия, назначенная руководством Всемирного межцерковного объединения, сообщала в своем докладе о забастовке 1919 г. в сталеплавильной промышленности:

«Федеральные власти, ведающие вопросами иммиграции, заявили комиссии, что облавы, аресты «радикалов» и т. д. производились, особенно в Питтсбургском округе, на основании доносов и секретных сведений тайных агентов стальной компании и что арестованные передавались в распоряжение министерства юстиции».

Как показывал этой комиссии один из агентов федеральной полиции, работавший в районе Питтсбурга, «из числа арестованных и посаженных в тюрьму «радикалов» 90% было задержано на основании сведений, по-

лученных от крупных сталеплавильных или угольных компаний...»

Поход против рабочих организаций являлся частью согласованного общего наступления на прогрессивное движение. Основными целями этого наступления было задушить всякий протест, разгромить политическую оппозицию со стороны социалистов, коммунистов и других левых партий, запугать защитников гражданских свобод и подавить борьбу национальных меньшинств за человеческие условия жизни и за равноправие.

В числе последних особенно жестоким преследованиям подвергались негры. Линчевание и другие насилия над неграми происходили по всей стране. В это время министр юстиции Пальмер подготовил пространный доклад, озаглавленный «Образцы негритянской пропаганды», который он впоследствии представил комиссии по регламенту палаты представителей. «К концу европейской войны,—писал он в этом докладе,—министерство юстиции столкнулось с беспорядками и серьезными волнениями среди негров». Однако министерство, по его словам, до сих пор еще «не обнаружило в среде негров организованного движения, имеющего целью вызвать восстание во всей стране».

Конечной целью вдохновителей «антикоммунистического» похода было заставить замолчать тех, кто требовал, чтобы Америка отказалась от дальнейшего участия в интервенции против Советской России и признала советское правительство. «Нью-Йорк таймс» 5 января 1920 г. в связи с арестами «радикалов» во время пальмеровских облав заявила: «Эти коммунисты — опасные элементы. Выступая на многих языках, они требуют одного и того же — прекращения блокады России».

«Если даже признать, что до того, как министр юстиции предпринял «беспощадную войну» против «красной опасности», такая опасность действительно существовала, — писали авторы «Доклада о незаконных действиях министерства юстиции Соединенных Штатов», — то его поход против нее оказался исключительно бесплодным». Пальмер объявил, что министерство юстиции имеет списки 60 тысяч «подозреваемых в большевизме», но выслал из страны всего 281 иностранца и выдал ордера на высылку еще 529 человек. Отметив это обстоятельство, авторы доклада писали: «Министр юстиции

избавился таким образом от 810 подозрительных иностранцев, но, по его собственным данным, ему придется еще иметь дело по меньшей мере с 59 190 американскими гражданами и иностранцами».

Зато с точки зрения истинных целей «антикоммунистического» похода он оказался далеко не бесплодным. На всем промышленном фронте, от Нью-Джерси до Калифорнии, основные забастовки были подавлены, заработная плата снижена, восстановлена система «открытых цехов» и профсоюзное движение стало во много раз слабее, чем до войны. Характерным примером этого может служить профсоюз моряков: в 1920 г. он насчитывал 100 тыс. членов, а спустя два года — всего 18 тысяч. К 1923 г. Американская федерация труда потеряла более миллиона членов.

Успех этого наступления на профсоюзное движение объяснялся не только могуществом американских промышленных и финансовых магнатов, приобретших за время войны еще небывалое богатство и влияние, и деятельной поддержкой, которую им оказывало министерство юстиции и другие государственные учреждения. Успеху наступления способствовали также серьезные недостатки профсоюзного движения. Если не считать нескольких боевых руководителей, таких, как Уильям З. Фостер¹, руководство профсоюзами находилось в руках оппортунистов., продажных или трусливых профсоюзных бюрократов, которых не меньше, чем предпринимателей, пугал боевой дух рабочих. Травля «красных» и внутренние распри подрывали профсоюзное движение. Вот что писал о «Братстве железнодорожников» «Уолл-стрит джорнал»:

«Можно с полным основанием сказать, что отсутствие единодушия между лидерами Братства во время забастовки явилось исключительной удачей для страны в целом и для акционеров железнодорожных компаний в частности».

Поражение американского профсоюзного движения было в то же время и поражением всего американского народа. Народу пришлось расплачиваться дорогой ценой за победу, одержанную крупным капиталом.

---

¹ Историк Фредерик Льюис Аллен характеризует Уильяма З. Фостера как «самого энергичного и умного из организаторов забастовок».

Наступление на демократию и подрыв прогрессивного движения после первой мировой войны положили начало одной из позорнейших и опаснейших эпох в истории Америки. Это была эпоха неслыханной продажности и разложения в правящих кругах, попавших под безраздельное влияние хищнических интересов крупного капитала. Это были годы разнузданной спекуляции, жульничества, казнокрадства, немилосердного и безудержного ограбления страны.

Все это увенчалось великим кризисом, разразившимся в 1929 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ограбление страны

«Двенадцать лет народ страдал под властью правительства, которое не желало ничего слышать, видеть или делать. Народ обращал взоры к правительству, но правительство от него отворачивалось. Девять лет позорного поклонения золотому тельцу и три долгих года египетских казней! Девять лет безумия в биржевых залах и три долгих года в очередях за бесплатным супом! Девять лет бредовых иллюзий и три долгих года отчаяния!»

Президент Франклин Д. Рузвельт
31 октября 1936 г.

ВЕК НЕВЕРОЯТНОГО

1. Как делаются президенты

Национальный съезд республиканской партии, состоявшийся в июне 1920 г. в Чикаго, штат Иллинойс, представлял собой самое необычайное явление. «Продавался пост президента, — писал Карл Шриффтгиссер в своей книге «Это было обычным явлением». — Город Чикаго, никогда не гнушавшийся грязными сделками, кишел обезумевшими от азарта «покупателями», у которых от денег оттопыривались карманы. «Колизеум» превратился в базарную площадь, где толпились биржевые спекулянты, нефтяники, угольные магнаты, «покровители» спорта, фабриканты оружия и мыловары... В вестибюлях и номерах центральных отелей царил суматоха, сновали взад и вперед потенциальные покупатели должностей, мобилизуя своих сторонников, заключая сделки, отдавая тайные распоряжения, распределяя секретные фонды».

В числе промышленных и финансовых магнатов, которые стеклись в Чикаго, чтобы удостовериться, что республиканская партия выставит такую кандидатуру, которая им придется по вкусу, были глава «Синклер ойл компани» Гарри Ф. Синклер, уже пожертвовавший республиканской партии на предвыборную кампанию 75 тыс. долларов, а позднее прибавивший к ним еще 185 тыс. долларов; председатель правления концерна «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» судья Эльберт Х. Гэри, сыгравший виднейшую роль в подавлении забастовки 1919 г. в сталеплавильной промышленности; председатель «Болдуин локомотив компани» Сэмюэль М. Воклейн; компаньон фирмы «Дж. П. Морган энд компани» Томас В. Ламонг; председатель «Пан-америкэн петролеум компани» Эдуард Л. Догени и медный король Уильям Бойс Томпсон, недавно возвратившийся из России, где он был главой миссии американского Красного Креста и истратил из собственных средств миллион долларов на подавление русской революции.

Промышленники и финансисты поручили ведение сложных закулисных переговоров между отдельными делегациями и общее руководство открытыми заседаниями съезда небольшой и дружной группе ведущих политиков республиканской партии. Этими «политическими уполномоченными крупного капитала», как их назвал в своей книге «60 семейств Америки» Фердинанд Ландберг, были: сенаторы Генри Кабот Лодж (Морган), Медилл Маккормик (газета «Чикаго трибюн», «Интернэйшнл харвестер компани»), Джеймс И. Уотсон из штата Индиана (Ку-клукс-клан), Рид Смут (сахарозаводчики штата Юта), Джеймс У. Уодсворт из Нью-Йорка (Морган) и Фрэнк Брэндэджес из штата Коннектикут (Морган).

Душным вечером 9 июня, когда голоса на съезде разделились между кандидатурами генерала Леонарда Вуда и губернатора штата Иллинойс Фрэнка О. Лоудена, сенаторская хунта собралась вскоре после обеда в трехкомнатном номере отеля «Блэкстон», занимаемом председателем республиканской партии Уиллом Хэйсом.

На этом тайном собрании, кроме сенаторов, присутствовал издатель «Харвис уикли» Джордж Б. М. Харви, влиятельный делец, тесно связанный с фирмой «Дж. П. Морган энд компани» и пользующийся славой «делателя президентов».

Несколько раз в течение вечера в прокуренную комнату, где происходило это бурное заседание, забегал ректор Колумбийского университета Николас Мэррей Батлер, занимавший видное положение в руководящей верхушке республиканской партии.

Около полуночи решение по вопросу о кандидате в президенты было принято...

Усталый, взлохмаченный и несколько подвыпивший, сенатор Уоррен Гардинг из Огайо был приглашен в номер Уилла Хэйса.

«Сенатор, мы хотим задать вам один вопрос, — сказал Джордж Харви, — нет ли в вашей биографии чего-либо такого, что могло бы скомпрометировать республиканскую партию, если мы предложим вашу кандидатуру на пост президента?»

Смысл этого вопроса впоследствии толковался по-разному. Одни считали, что Харви и его коллеги желали удостовериться в необоснованности пущенных в Чикаго

какими-то расистами шутливых слухов, будто в жилах Гардинга течет негритянская кровь. Сам Харви впоследствии говорил, что таким способом Гардингу было предложено испросить у господина благословения на занятие поста президента. Согласно другой версии, Гардингу была предоставлена возможность осведомить тех, кто выставлял его кандидатуру, не могут ли обнаружиться его отношения с Нэн Бриттон, матерью его незаконной дочери, и не скомпрометируют ли его эти отношения во время предвыборной кампании.

Как бы то ни было, Гардинг удалился в соседнюю комнату, провел там некоторое время, а потом возвратился и торжественно заявил, что в его прошлом нет ничего такого, что помешало бы ему стать президентом...

На следующий день сенатор Уоррен Дж. Гардинг был выдвинут кандидатом в президенты Соединенных Штатов от республиканской партии. Кандидатом в вице-президенты был его друг, губернатор штата Массачусетс Кальвин Кулидж, прославившийся ролью, которую он сыграл в подавлении стачки полицейских в Бостоне в 1919 г.

Комментируя в передовой статье выдвижение кандидатуры Гардинга, «Нью-Йорк таймс» писала:

«Чикагский съезд выдвинул кандидатуру, которая вызовет недоумение и растерянность в рядах голосующей за «ее партии... Гардинг проявил себя в Вашингтоне как слабый и бесцветный деятель...

Выдвижение кандидатуры Гардинга... это достойный плод интриг сенаторов, которые взяли на себя руководство съездом республиканской партии...

Что же касается их принципов, то ими руководит только ненависть к Вильсону и неутолимая жажда доходных должностей».

«Нэйшн» писала, что Гардинг был «бесцветным и пошлым ничтожеством, без искры вдохновения, без таланта руководителя», что он был выставлен «главными республиканцами», «подобно тому как выставляют фигуру индейца перед табачной лавкой, чтобы привлечь внимание покупателей».

Сам Гардинг коротко комментировал выдвижение своей кандидатуры так: «Нам нехватало для выигрыша одного туза, и мы его добрали».

2. «Вот чортова служба!»

У сенатора Гардинга имелось одно качество, которого никто не ставил под сомнение: он был исключительно красивым мужчиной. Высокий, аристократической наружности, с крупным, правильной формы лицом, открытым взглядом глубоко сидящих глаз и серебристой седой, он производил впечатление в любом обществе. Именно это качество уже давно убедило его близкого друга и руководителя предвыборной кампании Гарри М. Догерти в том, что Гардинга ждет блестящая политическая карьера. «У него наружность президента», — не раз говаривал Догерти. И он твердо решил добиться, чтобы Гардинг стал президентом...

Шумливый плотный человек, обычно щеголявший в ярких галстуках, заколотых массивной жемчужной булавкой, Гарри Догерти был по специальности юристом. Однако основным его занятием была защита интересов крупных компаний в кулуарах законодательного собрания штата Огайо. Он и сам дважды избирался членом палаты представителей штата. В течение ряда лет он играл видную роль в стяжавшем печальную славу своей продажностью аппарате республиканской партии штата Огайо, известном под именем «банды из Огайо».

«Я открыто признаю, что занимал руководящее положение в так называемой «банде из Огайо»... — заявлял Догерти впоследствии в книге «Подоплека трагедии Гардинга», которую он написал совместно с Томасом Диксоном, автором «Рождения нации» и других ку-клуксклановских пропагандистских книжонок. — В устах моих политических противников это — бранное слово, но для меня оно — почетный титул».

В 1914 г. Догерти убедил своего друга Гардинга, который в ту пору был редактором небольшой газетки в Марионе, штат Огайо, выставить свою кандидатуру в сенат Соединенных Штатов. Сначала Гардинг отказывался. «Когда дело дошло до выставления его кандидатуры в сенат, — вспоминал впоследствии Догерти, — я разыскал его во Флориде, где он грелся на солнышке, словно черепаха на бревне. Мне пришлось столкнуть его в воду и заставить поплыть». С помощью «банды из Огайо» Гардинг был избран в сенат...

Став сенатором и попав в Вашингтон, Гардинг уделял там больше всего времени покеру, барам и ипподромам.

О немногих речах, произнесенных им в сенате, Уильям Дж. Макаду образно сказал, что они производили «впечатление тучи пышных фраз, блуждающих в пространстве в поисках мысли; порой этим выпущенным наудачу словам удавалось ухватиться за какую-то блуждающую мысль, и они торжественно несли эту пленницу в своем потоке, пока она не умирала от непосильного труда и перенапряжения».

Когда Догерти предложил Гардингу выставить свою кандидатуру в президенты Соединенных Штатов, тот спросил: «Разве я такая уж крупная фигура?»

«Ты меня сместишь, — ответил Догерти. — Прошли времена, когда в президентском кресле сидели великаны... Теперь нужны люди самого обыкновенного калибра». «А Гардинг, — подчеркивал Догерти, — был именно таким человеком».

В феврале 1920 г., за три месяца до национального съезда республиканской партии в Чикаго, Догерти предсказал с поразительной точностью: «Наступит время, соберется национальный съезд республиканской партии; человек пятнадцать усядутся в уединенной комнате вокруг большого стола. Их мысли будут путаться от бессонницы, они будут потеть от духоты. Я преподнесу им имя сенатора Гардинга, и не успеем мы оглянуться, как они выставят его кандидатуру».

В ноябре 1920 г. Уоррен Гамалиел Дж. Гардинг стал президентом Соединенных Штатов¹.

4 марта 1921 г. он вступил в исполнение своих обязанностей.

Портфели в его кабинете, получившем известность как «черный кабинет Гардинга», были распределены следующим образом: министр финансов — миниатюрный, с вкрадчивыми манерами миллиардер Эндрю Меллон, стоявший во главе алюминиевого треста и правивший целой империей, которая состояла из нефтяных промыслов, угольных шахт, сталеплавильных заводов, предприятий общественного обслуживания и банков; военный министр — Джон У. Уикс, бывший сенатор от штата Массачусетс и участник бостонской маклерской фирмы

---

¹ Демократическая партия выставила кандидатом на пост президента губернатора штата Огайо Джемса М. Кокса, а на пост вице-президента — заместителя министра морского флота Франклина Делано Рузвельта, которому тогда исполнилось 38 лет,

«Хорнблоуэр и Уикс»; министр торговли — бывший руководитель Американской администрации помощи Герберт Гувер, составивший себе перед войной огромное состояние распространением в отдаленных частях света акций сомнительных горнопромышленных компаний; министр внутренних дел — бывший сенатор из Нью-Мексико Альберт Б. Фолл, юрист и политический деятель, поддерживавший тайные и нечистые связи с нефтяными магнатами; министр почты — Уилл Хэйс, бывший председатель Национального комитета республиканской партии и главный поверенный «Синклер ойл компани».

Политический наставник и закадычный друг Гардинга Гарри М. Догерти получил пост министра юстиции США.

Вряд ли кто из членов нового кабинета так мало годился для своего поста, как сам президент.

Вскоре после вступления Гардинга в должность президента Белый дом посетил его старый друг, ректор Колумбийского университета Николас Мэррей Батлер. Президент сидел у себя в кабинете, растерянно уставясь на письма, документы и государственные бумаги, загромождавшие письменный стол. Он угрюмо пробормотал: «Ведь я знал, что мне с этим делом не справиться».

Как-то раз, наслушавшись бурных споров между своими советниками по вопросу о налогах и впав от этого в глубокое уныние, Гардинг устало ввалился в комнату одного из своих секретарей.

«Джон, я ни черта не понимаю в этих проклятых налогах, — выпалил он. — Я слушаю одного, и мне кажется, что он прав, потом — боже милостивый! — я говорю с другим, и он мне кажется тоже прав, а я не стал ни на иоту умнее. Я понимаю, что где-то есть книга, которая скажет мне правду, но я все равно ни черта в ней не пойму... Я уверен, что есть и такой экономист, который знает правду, но я не знаю, как его найти, а если бы даже он мне и встретился, как я угадаю, что именно он-то мне и нужен, и как я решусь ему довериться?»

И президент в отчаянии воскликнул: «Вот чортова служба!»

Хотя Гардинг сам признавал свою несостоятельность в качестве президента, она нисколько не беспокоила миллионеров, выдвинувших его кандидатуру. Как писал Чарльз У. Томпсон в своей книге «Президенты, которых

я знал», «...они имели возможность распоряжаться им, как колодой карт, тасуя, как им заблагорассудится».

3. Что такое «нормальная жизнь»

Внутренняя политика правительства Гардинга, как ее характеризуют Чарльз и Мэри Бирд в своей книге «Развитие американской цивилизации», в основном сводилась к следующему:

«Отмена подоходного налога и налогов на наследства и сверхприбыль, особенно в отношении высших групп плательщиков; содержание федеральных учреждений не за счет собственности богатей, а за счет потребления широких масс; «невмешательство правительства в хозяйство» — отказ от всякого официального вмешательства в создание синдикатов и трестов и выпуск акций, отказ от планов контроля над ценами и регулирования производства, ослабление нажима на железнодорожные компании».

«Всякий знает, — философствовал сказочно богатый министр финансов кабинета Гардинга Эндрю Меллон, нежно прозванный остальными членами кабинета «дядей Энди», — что энергичный и инициативный человек может добиться в жизни всего, чего захочет... если только его инициативу не калечат законы или налоговая система, лишаящая его справедливой доли того, что он заработал. В последнем случае он перестанет стараться...»

Когда собрался конгресс шестьдесят седьмого созыва, «энергичный и инициативный» Меллон настоял на отмене закона 1917 г. о налоге на сверхприбыли. Отмена этого закона сберегла крупным корпорациям свыше 1500 млн. долларов в год; в частности, около миллиона долларов в год выгадали многочисленные предприятия самого Эндрю Меллона...

Основным лозунгом внешней политики кабинета Гардинга было — «Америка прежде всего». Гардинг, по совету Догерти, неустанно употреблял это выражение в своих предвыборных речах¹.

Эта внешняя политика, по словам Уолтера Липпмана, писавшего тогда в «Нью-Йорк уорлд», основывалась на следующих принципах:

---

¹ Этот лозунг широко пропагандировала в 1940—1941 гг. партия «Америка прежде всего» (см. глава XI, раздел 5).

«Судьба Америки не связана сколько-нибудь тесно с судьбой Европы.

Европа должна вариться в своем собственном соку...

Америка может продавать свои товары Европе, ничего у нее не покупая...

А если Европе все это не нравится, ну что же, это ее дело, но как бы ей потом не пожалеть».

«Пусть себе интернационалисты предаются мечтаньям, а большевики занимаются разрушением, — заявил президент Гардинг. — Господь да сжалится над теми, в чьем сердце не поет мечта. Верные духу нашей республики, мы прославляем американизм и Америку!»

Однако изоляционистские догмы не распространялись на одну весьма существенную сторону политической и экономической жизни Америки. Восторженно одобряя на словах платформу Гардинга насчет «отказа от стеснительных внешних союзов», заправили американского финансового капитала втихомолку разрабатывали международные соглашения с германскими, японскими, английскими и другими иностранными картелями и уже приступили к осуществлению широкой программы захвата рынков Европы и Азии¹.

Незадолго до своего вступления в должность президента Уоррен Гардинг заявил: «Для нас полезно 'будет возродить религию... По-моему, правительство не может быть справедливым, если оно как-нибудь не связано со всемогущим богом. Вам, быть может, интересно будет услышать, что, хотя я никогда не проявлял особого усердия по части чтения библии, в последнее время, когда я усиленно размышляю о предстоящей мне работе, я читаю библию очень внимательно».

Как бы ни относился Гардинг к библии, в его поведении на посту президента Соединенных Штатов, несомненно, было нечто библейское. Выражаясь словами известного журналиста Уильяма Аллена Уайта:

«Рассказ о Гардинге — это рассказ о его эпохе, рассказ о блудном сыне, о нашей демократии, которая отвернулась от пищи духовной, беззастенчиво получила свою долю наследства, покинула отчий

---

¹ Подробности относительно организации картелей и о других предприятиях американского финансового капитала за границей в двадцатых годах нынешнего века см. в главе VI, раздел 1.

дом, предалась распутству и дошла до того, что стала есть из одного корыта со свиньями».

Прошло всего несколько недель после формирования кабинета Гардинга, и в Вашингтон нахлынула пестрая толпа боссов республиканской партии, крупных дельцов, торговцев из-под полы спиртными напитками, членов «банды из Огайо» и ловких аферистов. Многие из этих людей заняли видные места в обновленном правительственном аппарате, другие выступали в качестве ходатаев по делам крупных компаний; но все они явились в Вашингтон за своей долей добычи.

В столице царил бесшабашное веселье. Каждую ночь устраивались пьяные оргии и велась азартная игра на баснословные суммы. Город наводнили проститутки. Несмотря на «сухой» закон, вино лилось рекой...

Почти каждый вечер в чинных покоях Белого дома собиралась шумная компания политиканов. Сбросив пиджаки, с сигарами в зубах, они пили, веселились и играли в покер до самого утра. «Вряд ли кто из участников многолюдных официальных приемов, — пишет Алиса Лонгуорт в своей книге «Горячая пора», — подозревал, что происходило в это время этажом выше. Во время одного приема кто-то из друзей Гардинга предложил мне подняться наверх, в кабинет президента. До меня уже доходили кое-какие слухи, и мне интересно было посмотреть, соответствуют ли они истине. Действительность превзошла все мои ожидания. В комнате теснились закадычные друзья Гардинга... дым стоял столбом, повсюду красовались подносы с бутылками — здесь были представлены спиртные напитки всех сортов и марок, — наготове лежали карты и фишки для игры в покер. Словом, царил атмосфера, в которой люди расстегивают жилеты, задирают ноги на стол и ставят рядом с собой плевательницу».

Президент и его собутыльники не ограничивались веселыми попойками в Белом доме. Г-жа Гардинг, маленькая сморщенная женщина, обычно носившая на шее черную бархатную ленту, была несколькими годами старше своего мужа. Друзья Гардинга прозвали эту властную, требовательную и очень ревнивую женщину «герцогиней». Любовница Гардинга Нэн Бриттон изредка тайком посещала президента в Белом доме, но свидания

между ними устраивались предпочтительно в более укромных местах¹.

Притоном, где «банда из Огайо» предавалась кутежу и веселью, служил небольшой уютный дом на улице К. Этот так называемый «маленький зеленый домик» был снят на имя адвоката и политического деятеля из Колумбуса (штат Огайо) Говарда Мэннингтона. Не занимая никакого официального положения, Мэннингтон, тем не менее, поддерживал самые тесные связи с министром; юстиции Догерти и другими видными членами кабинета. Он состоял в не менее близких отношениях со многими торговцами спиртными напитками, которые пользовались домиком на улице К. как своей штаб-квартирой; там они останавливались, когда приезжали в Вашингтон, чтобы покупать разрешения на приобретение крупных партий спиртных напитков с государ-

---

¹ Впоследствии Нэн Бриттон написала книгу «Дочь президента», в которой описывала во всех интимных и довольно грязных подробностях свою тайную связь с Гардингом — сначала сенатором, потом президентом — и рождение их незаконной дочери Элизабет Энн. Написанная в вульгарно-сентиментальном стиле, книга, тем не менее, дает ясное представление о личности 28-го президента Соединенных Штатов.

В ней описаны с пошлыми деталями тайные свидания Гардинга с Нэн Бриттон в подозрительных отелях, грязных меблированных комнатах, в здании сената и в Белом доме. Когда они путешествовали вместе, Нэн Бриттон регистрировалась в отелях в качестве «племянницы» или «секретаря» Гардинга, а иногда и как его жена. Во время одного свидания в сомнительном нью-йоркском отеле, когда Гардинг был еще сенатором, в номер ворвались сыщики. Нэн Бриттон рассказывает, как вел себя Гардинг: «Мы попались!» — сказал он... У него был такой жалкий, убитый вид... Он сидел с растерянным выражением лица на кровати, умоляя, чтобы нам разрешили спокойно уйти, так как мы не доставили никому беспокойства». Узнав, что Гардинг — член сената Соединенных Штатов., сыщики почтительно выпроводили парочку через черный ход. «Ну, Нэн,— сказал Гардинг своей любовнице,— а я-то думал, что это обойдется мне не дешевле тысячи долларов!»

В одной из самых любопытных глав своей книги Нэн Бриттон рассказывает, как Гардинг, будучи еще сенатором, устроил ее секретарем в «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». «Смешно сказать,— пишет она,— но я никогда не слышала о судьбе Гэри, и он (Гардинг) объяснил мне, что это председатель правления самой большой промышленной компании в мире. Г-н Гардинг протянул свою визитную карточку одному из секретарей судьи Гэри, и последний сразу же вышел к нам. Представив меня, Гардинг спросил Гэри как бы между прочим, доволен ли тот его услугами как сенатора в каком-то деле. Судья ответил, что вполне, и поблагодарил Гардинга...»

ственных винокуренных заводов. В «маленьком зеленом домике» нередко продавались также помилования преступникам, осужденным федеральным судом, и должности федеральных судей — юристам, стремившимся сделать карьеру.

Другим излюбленным местом (встреч) членов «банды из Огайо» был дом на улице X, в котором жили министр юстиции Догерти и его близкий друг и адъютант Джесси Смит. Этот дом со всей обстановкой и даже с дворецким и поваром был передан Догерти в пользование его владельцем, богатым кутилой Эдуардом Б. Мак-Лином. Последнему принадлежали газеты «Цинциннати энкуайер» и «Вашингтон пост», а также роскошное поместье «Дружба», которое нередко посещали президент Гардинг и видные члены кабинета.

О том, что творилось в доме на улице X, рассказывает в своих мемуарах Гастон Б. Минс, который во времена Гардинга был одним из главных следователей Бюро расследований. Минс пишет:

«Как-то ночью у меня дома зазвонил телефон... «Мине?.. Говорит Джесси Смит. Приезжай скорей на улицу X, ладно? Тут кое-какие неприятности...» Я быстро оделся и помчался на улицу X. Все знали о происходивших там веселых вечеринках...

Поэтому я был уже несколько подготовлен к сцене, которая предстала перед моими глазами, когда мне открыли дверь. В комнатах царил ужасающий беспорядок. Обеденный стол был очищен — видимо, на нем танцовали хористки, — тарелки были раскиданы по всему полу, бутылки лежали на столах и стульях. Все были мертвецки пьяны. Пьяные женщины и девушки развалились на кушетках и в креслах; на их накрашенных лицах был написан ужас.

Г-н Бойд сказал мне, что каким-то случайным образом, когда они очищали стол для танцев... и швыряли бутылки и стаканы куда придется, одной из девушек попала в голову бутылка и, кажется, с ней очень плохо.

Президент Гардинг стоял, прислонившись к камину; поблизости стояли его телохранители, и я шепнул одному из них, чтобы они прежде всего уведли отсюда президента...

Пострадавшая лежала без сознания на диване в одной из комнат... Я не посмел вызвать в этот дом врача или карету скорой помощи; поэтому я взял не подававшую признаков жизни девушку на руки, положил ее в свою машину и отвез в больницу за отелем «Гамильтон». Там она пролежала несколько дней без сознания, а потом ее оперировали»¹.

Не зря Уильям Аллен Уайт писал впоследствии о временах Гардинга: «История Вавилона — это сказочка для маленьких детей в сравнении с историей Вашингтона за время с июня 1920 г. до июля 1923 г.»

---

¹ О деятельности Гастона Б. Минса при Гардинге см. главу V, раздел 3.

Глава V

ГАЛЕРЕЯ МОШЕННИКОВ

1. «Совсем как в доброе старое время»

Через месяц после вступления Гардинга на пост президента в столице появился некий полковник Чарльз Р. Форбс — краснолицый, шумливый пьяница и авантюрист, любивший разводить турусы на колесах и отличавшийся бесцеремонностью в обращении с прекрасным полом. В войну он был награжден французским орденом и американской медалью за боевые заслуги. В его пестрой биографии значились и дезертирство из армии Соединенных Штатов, и грязные политические махинации во время избирательной кампании на Западном побережье, и подозрительные подряды, и сугубо прибыльная подпольная спекуляция на Филиппинских островах, где он провел несколько лет на государственной службе.

Форбс приехал в Вашингтон ранней весной 1921 г. по приглашению самого Гардинга...

С сенатором Гардингом и его супругой он познакомился на Гавайских островах незадолго до войны. Гардинги были очарованы его неисчерпаемым запасом анекдотов и шумной любезностью. Форбс встретил в Гардинге приятного партнера по покеру, которого не волновали проигрыши, и между полковником и будущим президентом и его женой завязалась тесная дружба. Во время избирательной кампании 1920 г. Форбс, бывший тогда заместителем председателя «Хэрли Мэзон констракшен компани» в Такоме, энергично агитировал за Гардинга на Западном побережье. После выборов Гардинг пригласил своего друга в Вашингтон и назначил его начальником Управления по страхованию от военных потерь. Вскоре после этого Форбс был назначен начальником вновь созданного Управления помощи ветеранам войны...

На этом посту Форбс ведал всеми госпиталями для ветеранов в США, оставшимися после войны запасами

медикаментов и госпитального имущества и строительством новых госпиталей для ветеранов. Бюджет Управления помощи ветеранам составлял примерно 500 млн. долларов в год.

Бравый полковник, не теряя времени, приступил к разработке попавших в его руки золотых россыпей. Он сразу же набрал себе штат помощников и прочих подчиненных из числа своих приятелей и старых собутыльников, которые, он был уверен, будут делать в точности то, что им будет приказано, и, подобно ему самому, не станут проявлять излишней шепетильности, когда дело дойдет до взяток и растрат. Вскоре в отделениях Управления помощи ветеранам обосновались беспардонные мошенники и мелкие аферисты, которые разъезжали по всей стране, устраивали дикие оргии и вообще вели роскошную жизнь за счет государственных средств, предназначенных для оказания помощи инвалидам войны.

Мы приведем характерный отрывок из письма одного из разъездных агентов Форбса, Р. А. Триппа, своему непосредственному начальнику в Вашингтон:

«Мы живем совсем как в доброе старое время, — нехватает только тебя. Охотничий сезон здесь в разгаре: кролики на обед, фазаны на ужин, вина, пиво, виски, — и, слава те, господи, мы еще ни одной вечеринки не пропустили. Нас с Коллинсом приглашают повсюду. В прошлую среду напились до чортиков, запивая кролика и все прочее. А в субботу были такие вина!.. Вот это жизнь! Мы едим и пьем с мэром, шерифом и прокурором... К чорту главную контору и работу. То ли дело разъезжать — вот эта работа мне по душе!»

По поводу места расположения одного госпиталя Трипп шутливо заметил:

«Опасность пожара — да что говорить! Если бы только Форбс мог увидеть эту «прекрасную» высокую (3 фута) траву; если случится пожар, она так и вспыхнет, как порох».

Письмо заканчивалось следующими словами:

«Так вот, старина, чудесное времечко — лучше не надо, а как только нам удастся снять эмбарго на грузы, дела наши будут закончены. Посмотрели бы вы на нас!»

Сообщите мне, когда Форбс собирается продавать подряды, тогда я куплю себе Ролс-Ройс. Спешу на выпивку, а пока до свиданья!»

Сам полковник Форбс, подобно своим сотрудникам, непоколебимо верил в то, что работу надо чередовать с развлечениями. Из всех его подвигов на посту главы Управления помощи ветеранам об этом ярче всего свидетельствуют его отношения с представителем «Томпсон—Блэк конетракшен компани» Элиасом Г. Мортимером.

Они познакомились в начале 1922 г. и вскоре вступили в негласные переговоры по поводу обширной программы жилищного строительства, разрабатывавшейся в то время Управлением помощи ветеранам. В одной из* первых бесед на эту тему Форбс поведал Мортимеру о своих прежних подвигах на строительном поприще. Он многозначительно заявил: «Мы устраивались так, что никто не оставался в накладе».

В апреле того же года в вашингтонской квартире Форбса состоялось небольшое тайное совещание. На нем присутствовали Форбс, Мортимер и владельцы «Томпсон—Блэк конетракшен компани» Дж. У. Томпсон и Джемс Блэк. Форбс информировал собравшихся о том, что он намерен сдать несколько крупных подрядов на постройку госпиталей, причем место постройки пока еще сохраняется в тайне. Он предполагает вскоре совершить поездку по стране, чтобы принять окончательные решения по этому вопросу. Форбс пригласил Мортимера с его веселой молодой супругой отправиться в эту поездку вместе с ним.

«Вы сможете лично познакомиться с обстановкой в Чикаго, — сказал Форбс. — Там мы собираемся построить госпиталь стоимостью в 5 млн. долларов. Мы будем также строить госпитали в Ливерморе, штат Калифорния, и на Америка-Лэйк в окрестностях Такомы. На обратном пути вы сможете остановиться в Сент-Клауд, штат Миннесота; таким образом вы узнаете все раньше других».

Вдруг Форбс отвел Мортимера в сторону. Он находится, объяснил он, в довольно затруднительном положении, о чем не решается сказать при всех. Попросту говоря, он несколько «поистратился»...

«Чем я могу быть вам полезен?»—спросил Мортимер.

«Мне нужно тысяч пять долларов», — ответил полковник.

Мортимер договорился со своими партнерами о выдаче Форбсу этой суммы, и затем компания разошлась.

Согласно договоренности, эти 5 тыс. долларов были только задатком. По условиям окончательного соглашения между Форбсом и подрядчиками он должен был получить одну треть всех доходов фирмы «Томпсон—Блэк» от постройки госпиталей.

Летом полковник Форбс, Мортимер и его супруга вместе путешествовали по стране. Первую остановку они сделали в Чикаго, где занимались в основном устройством роскошных приемов для своих деловых знакомых и личных друзей в отеле «Дрэйк». Кстати сказать, за свои номера в отеле они платили по 50 долларов в сутки.

Несмотря на это веселое времяпрепровождение, а может быть, и благодаря ему, между полковником и его спутниками вскоре возникли несколько неловкие отношения. Впоследствии Мортимер рассказывал:

«...Номер полковника Форбса находился справа от нашего... Когда я пришел к нему как-то в 4 часа 30 мин. дня, полковник Форбс и г-жа Мортимер сидели на кровати и играли в кости... Тут же стояла бутылка виски, а Форбс был без пиджака...»

Мортимера такие вещи раздражали, но вначале он не давал личным обидам портить его деловые отношения с Форбсом. Они продолжали своё путешествие вместе и приехали в Калифорнию, и все это время, по словам самого Мортимера, они «веселились напропалую изо дня в день».

Тем временем верный помощник Форбса, главный юрисконсульт Управления помощи ветеранам Чарльз Ф. Крамер, получал в Вашингтоне запечатанные заявки на подряды по постройке правительственных госпиталей. По указанию Форбса, Крамер их распечатывал и немедленно сообщал их содержание по телефону в Калифорнию. Несмотря на то, что эти сведения полагалось хранить в тайне, Форбс передавал их Мортимеру, с тем чтобы фирма «Томпсон—Блэк» могла соответственно калькулировать свои заявки...

Форбс был в восторге от того, что все шло так гладко. «Мы разбогатеем!»—радостно заверял он Мортимера.

Мортимер, однако, несмотря на рост своих доходов, находил положение все более неприятным. К концу лета его терпение иссякло, и он твердо заявил жене и Форбсу, что ему надоели их более чем дружеские отношения.

Вернувшись через несколько недель на восток, Мортимер навсегда расстался со своей супругой. Одновременно тайное сотрудничество между полковником Форбсом и фирмой «Томпсон—Блэк» оборвалось...

Взятки, которые Форбс получал за сдачу подрядов на строительство госпиталей для ветеранов, служили лишь одним из многочисленных источников его доходов на посту руководителя Управления помощи ветеранам.

Закупая материалы для правительства по баснословно высоким ценам и продавая правительственное имущество за ничтожную долю его стоимости, он заручился расположением многих дельцов. Последние, разумеется, охотно делились с Форбсом своими прибылями.

Форбс купил, например, у одной дружественной ему фирмы на 70 тыс. долларов мастики для пола. Впоследствии подсчитали, что этого количества Управлению помощи ветеранам¹ хватило бы на сто лет. За галлон этого добра, стоивший примерно два цента, полковник платил 87 центов.

Объектом крупнейшей аферы Форбса были огромные правительственные склады в Перривилле, штат Мэриленд, состоявшие из пятидесяти с лишним зданий, в которых хранилось огромное количество медикаментов и других товаров. Не объявляя публично о распродаже этих запасов, Форбс подписал контракт с бостонской фирмой «Томпсон энд Келли» на продажу всего наличия товаров. В день подписания контракта на станцию Перривилл прибыло 15 порожних товарных вагонов; не прошло и недели, как со складов было вывезено более ста пятидесяти вагонов различных товаров и материалов.

Фирма «Томпсон энд Келли» заплатила за эти товары всего 600 тыс. долларов; действительная же их стоимость составляла по меньшей мере 6 млн. долларов.

К концу 1922 г. изо всех уголков страны от ветеранов, высших офицеров армии и флота, от дельцов, которым не удалось нажиться на контрактах с Управлением помощи ветеранам, в Вашингтон стали поступать

возмущенные жалобы на деятельность Управления под руководством Форбса.

Перривиллское дело было последней каплей, переполнившей чашу.

В начале января 1923 г. президент Гардинг вызвал полковника Форбса в Белый дом. Форбс принес с собой кипу старых, сильно потертых бумаг, с помощью которых он хотел доказать, что проданные им в Перривилле товары «не представляли никакой ценности». На президента это не произвело впечатления. Он сказал своему другу, что беззакония в Управлении помощи ветеранам пора кончать. В том же месяце Форбс уехал в Европу и из Франции прислал президенту заявление об отставке.

Весной того же года сенат решил расследовать деятельность Управления помощи ветеранам. Гласное расследование началось в Вашингтоне в октябре.

В числе свидетелей был и сам полковник Форбс, только что возвратившийся из Европы.

«Я работал по 16 часов в сутки... — заявил Форбс о своей деятельности в Управлении, — и любил ветеранов, как никто другой».

В качестве свидетеля выступал также подрядчик Элиас Мортимер, который описал во всех интимных подробностях свои отношения с Форбсом, а также и отношения Форбса с бывшей г-жой Мортимер. После показаний Мортимера на заседании комиссии появился поверенный г-жи Мортимер, ходатайствовавший о разрешении его клиентке выступить в качестве свидетельницы, чтобы таким образом публично защитить свою репутацию. Поверенный сказал — и это было, пожалуй, самым поэтическим заявлением, сделанным в ходе расследования: «Репутация женщины хрупка и нежна, как узоры на оконном стекле в морозное утро: дохнешь — и от них не останется и следа. И в то же время репутация женщины — это ее самое драгоценное достояние».

После этого расследования полковник Форбс был предан суду по обвинению в злом обмане правительства Соединенных Штатов. Федеральный суд признал его виновным и приговорил к тюремному заключению на срок в 2 года и штраф в 10 тыс. долларов.

Впоследствии было подсчитано, что жульнические проделки Форбса на посту начальника Управления помощи ветеранам обошлись американскому народу при-

мерно в 200 млн. долларов, добрая доля которых застряла в карманах самого Форбса.

И все же, как ни внушительна эта сумма, она составляет лишь незначительную часть колоссальных государственных средств, разграбленных чиновниками и крупными дельцами в бытность Гардинга президентом США.

2. Доум и Хиллс

Однажды в начале весны 1922 г. глава «Синклер ойл компани» Гарри Синклер, президент рокфеллеровской «Прэри ойл энд гэс компани» Джемс О'Нийл и еще два представителя делового мира¹ расположились на обед в аристократическом клубе банкиров в Нью-Йорке. Они встретились, чтобы поговорить о сугубо секретной много-миллионной сделке с нефтеносными землями.

«Хотел бы я, — сказал один из присутствующих, — стать года на два министром военно-морского флота».

«Пожалуй, — ответил Синклер, — вы были бы тогда устроены получше президента».

«Уж я бы сколотил несколько миллионов!»

«Но после этого вам придется вести себя поосторожнее, — внушительно сказал Синклер, — каждый должен будет выпутываться как сумеет».

«А что если потом начнутся неприятности? Кто их будет улаживать?»

«Если у «Синклер ойл компани» нехватит для этого сил, то у «Стандард ойл» хватит, — заметил О'Нийл, фирма которого была тесно связана с концерном «Стандард». — Ведь мы получаем до 100 миллионов долларов прибыли в год».

Тайная сделка, о которой шла речь, касалась аренды некоторых нефтеносных участков в Типот Доум, штат Вайоминг, числившихся в нефтяном резерве военно-морского флота.

В течение ряда лет крупнейшие нефтяные компании Америки добивались контроля над богатыми нефтяными

---

¹ Хотя на этот счет высказывается очень много различных предположений, фамилии двух дельцов, обедавших с Синклером и О'Нийлом, до сих пор точно не установлены. Содержание их беседы стало известно из показаний одного из свидетелей, вызванного сенатской следственной комиссией. Этот свидетель подслушал часть их разговора.

месторождениями в штатах Вайоминг и Калифорния, которые в 1909 г. приказом президента Уильяма Х. Тафта, впоследствии санкционированным конгрессом в форме закона Пикетта, были включены в резерв военно-морского флота. В эту группу входили месторождения в Элк Хиллс, Калифорния (резерв военно-морского флота № 1), в Буэна Виста Хиллс, Калифорния (резерв военно-морского флота № 2) и в Типот Доум, Вайоминг (резерв военно-морского флота № 3). Смысл создания этих резервов заключался в том, чтобы сохранить нефть в недрах для использования ее в будущем американским флотом в случае истощения нефтяных промыслов, обслуживающих нормальное гражданское потребление.

Во время первой мировой войны и в начале послевоенного периода, когда цены на нефть достигли небывало высокого уровня, американские нефтяные короли упорно стремились наложить лапу на резервы военно-морского флота. Когда президентом стал Гардинг, нефтепромышленники решили, что настал их час...

Через несколько недель после своего вступления на пост президента Гардинг, несмотря на решительное сопротивление высших морских офицеров, издал приказ о передаче контроля над нефтяными резервами военно-морского флота из рук морского министерства в министерство внутренних дел. Дальнейшая судьба этих резервов зависела, таким образом, от министра внутренних дел Альберта Б. Фолла.

Этот сварливый, вспыльчивый человек с обвислыми седыми усами и длинными вьющимися седыми волосами походил на состарившегося охотника из северных лесов. Он имел единственное желание: нажить как можно больше денег, сделать это как можно быстрее и любыми возможными средствами.

Через неделю после опубликования приказа Гардинга Фолл обратился о секретным письмом к президенту «Пан-Америкэн петролеум энд транспорт компани оф Калифорния» Эдуарду Л. Догени. В этом письме, в частности, говорилось:

«Возможность конфликтов между чиновниками морского ведомства и моим министерством исключена, так как я уведомил министра Дэнби, что буду вести дела по сдаче в аренду нефтеносных участков из резерва военно-морского флота под руководством

самого президента, не прибегая к советам представителей морского ведомства, за исключением тех случаев, когда я буду консультироваться по вопросам политики лично с Дэнби. Он понимает обстановку и знает, что я буду вести дело так, как сочту целесообразным...»

Миллионер-нефтепромышленник Эдуард Л. Догени с такой же страстью стремился эксплуатировать «новые нефтяные источники, с какой он ненавидел большевизм. Это был старинный друг Фолла: много лет назад они вместе вели разведку нефтяных месторождений на юго-западе США, а теперь им снова предстояло делить между собой барыши от аферы с нефтью.

Но некоторые препятствия помешали Фоллу сразу же сдать нефтяные резервы военно-морского флота в аренду компании Догени. В частности, ему мешало Бюро жидкого топлива, учрежденное при морском министерстве для охраны этих резервов. В октябре 1921 г. другой приятель Фолла, министр военно-морского флота Эдвин Н. Дэнби, упразднил это бюро.

Сразу же после этого Фолл, сидя у себя в министерстве, связался по телефону с Догени, который был в это время в Нью-Йорке.

«Вот теперь,—сказал он Догени,—я могу занять у вас денег». Нефтяной магнат немедленно послал своего сына Эдуарда Л. Догени младшего в банк, где тот получил 100 тыс. долларов наличными. Положив деньги в небольшой черный портфель, Догени младший отправился в Вашингтон и там передал их лично министру внутренних дел.

Вскоре после этого Фолл сдал в аренду компании Догени «Пан-Америкэн петролеум энд транспорт компани» все нефтеносные земли резерва военно-морского флота № 1 в Элк Хиллс, Калифорния, сроком на 15 лет.

Окружной судья штата Калифорния Поль Дж. Мак-Кормик впоследствии заявил:

«На деле это означало передачу в полное распоряжение компании по меньшей мере на 15 лет около 30 тыс. акров ценных нефтеносных земель, которые, по имевшимся подсчетам, содержали от 75 до 250 млн. баррелей нефти».

Догени выражался проще. «Мы будем неудачниками, если не заработаем на этом деле 100 млн. долла-

ров», — заявил этот нефтяной магнат (кстати сказать, его собственный железнодорожный вагон назывался «Патриот») по поводу запланированного им расхищения нефтяных запасов военно-морского флота.

Ведя тайные переговоры с Догени, Фолл одновременно договаривался о подобной же подпольной сделке и с главой «Синклер ойл компани» Гарри Ф. Синклером.

Утром 31 декабря 1921 г. Синклер и его поверенный полковник Дж. В. Зевели, в честь которого Синклер назвал свою знаменитую скаковую лошадь «Зев», прибыли в собственном вагоне Синклера из Нью-Йорка в Три Риверс, штат Нью-Мексико, чтобы увидеться с Фоллом, который проводил рождественские каникулы в своем поместье неподалеку от этой станции. Это был необычный визит. «Я приехал в Три Риверс, — заявил потом сам Синклер, — чтобы обсудить с министром внутренних дел Фоллом вопрос о сдаче в аренду Типот Доум».

После еще нескольких тайных встреч между Синклером, Зевели и Фоллом, состоявшихся в Вашингтоне и Нью-Йорке, в вашингтонской конторе полковника Зевели был тайком составлен договор о передаче нефтяного месторождения Типот Доум в аренду Синклеру. 7 апреля этот договор был подписан Фоллом и Синклером.

Месяц спустя Синклер отправился в Вашингтон и там без свидетелей в собственном вагоне вручил зятю Фолла М. Т. Эверхарту 198 тыс. долларов облигациями Займа свободы. В том же месяце Эверхарт выехал в Нью-Йорк и там в кабинете Синклера получил для передачи своему тестю еще 35 тыс. долларов облигациями и 36 тыс. долларов наличными. Осенью Синклер снова посетил поместье Фолла и там вручил ему еще 10 тыс. долларов наличными, а в январе 1923 г. в своем номере в вашингтонском отеле «Вардман Парк» подарил министру внутренних дел еще 25 тыс. долларов.

Всего Фолл и его зять получили от Гарри Синклера 223 тыс. долларов облигациями Займа свободы и 71 тыс. долларов наличными.

И с точки зрения Синклера это было не так уж много. Выступая в январе 1923 г. на заседании сенатской комиссии по вопросам промышленности, Синклер заявил: «Я считаю, что стоимость имущества компании «Маммос» в настоящее время — это только мое предположение — превышает 100 миллионов долларов».

Синклер имел в виду «Маммос ойл компани», которую он создал специально для эксплуатации нефтяного месторождения Типот Доум.

Хотя договоры на аренду нефтяных месторождений Типот Доум и Элк Хиллс были заключены на выгодных условиях, они не преминули вызвать серьезные подозрения у некоторых; морских офицеров и членов конгресса.

В сенате Роберт М. Лафоллет провел резолюцию, поручавшую сенатской комиссии по контролю над государственными землями провести расследование по вопросу о сдаче в аренду нефтяных резервов военно-морского флота в Типот Доум и Элк Хиллс.

В то же время другие нефтепромышленники решительно запротестовали против того, что арендный договор был заключен без торгов, в которых они могли бы участвовать. Все громче становились требования, чтобы Фолл подал в отставку.

Но Фолл упорно цеплялся за свое место до той минуты, пока не завершил последнюю из своих тайных сделок с Синклером и Догени. Наконец, 4 марта 1923 г. он вручил президенту Гардингу заявление об отставке.

Неохотно приняв его отставку, Гардинг заявил, что он предлагал Фоллу должность члена верховного суда США, но тот, устав от тревожностей, связанных со служением народу, и желая возвратиться к частной жизни, с благодарностью отклонил это предложение.

«Я, кажется, могу считать себя великомучеником,— публично заявил Фолл, имея при этом в виду первых христиан, которые встречали гимнами смерть на арене цирка от рук гладиаторов, — и признаюсь, я испытываю приятное удовлетворение при мысли о приближении моей политической смерти».

Перед отъездом из Вашингтона Фолл приобрел роскошную мебель для своего кабинета в министерстве внутренних дел и отправил ее в свое поместье в Три Риверс, штат Нью-Мексико. Эта мебель оценивалась в 3 тыс. долларов. Фолл уплатил за нее 231 доллар 35 центов.

Проживая в своем поместье, Фолл получил из Вашингтона следующее письмо:

«Мой дорогой Фолл!

Пишу Вам только для того, чтобы выразить свою признательность за все то хорошее, что Вы

сделали для меня за два года своего пребывания в составе правительства. Мне известно, что подавляющее большинство нашего народа глубоко сожалеет о Вашем уходе из министерства внутренних дел. На моей памяти это министерство никогда не имело такого инициативного и законопослушного руководителя, как Вы.

Я надеюсь, что наступит время, когда Ваши личные дела позволят Вам вновь вернуться к общественной жизни, потому что людей, которые в состоянии выносить ее удары и огорчения, очень мало, и они должны нести свое бремя».

Это письмо было подписано: «Преданный Вам Герберт Гувер».

3. Г-н Смит отправляется в Вашингтон

«Раньше я не дал бы и тридцати центов за должность министра юстиции, — сказал Гарри М. Догерти через год после своего вступления на этот пост, — но теперь я не отказался бы от нее и за миллион долларов».

В период пребывания Догерти на посту министра юстиции его министерство проводило в числе прочих следующие доходные операции:

прекращение различных дел, возбужденных в федеральных судах против крупных компаний, и отказ от преследования их за мошенничества, совершенные в годы войны, и за нарушения антитрестовских законов;

торговля помилованиями и решениями о досрочном освобождении лиц, приговоренных федеральными судами к тюремному заключению;

изъятие спиртных напитков со складов, опечатанных за неуплату налогов, и продажа этих напитков; торговля должностями федеральных судей и окружных прокуроров;

распродажа различного имущества, конфискованного властями за нарушение федеральных законов.

«Мы в бирюльки не играли, — заявил как-то агент министерства юстиции Гастон Б. Минс. — Урожай созрел, и мы знали, что убирать его — наше дело».

При Гардинге в правительственном аппарате не было более беспринципного и ловкого авантюриста, чем

Гастон Б. Минс — массивный детина с Юга, весом в 200 фунтов, с нависшим лбом, редеющими волосами и маленькими глазками на бледном одутловатом лице. Минс был когда-то агентом германской разведки и работал под начальством германского военного атташе, капитана Карла Бой-Эд, возглавлявшего шпионскую сеть в США. Время от времени он выполнял также шпионские задания мексиканского, японского и английского правительств. Несколько лет он прослужил в сыскном агентстве Уильяма Дж. Бернса в качестве тайного агента. Когда министр юстиции Догерти назначил Бернса директором Бюро расследований министерства юстиции, последний привез Минса с собой в Вашингтон. По мнению Бернса, Минс был «лучшим следователем по делам, связанным с коммерческими операциями».

В круг разнообразных обязанностей Минса как агента Бюро расследований входило: получение взяток с людей, продававших из-под полы спиртные напитки, продажа конфискованных напитков, посредничество в тайных сделках между министерством юстиции и преступным миром и слежка за членами конгресса, которые требовали расследования деятельности министра юстиции Догерти.

Как показывал потом Минс следственной комиссии сената, он лично собирал сотни тысяч долларов за выдачу разрешений на торговлю спиртными напитками и за «охрану» различных гангстерских предприятий от вмешательства федеральных властей.

В своей книге «Странная смерть президента Гардинга» Минс описывает, как он собирал эту «дань»:

«Крупные спекулянты, которые вели незаконную торговлю спиртными напитками в Нью-Йорке, стремились купить себе покровительство федеральных властей... В преступном мире стало известно, что за это покровительство они могут платить мне. Я жил тогда в отеле «Вандербилт».

Мы действовали очень просто. В то время у нас было 25 агентов — все «свои люди» в преступном мире. Каждый из них должен был регулярно сообщать нам, сколько зарабатывает тот или иной торговец спиртными напитками. На основании докладов этих агентов мое начальство устанавливало, сколько каждый из них должен платить за покро-

вительство. Затем это доводилось до сведения торговцев...

Мы не хотели, чтобы торговцы спиртными напитками вручали эти деньги какому-нибудь определенному лицу. Я снимал еще одну комнату в том же отеле, только на другом этаже, скажем, № 518. В списке жильцов эта комната числилась за другим лицом. Таким же порядком я снимал и соседний № 517.

В комнате № 518 я ставил вместительную круглую стеклянную вазу, вроде большого аквариума для золотых рыбок.

В двери, которая вела в соседний номер, мы проделали щелку, через которую можно было подглядывать, что там делается. Ваза устанавливалась в комнате № 518 на столе так, что сразу бросалась в глаза всякому входящему».

«Покупатели покровительства» приглашались в тот номер, где стояла ваза.

«Они входили в комнату № 518, но там никого не оказывалось; тут они замечали вазу, в которой всегда лежали ассигнации. Через щелку в двери я мог все время наблюдать из комнаты № 517. Посетителям предлагалось приносить деньги купюрами не меньше чем в 500 долларов. Вошедший клал в вазу определенное число бумажек в 500 или 1000 долларов. Я следил за ним для того, чтобы удостовериться в том, что он положил деньги в вазу и что он ничего оттуда не вынул. Как только он выходил из комнаты, я в мгновение ока открывал дверь из соседней комнаты, запираю дверь в коридор и проверяю деньги. За все это время никто меня не обсчитал! Затем я оставляю в вазе, скажем, 10 тыс. долларов, снова отпираю дверь в коридор и жду следующего посетителя...

Подпольные торговцы спиртными напитками в таких делах действуют напрямик. Видя в вазе деньги, они проникались уверенностью, что и другие тоже платят за покровительство властей...»

Минс далее рассказывает:

«Мы охватили... таким способом, кроме города и штата Нью-Йорк, также и штаты Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Джерси и Восточную Пенсильванию.

Я бы сказал, что каждая поездка приносила нам, по самым скромным подсчетам, четверть миллиона долларов.

Всего же через вазу и через мои руки прошло не менее 7 млн. долларов»¹.

По словам Минса, он передавал их личному секретарю и доверенному лицу Догерти — Джесси Смигу.

Джесси Смит отнюдь не был создан для работы, которую ему пришлось выполнять при министре юстиции. Этот пожилой несколько женоподобный толстяк раньше содержал галантерейную лавку в небольшом городке Вашингтон Корт Хауз в штате Огайо и больше всего на свете любил толковать о качествах различных тканей. Близкий друг и почитатель Догерти, он с радостью принял приглашение приехать в Вашингтон, чтобы «помогать» Догерти в государственных делах. Вначале Смит был ошеломлен непривычной атмосферой в столице и своим общением с самыми знаменитыми людьми страны, но вскоре сделался частым гостем в Белом доме; он старался почаще фотографироваться рядом с президентом Гардингом, а иногда отправлялся с г-жой Гардинг по магазинам, с большим знанием дела помогая ей выбирать шляпы, платья и шали.

Не занимая никакого официального поста, Смит, тем не менее, сидел за столом прямо у входа в кабинет министра юстиции. Вскоре в Вашингтоне стало известно, что всякий желающий снискать расположение Догерти должен сначала «подъехать к Джессу»².

Вскоре после того, как Смит приехал в Вашингтон, у него завелись крупные деньги. «Всем нам живется

---

¹ Документальных данных, подтверждающих красочный рассказ Минса о способах собирания взяток и «платы за покровительство», не имеется. Однако факт получения сумм, составляющих сотни тысяч долларов, и то обстоятельство, что они потом передавались доверенному лицу Догерти, Джесси Смигу, подтверждаются вескими доказательствами.

Учитывая, что Гастон В. Минс был невообразимым лгуном, автор рискнул привести лишь те выдержки из его книги, достоверность которых подтверждается другими показаниями; в тех случаях, когда таких показаний нет, это должным образом оговаривается.

² Имя Смита в Вашингтоне быстро переделали из Джесси в «Джесс», и скоро он сам принял этот сокращенный вариант, подписывая им даже свои «официальные» письма в министерстве юстиции.

сейчас куда лучше, чем раньше», — весело говорил он своей бывшей жене, Рокси Стинсон. Они поженились в 1908 г. и, хотя их совместная жизнь продолжалась менее двух лет и закончилась разводом, они сохранили теплые, дружеские отношения.

Из столицы Смит часто посылал Рокси Стинсон в Вашингтон Корт Хауз крупные суммы наличными деньгами. Иногда эти деньги предназначались для нее лично, а иногда он поручал ей покупать те или иные акции через маклерскую фирму, где Смит открыл для нее счет на чужое имя. Смит и сам имел несколько таких подставных счетов у различных маклеров и проводил большую часть своего времени в министерстве юстиции у личного телефона министра, связываясь с маклерами и поручая им покупать или продавать акции крупных компаний.

Вскоре этот бывший владелец галантерейной лавки уже рассуждал о крупных финансовых проблемах с небрежным видом опытного банкира. «За последние дни, — сообщил он Рокси Стинсон в одно из своих посещений Вашингтон Корт Хауза, — пять человек заработали 33 миллиона долларов».

«А вы с Гарри тоже участвовали в этом?» — спросила она.

«Нет, — ответил он горестно. — Вот почему нам и досадно. Да вдобавок еще это были наши друзья».

Но он в это время уже занимался другими грандиозными планами.

Не последнее место среди них занимал проект, связанный с медным концерном «Америкэн металс компани», находившимся под контролем международного капитала.

Во время войны значительная доля акций «Америкэн металс» была конфискована Управлением по охране секвестрированной иностранной собственности в США, как принадлежащая Германии, и продана правительством с аукциона за 7 млн. долларов. Осенью 1921 г. некий Ричард Мертон посетил это управление, отрекомендовался представителем некой «швейцарской компании» и заявил, что его фирма является законным владельцем акций, проданных с аукциона, и, следовательно, американское правительство должно ей 7 млн. долларов. Претензии «швейцарского представителя» были

втихомолку признаны обоснованными, и по требованию Мертона 7 млн. долларов были переданы «Сосиете сюисс пур валер де мето» — германской фирме, скрывавшейся под швейцарской вывеской.

В этой операции Мертону помогал ряд лиц, и все они были щедро вознаграждены. Член национального комитета республиканской партии Джон Т. Кинг из штата Коннектикут, служивший главным посредником при переговорах, получил в подарок от Мертона 391 тыс. долларов облигациями Займа свободы и чек на 50 тыс. долларов. Из этой суммы 50 тыс. долларов было уплачено за «услуги» начальнику Управления по охране секвестрированной иностранной собственности в США Томасу У. Миллеру. А в знак благодарности за организацию некоторых «знакомств» в правительственных кругах и за всякую прочую помощь 224 тыс. долларов было передано личному помощнику министра юстиции Дотерта — Джесси Смигу.

Однако игра становилась для Смита слишком крупной. Чем больше он втягивался в грандиозные финансово-политические махинации вашингтонских деятелей, тем больше они его тревожили. «Я не создан для этого, — писал он Рокси Стинсон. — Эти интриги сведут меня с ума. Эх, если бы я мог просто уехать домой! Но теперь я уже увяз в этих делах и должен помогать Гарри...»

Весной 1923 г. у Смита появились новые основания для беспокойства. Всплыли на свет некоторые подробности хищений, которыми занимался полковник Форбс в Управлении помощи ветеранам. Сенатская комиссия по контролю над государственными землями занималась расследованием дел о сдаче в аренду Типот Доум и Элк Хиллс; министр внутренних дел Фолл только что вышел в отставку. Долго ли, спрашивал себя Смит, кому-нибудь обнаружить, что творится в министерстве юстиции?

Когда Смит посетил Вашингтон Корт Хауз (штат Огайо) в апреле этого года, он уже боялся всего. В разговоре с Рокси Стинсон он сказал, что знает «слишком много» и больше никому не доверяет. Даже те, с кем он был так тесно связан, — даже его старый друг Дотерти — стали относиться к нему с подозрением, считают его ненадежным человеком, который может их

выдать. А эти люди, говорил он, не останутся ни перед чем...

Когда Смит со своей бывшей женой поехали на вечеринку в Колумбус (штат Огайо), он настоял на том, чтобы вернуться в Вашингтон Корт Хауз до наступления темноты.

«Поедем домой засветло», — сказал он. На обратном пути он передал ей в поезде свой портфель, битком набитый бумагами. «Неси его, — сказал он, — я не хочу его нести».

По пути в такси с вокзала Вашингтон Корт Хауза Смит все время нервно поглядывал в заднее окно, пока, наконец, Рокси Стинсон не сказала ему: «Ну, перестань же».

«Ладно», — ответил Смит, принужденно улыбаясь.

Некоторое время они ехали молча. Потом Смит заговорил: «Они со мной разделяются, они меня прикончат».

«Да нет же!»

«Они мне намекнули на это».

«Да перестань же, — ответила она, — все будет в порядке, все будет в порядке».

«Ты бы уничтожила некоторые письма и документы».

Рокси Стинсон взяла его за руки: «Расскажи мне все, Джесси, ведь я и так уже знаю много!»

«Нет, нет, ты просто разгони мою тоску, подбодри меня».

Уезжая из Вашингтон Корт Хауза в Вашингтон, Смит уговаривал Рокси Стинсон не выходить без спутников после наступления темноты и никогда не ездить одной в машине.

«Он был перепуган, — говорила она впоследствии, — он был перепуган».

Так прошла последняя встреча Рокси Стинсон с Джесси Смитом.

На рассвете 30 мая 1923 г. Джесси Смит был найден мертвым в номере, который он занимал вместе с министром юстиции Догерти в вашингтонском отеле «Вардман Парк». Он лежал на полу с простреленной головой, в руке у него был револьвер.

Заключение следователя было — самоубийство. Глава Бюро расследований Уильям Бернс взял на себя заботу о трупе.

Перед погребением вскрытие тела не производилось.

Когда труп Смита был обнаружен в номере отеля, министра юстиции Догерти там не было. Он провел эту ночь в Белом доме.

«Этот поступок, — заявил Догерти по поводу смерти Своего старого друга, — можно объяснить только полной потерей душевного равновесия». У Смита, добавил он, был диабет в очень тяжелой форме. «Эта коварная болезнь очень отражается на рассудке... Она уже привела многих людей к самоубийству. Она подорвала волю Джесси Смита. Я всегда буду помнить своего друга, каким он был до болезни — добрым, предупредительным, верным, благородным человеком».

Всем бросилось в глаза, что на похороны Джесси Смита министр юстиции не явился.

4. Внезапная смерть

Из числа людей, связанных с правительством Гардинга и находившихся на виду, не один Смит не выдержал тяжести тайных преступлений и страха разоблачения и умер при странных или загадочных обстоятельствах. Были и другие, в том числе и сам президент Гардинг.

В начале 1923 г. в характере и внешности Гардинга произошли разительные изменения. Он уже не был похож на красивого, любезного человека, который в марте 1921 г. принес присягу как новый президент. Он потрясающе постарел и осунулся; на его изрезанном морщинами, изможденном лице был написан страх. Когда он выступал с речами, его черты иногда искажались уродливой гримасой, — это он силился улыбнуться. Он не мог сдержать дрожь в руках. Его мучила бессонница, и под глазами у него образовались большие темные мешки. Казалось, что он боится всего окружающего.

Различные сенатские комиссии неумолимо продолжали свои расследования и должны были вот-вот разоблачить всю скандальную деятельность членов правительства. Время от времени Гардинг спрашивал у немногих журналистов, которым он еще доверял, что должен делать президент, «которого предали друзья»...

В июне 1923 г. Гардинг отправился из Вашингтона в своем личном вагоне «Сюперб» на Западное побережье США и на Аляску. Но этому путешествию суждено было внезапно оборваться.

В последних числах июля, когда Гардинг возвращался на пароходе с Аляски, у него появились, как сообщалось вначале, симптомы острого отравления. По прибытии в Сан-Франциско его уложили в постель в отеле «Палас», причем на этот раз был поставлен иной диагноз — воспаление легких. Через несколько дней врачи объявили, что Гардинг «спокойно отдыхает» и находится на пути к полному выздоровлению.

Вечером 2 августа вся страна была поражена неожиданной вестью о кончине президента. «Смерть, — говорилось в официальном бюллетене, подписанном врачами Гардинга, — последовала, повидимому, от какого-то поражения мозговой деятельности, вероятно в результате кровоизлияния в мозг».

Рано утром 3 августа при неровном свете керосиновой лампы в гостиной своего деревенского дома в Плимут Нот, штат Вермонт, Кальвин Кулидж принес присягу в присутствии своего престарелого отца, мирового судьи, и стал президентом Соединенных Штатов.

Болезнь и смерть президента Гардинга были окружены рядом странных обстоятельств.

Отравление, которое по первоначальной версии послужило причиной его болезни, объясняли тем, что на пути из Аляски президент поел на пароходе крабов. Однако в списке продуктов, хранившихся в кладовой пароходной кухни, крабов не значилось. Кроме того, никто из свиты президента не пострадал от отравления.

В течение первых часов после смерти президента корреспондентам официально сообщалось, что никто из врачей при смерти Гардинга не присутствовал и что при нем была в это время только его жена. Это сообщение в дальнейшем было изменено: теперь уже говорилось, что в момент смерти в спальне Гардинга находился его главный врач, бригадный генерал Чарльз Сойер. Через три дня после смерти Гардинга «Нью-Йорк таймс» писала:

«Существует несколько версий относительно обстоятельств, при которых умер президент Гардинг... Некоторые лица, находившиеся в это время поблизости, говорили, что г-жа Гардинг бросилась к дверям спальни, призывая врачей на помощь... Люди со взвинченными нервами, потрясенные этой трагедией, не в состоянии толком рассказать, как все это произошло... В официальном бюллетене была допущена ошибка...»

Некоторые врачи из числа лечивших президента требовали вскрытия. Однако по настоянию г-жи Гардинг его похоронили без вскрытия¹.

5. *Миллионеры перед судом*

«Если бы я мог написать на его памятнике одну фразу, — сказал епископ Уильям Мэннинг в проповеди, произнесенной в соборе св. Иоанна в Нью-Йорке через несколько дней после смерти президента Гардинга, — я написал бы: «Он учил нас великой любви к ближнему». Это — величайший урок, который кто-либо может нам преподать. Да ниспосылает господь всегда нашей стране таких же преданных, мудрых и благородных правителей, каким был тот, кого мы ныне оплакиваем».

---

¹ О причинах смерти президента Гардинга впоследствии высказывались самые различные предположения. По одной версии, предвидя катастрофу, к которой привело бы разоблачение коррупции и преступлений, совершенных членами его правительства, Гардинг покончил с собой. По другой версии, г-жа Гардинг сама отравила своего мужа — либо потому, что ей стали известны подробности его взаимоотношений с Нэн Бриттон, либо потому, что она хотела спасти его от всенародного позора в связи со скандальными разоблачениями.

В 1930 г. в своей книге «Странная смерть президента Гардинга» Гастон Б. Минс, который в свою бытность агентом министерства юстиции стоял близко к Белому дому, недвусмысленно писал, что г-жа Гардинг умертвила своего мужа в сообщничестве с д-ром Чарльзом Сойером и что потом она сама почти призналась в этом ему, Минсу.

«И версия о самоубийстве, и рассказ Минса весьма правдоподобны», — пишет Фредерик Льюис Аллен в своей книге «Только вчера».

Освальд Гаррисон Виллард в книге «Боевые годы» указывает: «Я принадлежу к числу людей, считающих, что его смерть — дело нечистое...»

Ряд авторов, описывающих этот период, считает, что в смерти президента Гардинга не было ничего загадочного и что она была вызвана естественными причинами. «В этом не было ничего таинственного, — пишет Сэмюэль Гопкинс Адамс в книге «Невероятная эпоха». — Таинственность придумали возбужденные умы да еще Гастон Минс, который на этом наживался».

Каковы бы ни были истинные причины смерти президента Гардинга, она, как и смерть Джесси Смита, странным образом совпала во времени с внезапными смертями и «самоубийствами» ряда людей, тесно связанных с правительством Гардинга.

14 марта 1923 г. бывший помощник полковника Форбса и главный юрист Управления помощи ветеранам Чарльз Ф. Крамер

Но вскоре после того, как тело Гардинга было опущено в могилу, страна начала узнавать, что творилось за кулисами в дни его правления.

23 октября 1923 г. в одном из залов здания сената США сенатская комиссия по контролю над государственными землями начала публичное расследование дела о сдаче правительством в аренду нефтяных резервов военно-морского флота в Типот Доум и Элк Хиллс.

Первым давал показания сам бывший министр Фолл. Он держался надменно и даже угрожающе. Произнося длинные и запутанные речи, он возмущенно отвергал

был найден мертвым, с простреленной головой, в ванне в своей Вашингтонской квартире. Заключение следователя — самоубийство.

23 сентября 1924 г. бригадный генерал Чарльз Сойер, который был личным врачом Гардинга и, как сообщалось, находился при нем в момент его смерти, был найден мертвым в своем доме в Уайт Окс Фарм, близ Мариона, штат Огайо. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Смерть генерала Сойера произошла почти в точности при таких же обстоятельствах, как и смерть Уоррена Гардинга... Г-жа Гардинг находилась в это время в Уайт Окс Фарм. Члены семьи Сойера до самой его смерти не знали, что его состояние опасно».

12 марта 1926 г. адвокат Томас Б. Фельдер, тесно связанный с министром юстиции Догерти, замешанный в махинациях министерства юстиции и впоследствии, как и Гастон Минс, приговоренный к тюремному заключению, умер в г. Саванна, штат Джорджия. Сообщалось, что его смерть явилась результатом «приступа сердечной болезни» и «отравления алкоголем». Газета «Нью-Йорк тайме» отмечала, что незадолго до смерти Фельдер говорил о своем намерении «опубликовать в газете, которую он собирался купить в штате Джорджия, все данные по своему делу, чтобы реабилитировать себя».

3 мая 1926 г. совладелец фирмы «Томпсон—Блэк констракшен компани» Дж. У. Томпсон, который вместе с полковником Форбсом был приговорен к тюремному заключению, умер от «сердечного приступа» в Сент-Луи, штат Миссури.

13 мая 1926 г. бывший член Национального комитета республиканской партии Джон Т. Кинг, который был замешан в скандальной истории с «Америкэн металс компани», умер от «воспаления легких». Незадолго до его смерти ему было предъявлено обвинение в соучастии в заговоре с целью обмануть правительство Соединенных Штатов в связи с делом «Америкэн металс». Газета «Нью-Йорк тайме» сообщала, что правительство «хотело использовать г-на Кинга в качестве свидетеля для подтверждения сообщения об уплате 391 тыс. долларов... полковнику Миллеру, другу Догерти, покойному Джесси Смиуту и самому Кингу».

16 февраля 1928 г. Эдуард Л. Догени младший, привлеченный к судебной ответственности по обвинению в том, что он давал взятки министру Фоллу, был убит своим секретарем, который затем покончил с собой.

обвинения в сколько-нибудь неблагоприятных поступках во время его пребывания на министерском посту. Сдавая в аренду нефтяные месторождения, говорил Фолл, он руководствовался, как и во всех случаях, самыми возвышенными патриотическими соображениями.

Показания Фолла подтвердил Гарри Синклер, который категорически заявил, что в результате деловых отношений, которые он имел с министром внутренних дел, последний не получил «никаких прямых, или косвенных, или каких-нибудь иных выгод или доходов». Эдуард Л. Догени заявил комиссии дрожащим от волнения голосом, что он возмущен до глубины души позорными обвинениями, взведенными на его старого друга Альберта Фолла. «Я прошу занести в протокол,— сказал Догени,— что я этим возмущен, да, что я чувствую себя оскорбленным этими обвинениями».

Но в течение последующих недель перед комиссией проходили десятки геологов, морских офицеров, специалистов по нефти, правительственных чиновников и других свидетелей; разоблачение следовало за разоблачением, и клубок преступных махинаций, подкупов и мошенничеств медленно, но неумолимо распутывался.

К началу 1924 г. верхушка нефтепромышленников США ощутила серьезную тревогу. Распространился слух о том, что сенатская комиссия намерена привлечь к судебной ответственности ряд крупнейших деятелей нефтяной промышленности. Нефтяные магнаты стали поспешно покидать США,

16 января на борту парохода «Париж» отправился во Францию Гарри Синклер, из осторожности не вписав своей фамилии в список пассажиров. В феврале президент «Прэри ойл энд гэс компани» Джемс О'Нийл и президент «Мидуэст рифаининг компани» Генри Блэкмер вышли в отставку и также уехали в Европу. Председатель правления «Стандард ойл оф Индиана» полковник Роберт Стюарт спешно выехал в Мексику и оттуда в Южную Америку. Глава фиктивной «Континентал трейдинг компани» Х. С. Ослер отправился в Африку «охотиться на львов»¹.

---

¹ «Континентал трейдинг К⁰» была фиктивной компанией, которую зарегистрировали в Канаде в конце 1921 г. Гарри Синклер, Джемс О'Нийл, полковник Роберт Стюарт и Генри Блэкмер. Дей-

По возвращении в Соединенные Штаты летом того же года Гарри Синклер был снова вызван в сенатскую комиссию. На этот раз он вообще отказался отвечать на вопросы на том юридическом основании, что его ответы могут быть использованы как обвинительный материал против него же самого. Федеральное Большое жюри предъявило ему обвинение в неуважении к сенату.

30 июня 1924 г. специальное федеральное Большое жюри предъявило Альберту Фоллу, Гарри Синклеру, Эдуарду Догени и Эдуарду Догени младшему обвинение в преступном сговоре и взяточничестве.

За этим последовали долгие месяцы судебной волокиты. Целая армия дорогих адвокатов, нанятых нефтяными королями, цеплялась за всякий возможный повод, чтобы затормозить и сорвать отправление правосудия.

Только в марте 1927 г. Синклер предстал перед судом по обвинению в неуважении к сенату, был признан

ствуя за этой ширмой, четверо участников тайно договорились о закупке более 300 млн. баррелей нефти со вновь открытых крупных нефтяных месторождений в Мексико, штат Техас, по цене 1,50 Доллара за баррель. «Континентал трейдинг К^о» перепродавала затем эту нефть по 1,75 доллара за баррель американским компаниям, во главе которых стояли сами организаторы «Континентал». Синклер и его коллеги должны были заработать на этом деле свыше 8 млн. долларов, и ровно столько же потеряли бы держатели акций четырех американских компаний,— но афера была раскрыта сенатской комиссией, и нефтяные магнаты вернули эту прибыль своим компаниям.

Между арендой Типот Доум и операциями «Континентал» не было непосредственной связи, но, получив некоторую долю прибылей «Континентал» облигациями Займа свободы, Синклер затем передал часть этих облигаций Фоллу при заключении договора на аренду Типот Доум. Проследив путь этих облигаций, сенатские следователи и докопались до истории с «Континентал».

После успешного отъезда из Соединенных Штатов в 1924 г. нефтяные магнаты, замешанные в аферу с «Континентал», через несколько месяцев возвратились в Соединенные Штаты. Только Генри Блэкмер оставался во Франции до сентября 1949 г. и лишь тогда, дав американскому правительству согласие погасить задним числом задолженность по налогам в сумме 3 671 065 долларов и уплатить 60 тыс. долларов штрафа, возвратился в Соединенные Штаты. Тогда же стало известно, что правительство разблокировало замороженные счета Блэкмера на сумму более 10 млн. долларов. Пять обвинений, предъявленных Блэкмеру, были взяты обратно после того, как он уплатил 20 тыс. долларов в порядке окончательного урегулирования вопроса об уклонении от уплаты подоходного налога.

виновным и приговорен к трехмесячному тюремному заключению и уплате 1000 долларов штрафа.

Осенью 1927 г. Фолл и Синклер судились по обвинению в преступном сговоре с целью обмана правительства. В первый же день суда обвинение установило, что присяжные заседатели и свидетели подвергались угрозам и запугиванию со стороны сотрудников сыскного агентства Уильяма Бернса и что агентству платил за это Синклер. Выяснилось также, что делались попытки подкупить ряд присяжных заседателей. Судья объявил состав суда неправомочным.

Синклер, бывший глава Бюро расследований Уильям Бернс и несколько их соучастников были затем привлечены к судебной ответственности за попытку «подкупить, запугать и оказать давление» на присяжных. Суд признал их виновными и приговорил Синклера к 6 месяцам, а Бернса к 15 дням лишения свободы. Кассационным судом Бернс был оправдан, а Синклер отбывал наказание по совокупности за неуважение к сенату (3 месяца) и за запугивание и оказание давления на присяжных (6 месяцев).

Затем Фолл и Синклер вторично предстали перед судом по обвинению в преступном сговоре с целью обмана правительства, но оба были оправданы.

В октябре 1929 г. Фоллу было предъявлено обвинение в получении взятки от Эдуарда Л. Догени. Бывший министр внутренних дел был признан виновным, приговорен к штрафу в 100 000 долларов и к тюремному заключению на один год.

Через пять месяцев после этого Догени был привлечен к ответственности за то, что дал Фоллу взятку, но был оправдан.

«Нам уж следовало бы принять закон, — горько иронизировал по этому поводу сенатор Джордж Норрис из штата Небраска, — по которому человека, имеющего 100 млн. долларов, нельзя привлекать к суду за преступления. Тогда мы по крайней мере действовали бы последовательно».

Помимо аферы Синклера, Догени и Фолла, правительство Гардинга было замешано и в других грязных делах, которые вскрылись после смерти самого Гардинга.

Весной 1924 г. специальная комиссия сената приступила к публичному расследованию деятельности министра юстиции Гарри М. Догерти.

Испугавшись, что это может подорвать позиции республиканской партии на президентских выборах, предстоявших осенью того же года, лидеры республиканцев решили, что Догерти должен немедленно уйти в отставку. Догерти гневно отказался подчиниться этому требованию. Он назвал сенатское расследование делом рук «коммунистических агентов и их ставленников».

Только когда президент Кулидж письменно предложил Догерти подать в отставку, тот неохотно подчинился...

Одним из первых свидетелей, дававших показания специальной комиссии сената, была бывшая жена Джесси Смита, Рокси Стинсон. Она не только пересказала комиссии все, что ей говорил Смит о преступных махинациях в министерстве юстиции, но и рассказала, что ей неоднократно угрожали, пытаясь не допустить ее выступления в качестве свидетеля. «Я не Джесси Смит, — заявила она, — и уж я-то не подставлю свою голову под пулю»¹.

Среди свидетелей, выступивших перед сенатской комиссией, был также и Гастон Б. Минс. Не упуская ни малейшей детали и не скрывая некоторой гордости, Минс расписывал свои преступные похождения на посту агента Бюро расследований. В своих разоблачениях Минс, между прочим, показал, что, стремясь предотвратить расследование сенатом операции с Типот Доум и ряда других деяний, сотрудники министерства юстиции установили тайную слежку за некоторыми сенаторами.

«Вы следили и за сенатором Лафоллетом?» — спросил сенатор Уилер.

«Да», — ответил Минс.

«И вы рылись в документах в его кабинете здесь, в Капитолии, не правда ли?»

---

¹ В числе свидетелей была также г-жа У. О. Дакстейн, ранее служившая секретарем у Уильяма Дж. Бернса. На следующий день после того как она давала показания, она получила письмо от Дж. Эдгара Гувера, исполнявшего в то время обязанности директора Бюро расследований, в котором сообщалось без указания причин, что она освобождена от работы в министерстве юстиции.

«Я приказал сделать это... Мне все равно — следить за бродягой или за кем-нибудь другим... Для меня человек — это номер. Я никогда не спрашиваю, кто он... Мы следили за тысячами людей. За епископами, за священниками».

Председатель комиссии сенатор Смит Брукхарт перебил его. «Когда и по чьему приказу, если вам это известно, — спросил он, — была введена в Соединенных Штатах эта страшная система слежки?»

«Я не знаю ни одного случая, когда на горизонте появился бы кандидат на какой-нибудь пост... и о нем не стали бы собирать сведения. Финансисты за это платят и получают сведения».

«Вы хотите сказать, — спросил сенатор Брукхарт, — что финансовые тузы собирают сведения о каждом претенденте на какую-нибудь должность, чтобы: знать о нем что-нибудь такое, что позволит им держать его в руках, — вы это имеете в виду?»

«Пожалуй, да, я бы сказал, что это так...»

«И вот это... — продолжал сенатор Брукхарт, — и есть та самая шайка, которую я назвал внепартийным блоком Уолл-стрита? Это они?»

Минс утвердительно кивнул головой. «Я думаю, что лучше всех характеризовал ее президент Вильсон: «невидимое правительство»¹.

Догерти наотрез отказался давать комиссии показания. Когда члены комиссии попытались ознакомиться с его текущими счетами в двух банках в Вашингтон Корт Хаузе, его брат, Мэл Догерти, возглавлявший оба эти банка, не дал разрешения на проверку бухгалтерских записей. Впоследствии стало известно, что все записи были уничтожены.

Несмотря на многочисленные улики, подтверждавшие должностные преступления, совершенные Догерти в бытность его министром юстиции, его судили только за одно из многих преступных деяний, приписывавшихся ему в период его пребывания на высоком посту. В 1926 г. Догерти вместе с бывшим начальником Управ-

---

¹ Гастон Б. Минс умер в 1938 г. в федеральной тюрьме. Он отбывал там наказание за то, что в 1932 г. выманил 100 тыс. долларов у г-жи Эдуард Б. Маклин под тем предлогом, что с помощью этих денег он сумеет вернуть похищенного ребенка Чарльза Линдберга.

ления по охране секвестрированной собственности иностранцев полковником Томасом У. Миллером был привлечен к суду по обвинению в преступном сговоре с целью обмана правительства и в получении взяток в связи с урегулированием дела «Америкэн металс корпорейшн».

Догерти снова отказался давать показания на том основании, что они могут быть использованы против него же. Полковник Миллер был признан виновным и приговорен к штрафу в размере 5 тыс. долларов и к тюремному заключению на полтора года. Присяжные заседатели объявили, что они не смогли прийти к заключению относительно виновности Догерти, и последний был оправдан.

Гарри Догерти до самого конца уверял, что он является жертвой «коварного» международного заговора, центр которого находится в Кремле. «Я был первым государственным деятелем, — писал он в своих мемуарах, — которого красные разрушители Америки отдали на съедение волкам. Они хотели одержать победу над мной, чтобы запугать всех моих преемников и установить в Американской республике царство террора».

Но действительная опасность, угрожавшая Американской республике в 1920—1932 гг., не имела ничего общего с тем, о чем говорил бывший министр юстиции Догерти. Как писал Карл Шриффтгиссер в своей книге «Это было обычным явлением»:

«...Фолл и Догерти, Форбс и Джесси Смит, как и все прочие гангстеры, подвизавшиеся в эту истине «невероятную эпоху», были по существу лишь предтечами еще более ужасного разложения, которое воцарилось в стране в последующие двенадцать гибельных лет. Историки не могут пройти мимо них, но их воровство, насилия и разгульная жизнь... были всего лишь следствием отречения от демократических принципов — самого тяжкого преступления перед народом, совершенного в те годы».

Глава VI

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Одно дело — совершать преступления *против* собственности и совсем другое дело — совершать их *во имя* собственности.

Густав Майерс, «История крупнейших американских состояний»

1. «Разве все мы не стали богачами?»

С точки зрения политических и экономических воззрений между кандидатами двух главных партий на президентских выборах 1924 г, не было существенных разногласий.

Демократическая партия выставила кандидатуру красивого и обходительного адвоката с Уолл-стрита Джона У. Дэвиса, бывшего заместителя министра юстиции Соединенных Штатов и некогда посла США в Великобритании. Английский король назвал его «одним из безупречнейших джентльменов, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться». Слышавший когда-то видным либералом, Дэвис в настоящее время состоит директором «Юнайтед Стейтс раббер компани», «Нэйшнл бэнк оф коммерс», железнодорожной компании «Санта Фе рейлрод» и ряда других подобных компаний. Сам он говорит о себе следующее:

«У меня прекрасная клиентура. Какой адвокат мне не позавидует? В списке моих клиентов значатся: «Дж. П. Морган энд компани», «Эри рейлрод», «Гэранти траст компани», «Стандард ойл компани» и другие виднейшие американские концерны. Это крупнейшие организации, и, поскольку они прибегают к моим услугам для честных целей, я с удовольствием на них работаю. Именно крупный капитал сделал нашу страну тем, что она есть. Мы — за крупный капитал...»

Кандидат республиканской партии Кальвин Кулидж образно выразил ту же мысль более сжато: «Дело Америки, — сказал он, — бизнес».

Хотя финансовые тузы, не скупясь, поддерживали обоих кандидатов, крупнейшие промышленники и финансисты склонялись к кандидатуре Кулиджа. Их настроение выразил Генри Форд: «С Кальвином Кулиджем страна находится в надежных руках. Зачем же менять что-нибудь?». Однако немало американцев относилось недоброжелательно к обоим этим кандидатам. Члены фермерско-рабочей партии и Конференция сторонников прогрессивной политики решительно разоблачали похожих друг на друга, как две капли воды, республиканскую и демократическую партии и растущее влияние гигантских трестов и монополий на правительство. Кандидатом этих кругов на пост президента был Роберт М. Лафоллет, по прозвищу «боевой Боб», — пожилой, всклокоченный, бесстрашный и даже с некоторым налетом донкихотства сенатор от штата Висконсин, без устали сражавшийся против растущей «узурпации прав большинства могущественным меньшинством».

Мало кто из знатоков политики считал избрание Лафоллета возможным. Но его слова находили довольно широкую аудиторию, у него было достаточно много сторонников, чтобы руководящие круги обеих партий почувствовали серьезную тревогу, поэтому была развернута широкая и щедро финансируемая кампания лжи и клеветы, имевшая целью дискредитировать Лафоллета и кандидата в вице-президенты — сенатора Бертона К. Уилера из штата Монтана¹.

Как республиканцы, так и демократы обвиняли обоих сенаторов в том, что они являются «орудиями большевистских агентов» и что «Москва снабжает их золотом для ведения избирательной кампании». Газеты, поддерживавшие кандидатуру «молчаливого Кальвина», пестрели заголовками: «Я предпочитаю молчание и успех социализму и Советам»².

---

¹ В те времена сенатор Уилер был заклятым врагом монополий и реакции. В последующие годы он стал одним из самых реакционных сенаторов. См. главу XI, раздел 5.

² В действительности коммунистическая партия не поддерживала Лафоллета, а выдвинула своего кандидата в президенты, Уильяма Фостера.

Кулидж был молчалив, но за него говорили деньги. По позднейшим подсчетам, расходы республиканской партии на избирательную кампанию составили от 15 до 30 млн. долларов.

подавляющим большинством голосов мрачный, унылый кандидат республиканцев, столь же бедный мыслями, сколько и словами, снова возвратился на пост президента.

Но гораздо удивительнее победы Кулиджа был успех сенатора Лафоллета. Несмотря на враждебную пропаганду, на плохую организацию и недостаточное финансирование предвыборной кампании, несмотря даже на то, что в ряде штатов его фамилия вообще не значилась в списке кандидатов, примерно один человек из шести, явившихся к избирательным урнам, голосовал за «боевого Боба», Всего Лафоллет собрал 4 822 000 голосов.

Как ни внушительна была эта массовая демонстрация недовольства послевоенной политикой правительства, она не столкнула государственных деятелей и финансистов с гибельного пути, на который они ступили.

«Я уверен, что Кулидж будет хорошим президентом. Я думаю, что он будет великим президентом...» — писал один из владельцев фирмы «Дж. П. Морган энд компани» Дуайт У. Морроу одному из своих друзей еще в 1920 г.

В поведении Кулиджа на посту президента не было ничего, что могло бы уменьшить высокое уважение к нему Дуайта Морроу.

Основной темой публичных выступлений президента Кулиджа была «Сила нравственного закона». «Нам не нужно дальнейшее развитие материального производства. — подчеркивал Кулидж, — нам нужно духовное совершенствование. Нам не нужно укреплять интеллектуальную мощь, нам нужно укрепить свою моральную мощь...»

В то же время президент ПРОЯВЛЯЛ поистине мудрую гибкость в практическом применении своего нравственного закона, квалифицируя Типот Доум и другие скандальные аферы правительства Гардинга как «ошибочные действия»¹.

---

¹ Единственным изменением, которое произвел Кулидж в составе кабинета после смерти Гардинга, была замена минист-

Отношение президента Кулиджа к рабочему движению не изменилось с тех пор, как он был сенатором в штате Массачусетс и называл руководителей забастовок «социалистами и анархистами», не желающими, чтобы «кто-нибудь работал по найму». «Если у человека нет работы, — заявлял Кулидж, — он сам в этом виноват... Государство не обязано предоставлять работу всем и каждому».

Поскольку в числе ближайших советников президента состояли Дуайт Морроу и другой компаньон Моргана — Томас Кокрэн, правительство Кулиджа усердно способствовало росту трестов и монополий. Как выразился назначенный членом федеральной комиссии по вопросам торговли Уильям Е. Хэмфрис:

«Вместо того чтобы притеснять железнодорожные компании, комиссия по торговле между штатами стала их опорой...

ра юстиции Гарри М. Догерти бывшим деканом Колумбийского юридического института Харлэном Фиске Стоуном.

Сделавшись министром, Стоун произвел основательную чистку министерства юстиции. Однако она коснулась далеко не всех чиновников, игравших видную роль в пальмеровских облавах и в других послевоенных деяниях министерства юстиции. Сместив Уильяма Дж. Бернса с поста руководителя Бюро расследований, он назначил на это место его же помощника и бывшего начальника отдела общей информации Дж. Эдгара Гувера.

Вскоре после своего вступления в должность министр юстиции Стоун опубликовал заявление, в котором порицал Бюро расследований за действия «против радикалов». Он писал: «Политические взгляды и другие убеждения граждан не касаются Бюро расследований. Оно должно интересоваться лишь такой деятельностью, которую запрещают законы Соединенных Штатов. Когда полиция выходит за эти рамки, она создает опасность для правосудия и свободы личности».

Ловко ориентируясь по ветру, Дж. Эдгар Гувер писал 18 октября 1924 г. в докладной записке помощнику министра юстиции Уильяму Дж. Доновэну:

«Конечно, следует помнить, что коммунисты и другие ультра-радикалы до настоящего времени не нарушали федерального законодательства и что, следовательно, министерство юстиции теоретически не имеет права заниматься расследованием их деятельности, поскольку она не противоречит федеральным законам».

Дж. Эдгар Гувер вынужден был проглотить эту горькую пилюлю, но он был готов выжидать более благоприятного момента, чтобы возобновить свою прежнюю деятельность, направленную «против радикалов». См. части 3 и 4, где приведены данные о дальнейшей деятельности Гувера.

Вместо того чтобы ущемлять интересы крупного капитала, президент, не колеблясь, заявляет, что он намерен охранять интересы американских капиталистов всюду, где бы они ни действовали, не нарушая законов.

Вместо того чтобы вносить в конгресс законопроект о регулировании хозяйственной жизни, министр торговли (Герберт Гувер) действует заодно с крупнейшими торговыми объединениями и могущественными корпорациями».

Выступая с речью в торговой палате штата Коннектикут, министр военно-морского флота Картис Уилбер с необычайной откровенностью охарактеризовал внешнюю политику правительства:

«Американцы имеют торговый флот стоимостью в 3 млрд. долларов и водоизмещением в двадцать с лишним миллионов тонн. Он может обслуживать все нужды мировой торговли. Сумма займов, которые мы предоставили иностранным государствам (не считая правительственных займов), и стоимость нашего имущества за границей превышают 10 млрд. долларов. Если прибавить к этому стоимость нашего экспорта и импорта за год — около 10 млрд. долларов, — мы получим сумму, почти равную всему национальному богатству Соединенных Штатов в 1868 г., а если добавить сюда еще 8 млрд. долларов, которые нам задолжали иностранные правительства, мы получим общую сумму в 31 млрд. долларов, что почти равняется национальному богатству нашей страны в 1878 г. ...Вот эти-то громадные интересы и нужно иметь в виду, когда мы говорим о защите нашего флага... Мы воевали с Германией не потому, что она вторглась или угрожала вторгнуться в нашу страну, а потому, что она нанесла удар нашей торговле в Северном море... Чтобы отстоять Америку, мы должны быть готовы к защите ее интересов и флага в любом уголке земного шара...»

В порядке охраны подобных «интересов» США сотни миллионов долларов в форме правительственных и частных займов пересекали Атлантический океан и попадали в сейфы германских промышленников и банкиров, которые тайно перевооружали рейх и субсидировали

быстро растущую национал-социалистскую партию Гитлера. Американские автомобильные, электромашиностроительные, авиационные и другие заводы строились повсюду в Европе. Компания «Дженерал электрик» приобрела контрольный пакет акций германского электро-технического концерна АЭГ, который служил одним из основных источников доходов нацистской партии. Компания «Стандард ойл» заключила картельное соглашение с «И. Г. Фарбениндустри»; «Дженерал моторс» вела переговоры о приобретении контрольного пакета акций германской автомобильной компании «Адам Опель». Огромные суммы получила фашистская Италия, и крупные капиталы были вложены в страны белогвардейской диктатуры — Польшу, Венгрию, Болгарию, Финляндию и Румынию.

Золотые щупальца Уолл-стрита опутали весь мир. К 1926 г., по красочному выражению журнала «Коммерс энд файнэнс», «жизнь всего нынешнего и будущих поколений почти во всех странах Европы, кроме России, была заложена Соединенным Штатам»¹.

---

¹ План Дауэса 1924 г. и план Юнга 1929 г. предусматривали предоставление Германии крупных займов. Значительная часть этих средств была использована германскими промышленниками для тайного вооружения Германии и развития гитлеровского движения.

План Дауэса был разработан комитетом экспертов, который назначила Союзническая комиссия по репарациям. Руководителем комитета был чикагский финансист генерал Чарльз Г. Дауэс, состоявший при Гардинге начальником бюджетного управления. После избрания Кулиджа президентом Дауэс был при нем вице-президентом. Одним из руководящих членов комитета был председатель правления моргановской «Дженерал электрик компани» Оуэн Д. Юнг. Морган и его партнеры разместили в США на 200 с лишним миллионов долларов облигаций Международного золотого займа, предоставленного Германии по плану Дауэса.

Работа второго международного комитета экспертов, разработавшего план Юнга, заменивший в 1929 г. план Дауэса, проходила под председательством Оуэна Д. Юнга, а в состав этого комитета входил и сам Дж. П. Морган.

Б составлении планов Дауэса и Юнга с американской стороны принимали значительное участие также Герберт Гувер, адвокат с Уолл-стрита Джон Фостер Даллес и банкир У. Аверелл Гарриман. Главным представителем Германии был Ялмар Шахт, возглавлявший в то время Рейхсбанк и ставший позднее, при Гитлере, министром народного хозяйства.

В деле перекачки денег из Соединенных Штатов в Германию (с 1924 по 1929 г. Уолл-стрит ухлопал на Германию около 4 млрд. долларов) ведущая роль принадлежала банку с Уолл-стрита «Дил-

По мнению многих американских государственных деятелей и руководителей делового мира, начиналась эра мирового господства США. Отражая эту точку зрения, Ладуэлл Денни, автор многочисленных передовых статей в газетах объединения Скриппс-Говард, писал в своей книге «Америка покоряет Британию»:

«Теперь победительницей чувствует себя Америка. Наступил ее час. Свойственная юности, сметающая все на своем пути воля к победе рождает энергию и отвагу и ведет Америку вперед. Сознание «исторической миссии» Америки заражает всех энтузиазмом...

Полным ходом идет американизация Европы и самых отдаленных уголков земного шара. Когда-то мы были колонией Англии. Теперь Англия, прежде чем сойти в могилу, станет нашей колонией, пусть не официально, но фактически. Машины дали Англии власть над миром. Теперь более совершенные машины дают эту власть Америке.

Как может Англия противостоять Америке? Как может противостоять ей весь мир?»

Страна переживала невиданный экономический подъем. С заводских конвейеров текли потоком радиоприемники, электрооборудование, автомобили, одежда, мебель, парфюмерия, рефрижераторы и прочее добро. Всюду вырастали, как грибы, новые фабричные и конторские здания. Славословиям в честь «кулиджевского процветания» не было конца.

Разумеется, не каждый был в состоянии купить то, что ему хотелось, но покупали почти все. Покупали в кредит, в рассрочку, «на льготных условиях». В 1926 г. в Америке было продано товаров на 40 млрд. долларов; одну шестую часть этой суммы составила продажа в рассрочку.

Страна поклонялась Маммоне, и в ней царили нравы биржи. «Американский народ, — писал сенатор Джордж Норрис в своей автобиографической книге «Воинствующий

лон, Рид энд компани», в число директоров которого входили Уильям Ф. Дрейпер и Джемс В. Форрестол

Часть 4 настоящей книги повествует о подобных же операциях, проводившихся после второй мировой войны Гербертом Гувером, Джоном Фостером Даллесом, У. Авереллом Гарриманом, Уильямом Ф. Дрейпером и Джемсом В. Форрестолом.

щий либерал», — был поставлен на колени и вынужден молиться иконе частного предпринимательства». Таких людей, как Меллон, Гувер, Рокфеллер, Дауэс и Морган, чтили как оракулов, мудрецов, ученых, дерзновенных мечтателей, творцов великих подвигов и государственных мужей — все в одном лице. Бизнесмен стал, по выражению Стюарта Чейза, «господином нашей судьбы».

В Нью-Йорке появилась афиша, гласившая: «Ходите в церковь. Христианская молитва прибавит вам деловых качеств». Страховая компания «Метрополитэн» выпустила рекламную брошюру под названием «Моисей умел убеждать людей»; вождь древних евреев изображен в ней, как «один из величайших в жизни человечества коммивояжеров и агентов по продаже недвижимости». Одной из популярнейших книг стала повесть Брюса Бартонна «Человек, которого никто не знает». В ней рассказывалось, как Иисус Христос «...отобрал двенадцать заурядных бизнесменов и создал организацию, которая покорила весь мир... Создание этой организации было невиданным дотоле примером успеха, выпадающего на долю организатора. Иисус был основателем современного бизнеса».

Казалось, что росту прибылей нет предела; курсы акций взлетели на небывалую высоту; наступил, повидимому, золотой век капитализма.

«Огромные богатства, создаваемые нашими фабриками и заводами и сбереженные нашим экономным хозяйничанием,—гордо декламировал президент Кулидж,—распределялись между широчайшими кругами нашего народа и текли непрерывным потоком за пределы нашей страны, творя благодеяния и содействуя росту производства во всем мире».

В статье, опубликованной в журнале «Кольерс», известный журналист и апологет Форда Самюэль Кроутер восторженно писал:

«Беден только тот, кто хочет быть бедным или пострадал от несчастного случая или болезни, да и таких у нас имеется ничтожное количество.

За исключением лишь немногих групп населения, весь наш народ процветает, и его покупательная способность достигла невообразимого уровня.

Наш жизненный уровень очень высок, но он не ведет к расточительности...

Те, кто жалуется на тяжелую жизнь, просто не умеют приспособиться к новому порядку вещей в торговле, промышленности и сельском хозяйстве.

У нас совершенно не существует того, что мы обычно называли радикализмом.

Ничто не может погубить нас, кроме из рук вон плохого руководства государством или промышленностью».

Статья Сэмюэля Кроутера была озаглавлена: «Разве все мы не стали богачами?»¹.

В 1929 г. весь государственный бюджет составлял 4,5 млрд. долларов. В том же году, по данным председателя Американской ассоциации адвокатов и бывшего помощника министра юстиции Уэйда Х. Эллиса, убытки, причиненные стране преступниками, достигли 13 млрд. долларов.

---

¹ В действительности же для огромного большинства американцев «кулиджевское процветание» было недостижимым и мучительным миражем.

В сельских местностях царил нищета; фермеры разорялись, и все чаще их имущество продавалось за долги с молотка. Количество безработных в стране колебалось между двумя и четырьмя миллионами. В 1929 г., когда «процветание» достигло своей высшей точки, заработки около 28 000 000 американцев не обеспечивали им минимально сносного жизненного уровня, а рабочие-негры в четырех южных штатах зарабатывали менее 300 долларов в год.

«По ценам 1929 г., — сообщал Институт Брукингса, — можно, пожалуй, считать, что на 2 000 долларов в год одна семья в состоянии удовлетворить свои самые основные потребности». Доходы же американских семей, по данным этого института, распределялись в 1929 г. следующим образом:

около 6 млн. семей, то есть свыше 21%, имели доход ниже 1000 долларов;

примерно 12 млн. семей, то есть свыше 42%, имели доход ниже 1500 долларов.

около 20 млн. семей, то есть 70%, имели доход ниже 2500 долларов;

приблизительно 600 тыс. семей, или 2,3%, имели свыше 10 тыс. долларов дохода.

Профессор Колумбийского университета, экономист Поль Генри Нистром писал в своей книге «Экономические принципы потребления», что в период максимального бума 1 миллион американцев жил на пособия, 1 миллион человек не мог работать по состоянию здоровья; по меньшей мере 7 миллионов человек жили в таких условиях, что малейшие непредвиденные затруднения могли поставить их перед выбором: умереть с голоду или просить милостыню; 12 миллионов человек получали доходы, достаточные лишь, для того, чтобы обеспечить им голодное существование.

Преступность стала в Америке ведущей отраслью промышленности.

В статье «Наша крупнейшая отрасль промышленности — преступность», опубликованной в «Норт Амри-кэн ревью», бывший начальник нью-йоркской полиции Ричард И. Энрайт писал:

«Истина, от которой никуда не уйдешь, заключается в том, что самой тревожной особенностью нашего общественного строя, самой серьезной проблемой, которая стоит перед Америкой, является преступность; из общего числа людей, совершающих преступления за один год, 400 тыс. попадает в тюрьмы, а около миллиона остается на свободе».

В одном только 1928 г. преступниками было убито около 12 тыс. американцев, что составляет 10% всех людских потерь, понесенных нашей страной во время первой мировой войны.

За определенную плату можно было изуечить человека, организовать поджог, погром, убийство, и это дело было поставлено на широкую ногу. Журнал «Кольерс» отмечал в редакционной статье:

«Услуги наемных убийц оплачивались по определенной таксе. В некоторых городах простое бросание бомбы обходилось всего в 50 долларов, тогда как хладнокровно организованное убийство с помощью пулемета могло стоить и 10 тыс. долларов».

Начав с подпольной торговли спиртными напитками, с содержания игорных притонов, публичных домов и продажи наркотиков, аферисты проникли затем почти во все области хозяйственной жизни. По сообщению газеты «Нью-Йорк уорлд», в конце двадцатых годов в Нью-Йорке около 250 отраслей промышленности находились полностью или частично под контролем гангстеров, которые «взимали» с них от 200 млн. до 600 млн. долларов в год. «Повидимому... — пишет окружной прокурор Нью-Йорка Томас Крэйн, — они преследуют нас всю нашу жизнь — от колыбели до могилы, контролируют все — от снабжения детей молоком до похоронных бюро».

«Мы — крупные капиталисты, только что не носим цилиндров», — заявил одному журналисту главарь чикагских гангстеров Дайон О'Бэньон, прославившийся своей любовью к цветам. Когда он был убит соперниками, его

проводили в могилу тысячи людей, 25 грузовиков везли венки, а за гроб было заплачено 10 тыс. долларов.

Сутенер Аль Капоне, приземистый малый с лицом, разукрашенным шрамами, стал неограниченным повелителем империи преступников, дававшей 100 млн. долларов дохода в год. Журнал «Лайф» впоследствии писал, что «он полностью или в значительной мере держал в своих руках муниципалитеты городов Чикаго, Цицерио, Бернхэм и Стикни в штате Иллинойс».

«Таких людей, как Аль Капоне, Арнольд Ротштейн и Бэгс Моран,—писал журнал,—знает вся страна. Это «видные деятели» в том же смысле слова, что в Генри Форд или Чарльз Шваб».

Аль Капоне, как и других «видных деятелей» США, весьма тревожил рост радикальных тенденций в общественной жизни. Однажды, сидя в своей ставке в чикагском отеле «Лексингтон», он торжественно заявил корреспонденту журнала «Либерти» Корнелиусу Вандербилту младшему:

«Большевизм стучится к нам в дверь. Его нельзя впускать. Нам нужно организовать борьбу против него и держаться сплоченно и крепко. Мы должны охранять единство и безопасность Америки, спасти ее от пагубных влияний, оберегать рабочего от происков и пропаганды красных и поддерживать у него здравый образ мышления».

Уолтер Липпман писал:

«Народ знает, что его одолевают организованные преступники, орудующие в таких масштабах, которые приводят в ужас весь мир. Народ знает также, что если он не осилит это зло, то сам станет его жертвой».

Липпман писал об «укоренившейся системе шантажа», осуществляемого «преступными подонками общества». Но в пору послевоенного процветания бичом Америки был гораздо глубже укоренившийся и еще более пагубный вид преступности.

2. Прибыли преступников

В начале апреля 1927 г. сын президента Перу Августа Легия, 21-летний Хуан Легия, негласно прибыл в Нью-Йорк с весьма секретным поручением.

Хотя обычно приезды молодого Легия были праздником для репортеров, так как он прославился на весь мир своими дикими выходками и мастерской игрой в поло, на этот раз ни одна из нью-йоркских газет не упомянула о его визите. Сын диктатора Перу путешествовал инкогнито; были приняты все необходимые меры, чтобы избежать шума, который ему обычно сопутствовал.

Хуан Легия явился для того, чтобы заключить с кучкой финансистов Уолл-стрита тайную сделку на много миллионов долларов.

Устроившись в роскошном номере отеля «Рид Тауэрс», Легия тайно встретился с представителями банкирского дома «Дж. В. Зелигман энд компани». На этом совещании решался вопрос о размерах взятки, которую Легия должен был получить за «личные услуги», оказанные им при заключении договора о займе между синдикатом американских банков и правительством Перу.

Легия договорился с представителями банка Зелигмана, что он получит основную долю комиссионных по займам для Перу, размещенным в Соединенных Штатах этим банком и связанными с ним фирмами. Банк «Зелигман энд компани» открыл у себя специальный счет Хуана Легия. По обоюдному уговору подробности этого «джентльменского соглашения» не подлежали огласке и нигде не были записаны.

В течение последующих месяцев банк «Зелигман энд компани» зачислил на счет Легия «комиссионные» в сумме 415 тыс. долларов.

Как заявил впоследствии Фредерик Дж. Лисман — глава фирмы «Лисман энд компани», входившей в синдикат, который предоставил Перу заем, — деньги, полученные Легия, вовсе не были «взяткой». Он получил их за «невмешательство». Представители банка Зелигмана в Перу сообщали, что молодой Легия обычно мешал своему отцу заключать договоры с теми американскими финансистами, которые не хотели позаботиться о его личных интересах.

В проспектах и прочих рекламных материалах, с помощью которых банковский синдикат размещал облигации перуанского займа в США, разумеется, не говорилось ни слова о тайном соглашении с Хуаном Легия. Не упоминалось в них и о других важных обстоятельствах. Так, например, концерны Уолл-стрита умолчали о том,

что правительство Легия переживает тяжелый финансовый кризис, что природные богатства Перу систематически расхищаются их американскими собственниками, что президент Легия поддерживает свою власть над разоренным населением республики с помощью тюрем, ссылок, политических убийств и жестоких карательных мер против всего народа.

К концу 1928 г. банкиры Уолл-стрита продали американцам на 90 млн. долларов облигаций перуанского займа.

Летом 1930 г. диктатура Легия была свергнута восставшим народом; бывший президент Легия и его сыновья были арестованы революционным трибуналом; курс перуанских облигаций на американской бирже упал с 91 доллара до 4 долларов.

Но дирекцию банка «Зелигман энд компани» все это мало беспокоило. Валовая прибыль фирмы от продажи перуанских облигаций достигла 5475 тыс. долларов;

В 1932 г. банкир Фредерик Дж. Лисман был вызван в финансовую комиссию сената. Когда речь зашла о подкупе Хуана Легия, сенатор Хайрам Джонсон задал ему вопрос: «Часто ли вам приходится сталкиваться с подобными явлениями в странах Латинской Америки?»

«Да, я слышу о таких вещах довольно часто», — ответил Лисман. Затем он добавил: «Банкиры, конечно, не размещают заведомо ненадежных займов, но все-таки они добиваются заключения хороших, прибыльных сделок».

В годы «процветания» крупнейшие американские банки заключили много таких «хороших, прибыльных сделок».

С 1926 по 1930 г. «Чейз секьюритис корпорейшн» (дочерняя компания рокфеллеровского «Чейз нэйшнл банк») продала американцам на 20 млн. долларов акций кубинских «общественных сооружений» и на 40 млн. долларов облигаций кубинских займов. Большая часть вырученных от этого денег поступила непосредственно в карман президента Кубы Джерардо Мачадо. Этот убийца и деспот, начавший свою карьеру с краж скота, захватил власть в 1925 г. с помощью американских финансистов и промышленников, которые дали ему на это миллион долларов. Придя к власти, Мачадо разгромил профсоюзы, разделался при помощи наемных убийц со своими поли-

тическими противниками и установил жестокую военную диктатуру.

Подобно фирме «Зелигман энд компани», «Чейз нэйшнл бэнк» обнаружил, что в Латинской Америке взятки в большом почете. Зять Мачадо, Хосо Эмилио Обрегон и Бланко, был назначен «одним из директоров» гаванского отделения этого банка с годовым окладом в 19 тыс. долларов и получил, кроме того, 500 тыс. долларов «комиссионных», когда облигации кубинского займа были выпущены в продажу. Один из руководителей «Чейз нэйшнл бэнк», Джемс Брюс, в письме к другому дельцу этого банка сообщал: «Как всем нам известно, с деловой точки зрения Обрегон — совершенно пустое место».

Взявшись за размещение кубинских «ценных бумаг» в Соединенных Штатах, «Чейз нэйшнл бэнк» умалчивал о деспотическом характере правления Мачадо и об угрожающем состоянии экономики Кубы.

В конце двадцатых годов, когда рост возмущения народных масс Кубы стал угрожать диктатуре Мачадо, представители государственного департамента и военного министерства США, поддерживавшие дружественные связи с «Чейз нэйшнл бэнк», по секрету уведомили кубинского тирана, что, если ему придется подавлять восстание, он может рассчитывать на вооруженную интервенцию США. В августе 1933 г., когда Мачадо был уже не в состоянии выплачивать жалование своим наемным убийцам и офицерам армии, а приход к власти Рузвельта исключил возможность вооруженной интервенции США, озлобленный народ Кубы восстал и сверг диктатора. Мачадо бежал из страны, и за его голову было назначено вознаграждение. Новое правительство Кубы отказалось платить по облигациям займа, которые «Чейз нэйшнл бэнк» разместил в США, заработав на этом примерно полтора миллиона долларов.

За период с 1925 по 1929 г. фирма «Кун, Лэб и К⁰» разместила на американском рынке облигаций чилийского займа на 90 млн. долларов. В тот период в Чили была у власти военная клика, но банкирам Уолл-стрита не хотелось писать в рекламных проспектах слова «военный совет». Они телеграфировали своему агенту в Чили: «Не будет ли правильнее писать «правительственный совет», что мы предпочитаем названию «военный совет»?»

В конце концов решено было пойти на компромисс, и в проспектах чилийское правительство было названо «правящим советом». В 1933 г. платежи по облигациям чилийского займа были прекращены.

В 1934 г. сенатская комиссия по вопросам банков и валютных бумаг следующим образом охарактеризовала в своем докладе деятельность американских банковских концернов, размещавших в США иностранные ценные бумаги.

«Деятельность инвестиционных банков в области размещения иностранных ценных бумаг составляет одну из самых скандальных глав в истории американских инвестиционных банков. Продажа иностранных ценных бумаг сопровождалась такими злоупотреблениями и махинациями, которые нарушали самые элементарные принципы коммерческой этики».

Хищническая деятельность американских банкиров в 20-х годах отнюдь не ограничивалась размещением иностранных ценных бумаг. Наибольшую прибыль им приносили сделки с американскими акциями и облигациями.

Они выбрасывали на рынок по бешеным ценам огромные количества ничего не стоивших акций; уговаривали десятки тысяч американцев вкладывать свои сбережения в чисто спекулятивные сделки; искусственно вызывали колебания рыночных цен; проделывали различные махинации с акциями; распространяли ложные сведения об активах предприятий, в которых они были заинтересованы, и прибегали к бесчисленному множеству других неблагоприятных приемов для того, чтобы грабить население с таким бесстыдством и в таких масштабах, по сравнению с которыми похождения знаменитых пиратов XIX века были детской забавой.

Как показали дальнейшие разоблачения, сделанные сенатской комиссией по вопросам банков и валюты, типичными в этом смысле были жульнические операции «Нэйшнл сити бэнк» — второго по величине коммерческого банка в Америке. Для того чтобы обойти законы, ограничивающие спекулятивную деятельность коммерческих банков и запрещающие им совершать сделки с собственными акциями, «Нэйшнл сити бэнк» проводил свои операции через дочернюю фирму, носившую название

«Нэйшнл сити компани». Эта фирма представляла собой просто огромную маклерскую контору, имевшую более 600 маклеров и занимавшуюся распространением всякого рода ценных бумаг.

В числе прочих ценных бумаг «Нэйшнл сити компани» продала американцам 1 950 000 акций «Нэйшнл сити бэнк» на сумму свыше 600 млн. долларов. В сентябре биржевая цена акций «Нэйшнл сити бэнк» дошла до 579 долларов за акцию при номинальной ее стоимости в 70 долларов.

Из сказочных прибылей, полученных «Нэйшнл сити бэнк», огромные суммы были втихомолку присвоены руководящим составом банка и дочерней компании в качестве премиальных. Это было проделано с помощью двух «административных фондов». За период с 1921 по 1929 г. общая сумма премий, выданных высшим должностным лицам из этих «административных фондов», составила 19 млн. долларов. Доля самого Чарльза Митчелла, бывшего до 1929 г. президентом «Нэйшнл сити бэнк», а затем ставшего председателем совета директоров, составила 6 950 539 долларов 83 цента.

«Промышленность Соединенных Штатов работает вполне нормально, а положение в области кредита отнюдь нельзя считать критическим», — заявил Митчелл осенью 1929 г. Его личный доход в этом году превысил 4 млн. долларов. Кроме того, как он впоследствии показывал сенатской комиссии, в 1929 г. он уклонился от уплаты подоходного налога с помощью хитроумного маневра: он продал принадлежавшие ему крупные пакеты акций своей же жене.

К числу видных банкиров, занимавшихся любопытными финансовыми операциями, принадлежал также председатель совета директоров «Чейз нэйшнл бэнк» Альберт Г. Уиггин. Чтобы избежать излишних затруднений при сделках с акциями своего же банка, а кстати и уклониться от уплаты подоходного налога и налога на наследство, Уиггин создал три семейные компании, носившие названия «Клингстон компани», «Шермар корпорейшн» и «Марлин». Двум последним компаниям были присвоены имена дочерей банкира. «На это у меня были более или менее сентиментальные причины», — заявил Уиггин. За период с 1928 по 1932 г. семейные компании Уиггина, игравшие отнюдь не только сентиментальную

роль, получили в общей сложности более 10 млн. долларов прибыли от спекуляции на акциях «Чейз нэйшнл бэнк».

В 1929 г. в США существовало свыше 400 объединений биржевых спекулянтов, которые навязывали американцам акции чисто спекулятивных предприятий и проделывали всяческие махинации с курсами, чтобы обеспечить закулисным воротилам крупные прибыли. Типичное объединение такого рода было создано Гарри Синклером, который приобрел громкую известность в связи с шумевшим делом Типот Доум, вместе с «Чейз секьюритис корпорейшн» и другими банковскими концернами. Это объединение спекулировало акциями «Синклер консолидейтед ойл» и получило 12 200 109 долларов 41 цент чистой прибыли, тогда как мелкие держатели акций потеряли десятки миллионов долларов.

Чтобы убедить публику в возможности нажиться без труда на «надежных» акциях и подбивать ее на спекуляцию, пускалось в ход все: убедительно написанные объявления в газетах, статьи «финансовых экспертов», специальные радиопередачи и различные иные формы рекламы и давления на покупателей.

О методах, к которым прибегали обслуживавшие банкиров, маклеров и спекулянтов уполномоченные по связи с печатью, рекламируя какие-нибудь акции, можно судить по деятельности некоего Дэвида М. Лайона, в числе клиентов которого состояли такие известные концерны, как «Хэйдэн, Стоун энд компани», «Истмэн, Диллон энд компани» и «Синклер ойл компани».

Одним из орудий рекламы служила организация, созданная Лайоном, под громким именем «Института финансовых исследований Макмагона». Весь «институт» состоял из одного человека — Уильяма Дж. Макмагона, который был на жаловании у Лайона. Макмагон раз в неделю выступал по радио в качестве «известного экономиста и президента Института финансовых исследований Макмагона». Разумеется, в своих радиопередачах Макмагон рекомендовал в качестве «надежного вложения капитала» покупку именно тех акций и облигаций, которые хотели сбыть клиенты Лайона...

Другой агент по связи с печатью, А. Ньютон Пламмер, основал так называемый «Институт экономических исследований»; единственной функцией этой организа-

ции было помещать в газетах статьи, рекламирующие ценные бумаги в интересах тех маклерских контор, которые платили Пламмеру жалование.

Как показывал член палаты представителей от Нью-Йорка Фиорелла Лагардия сенатской комиссии по вопросам банков и валюты, в числе лиц, которых Пламмер подкармливал, были финансовые обозреватели газет «Уолл-стрит джорнэл», «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн»...

По заказу чикагской маклерской фирмы «Хэлси, Стюарт энд компани», бойко торговавшей акциями энергетических предприятий Сэмюэля Инсулла, еженедельно по всей стране транслировались выступления «старого советника», угощавшего слушателей советами насчет того, в какие акции им выгоднее всего вкладывать свои сбережения. В качестве «старого советника» выступал некий профессор Чикагского университета. Впоследствии один из служащих фирмы «Хэлси, Стюарт энд компани» рассказывал: «Разумеется, все эти передачи писались для него заранее. Он просто читал их, а писались они у нас в конторе».

В своей книге «Привилегированные личности» М. Р. Вернер пишет:

«Если маклеры и спекулянты нанимали специальных агентов для подкупа журналистов и радиобозревателей, которые рекламировали бы их товары, то крупные банки прибегали к более достойным методам, чтобы заручиться симпатиями влиятельных лиц и популяризировать выпускаемые ими ценные бумаги. Например, банк «Дж. П. Морган энд компани» составил список, прозванный газетами «списком избранных».

Лицам, включенным в этот список, предоставлялась возможность покупать акции по цене значительно ниже рыночной. В этом списке, по свидетельству Вернера, значились имена:

«политических деятелей, государственных служащих, редакторов, адвокатов, служащих и директоров банков, трестов, страховых компаний, промышленных и железнодорожных корпораций. По слухам, в списках лондонского и парижского филиалов банка Моргана на продажу акций «Юнайтед корпорейшн» числились: английский король Георг, бель-

гийский король Альберт и Муссолини; говорили также, что крупнейшим политическим деятелям Франции акции «Юнайтед корпорейшн» продавались по той же льготной цене, по которой их покупал сам Дж. П. Морган».

В числе влиятельных лиц, включенных в «списки избранных» крупных банков и потому имевших возможность покупать акции с большой скидкой, были такие люди, как министр военно-морского флота Чарльз Ф. Адамс; бывший военный министр Ньютон Д. Бейкер; председатель национального комитета демократической партии и один из директоров фирмы «Дюпон де Немур» и фирмы «Дженерал моторс» Джон Дж. Рэскоб; сенатор Уильям Макаду, бывший министр финансов; другой бывший министр финансов Уильям Вудин; председатель правления компании «Юнайтед Стейтс стил» Майрон К. Тэйлор; финансист и биржевой спекулянт Бернанд М. Барух; советник Герберта Гувера по финансовым вопросам Эдгар Рикард¹.

Чтобы дать представление об огромных суммах, которые выкачивались из карманов американского народа и попадали в виде «премий» лицам, состоявшим в «списках избранных» крупнейших банковских концернов, приведу следующие факты: когда акции «Стандард брэндс» были выпущены на рынок, то 722 600 акций были распределены по цене на 10 долларов ниже рыночной; таким образом, «избранные» получили премию в сумме 7 226 000 долларов. 600 тыс. акций «Юнайтед корпорейшн» были таким же образом распроданы по цене на 24 доллара ниже биржевой; другими словами, «избранные» получили в подарок 14 400 000 долларов.

В 1934 г. сенат провел обследование деятельности банков. В отчете об этом обследовании говорилось:

«Предоставление подобных льгот в таком широком масштабе означает, что за «избранными» признается обладание властью и привилегиями. Люди же, принимавшие эти подарки, тем самым подтверждали, что они обладают и властью и привилегиями. «Списки избранных» и все то, что с ними связано, бросают тень на всю нашу финансовую систему».

---

¹ Когда Кальвин Кулидж отслужил свой срок на посту президента США, он тоже был включен в «список избранных» банка «Дж. П. Морган энд К°».

В своей книге «60 семейств Америки» Фердинанд Ландберг пишет:

«Пагубный спекулятивный бум, окончившийся в 1929 г. крахом, был с начала и до конца организован богатейшими семействами США в их собственных интересах. На всех стадиях этой аферы именно самые богатые, уважаемые, известные и влиятельные в Америке люди руководили сбытом обманутой публике дутых акций».

За беззастенчивое хищничество банкиров и крупных дельцов в годы бума американский народ уплатил в момент биржевого краха примерно 25—30 млрд. долларов. Это не только разорило миллионы американцев, но и подготовило почву для массовой безработицы, нищеты и безмерных страданий всего американского народа в годы великого кризиса.

Несмотря на то, что комиссии конгресса, расследовавшие махинации финансистов в годы бума, собрали огромный материал, никто из главных виновников не сел в тюрьму за преступления, которые так дорого обошлись стране.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы в этот период американские суды бездействовали.

3. «Анархистские выродки!»

Дело двух итальянских рабочих—Сакко и Ванцетти—велось при двух президентах: Гардинге и Кулидже. Оно было начато 5 мая 1920 г., в день ареста обоих обвиняемых, и окончилось через семь лет три месяца и восемнадцать дней, 23 августа 1927 г., их казнью.

Как выразился профессор Гарвардского университета Феликс Франкфуртер, речь шла «не об обычном грабеже и убийстве». Здесь затрагивались «более важные вещи... чем жизнь двух людей».

Еще до трагического завершения этого процесса он стал как бы фокусом, в котором преломлялись все положительные и отрицательные отражения ожесточенной борьбы общественных сил послевоенного мира.

Иммигранту из Италии Николо Сакко в момент его ареста было 29 лет. Он был квалифицированным рабочим-обувщиком, преданным семьянином и страстным любителем природы. Владелец обувной фабрики, на КОТО-

рой работал Сакко, Майкл Келли, рассказывал: «В 4 часа утра этот парень уже работал у себя на огороде, в 7 часов являлся на фабрику, а после рабочего дня и ужина снова уходил на огород и работал там до 9—10 часов, таская воду для поливки. Он выращивал больше овощей, чем его семья могла съесть; излишки он приносил мне для раздачи бедным».

Итальянцу Бартоломео Ванцетти было 32 года. Он странствовал в поисках работы, торговал вразнос рыбой. Это был талантливый самоучка, прочитавший множество книг по литературе, истории и философии. В числе его любимых авторов были Кропоткин, Горький, Маркс, Ренан, Дарвин, Золя, Гюго, Толстой.

По своему мировоззрению оба обвиняемых были анархистами; оба принимали активное участие в забастовках и вообще в рабочем движении и были близкими друзьями.

Их арестовали в разгар пальмеровских облав. Ванцетти было предъявлено обвинение в двух преступлениях, Сакко — в одном. Ванцетти был обвинен в участии в неудачной попытке похитить деньги, предназначавшиеся для расчета с рабочими обувной фабрики Л. К. Уайт в Бриджуотере (штат Массачусетс). Кроме того, ему и Сакко было предъявлено обвинение в том, что они принимали участие в ограблении кассы обувной фабрики «Слэйтер энд Норрил» в Саут-Брэйнтри (штат Массачусетс), во время которого грабители застрелили кассира Фредерика Парментера и охранника Алессандро Берарделли¹.

Министерство юстиции сразу же особо заинтересовалось этим делом — и не только потому, что имена Сакко и Ванцетти значились в списке «опасных радикалов», составленном гуверовским отделом общей информации Бюро расследований. Для министерства было гораздо важнее то, что оба обвиняемых проявили весьма неприятную любознательность в отношении обстоятельств загадочной смерти Андреа Сальседо. Этот итальянский печатник, анархист, в ночь на 3 мая 1920 г. выбросился

---

¹ Власти всячески старались приписать оба преступления одной и той же «шайке», но у Сакко было неопровержимое алиби, не дававшее возможности приписать ему преступление в Бриджуотере: в момент покушения на ограбление он находился на работе на обувной фабрике в Стотоне.

из окна четырнадцатого этажа здания «Парк Роу» в Нью-Йорке, где агенты министерства юстиции незаконно держали его в заключении восемь недель, подвергая допросам и пыткам.

Впоследствии из показаний агента федеральной полиции Фреда Дж. Вейганда, занимавшегося делом Сакко и Ванцетти, стало ясно, что министерство юстиции имело особые соображения относительно судьбы обвиняемых. Вейганд показал под присягой следующее:

«Я был и остаюсь при глубоком убеждении и я уверен, что... те из бостонских агентов министерства юстиции, которые знакомы с делом, считают, что эти люди [Сакко и Ванцетти] не имели никакого отношения к убийствам в Саут-Брэйнтри и что их осуждение является результатом сговора между бостонскими агентами министерства юстиции и окружным прокурором».

Феликс Франкфуртер писал в своей книге «Дело Сакко и Ванцетти»:

«В ходе процесса вскрылись не опровергнутые обвинением факты, которые показали, что дело по обвинению Сакко и Ванцетти в убийстве было возбуждено в порядке тайного сговора между окружным прокурором и агентами министерства юстиции, желавшими очистить страну от итальянцев, занимавшихся революционной деятельностью».

22 июня 1920 г. в Плимуте, штат Массачусетс, высший суд начал слушание дела по обвинению Ванцетти в покушении на ограбление и в покушении на убийство в связи с попыткой ограбления в Бриджуотере. Судейское кресло занимал старый, высохший судья Уэбстер Тейер из Вустера. Обвинение поддерживал окружной прокурор Фредерик Г. Кайман.

Несмотря на утверждения более 20 свидетелей, что обвиняемый в момент совершения преступления находился за много миль от Бриджуотера, Ванцетти был признан виновным по обоим пунктам и приговорен к тюремному заключению на срок от двенадцати до пятнадцати лет.

Вот как Феликс Франкфуртер оценивал улики, на основании которых Ванцетти был признан виновным:

«Показания свидетелей, якобы опознавших Ванцетти как участника покушения в Бриджуотере, граничили с фарсом. Самым характерным из них

было свидетельство маленького газетчика, который во время перестрелки спрятался за телефонный столб и, выглянув оттуда, мельком увидел преступника. «По тому, как он бежал,— сказал мальчик,— я решил, что это иностранец». Ванцетти был иностранцем,— следовательно, преступником, разумеется, был Ванцетти».

Обращаясь к присяжным, судья Тейер сказал, между прочим, следующее: «Быть может, этот человек на деле и не совершил приписываемого ему преступления; тем не менее, он несет за него моральную ответственность, поскольку он является врагом наших установлений». Полный текст в высшей степени пристрастного обращения судьи к присяжным исчез вскоре после процесса: целых 15 страниц судебного отчета пропали самым таинственным образом и так и не были разысканы¹.

Теперь обвинение получило в свои руки козырь: оно имело возможность сослаться на то, что один из обвиняемых уже осужден как преступник. Сакко и Ванцетти были привлечены к судебной ответственности по обвинению в убийстве Алессандро Берарделли и Фредерика Парментера во время ограбления в Саут-Брэйнтри.

31 мая 1921 г. Сакко и Ванцетти предстали перед судом, причем председательствовал снова судья Тейер, а обвинение поддерживал прокурор Кацман.

Дело слушалось в высшем суде округа Норфолк в фешенебельном пригороде Бостона г. Дедхеме (штат Массачусетс), где проживают многие богатые бостонцы. Дедхем, как и вся страна, был еще во власти послевоенной антикоммунистической истерии. Здание суда было окружено усиленным нарядом полиции, которая при входе в зал подвергала обыску даже журналистов, проверяя, нет ли у них с собой оружия.

Основательно изучив это дело, Луис Жугин и Эдмунд М. Морган писали в своей книге «Наследство Сакко и Ванцетти»:

«Присяжные заседатели, рассматривавшие это дело, были подобраны в таком районе и из таких

---

¹ Летом 1928 г. бывший каторжник Франк Сильва показал под присягой, что ограбление в Бриджуотере было делом его рук в компании с еще несколькими гангстерами. Признание Сильвы было опубликовано вместе с подтверждающими его показаниями в журнале «Ауглук энд индипендент» 31 октября 1928 г.

слоев общества, общественное самосознание которых делало их непригодными для рассмотрения вопросов, вызывавших такие бурные страсти. При данном составе присяжных приговор не мог не быть пристрастным. Порочное общество выносит порочные решения».

В начале процесса один из друзей старшины присяжных Гарри Рипли сказал ему, что едва ли два человека могли бы среди бела дня ограбить фабрику, на которой один из них работал и был всем известен. «Да ну их к чорту! — ответил старшина присяжных. — Их все равно следует повесить».

Одним из главных «очевидцев», выставленных обвинением, был некий Карлос Е. Гудридж, утверждавший, что он видел, как Сакко и Ванцетти покидали место преступления в автомобиле бандитов. Но под именем Гудриджа скрывался мошенник, который в прошлом судился за лжесвидетельство, дважды сидел в тюрьме за кражи, был замешан в деле о поджоге с целью получения обманным образом страховой премии, а в момент дачи показаний скрывался от нью-йоркского суда, привлекая его по обвинению в краже. Когда защитник, стремясь отвести Гудриджа как свидетеля, не заслуживающего доверия, задал ему вопрос, не привлекался ли он к судебной ответственности, окружной прокурор Кацман опротестовал этот вопрос, и его тут же поддержал судья Тейер.

В качестве переводчика на суде выступал некий Джозеф Росс. Он состоял в дружеских отношениях с прокурором Кацманом, а также с судьей Тейером, в честь которого он даже назвал своего сына Уэбстером Тейером Россом. Во время процесса Ванцетти неоднократно протестовал против переводов Росса, указывая, что тот сознательно искажает его слова в угоду обвинению. Судья Тейер отвергал все протесты Ванцетти. Вскоре после процесса Росс попал в тюрьму по обвинению в попытке подкупить судью во время слушания другого дела.

В числе агентов министерства юстиции, занимавшихся делом Сакко и Ванцетти и собиравших сведения об обвиняемых для прокуратуры, был некто Шонесси.

Впоследствии этот Шонесси был арестован за ограбление на дороге и присужден к тюремному заключению на 12 лет.

Одним из высших чиновников штата Массачусетс, имевших отношение к процессу, был генеральный прокурор Артур К. Ридинг, который после процесса представлял правительство штата во время нескольких расследований и поддерживал связь с губернатором Алланом Т. Фуллером. В 1928 г. Ридинг был обвинен в том, что путем шантажа получил от одного концерна, который он должен был подвергнуть ревизии, около 25 тыс. долларов. Палата представителей штата Массачусетс привлекла Ридинга к ответственности, и он ушел в отставку, а впоследствии был лишен адвокатского звания.

С первого же дня процесс проходил в атмосфере резкой враждебности к обвиняемым. Прокурор запугивал итальянцев, выступавших в качестве свидетелей защиты; он издевался над их ломаным английским языком. Такому же обращению подвергались и сами Сакко и Ванцетти. Протесты защитника неизменно отклонялись судьей Тайером. Феликс Франкфуртер писал:

«Систематически спекулируя на иностранном происхождении обвиняемых, на плохом знании ими английского языка, на непопулярности их политических убеждений и на их отрицательном отношении к войне, окружной прокурор сумел обратить против них бурные политические страсти и патриотические чувства, а судья этому потворствовал,— я чуть было не написал — помогал».

Как во время судебных заседаний, так и вне суда судья Тейер и не пытался скрывать свое враждебное отношение к обвиняемым. Он относился к Сакко и Ванцетти с явным презрением и использовал всякий удобный случай для придиорок к защитникам.

Знакомый Тейера по университетскому клубу в Бостоне Джордж Крукер, не раз беседовавший с ним о процессе, впоследствии рассказывал:

«На основании слов и настроения судьи у меня создалось определенное впечатление, что он был твердо намерен осудить этих людей, потому что они были «красными». Я вспоминаю, как Тейер говорил мне, что мы должны сплотиться и защищаться от анархистов и «красных».

14 июля 1921 г., выслушав явно пристрастное обращение судьи, присяжные признали Сакко и Ванцетти виновными в совершении убийства.

На протяжении года, который прошел со времени ареста Сакко и Ванцетти, все более широкие круги участников рабочего и прогрессивного движения в США поднимались на защиту двух итальянских рабочих. Был создан Комитет защиты Сакко и Ванцетти, руководивший кампанией, в которой принимали участие такие талантливые левые журналисты, как Арт Шилдс, рассказывавший в печати правду о процессе; такие страстные поборники гражданских свобод, как Элизабет Флинн, Элла Рив Блур, Карло Треска и Фред Биденкапп, выступавшие на митингах во всех штатах. Движение в защиту этих двух людей превратилось в подлинный крестовый поход, охвативший всю страну.

После вынесения обвинительного приговора дело Сакко и Ванцетти получило широкую международную огласку. В последующие месяцы во всех странах Европы состоялись массовые митинги протеста. Десятки тысяч мужчин и женщин собирались на демонстрации перед зданиями американских посольств. Знаменитые писатели и ученые, государственные деятели и философы, юристы и профсоюзные деятели во всех частях света включились во всемирное движение в защиту Сакко и Ванцетти.

Газета «Нью-Йорк таймс» издевалась: «Повидимому, всяческие родичи большевиков во всех странах Европы собираются поднять вой по поводу вымышленной несправедливости...»

За период с июля 1921 г. по октябрь 1924 г. защитники Сакко и Ванцетти несколько раз подавали судье Тейеру ходатайства о пересмотре дела на том основании, что появились новые данные, были обнаружены доказательства тайного сговора между прокурором и свидетелями обвинения и свидетели обвинения признались в даче ложных показаний. Ходатайства были подкреплены множеством документов и сотнями страниц показаний, данных под присягой и доказывавших невиновность Сакко и Ванцетти.

1 октября 1924 г. судья Тейер отклонил все эти ходатайства. Месяц спустя он радостно сказал профессору Дартмутского колледжа Джемсу Ричардсону: «Видали, как я разделался с этими анархистскими вырожденками?»

Думаю, что они на некоторое время притихнут... Пускай обращаются в верховный суд — посмотрим, чего они там добьются».

Верховный суд штата Массачусетс постановил: «Протесты отклонить. Приговор оставить в силе».

18 ноября 1925 г. произошло сенсационное событие, положившее начало новой стадии процесса. В этот день Сакко, содержащийся в заключении в дедхемской тюрьме, получил записку за подписью другого заключенного, молодого португальца Селестино Ф. Мадейроса, приговоренного к смертной казни за убийство кассира при ограблении банка. В записке Мадейроса было сказано: «Настоящим свидетельствую, что я был участником преступления на обувной фабрике в Саут-Брэйнтри и что Сакко и Ванцетти к этому делу непричастны».

Незадолго до этого Мадейрос обжаловал смертный приговор, вынесенный ему за убийство, и тогда не исключена была возможность, что его не казнят. Несмотря на это, он признался теперь в участии в налете в Саут-Брэйнтри. «Я видел жену и детей Сакко, которые приходили в тюрьму,— сказал Мадейрос,— и мне стало жалко ребят...»

Сакко передал показание Мадейроса знаменитому бостонскому адвокату Уильяму Томпсону, который в конце осени 1924 г. принял на себя обязанности главного защитника Сакко и Ванцетти вместо известного профсоюзного адвоката Фреда Мура. Томпсон сразу же взялся за самое тщательное расследование всех фактов, связанных с признанием Мадейроса. За несколько недель он собрал обширный материал, подтверждавший заявление Мадейроса о том, что он вместе с пятью другими членами известной шайки Морелли из Провиденс, штат Род-Айленд, покушался на ограбление и совершил убийство в Саут-Брэйнтри.

26 мая 1926 г. Томпсон подал судье Тейеру прошение о пересмотре дела, в котором изложил результаты своего расследования.

Пять месяцев спустя Тейер отклонил это прошение, изложив свое заключение на 55 страницах. Профессор Франкфуртер следующим образом охарактеризовал это пространное заключение судьи:

«...С глубочайшим сожалением, однако без малейшей боязни ошибиться, я утверждаю, что в наше

время, к счастью, ни одно судебное решение не может сравниться с решением судьи Тейера по глубине расхождений между данными расследования и тем, что говорится в решении. Этот документ, содержащий не менее 25 000 слов, правильнее всего было бы назвать окрошкой из извращений, подтасовок, умолчаний и ложных утверждений».

Но верховный суд штата Массачусетс утвердил решение Тейера.

Проведя семь лет в тюрьме, Сакко и Ванцетти 9 апреля 1927 г. предстали перед судьей Тейером, чтобы выслушать его приговор.

«Можете ли вы привести какие-нибудь основания,— спросил секретарь суда,— в силу которых вас нельзя приговорить к смертной казни?»

«Да, сэр,— ответил Сакко.— Мне никогда не приходилось ни читать, ни слышать о таких жестокостях, как этот суд».

Ванцетти произнес, обращаясь к судье Тейеру:

«Человеческий язык бессилён описать страдания, которые мы перенесли за эти семь лет. И все же я стою перед вами без трепета, гляжу вам прямо в глаза, не краснея, не чувствуя ни стыда, ни страха».

В заключение Ванцетти сказал:

«Вот мое заявление: никому—ни собаке, ни змее, ни самой последней, самой жалкой твари на земле я не пожелаю того, что мне пришлось вынести за то, в чем я совершенно не виноват. Но я убежден, что страдал за то, в чем я действительно виноват. Я страдал за то, что я итальянец, и я действительно итальянец; я страдал за «вою семью и за своих близких больше, чем за самого себя, но я так уверен в своей правоте, что если бы я мог родиться дважды, а вы могли бы дважды предать меня казни, я все равно поступал бы так, как я поступал.

Я кончил».

10 июля 1927 г. судья Тейер приговорил Сакко и Ванцетти к казни на электрическом стуле.

Произнеся приговор, Тейер торопливо вышел из зала суда и тут наткнулся на группу репортеров. «Ну, ребята, как прошло дело?» — спросил он. Журналисты промолчали. «Ребята, — сказал Тейер, — ведь вы же знаете, я

всегда относился к вам хорошо. Теперь вы должны помочь мне».

В течение последующих четырех с половиной месяцев исполнение приговора откладывалось дважды — сначала на 10 августа, а затем на 22 августа. В эти месяцы со всех концов мира в государственный департамент США и в столицу штата Массачусетс стекались бесчисленные ходатайства о помиловании осужденных и протесты против приговора. В Париже, Мадриде и Мексико, в Лондоне и Гаване, в Базеле и Буэнос-Айресе, в десятках других городов всех стран мира происходили массовые демонстрации протеста. В Дании, Австралии, Южной Африке и во всех странах Центральной и Южной Америки рабочие проводили забастовки протеста. Альберт Эйнштейн, Ромэн Роллан, Мартин Андерсен Нексе, Бернард Шоу, Джон Голсуорси, многие другие знаменитости и миллионы рядовых граждан горячо настаивали на помиловании...

Но, как выразился миллионер Роберт Линкольн О'Брайен, владелец газет «Бостон геральд» и «Бостон тревеллер», «чтобы удержать существующий строй в равновесии, Сакко и Ванцетти нужно было казнить...» Эти слова взяты из опубликованного О'Брайеном частного образом документа, озаглавленного: «Мое личное участие в процессе Сакко и Ванцетти».

Один бостонский журналист в начале августа сказал корреспонденту «Дейли уоркер» Майклу Голду: «Если бы дело происходило на Юге, то толпа почтенных граждан напала бы на чарльстонскую тюрьму, чтобы линчевать этих двух итальянских рабочих».

3 августа губернатор штата Фуллер отклонил ходатайство Ванцетти о помиловании. Четыре дня спустя специальная консультативная комиссия, назначенная губернатором для рассмотрения этого дела, вынесла свое заключение; в нем говорилось, что процесс велся «справедливо», что никаких дополнительных данных, которые давали бы основание для пересмотра дела, нет и что комиссия «не имеет ни малейших сомнений в том, что Сакко и Ванцетти повинны в убийстве...»¹

---

¹ В консультативную комиссию входили: президент Гарвардского университета А. Лоуренс Лоуэлл; президент Массачусетского технологического института Сэмюэль У. Страттон; бывший судья Ро-

С приближением страшного дня, назначенного для приведения приговора в исполнение, в стране росло невыносимое напряжение. От края до края прокатывалась волна протестов и забастовок, охватившая почти все штаты. Чарльстонская тюрьма, где теперь содержались Сакко и Ванцетти, оцетинилась пулеметами; ее охраняло свыше 700 вооруженных солдат и полицейских. Во всех правительственных учреждениях крупных городов дежурили агенты федеральной полиции, которым было приказано в случае каких-либо беспорядков «сначала стрелять, а потом задавать вопросы». В Вашингтоне для «защиты Капитолия» были сосредоточены войска.

За несколько дней до казни Ванцетти сказал корреспонденту «Америкэн ньюспейпер эллайнс» Филиппу Даффилду Стронгу:

«Если бы не эта история, я, вероятно, прожил бы всю жизнь среди людей, которые бы меня презирали. Я умер бы безвестным неудачником, ничем себя не проявив. В этом процессе — смысл нашей жизни, наша победа. Живя обычной жизнью, мы никогда не сумели бы сделать так много для защиты справедливости, терпимости, для укрепления взаимопонимания между людьми, как мы сделали теперь благодаря случаю.

Наши слова, наша жизнь, наши страдания — ничто. То, что нас убивают — нас, хорошего сапожника и бедного торговца рыбой,— это все.

Момент, о котором вы думаете, принадлежит нам. Наша последняя агония будет нашей победой».

23 августа 1927 г. дело, начавшееся в Плимуте (штат Массачусетс), там, где обосновались когда-то первые

берт Грант. Работа комиссии, известной под названием комиссии Лоуэлла, все время проходила под руководством богатого и властолюбивого президента Гарвардского университета. Жугин и Морган писали в «Наследстве Сакко и Ванцетти»: «Лоуэлл считался типичным снобом из Новой Англии, который руководствует во всем принципом *noblesse oblige* (положение обязывает)...» «По мере того, как получают огласку различные частные документы, — добавляют авторы, — выявляется одно из «личных предубеждений» Лоуэлла, а именно его антисемитизм». Здесь Жугин и Морган намекают, что это предубеждение могло повлиять на отношение Лоуэлла к выводам профессора Франкфуртера. Во всяком случае, Лоуэлл, как и прочие представители его круга, относился к Сакко и Ванцетти резко враждебно и с самого начала и до конца направлял работу комиссии именно в таком духе.

переселенцы из Европы, закончилось в чарльстонской тюрьме возле Банкер Хилл, где произошло первое крупное сражение во время американской революции. Через несколько минут после полуночи все электрические лампы в тюрьме мигнули и потускнели; Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти были убиты.

Когда весть о том, что Сакко и Ванцетти уже нет в живых, облетела страну, люди, собравшиеся на улицах всех городов в надежде, что в последний момент приговор будет отменен, разразились горькими рыданиями. На Юнион-сквор в Нью-Йорке, где собралась огромная толпа, по словам газеты «Нью-Йорк геральд», происходило следующее:

«Толпа зарыдала. Многим женщинам сделалось дурно. Другие, не владея собой, рухнули на тротуар и сидели, обхватив голову руками. Мужчины плакали на плечах друг у друга. На улице к востоку от площади внезапно началось какое-то движение. Мужчины бесцельно бегали взад и вперед, разрывая на себе одежду и комкая свои шляпы; женщины в отчаянии рвали на себе платья».

Знаменитый французский писатель Ромэн Роллан написал спустя несколько часов после казни:

«Я не американец, но люблю Америку. И я обвиняю в измене Америке тех людей, которые запятнали свою страну перед лицом всего мира этим преступным приговором».

Четыре дня спустя, 27 августа 1927 г., газета «Бостон геральд» писала в передовой:

«Вернемся к своим повседневным делам в полной уверенности, что органы правосудия честно и беспристрастно исполнили свой долг. Вернемся к исполнению наших каждодневных обязанностей с еще более твердой решимостью охранять наш государственный строй и существующий общественный порядок».

Эта передовая была озаглавлена: «Назад к нормальной жизни».

Глава VII

КОНЕЦ ЭПОХИ

1. Катастрофа

2 августа 1927 г. президент Кальвин Кулидж опубликовал свое известное лаконическое заявление: «На выборах 1928 г. я не намерен выставлять свою кандидатуру в президенты».

К ужасу Кулиджа, республиканская партия поймала его на слове¹. В один из мучительно знойных дней июня следующего года взмокшие и отупевшие от жары делегаты съезда республиканской партии, состоявшегося в г. Канзасе, при первой же баллотировке утвердили своим кандидатом на пост президента бывшего министра торговли Герберта Кларка Гувера. Он был избран на этот пост 6 ноября 1928 г.

По мнению Г. Л. Менкена, не склонного обожествлять президента, Гувер был просто «разжиревшим Кулиджем». Уильям Аллея Уайт назвал Гувера «арифмометром». Фердинанд Ландберг отмечает, что Гувер «когда-то сбывал акции подозрительных горнопромышленных компаний; перед войной английский суд вынес ему порицание за роль, которую он сыграл в одной такой афере».

Хотя в каждой из этих характеристик содержится зерно правды, ни одна из них не дает исчерпывающей

---

¹ Заведующий протокольным отделом Белого дома, Ирвин («Айк») Гувер рассказывает в своих воспоминаниях, как Кулидж реагировал на то, что съезд республиканской партии не выставил вновь его кандидатуры на пост президента.

«В Белом доме царил тревога... Президент поспешно покинул административный корпус и вернулся в Белый дом в явно удрученном состоянии. Его трудно было узнать...

Он бросился на кровать, лежал неподвижно, отказался от завтрака. По его просьбе врач несколько раз выходил из его спальни, чтобы узнать, что происходит на съезде республиканской партии; только это и позволяло догадываться, о чем Кулидж в это время думал. Он провел у себя в комнате весь остаток дня и всю ночь и вышел только на следующее утро часов в одиннадцать. Но это уже не был прежний. Кулидж. Вечером он уехал в Висконсин»

оценки личности тридцатого президента Соединенных Штатов.

Гувер был крупнее своего молчаливого предшественника не только в физическом смысле. Если Кулидж выполнял предписания Уолл-стрита с почтительной покорностью благодарного наемника, то Гувер сам был миллионером, в силу своего положения чувствовал себя легко и свободно в обществе виднейших банкиров и даже играл ведущую роль в высших деловых кругах.

Как писала «Уолл-стрит джорнэл» после выдвижения кандидатуры Гувера на пост президента, «еще никогда и нигде, в том числе и в США, правительство не было так нераздельно слито с деловыми кругами. Можно не сомневаться в том, что Гувер окажется энергичным президентом-дельцом. Он будет первым в истории нашей страны президентом-дельцом, а не политическим деятелем... Его служение народу будет заключаться в служении интересам бизнеса...»

Как бы этот государственный деятель ни увлекался рыночной статистикой, точными диаграммами колебаний деловой активности и биржевыми котировками, его все же нельзя было считать простым «арифмометром», машиной, лишенной всякой способности к самообогащению.

Коммерческие таланты Гувера отнюдь не ограничивались умением спекулировать на акциях сомнительных рудников. Ни один президент еще не проявлял такого искусства в области саморекламы. Хотя он как инженер ничем себя не прославил и нажил свое состояние путем организации акционерных компаний для эксплуатации золотых приисков, лесных разработок, рудных месторождений и прочих концессий в царской России, Австралии, Китае и других отсталых странах, в Америке он создал себе славу «великого инженера». Хотя он систематически использовал поставки продовольствия в качестве политического орудия для поддержки зверских белогвардейских режимов и подавления демократических движений, возникших в Европе после войны, в США Гувер был известен как «великий гуманист». И, наконец, несмотря на то, что он полностью был поглощен своими коммерческими делами и накоплением материальных благ, миллионы американцев были приучены считать Гувера «великим идеалистом».

В своей книге «Вашингтонская карусель» Дрю Пирсон и Роберт Аллен писали: «Всевозможные трюки, всяческие новые приемы, какие были известны и какие были в состоянии изобрести опытные специалисты по рекламе,— все это было пушено в ход, чтобы сделать из Гувера «сверхчеловека», «великого правителя»...¹

Когда Гувер водворился в Белом доме, курсы акций достигли небывало высокого уровня и стали возникать десятки новых акционерных компаний. В январе 1929 г. на рынок было выброшено больше чем на миллиард долларов новых акций. В маклерских конторах всех крупных городов США толпились возбужденные покупатели, безотрывно следившие за освещенными щитами, на которых быстро сменялись цифры и условные обозначения, отмечая непрерывный рост цен на нью-йоркской бирже.

«Мы, американцы, подошли ближе к окончательной победе над бедностью, чем какая-либо страна в истории... — заявил Герберт Гувер. — Мир вступает в эпоху величайшего экономического процветания». В своем

---

¹ До своего назначения в 1917 г. на пост начальника управления США по вопросам продовольствия Гувер прожил 20 лет за границей, очень редко посещая свою родину.

Весной 1897 г. 22-летний Герберт Гувер в погоне за счастьем уехал из Сан-Франциско на золотые прииски Западной Австралии. В качестве австралийского представителя английских золотопромышленников молодой Гувер снискал себе репутацию «черствого и жестокого человека... о его жестокости шла молва от Перта до самых глухих углов Австралии». Так писала о нем Роуз Уилдер Лэйн в книге «Как вырос Герберт Гувер».

В начале 1900-х годов Гувер, выступая в качестве агента различных английских горнопромышленных и финансовых концернов, стяжал себе славу блестящего организатора акционерных обществ для эксплуатации естественных ресурсов отсталых колониальных стран. В 1910 г. он уже сам обладал значительными пакетами акций ряда таких обществ, в том числе одиннадцати нефтепромышленных компаний в царской России. Примерно в это же время Гувер стал партнером английского миллионера Лесли Уркварта по трем компаниям, основанным для разработки лесных богатств и рудников Урала и Сибири. Вскоре после этого он вступил и в Русско-Азиатскую компанию, созданную Урквартом и получившую от царского правительства различные концессии, общая стоимость которых оценивалась примерно в 1 млрд. долларов.

В конце 1914 г. при поддержке бельгийского финансиста Эмиля Франки, с которым Гувер был связан совместным участием в «Чайниз инджиниринг энд майнинг компани», он был назначен председателем Комитета помощи Бельгии. Этот пост послужил ему трамплином для прыжка к гораздо более важному посту начальника управления США по вопросам продовольствия.

обращении к стране при вступлении на пост президента Гувер заявил, что «Соединенные Штаты достигли еще невиданного в мире уровня комфорта... Ни одна страна не может похвастать более прочными успехами».

Восемь месяцев спустя на Америку обрушился самый губительный экономический кризис в мировой истории.

В конце октября 1929 г. биржевые курсы стремительно полетели вниз.

Постепенное понижение курсов началось еще несколькими неделями раньше, но это не вызывало особенной тревоги. На рынке, где шла крупная игра на повышение, и прежде случались падения курсов, после чего они обычно взлетали на новую высоту, принося спекулянтам еще большие доходы. Однако в середине месяца тревога стала усиливаться, так как падение происходило нарастающим темпом.

23 октября было продано свыше 6 млн. акций; телеграфные аппараты, установленные в маклерских конторах, не успевали сообщать об этих продажах и передавали результаты биржевых сделок с запозданием примерно на два часа. Индекс «Нью-Йорк таймс», отражающий изменения курсов акций 50 крупнейших промышленных и железнодорожных компаний, зарегистрировал падение на 18,24 пункта за один день.

На следующий день, в четверг, 24 октября, шторм разразился с полной силой. За день было продано около 13 млн. акций. В первый час цены на акции падали с катастрофической быстротой. Тысячи спекулянтов были сметены лавиной паники. Огромный зал нью-йоркской фондовой биржи превратился в ад; обезумевшие маклеры с перекошенными от ужаса лицами метались во все стороны, размахивая руками и испуская дикие вопли. В маклерских конторах всех крупных городов толпились взбудораженные клиенты, лихорадочно пытавшиеся сбить свои акции, пока за них можно было хоть что-нибудь выручить.

Вскоре после полудня Чарльз Митчелл из «Нэйшнл сити бэнк», Альберт Уиггин из «Чейз нэйшнл бэнк» и еще, два крупных банкира примчались в контору компании Дж. П. Моргана и заперлись в кабинете Томаса Ламонта. Через несколько минут они приняли решение сложиться вместе с еще одним финансистом и создать фонд в 240 млн. долларов для скупки акций. Таким путем

они рассчитывали замедлить бурный темп продаж и восстановить на мятушейся бирже хоть видимость порядка.

Президент Гувер, сидя у себя в Белом доме, по телефону поддерживал непрерывную связь с Ламонтом. Он обратился к американскому народу с заявлением, в котором говорилось, что «основные элементы нашей экономики, то есть производство и распределение товаров, покоятся на прочной и многообещающей основе».

Однако ни многомиллионный фонд, созданный банками, ни оптимистические заявления президента не смогли предотвратить крах. Катастрофическое падение биржевых цен продолжалось. 29 октября растаяли в воздухе ценности, составлявшие еще сотни миллионов долларов, и было продано рекордное число акций — 16 410 030.

Воздушный замок, построенный из кредита, спекуляции, бумажных ценностей и биржевых комбинаций, разлетелся в прах. Катастрофа породила панические слухи: «Все банки лопнули! Правительство отдало распоряжение закрыть фондовые биржи! Двадцать банкиров покончили самоубийством! Возмущенная толпа движется на Уолл-стрит!»

Разразилась великая паника.

«Коммершэл энд финзншэл кроникл» писала 2 ноября 1929 г.: «На этой неделе мы были свидетелями величайшей биржевой катастрофы в мировой истории».

Но это была отнюдь не просто биржевая катастрофа. Это была мировая катастрофа. Эра дутого послевоенного процветания и устойчивости пришла к концу. Наступил небывало суровый экономический кризис, быстро охвативший весь земной шар.

Экономическая катастрофа, обрушившаяся как ураган на Америку, Европу и Азию, сопровождалась безработицей, голодом, обнищанием и деморализацией масс. Крупные финансовые и промышленные компании разорились до тла; миллионы мелких вкладчиков потеряли все свое достояние; рабочих выбрасывали на улицу. Массы голодали, а фрукты топили в море, зерно гноили в силосных ямах, кофе сжигалось в топках, а скот резали и зарывали в землю. Народы были не в состоянии платить за все то, что они производили в таком изобилии. Вся система распределения рухнула.

В начале 1932 г. бывший министр финансов США

Эндрю Меллон, которого президент Гувер назначил послом в Англию, заявил в речи, произнесенной на обеде в лондонском клубе Пилигримов; «Я считаю, что нет такого средства, которое могло бы быстро и эффективно устранить зло, поразившее весь мир, но я не разделяю и того мнения, что наша социальная система порочна в своей основе».

Знаменитый американский стальной магнат Чарльз М. Шваб выразил иные чувства, обуревавшие деловые круги. «Я боюсь,— сказал он.— Каждый из нас боится».

2. Час расплаты

На втором году великого кризиса известный американский писатель Теодор Драйзер писал в своей книге «Трагическая Америка»:

«Мне приходилось много слышать и читать о нынешней жизни, но мне хотелось и лично познакомиться с некоторыми конкретными сторонами жизни в условиях существующей у нас экономической системы... Я побывал в горняцких поселках западной Пенсильвании... и увидел там невообразимую нищету. Шахтеры зарабатывают от 14 до 24 долларов за две недели работы... Питаются они отвратительно; я знакомился с их меню. Одним из основных продуктов их питания в то время были листья одуванчика.

Я решил побывать в Пассаике в штате Нью-Джерси, так как он казался мне типичным маленьким промышленным городком... Местный священник рассказал мне, что люди живут здесь по восемь-десять человек в одной-двух комнатах... Он рассказал также, что некоторые рабочие не имеют работы уже больше года; в частности, он говорил об одной женщине, которая, стараясь прокормить свою семью (ее муж сидит без работы), делает искусственные цветы по 15 центов за 24 штуки и зарабатывает этим самое большее 90 центов в день...

3 января 1931 г. 50-летний безработный жестянщик Джемс Голден вошел в булочную в доме № 247 по Монро-стрит и попросил чего-нибудь поесть. Хозяин булочной Розенберг потянулся за буханкой хлеба, но в этот момент Голден упал на пол

и умер... 43-летний Джон Питак, живший в доме № 183 по Хай-авеню, отчаявшись найти работу, покончил самоубийством, оставив жену с тремя детьми...»

Писатель Джонатан Нортон Леонард описывал положение пенсильванских шахтеров, выселенных в 1931 г. из домов компании после того, как они проиграли безнадежную и бесполезную стачку, начатую с целью добиться хоть сколько-нибудь сносного уровня заработной платы. Леонард писал:

«Корреспонденты газет... видели тысячи шахтеров, ютящихся в жалких хижинах на склонах гор, по три-четыре семьи в хижине. Питались они листьями одуванчика и корнями сорняков. Больше половины из них болело, но ни один местный врач не хотел помогать им. Все они голодали, и многие умирали от болезней, которые так кстати косят голодающих, чтобы власти имели возможность говорить, что никто не умирает с голоду».

Луиза Армстронг в своей книге «Мы тоже часть народа» описала следующую сцену в деловом центре Чикаго:

«Мы видели, как примерно пятьдесят мужчин дрались из-за корзины отбросов, выставленной из кухни ресторана. Американские граждане дерутся, как животные, из-за отбросов!»

К 1932 г. массы голодающих нищих наводнили всю страну. Десятки тысяч оборванных бездомных детей бродили по сельским районам. В США насчитывалось от 13 до 17 млн. безработных.

Города Америки кишели нищими и изможденными людьми с провалившимися глазами; по ночам эти люди валялись в подъездах, глухих переулках и подвалах или рыскали по помойным ямам в поисках остатков пищи. С каждым днем все длиннее становились очереди за даровым супом; люди молча толпились перед агентствами по найму рабочей силы и перед запертыми воротами фабрик; истощенные мужчины и женщины продавали яблоки с жалких лотков, бесчисленные рабочие бродили от дома к дому, от мастерской к мастерской в бесконечных и безнадежных поисках хоть какой-нибудь работы за любую плату — лишь бы накормить умирающую с голоду семью.

И в каждом штате, как отвратительные язвы на теле страны, выростали ряды грязных, убогих хижин и шалашей, построенных из толя, ящиков, жести и железного лома; в них жили тысячи разоренных, обнищавших американских семей. Эти свалки живых людей получили название «городов Гувера».

Президент Гувер был обижен на кризис, который он рассматривал как угрозу своей личной репутации «великого правителя». Вначале он пытался убедить американский народ в том, что кризис всего лишь мимолетное явление и что «процветание вот-вот вернется», но это не удалось, и тогда он стал выступать как оракул с прорицаниями, в которых пытался преуменьшить значение катастрофы, поразившей страну.

14 декабря 1929 г. Гувер заявил, что, судя по статистическим данным об объеме розничных покупок, деловая жизнь в США «вернулась в нормальную колею». В марте 1930 г. он объявил, что «в ближайшие два месяца наиболее тяжелые последствия кризиса в области безработицы будут преодолены». Прошли эти два месяца, и 2 мая он выступил с обращением к народу, в котором оказал:

«Мы переживаем одно из тех великих экономических потрясений, которые периодически приносят нашему народу лишения и страдания. Я уверен, что худшее уже позади и что, продолжая действовать дружно, мы скоро добьемся улучшения».

В июле того же года известный адвокат Амос Пин-чот вместе с группой бизнесменов посетил Белый дом и потребовал от президента немедленных и чрезвычайных мер для ликвидации быстро растущей безработицы. Гувер слушал их с явным нетерпением. «Господа, — резко заявил он членам делегации, — вы опоздали на шесть недель. Кризис уже миновал».

В течение всего своего пребывания у власти Гувер (предоставлял из правительственных средств огромные займы в помощь банкам, железным дорогам и крупным промышленным концернам, но упорно противился созданию федерального органа для оказания помощи миллионам безработных, бездомных и голодающих американцев.

«Помощь государства, — утверждал Гувер, — будет просто милостыней, вредно отразится на характере

американцев и подорвет их резко выраженный индивидуализм».

Сенатор Роберт М. Лафоллет младший протестовал: «В нынешней чрезвычайной обстановке нужно заботиться сначала об облегчении человеческих страданий, а потом уже об интересах богатых плательщиков подоходного налога».

«Это демагогия», — презрительно ответил Гувер...

Горе народа росло, а Гувер составлял хитроумные статистические таблицы и диаграммы, рисующие экономическое положение, создавал комиссии для «изучения» вопроса о безработице и промышленном производстве и периодически созывал конференции мэров, губернаторов и представителей деловых кругов для обсуждения различных сторон кризиса.

В одной частной беседе губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт описывал такое совещание по безработице, происходившее в Белом доме при участии нескольких губернаторов.

«Нас пригласили к президенту на обед, и я поехал туда с женой. В ожидании президента все мы стояли, не шевелясь, вокруг огромного обеденного стола. Гувер опаздывал, и мы стояли недвижно и молча, как каменные изваяния. Такого строгого ритуала нет даже в Букингемском дворце. Г-жа Пинчот, стоявшая по другую сторону стола, подошла ко мне и сказала, что никто не будет в обиде, если я сяду. Но тут подбежал адъютант в расшитом золотом мундире и шопотом попросил ее вернуться на свое место и стоять, пока не придет президент. Когда президент явился и уселся за стол, все заговорило шопотом.

После обеда мужчин пригласили в Красную комнату, а дам — в Синюю. Президент бесшумно вошел к нам в сопровождении своей супруги и поздоровался с каждым из присутствующих, осторожно пожимая руку и произнося при этом шопотом несколько слов. Затем нас загнали, как скот, в концертный зал, и мы уселись на непрочные стулья, вроде тех, какие ставятся на похоронах, когда для некоторых гостей нехватает мест. В дальнем конце зала, отделенные от слушателей огромным пространством сияющего паркета, играли несколько скрипачей,

нервно уставясь на адъютантов в полной парадной форме.

Выходя из зала г-жа Рузвельт узнала одного из музыкантов и сообщила об этом мне. Это были первые слова, которыми мы обменялись с ней вслух за весь вечер в Белом доме. Вдруг рядом с ней появился, как из-под земли, еще один раззолоченный адъютант и прошептал, что если она хочет побеседовать со знакомым музыкантом, он может устроить им встречу у самого выхода. Здороваясь с г-жой Рузвельт, музыкант дрожал от страха. Мы вышли ошеломленные. Я не могу припомнить, что именно говорилось за этим обедом о безработице».

Брошенные на произвол судьбы своим правительством, погружаясь все глубже в нищету и отчаяние, американцы постепенно начали действовать самочинно.

То в одном, то в другом штате безработные организовывали «голодные походы» в столицу штата. Во многих городах озлобленные люди объединялись, чтобы помешать выселению своих разоренных друзей и соседей. При распродаже за долги имущества фермеров нередко группа фермеров с мрачным видом окружала аукционера плотным кольцом, не давала никому из посторонних принять участие в торгах, покупала продававшееся имущество за гроши и тут же возвращала его владельцу. Лига борьбы за единство профсоюзов организовала повсюду в стране советы безработных, которые проводили демонстрации, требуя продовольствия, одежды, работы или выдачи достаточных пособий.

Центральные и местные власти принимали суровые меры для подавления растущего возмущения народа. Вооруженные войска и полиция чинили кровавые расправы над демонстрациями голодающих безработных. Репортер газеты «Нью-Йорк уорлд» описал типичный случай разгона демонстрации безработных полицией:

«...Женщин били дубинками по лицу; группы в семь-восемь полицейских избивали подростков; одного старика загнали в парадное и там стали избивать; время от времени его сшибали с ног, тут же поднимали и снова били кулаками и дубинками...

У некоторых сыщиков за ленту шляпы были заткнуты корреспондентские удостоверения; многие не имели значков. Они носились в толпе с криками,

избивая тех, кто казался им похожим на коммуниста.

Окравленных людей втаскивали во временные помещения полицейских участков, и там они валялись на земле, пока за ними не приезжала полицейская карета».

Но ни разнузданная жестокость полиции, ни панические вопли о том, что «коммунистические агенты» подстрекают безработных, ни вопли членов конгресса, требовавших немедленно заключить в тюрьмы или выслать из страны всех «красных»¹, не могли рассеять собирающуюся бурю возмущения и гнева.

Всю страну облетел призыв: «Довольно умирать с голоду — боритесь!»

3. Поход на Вашингтон

В середине мая 1932 г. 200 безработных ветеранов первой мировой войны в Портленде (штат Орегон) наскоро собрали свои жалкие пожитки и выступили в поход за 3000 миль. Они собирались пересечь весь континент, добраться до Вашингтона и «подать конгрессу ходатайство о немедленной выплате пособий ветеранам». Их выступление послужило толчком к началу совершенно необычайной, стихийной, небывалой в истории США народной демонстрации — походу ветеранов на Вашингтон.

После двух с половиной лет безработицы и тяжелой нужды возмущение участников войны нашло себе выход; со всех концов страны стали поступать требования, чтобы конгресс утвердил закон о немедленной выплате ветеранам сумм, которые правительство им задолжало по их сертификатам².

Поскольку до каникул конгресса оставалось всего несколько недель, ветераны стали стекаться в Вашингтон, чтобы подать свою «пешую петицию».

---

¹ В этот период активнее всего в борьбе с «красными» проявляла себя «Особая комиссия палаты представителей по расследованию коммунистической пропаганды». Во главе этой комиссии стоял член палаты представителей Гамильтон Фиш из Нью-Йорка.

² Официально эти сертификаты назывались: сертификаты на компенсацию за военную службу; они давали ветеранам право на

Они являлись в столицу поодиночке, небольшими группами и отрядами в несколько сот человек. Многие приводили с собой жен и детей. Они останавливали поезда и заставляли кондукторов сажать их бесплатно. Они добирались с попутными машинами, в товарных вагонах, в набитых битком старых рыдванах. Одна небольшая группа приехала из Аляски, пройдя и проехав более 4000 миль через весь континент. Три ветерана прибыли тайком с Гавайских островов, спрятавшись на пароходе.

Жаркими летними днями и душными ночами по дорогам Америки, через пустыни, горы и равнины, через города и деревни, тянулась в столицу нескончаемая процессия бывших военнослужащих. Не проходило дня, чтобы печать не сообщала о выходе новой партии: 900 человек из Чикаго, 600 — из Нью-Орлеана, 1000 — из Огайо, 700 — из Филадельфии и Кэмдена; 200 делегатов от инвалидов, содержащихся в Национальном приюте для солдат в г. Джонстон, штат Теннесси.

Центральные и местные власти и железнодорожники всеми силами старались задержать участников похода и заставить их вернуться по домам. В некоторые города их не впускала полиция. Военный министр Патрик Дж. Хэрли объявил, что ветеранам, прибывшим в Вашингтон, военное министерство не выдаст спальных мешков. Начальник вашингтонской полиции генерал Пелхэм Глэссфорд рассылал губернаторам штатов панические телеграммы, требуя, чтобы они заставляли ветеранов поворачивать назад. Вице-президент железнодорожной компании «Балтимор энд Огайо» заявил, что он намерен «отстаивать интересы дороги в предстоящей войне».

И все же ветераны прибывали.

А в городах и поселках, которые они проходили, десятки тысяч сочувствовавших им американцев устраивали в их честь многолюдные демонстрации, снабжали их

получение одного доллара за каждый день службы в армии на территории США и 1 доллар 25 центов за день службы за пределами США. Закон о пособиях был принят конгрессом в 1923 г.; выплата их была назначена на 1945 г. В 1930 г. ветеранам разрешено было получить заимобразно половину причитающейся им суммы с вычетом процентов в размере 4,5% годовых. Участники похода хотели добиться, чтобы им немедленно выдали остальную причитающуюся им сумму.

одеждой, пищей, устраивали их на ночлег и оказывали всяческое содействие, чтобы облегчить их путь¹.

К июню в Вашингтон стеклось более 20 тыс. участников похода. Тринадцатью годами раньше, когда эти люди вернулись с полей сражения в Европе, их славили как национальных героев; теперь же правительство относилось к ним совсем иначе. Члены конгресса, к которым обращались делегации ветеранов, с приветливыми улыбками обещали им поддержать законопроект о выплате пособий и... ничего не делали. Президент Гувер отказался принять представителей участников похода. Вокруг Белого дома расположилась усиленная охрана.

Часть «Экспедиционной армии защиты пособий», как теперь называли сами себя ветераны, временно расположилась на незастроенных участках и в пустовавших правительственных зданиях в Вашингтоне; большинство же их было направлено в лагерь в Анакокия Флэтс — утопающей в пыли низине на берегу реки Потомак, напротив столицы США. Здесь под палящими лучами солнца возник городок из палаток, землянок, наспех сколоченных шалашей и прибрежных пещер, ничем не защищенный от обильных дождей, которые превращали эту низину в топкое болото.

В лагере не было даже самых элементарных санитарных устройств. Вашингтонские власти отпускали ветеранам и их семьям совершенно недостаточное количество продовольствия. Все это привело к тому, что скоро среди них стали свирепствовать болезни. За короткий промежуток времени многие дети ветеранов умерли от кишечных заболеваний и истощения.

---

¹ В Шайенне (Вайоминг) свыше 5000 местных жителей встретили группу ветеранов, прибывшую в полночь, и устроили в их честь факельное шествие и банкет. В Кливленде 50 тыс. жителей собрались и поддержали перед местными властями требование участников похода о предоставлении им железнодорожных вагонов. В Маккиспорте (Пенсильвания) жители сорвали все попытки мэра помешать ветеранам войти в город, а затем задержали поезд, чтобы отправить в нем ветеранов дальше. В городе Ист Сен-Луи (Иллинойс) полиция и войска тщетно пытались помешать ветеранам погрузиться в поезда. После этого местный шериф писал в своем донесении: «Когда дело приняло угрожающий оборот, меня беспокоили не сами ветераны, а сочувствующие им. Вдоль линии железной дороги «Балтимор энд Огайо» выстроилась многотысячная толпа, громко приветствовавшая бывших солдат...»

Для того чтобы дискредитировать участников похода, дезорганизовать их ряды и заставить их покинуть Вашингтон, были пущены в ход всевозможные средства. Газеты писали, что армия ветеранов кишит «коммунистическими агентами», которые собираются организовать «советы в столице США». Начальник полиции Глэссфорд грозился издать приказ об эвакуации. Когда же ветераны заявили, что не уйдут, пока конгресс не удовлетворит их требования, Глэссфорд, ведавший снабжением ветеранов продовольствием, сослался на «нехватку продуктов» и резко сократил и без того скудные пайки.

Помимо всего этого, армия ветеранов была полна агентов федеральной полиции, шпииков, доносчиков и провокаторов.. Вылюченный, с иглочки одетый, властолюбивый «командующий» этой армией У. У. Уотерс поддерживал непрерывную связь с генералом Глэссфордом и фактически ему подчинялся. Глэссфорд сам подтвердил впоследствии в своем докладе, что «отряды военной полиции», организованные Уотерсом для «охраны порядка» среди ветеранов, «действовали в тесном контакте с руководимой мною столичной полицией»¹.

(«Если мы обнаружим в своей среде красных агитаторов,— сообщал Уотерс вашингтонской полиции,— мы с ними разделаемся как следует».

«Командующий» Уотерс предупреждал всех ветеранов, прибывавших в Анакостия Флэтс, чтобы они остерегались «красной пропаганды» Рабочей лиги ветеранов (это была левая организация, сыгравшая основную роль в организации всего похода), и заставлял их присягать в том, что они являются врагами коммунизма. Многих лидеров лиги хватали, жестоко избивали и высылали из Вашингтона. В реке Потомак были обнаружены изуродованные трупы двух ветеранов, подозревавшихся в принадлежности к коммунистической партии.

---

¹ Политические симпатии Уотерса и его личные устремления выявились несколько позднее, когда он создал организацию «Защитные рубашки» и в связи с этим заявил: «Такая организация не может не напоминать об итальянских фашистах и германских нацистах. Но на протяжении пяти лет над Гитлером издевались, его поднимали насмех, а теперь он властвует над Германией. Муссолини был до войны бродячим печатником, которого за политические взгляды изгнали из Италии. А сегодня — это фигура мирового значения».

Но, несмотря на все попытки запугать их, расколоть их ряды, подавляющее большинство ветеранов упорно не двигалось с места и продолжало требовать выплаты пособий.

Утром 17 июля, наспех проведя заключительное заседание, конгресс разъехался на каникулы, так и не приняв никакого решения по вопросу о пособиях ветеранам. К вечеру большинство сенаторов и членов палаты представителей втихомолку ускользнуло из Вашингтона.

Насколько тщательно готовилось правительство к последовавшим затем событиям, явствует из признаний самого генерала Глэссфорда:

«Уже с июня войска проходили специальную подготовку на случай подобной развязки... командный и рядовой состав сухопутных и морских подразделений, расположенных в районе Вашингтона, долго находился в полной боевой готовности и был лишен отпусков... Эти подразделения обучались применению слезоточивых газов и тактике разгона толпы».

Развязка наступила 28 июля; этот день был потом назван «кровавым четвергом». Утром большой отряд полиции попытался выдворить несколько сот ветеранов из двух заброшенных правительственных зданий на Третьей улице и Пенсильвания-авеню. Когда ветераны отказались уйти, полиция атаковала здания, забрасывая их бомбами со слезоточивым газом. Ветераны защищались. Взбешенные полицейские схватились за оружие и открыли огонь. Многие ветераны были ранены, двое из них — смертельно.

Сразу же после этого Гувер приказал начальнику генерального штаба генералу Дугласу Макатуру принять на себя командование операцией по удалению ветеранов из Вашингтона и использовать войска, чтобы «положить конец этим беспорядкам и неподчинению гражданским властям».

Войска прибыли к четырем часам дня. Дальнейшие события «Нью-Йоркс таймс» описывала следующим образом:

«По Пенсильвания-авеню... шли регулярные войска: впереди кавалерия, затем танки, пулеметные части и пехота... Около получаса войска выжидали; их командиры обсуждали положение с полицией, Ветераны в это время кричали, что они не будут по-

виноваться. Они требовали действий, и действия последовали.

Впереди с револьверами в руках шли 20 пехотинцев в стальных шлемах. Под их прикрытием перед «крепостью» ветеранов выстроились около 200 солдат. Затем в дело вступила конница. Она промчалась по улице, расчищая себе дорогу саблями; кавалеристы наносили тем, кого они настигали, удары плашмя.

Операция была проведена с военной точки зрения очень четко и слажено, но многим присутствующим она вовсе не понравилась. Некоторые оказывали войскам противодействие, отбивались, ругали солдат и били ногами лошадей...

Федеральные войска выгнали участников похода из их импровизированного поселка близ Пенсильвания-авеню... при этом происходили сцены, напоминавшие очищение городов от противника во время мировой войны».

Затем хижины ветеранов были сожжены войсками.

Операция была педантично продумана генералом Макартуром во всех подробностях; наготове были и пожарные машины, чтобы помешать распространению огня.

Пехота в противогазах преследовала ветеранов, забрасывая их бомбами со слезоточивым газом; ветераны тщетно пытались защитить от него своих жен и детей. В преследовании участвовали и десятки кавалеристов, размахивавших саблями. Наблюдавших все это жителей столицы тоже травили газом, избивали дубинками и топтали копытами лошадей.

Генерал Макартур заявил потом корреспондентам, что «толпа выглядела угрожающе. Вокруг царила атмосфера революции. Мягкость и внимание, которые проявлялись ранее по отношению к ветеранам, они принимали за признак слабости».

В ту же ночь войска Макартура штурмовали лагерь ветеранов в Анакостия Флэтс. Сначала топкую низину осветили гигантские прожекторы; затем подошли пехотинцы в стальных шлемах, которые стали забрасывать лагерь бомбами со слезоточивым газом, поджигать хижины и палатки и выгонять ветеранов и их семьи. К полуночи небо над Вашингтоном осветилось заревом, как будто от большого лесного пожара. Многие ветераны,

их жены и дети пострадали от действия слезоточивого газа. Один ребенок умер.

К рассвету правительство праздновало полную победу. Анако́стия Флэ́тс была усеяна дымящимися развалинами. На протяжении многих миль по дорогам Вирджинии и Мэриленда двигались тысячи ветеранов со своими семьями, торопливо уходя из столицы; одни из них плакали, другие ругались, третьи брели молча, отупело...

«Угроза правительству Соединенных Штатов была отражена быстро и решительно,— заявил президент Гувер представителям печати.— В течение нескольких месяцев правительство проявляло терпение и мягкость, но затем ответило на открытое нарушение законов так, как на него следует отвечать всегда... Важнейшей обязанностью президента является защита конституции и поддержание власти закона. Эту свою обязанность я намерен выполнять неуклонно».

Если к тому времени американский народ и питал еще некоторые иллюзии насчет «великого гуманиста», то теперь эти иллюзии сгорели в огне, пожравшем жалкие хижинки в Анако́стия Флэ́тс.

Вскоре страна послала в Белый дом нового человека.

Осенью этого года в разгаре предвыборной кампании редактор и издатель «Нью-Йорк график» Эмиль Говро имел беседу не для печати с кандидатом от демократической партии, губернатором штата Нью-Йорк Франклином Делано Рузвельтом.

Беседа состоялась в столице штата Нью-Йорк, городе Олбэни. Говро и Рузвельт завтракали в небольшой комнате рядом с губернаторским кабинетом. В кабинете без конца звонили телефоны. Со всех концов страны поступали сведения о ходе кампании. Беседа то и дело прерывалась, так как Рузвельту приходилось самому отвечать на наиболее важные звонки. Отводная трубка телефона находилась тут же, в комнате.

Рузвельт был настроен оптимистически. Он не сомневался в том, что будет избран президентом США, и уверенным тоном рассказывал Говро о некоторых своих планах управления страной.

«Необходимо связаться непосредственно с народом,— сказал Рузвельт.— Пора по-человечески протянуть ему руку помощи... Так вам понравилось мое выступление на

тему о «забытом человеке»? Речь идет о миллионах американцев. Притом каждый из этих забытых людей представляет целую семью из четырех человек, которую он, как добрый семьянин, содержит. Если в стране насчитывается 14 миллионов безработных, эту цифру надо помножить на четыре, и тогда мы получим действительное число нуждающихся людей. Нужно что-то предпринять... Надо дать людям счастливую жизнь, предоставить им работу — вот наша задача».

Рузвельт сильно затыкнулся и медленно выдохнул клуб дыма. «Вот в России...— начал он и замолчал. Затем, подумав немного, продолжал:— Я намерен признать Россию. Я хочу послать туда наших людей познакомиться с тем, что делают русские...» Видимо, этот вопрос его особенно занимал. «Россия... странная страна; и идеи русских могут показаться странными, но я пошлю людей изучать Россию».

Внезапно Рузвельт выпрямился. «Впереди много работы, — воскликнул он. — Надо дать нашему народу возможность снова стать на ноги».

Его опять попросили к телефону. Он слушал несколько секунд и весело рассмеялся. «Прекрасно! — сказал он. — Еще три штата! Замечательно, Джим!»

Вернувшись к Говро, Рузвельт сказал ему: «Мы поможем народу. — На мгновение лицо его омрачилось. — Это надо сделать возможно скорее. Народ волнуется. На прошлой неделе я возвращался из западных штатов, и мне довелось встретиться со старым приятелем, который управляет на западе крупной железной дорогой. «Фред, — спросил я, — что у вас говорят в народе»? До сих пор в моих ушах звучит его ответ: «К сожалению, Франк, я должен сказать, что в народе у нас говорят о революции».

8 ноября 1932 г. Франклин Делано Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов, оказавшись победителем в сорока двух штатах с общим большинством в 7 с лишним миллионов голосов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Внутренняя война

Глава VIII

«НОВЫЙ КУРС»

Моя опора—демократия и еще раз демократия.

Президент Франклин Д. Рузвельт
18 августа 1937 г.

1. Франклин Делано Рузвельт

«Я заклинаю вас, заклинаю самого себя направить жизнь американского народа по новому курсу... Речь идет не о простой политической кампании, — это сигнал к бою. Помогите мне не только завоевать голоса на выборах, но и одержать победу в крестовом походе, цель которого — вернуть Америку ее народу».

Так говорил Франклин Делано Рузвельт 2 июля 1932 г., когда он дал согласие на выдвижение его кандидатуры в президенты от демократической партии. Так начался новый период в истории Америки, получивший в США и во всем мире название «нового курса».

«Новый курс» должен был стать периодом решительных и радикальных демократических преобразований во всех областях американской жизни. Больше того, сложные, изменчивые и нередко парадоксальные черты «нового курса» и формы его проявления складывались под влиянием двух величайших конфликтов нашей эпохи, затронувших широчайшие народные массы: возмущения миллионов американских граждан невыразимыми страданиями, нуждой и растратой человеческих сил в период великого кризиса и исторической борьбы свободолюбивых народов мира против варварского нашествия фашистской контрреволюции, несшей им порабощение¹.

---

¹ Луис М. Хэкер и Бенджамин Б. Кендрик писали в своей работе «История Соединенных Штатов после 1865 г.»: «Новый курс» называют революцией, и, хотя он не сопровождался никакими насильственными действиями или беспорядками, характерными для революционных переворотов, он, несомненно, означал переход политической власти от крупных промышленников, бан-

Утром 30 января 1933 г., почти за месяц до вступления Рузвельта на пост президента США, дряхлый президент Германской республики фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назначил германским рейхсканцлером бывшего шпиона германской военной разведки Адольфа Гитлера.

27 февраля, за пять дней до прихода Рузвельта в Белый дом, гитлеровцы подожгли рейхстаг и обвинили в этом поджоге коммунистов. Гитлер провозгласил в стране чрезвычайное положение и захватил в Германии верховную власть.

В тот же день, 27 февраля, английский министр иностранных дел Джон Саймон объявил в палате общин, что английское правительство наложило эмбарго на вывоз оружия как в Китай, так и в Японию. Это произошло через полтора года после того, как Япония вторглась в Маньчжурию, и в момент, когда готовые к бою китайские армии отчаянно нуждались в английском оружии...

Над Европой и Азией нависла мрачная тень второй мировой войны.

Америка тоже переживала тяжелые испытания. Миллионы людей нищенствовали, не имея работы. Миллионы не имели крова или ютились в жалких лачугах. Миллионы лихорадочно метались, не зная, чем накормить своих детей. Страна была во власти страха.

киров и крупных землевладельцев к средним классам и рабочим».

Совершенно иное определение «нового курса» дал драматург Шервуд в своей книге «Рузвельт и Гопкинс»: «В действительности, — пишет он, — «новый курс», как его задумал и проводил Рузвельт, был революцией справа; «правые» встали на защиту самих себя».

Вопреки утверждениям Хэкера и Кендрика, период «нового курса» отнюдь не обошелся без кровавого насилия и беспорядков, но он не был революцией рабочих и мелкой буржуазии: за все время с 1933 по 1945 г. фактическая власть над экономической и политической жизнью страны ни разу не переходила от американского финансового капитала в руки какого-либо иного класса.

С другой стороны, в против вес безапелляционным утверждениям Шервуда, надо сказать, что «новый курс», несмотря на все присущие ему противоречия, отнюдь не означал «революции справа» или контрреволюции «правых»; американская история никогда не знала такого бурного подъема всех прогрессивных сил американского народа.

Оба приведенных выше определения «нового курса», как и многие другие, не учитывают решающего значения, которое имела для определения характера «нового курса» международная борьба против фашизма.

В субботу, 4 марта, в день вступления Рузвельта в должность президента, все банки Америки закрылись и вся банковская система богатейшей в мире страны перестала функционировать.

Вот что заявил президент Франклин Д. Рузвельт измученному американскому народу в своем первом послании:

«Наш великий народ перенесет все тяготы, как переносил их и прежде, возродится и придет к процветанию. Поэтому позвольте мне прежде всего высказать свое твердое убеждение, что единственное, чего мы должны бояться,— это сам страх, безымянный, бессмысленный, ничем неоправданный страх, который парализует силы, необходимые для перехода от отступления к наступлению...

Изобилие у нас на пороге, но широкое использование его невозможно, хотя его видит всякий. Это происходит главным образом потому, что люди, управляющие товарооборотом, из-за своего упрямства и непонимания потерпели крах, признали свое поражение и умыли руки. Бесчестные менялы осуждены общественным мнением, и люди отреклись от них и в сердце и в мыслях своих... Менялы покинули свои высокие места в храме нашей цивилизации...

Мы не потеряли веры в основные принципы демократии. Народ Соединенных Штатов не потерпел поражения. В трудный для него момент он потребовал прямых и решительных действий. Он требует дисциплины, порядка и руководства. Теперь он сделал меня орудием своей воли. Я принимаю на себя эту ответственность, разделяя волю тех, кто на меня ее возложил».

Подобно всем великим государственным деятелям, Франклин Делано Рузвельт формировался под влиянием событий и общественных течений своего времени и в то же время сам способствовал их формированию. Когда Рузвельт в 51 год стал президентом, он был необычайно образованным, энергичным и проницательным политическим деятелем, блестящим оратором и исключительно обаятельной личностью. Он был, по словам Карла Шрифтигиссера, «едва ли либеральнее своего предшественника в Олбэни (губернатора Альфреда Е. Смита)». Уолтер Липпман считал, что этот отпрыск богатого американского

аристократического рода не является «опасным противником чего бы то ни было». По поводу деятельности Рузвельта во время избирательной кампании он высказал следующие язвительные замечания:

«Рузвельт как бы добивался двух противоположных целей... Американские политические деятели обладают высоко развитым искусством балансирования; к их числу относится и Рузвельт. Его послание к конгрессу, во всяком случае та часть, где он говорит о выдвижении своей кандидатуры, представляет собой почти безупречный образец балансирования между двумя противоположностями...

Послание составлено таким образом, что представитель прогрессивного, левого крыла, прочтя его, найдет в нем достаточно таких формулировок, которые убедят его в том, что с Франклином Д. Рузвельтом он согласен. Он найдет здесь и отголосок недавнего замечания губернатора Лафоллета насчет политики «экономической свободы», и отголосок замечательных рассуждений Лафоллета о росте концентрации богатства... С другой стороны, в послании содержатся и всяческие заверения в адрес консерваторов: «Мы не будем пытаться в какой бы то ни было мере разрушать или уничтожать что бы то ни было»; наш строй «будет существовать вечно»; мы должны добиваться «сохранения навеки наших основных общественных установлений».

Еще более знаменательно звучит замечание Липпмана о том, что «он не сможет долго отвечать таким различным требованиям таких различных людей...»

Франклин Делано Рузвельт умер двенадцать лет спустя. Он нарушил все прецеденты, четырежды завоевав пост президента США. К тому времени в его внутренней и внешней политике уже не оставалось ничего двусмысленного. Рузвельт был одним из титанических деятелей нашей эпохи. Он стал одним из самых выдающихся, если не самым выдающимся из президентов США — великим строителем американской демократии, поборником прав маленьких людей и всех обездоленных, одним из руководителей всемирной борьбы против фашизма и за установление прочного мира между народами.

Миллионы людей во всех частях света знали инициалы «Ф. Д. Р.» и с любовью говорили о человеке, кото-

рому эти инициалы принадлежали. Неукротимое мужество Рузвельта, его речи, его внешний облик, добродушная улыбка, задушевный, убедительный голос, его манера откидывать назад голову, держать мундштук — были известны всему человечеству. Незабываемые выражения Рузвельта: «экономические роялисты», «карантин для агрессоров», «политика доброго соседа», «арсенал демократии», «четыре свободы» — вошли во все языки мира.

«Рузвельт был тесно связан с простыми людьми Америки, — писала Фрэнсис Перкинс, министр труда в правительстве Рузвельта в своей книге «Рузвельт, которого я знала», — и не только Америки, но и всего мира».

Американский народ никогда еще не имел президента, которого бы он так любил. О глубокой личной любви миллионов американцев к Франклину Д. Рузвельту рассказывает корреспондент радиовещательной компании «Колумбия бродкастинг систем» Боб Траут, часто путешествовавший с президентом по США:

«Среди ночи, когда поезд мчался среди полей или даже по пустыне, поздно ложившиеся спать корреспонденты, выглянув в окно, почти всегда могли увидеть стоящие на протяжении многих миль вдоль полотна дороги молчаливые толпы фермеров, торговцев, шахтеров, рыбаков, рабочих. И мы наблюдали это изо дня в день. Люди приезжали к железной дороге на своих ветхих автомобилях, верхом, приходили пешком, пройдя бог знает сколько миль, только для того, чтобы темной ночью постоять у полотна и увидеть мчащийся поезд президента. Видимо, это давало им удовлетворение — просто стоять, смотреть на поезд и, быть может, помахать ему платком или шляпой.

Однажды мы проезжали по горным районам штата Айдахо; на протяжении многих миль мы не видели ни домов, ни людей. Вдруг кончился лес, и появилось тихое горное озеро. Здесь на маленькой самодельной пристани рядом со своей бревенчатой хижиной стоял человек, — вероятно, рыбак или охотник. По обе стороны от себя он поднял два больших американских флага, а сам стоял между ними «смирно», при всех орденах, отдавая честь проходящему поезду. Он подготовил все это заранее, чтобы

приветствовать президентский поезд в течение нескольких минут, пока он мог его видеть».

С самого начала правления Рузвельта члены его так называемого «мозгового треста», как и другие его помощники, резко отличались от тех миллионеров, политиканов, пройдох и растратчиков, которые составляли окружение трех предыдущих президентов. Правда, некоторые из ведущих деятелей «нового курса», вроде болтливого и шумливого руководителя Управления хозяйственного восстановления генерала Хью С. Джонсона, были самовластными бюрократами, другие, как способный молодой преподаватель Колумбийского университета Адольф Берли, со временем стали злыми циниками, но почти все без исключения люди, окружавшие Рузвельта, отличались умом, энергией, инициативой и пониманием своего долга перед обществом. В их числе были: прямой и вспыльчивый министр внутренних дел Гарольд Л. Икес, либеральный республиканец, бывший сторонник Теодора Рузвельта; министр труда, строго одетая «матушка» Фрэнсис Перкинс, первая женщина-министр, которой протезировала известная общественная деятельница Джейн Адамс; блестящий судья Сэмюэль Розенман, добродушный толстяк, не занимавший никакого официального поста, но известный как один из самых близких и доверенных советников Рузвельта; драматург Роберт Шервуд, серьезный человек выдающихся способностей; помощник министра труда бывший профессор Рексфорд Гай Тагвелл; известный поэт Арчибальд Маклиш.

Самым близким другом и помощником Рузвельта был болезненный Гарри Л. Гопкинс. Сын шорника, бывший социалист, этот умный и глубоко сердечный человек, страстный любитель стихов Джона Китса, много занимался благотворительной деятельностью. При Рузвельте он был сначала руководителем федерального Управления социального обеспечения, потом министром торговли, в военные же годы Гопкинс стал, как выразился один английский государственный деятель в беседе с Робертом Шервудом, — «рузвельтовским личным министром иностранных дел». Почти исчерпывающую характеристику Гопкинса дает заявление, сделанное им в бытность руководителем Управления социального обеспечения: «Голод — не тема для прений».

2. Первые четыре года правления Рузвельта

В своем обращении к народу при вступлении на пост президента Рузвельт обещал действовать и сразу же приступил к действиям — смелым, быстрым, энергичным, заражавшим и других энергией, а иногда — сумбурным и вызывавшим недоумение. Действий такого размаха американский народ еще никогда не видел.

Не пробыв в Белом доме и десяти дней, Рузвельт созвал специальную сессию конгресса, на которой потребовал для себя чрезвычайных полномочий, определенных в семидесяти пяти пунктах, дававших ему громадную власть, какой ни один президент еще не обладал в мирное время. Эти полномочия он получил. Он временно закрыл все банки в стране; разработал проект закона о национальной экономике; запретил вывоз золота и все сделки с иностранной валютой; значительно урезал расходы на содержание государственного аппарата; предложил конгрессу узаконить продажу пива; снова открыл банки; и наконец, через неделю после вступления в должность обратился к народу с первой из своих знаменитых неофициальных, теплых «бесед у камина».

Назовем некоторые из законов, в спешном порядке проведенных через конгресс за первые три месяца правления Рузвельта:

Закон о восстановлении промышленности.

Закон об экономии.

Чрезвычайный закон о банках.

Закон о создании Управления долины реки Теннесси.

Закон о создании гражданских отрядов для охраны природных ресурсов.

Закон о реорганизации сельского хозяйства.

Закон об ассигновании 500 млн. долларов на чрезвычайные мероприятия по оказанию помощи населению.

Закон о предоставлении кредита домовладельцам.

Закон о пиве.

Закон Гласса Стигалия о банках.

Закон Вагнера о найме рабочей силы.

Постановление о золоте.

Закон о назначении координатора работы железных дорог.

Закон о ценных бумагах.

Лихорадочная деятельность продолжалась и в дальнейшем; была намечена обширная программа общественных работ, и вся страна покрывалась плакатами Управления национального восстановления с изображением синего орла и подписью: «Мы вносим свою лепту». Страна воспрянула духом. На протяжении трех черных лет народ жил, испуганно затаив дыхание, а теперь он как бы вдруг снова вздохнул полной грудью...

В начале 1934 г. Уолтер Липпман писал в своем обзоре деятельности Рузвельта за первый год:

«Когда г-н Рузвельт вступил в должность президента, все спрашивали себя лишь об одном,— сможет ли страна «поправиться»... Весь народ находился во власти паники, нищеты, возмущения и отчаяния, которые подрывали его веру не только в успех коммерческой деятельности, но и в американский образ жизни в целом. Никто не знает, до чего бы мы докатились, если бы это продолжалось еще год... Сейчас перед нами еще стоят серьезные проблемы, но мы уже вышли из опаснейшего кризиса. Народ вновь обрел мужество и надежду».

Однако в тот момент, когда Липпман писал эти слова, в настроениях народа происходили глубокие и тревожные изменения. Пришел к концу медовый месяц «нового курса», когда крупный капитал и профсоюзы вступили в непрочный союз для поддержки чрезвычайных мероприятий Рузвельта; всюду быстро нарастало недовольство и волнение. Слова Рузвельта о том, что «менялы покинули свои высокие места в храме», оказались скорее поэтическим образом, чем истиной, а в политике нового правительства стали проявляться противоречия и склонность к компромиссам, которые вызывали разочарование народа.

Впоследствии Фредерик Льюис Аллен писал в своей книге: «Род человеческий»:

«Люди, внимательно наблюдавшие за развитием «нового курса», стали замечать, что все чаще и чаще новые планы провозглашались торжественно, под звуки фанфар, но затем, по мере усиления оппозиции, они становились все умереннее... Постепенно обнаружилось, что Управление национального восстановления было рукой помощи, протянутой правительством бизнесменам, объединявшимся для борьбы.

против новых конкурентов и против снижения розничных цен; это управление оказалось орудием, которое ускоряло и только отчасти контролировало процесс концентрации промышленности».

Орган Уолл-стрита «Анналист» писал: «В конечном счете крупные объединения финансового капитала выигрывают от нового режима; устранение конкуренции, более тесное слияние частных банков с правительственными финансовыми органами, усиление контроля и координации действий — все это способствует дальнейшему укреплению финансового капитала»¹.

¹ Еще откровеннее высказывался заместитель редактора журнала «Каррент истори мэгэзин», выпускаемого издательством «Нью-Йорк таймс», Е. Ф. Браун. Еще в июле 1933 г. Браун писал: «Новая Америка не будет капиталистической в старом понимании этого слова, но не будет и социалистической. Если в настоящее время в нас наблюдается тенденция к фашизму, то это будет американский фашизм, который впитает в себя опыт, традиции и надежды великой буржуазной нации».

Одним из самых зловещих проявлений антидемократической тенденции, наблюдавшейся на первом этапе «нового курса», но тогда не привлекавшей достаточного внимания, был быстрый рост аппарата тайной полиции. Именно в этот период Федеральное бюро расследований выросло в крупный правительственный орган с широкими полномочиями, а начальник ФБР Дж. Эдгар Гувер стал приобретать широкую известность.

В 1933 г. для преступного мира наступили тяжелые времена. Отмена сухого закона нанесла смертельный удар исключительно прибыльным операциям спекулянтов, наживавших миллионы долларов на тайной торговле спиртными напитками. Преступники все больше обращались к менее прибыльным и более опасным делам: по стране прокатилась волна похищений людей и ограблений банков. Пока существовал сухой закон, ФБР ничем не препятствовало разгулу деятельности гангстеров, но теперь, когда под угрозой оказались дети и собственность самых видных и богатых граждан, сразу же возникла необходимость в мероприятиях общегосударственного масштаба. Конгресс издал законы, передававшие в ведение ФБР дела об ограблении банков, похищениях людей и многих других преступлениях.

Дж. Эдгар Гувер сразу же использовал момент. Спустя немного времени смелые подвиги его «специальных агентов», получивших прозвище «Джи-мэн» (Government-man—«правительственный человек». — *Прим. перев.*), стали притчей во языцех. Печать, радио, кино восторженно повествовали о кровавых стычках между «Джи-мэнами» и грабителями, похитителями и беглыми преступниками. ФБР очень быстро стало распространеннейшим словом.

«Еще пять лет назад широкая публика вовсе не знала Дж. Эдгара Гувера, — писал журналист Кортни Рили Купер, специализировавшийся на деятельности ФБР, а также на цирке и на жизни диких животных, в своем предисловии к книге Гуве-

Многие предприниматели соблюдали те требования закона о восстановлении промышленности, которые считали для себя выгодными, но нагло нарушали пункты, выгодные для рабочих. Когда Джордж Р. Лейтон осенью 1933 г. стал проверять, как соблюдается закон о восстановлении промышленности, один рабочий сказал ему: «Ради бога, не говорите никому, что вы были здесь. Тут неподалеку, на цементном заводе, рабочие попробовали пожаловаться, а их за это прогнали с работы». Лейтон писал в журнале «Харперс мэгэзин», что «самый дух и цели закона о восстановлении промышленности и отдельные его положения явно и тайно саботируются».

Рабочие стали называть Управление национального восстановления «Управлением бега на месте».

И все же в 1934—1935 гг. все больше недовольных рабочих настойчиво добивались соблюдения раздела 7 закона, гласившего, что «рабочие имеют право создавать

ра «Беглецы от правосудия», вышедшей в 1938 г. — Сегодня он возглавляет самую известную у нас организацию охотников за людьми — «Джи-мэнов»! Вряд ли кто из мальчишек не считает Гувера своим идеалом...»

Неутомимые сотрудники большого отдела печати ФБР распространяли по всей стране сотни статей, корреспонденций, публичных выступлений, интервью и радиопередач, в которых Гувер выражал свои взгляды на «научные методы борьбы с преступностью», «детскую преступность» и т. д.

«Это — величайший мастер рекламы, — иронизировал сенатор Джордж Норрис по адресу Гувера. — Если мы не заткнем этот фонтан лести и безудержного самовосхваления, то ФБР, вместо того, чтобы защищать правительство от преступников, станет само командовать правительством».

Из года в год получая от конгресса все более крупные ассигнования, аппарат ФБР становился все больше и все сложнее. Гувер с великой помпой основал Лабораторию по изучению преступности, а в 1935 г. открыл в Вашингтоне Национальную полицейскую академию ФБР в качестве «университета для обучения чинов полиции, прибывавших со всех концов страны, методам полицейской службы». По словам Гувера, в середине тридцатых годов картотека дактилоскопических отпечатков, хранившаяся в «Отделе опознания» ФБР, состояла из нескольких миллионов карточек. «Мы получаем эти отпечатки, — заявил Гувер, — из всех уголков Америки: из ее деревень, маленьких городков и столичных центров они стекаются в Вашингтон и здесь классифицируются...»

Гувер установил в ФБР свою единоличную диктатуру. В августе 1933 г. Рэй Такер писал в передовой статье журнала «Кольерс»: «Он [Гувер] руководит ФБР по-прусски; оно превратилось в его личный политический аппарат. Попасть к нему труднее, чем к самому президенту; своих служащих он держит в страхе, уволь-

свои организации и заключать коллективные договоры с предпринимателями».

«Закон на нашей стороне!» — гремел председатель союза горнорабочих, вечно хмурый Джон Л. Льюис, чрезвычайно любивший театральные эффекты. Вложив все средства своего союза в вербовочную кампанию, он за четыре месяца утроил численность профсоюза. 12 тыс. членов союза портовых грузчиков тихоокеанского побережья во главе со своим боевым руководителем, выходцем из низов, Гарри Бриджесом в мае 1934 г. забастовали вместе с моряками и остановили все движение вдоль побережья от Сан-Диего до Сиэттля. В середине июля полицейские убили нескольких забастовщиков; в Сан-Франциско вспыхнула всеобщая стачка, на четыре дня парализовавшая всю жизнь города. В 1935 г. в 19 штатах было призвано для подавления стачек свыше 40 тыс. членов Национальной гвардии. По всей стране рабочие вели ожесточенную борьбу, бастовали, проводили вербовку новых членов профсоюзов.

В ноябре 1935 г. лидеры восьми межнациональных союзов, входивших в Американскую федерацию труда, восстали под руководством Джона Л. Льюиса против консервативной политики старого руководства АФТ и создали Комитет производственных профсоюзов, который должен был организовать профсоюзы по производственному принципу и вовлечь в них неорганизованных рабочих¹.

няя и перемешая их, когда ему заблагорассудится; ни в одном государственном учреждении нет такой текучести кадров... Он всегда возражал против того, чтобы его сотрудникам предъявлялись те же требования, что и служащим других гражданских учреждений... Он сам себе закон и владыка».

По словам Такера, Гувер «продолжил и углубил наилучшие и наихудшие традиции тайной полиции»:

«...шпики ФБР часто следили за такими почтенными людьми, как кандидаты в члены кабинета, правительственные чиновники, издатели, корреспонденты газет, священнослужители, профессора, либералы, интеллигенты из определенного круга, люди, подозреваемые в коммунистических убеждениях, профсоюзные деятели...» (Дальнейшие подробности о деятельности ФБР см. в IV части.)

¹ В сентябре 1936 г. Комитет производственных профсоюзов и все его сторонники были исключены исполнительным комитетом АФТ из состава этой федерации. Первый съезд новой организации состоялся в Питтсбурге в ноябре 1938 г. На нем название организации было изменено на «Конгресс производственных профсоюзов», а председателем ее был избран Джон Л. Льюис.

Тем временем богачи стали проявлять еще большее недовольство «новым курсом», чем бедняки. Президент гигантского химического концерна «Дюпон де Немур» Ламмот Дюпон заявил в январе 1934 г.: «В 1933 г. мы были свидетелями непродуманного наскока правительства на все пороки политической, социальной и экономической жизни нашей страны». Другие виднейшие промышленники и финансисты, которые сначала выслушивали «радикальные» выступления Рузвельта с улыбкой, считая их отнюдь не оригинальной демагогией, стали, наконец, убеждаться с нескрываемым озлоблением, что президент говорил о «привилегированном меньшинстве», «о гуманистических идеалах демократии», о праве рабочих на организацию и о праве «обездоленных требовать от правительства помощи» — совершенно всерьез. Когда правительство под давлением народа расширило общественные работы и государственную помощь безработным и когда профсоюзное движение усилилось, крупные предприниматели прозвали Рузвельта «изменником своему классу» и подняли злостную кампанию против «красного», засевшего в Белом доме, и всего его кабинета. К весне 1935 г., по оценке бюллетеня «Киплингс Уошингтон ньюслеттер», 80% предпринимателей стали врагами «нового курса».

Озлобление крупных капиталистов против «нового курса» отнюдь не уменьшилось после решительной победы демократической партии на выборах в конгресс в ноябре 1934 г., когда Рузвельт заявил в своей речи на открытии сессии конгресса 4 января 1935 г.:

«Народ совершенно ясно заявил, что Америка должна отказаться от такого порядка накопления богатства, при котором чрезмерные прибыли частных лиц дают им чрезмерную власть не только над частной жизнью, но, к несчастью для нас, и над общественной жизнью».

В Вашингтоне «политические представители капитала» готовились саботировать все новые законодательные мероприятия «нового курса». Как сообщала «Нью-Йорк таймс» 24 февраля, в палате представителей был образован «Комитет 100», ставивший себе целью разрабатывать на «тайных заседаниях» планы действий, направленных против политики правительства.

В передовой статье эта же газета писала:

«Наш президент номинально имеет на своей стороне две трети голосов в обеих палатах конгресса, но ему приходится ежедневно сталкиваться с разногласиями в рядах его же сторонников и с угрозой растущего противодействия его важнейшим мероприятиям».

В середине лета 1935 г. правительство перешло Рубикон. 27 мая верховный суд США признал недействительным закон о восстановлении промышленности. Доводы, которыми было подкреплено это решение, по словам Чарльза и Мэри Бэрд, «не оставляли ни малейшей лазейки для регулирования федеральными законами вопросов организации труда в промышленности, продолжительности рабочего дня или уровня заработной платы».

На пресс-конференции в Белом доме в присутствии 200 с лишним корреспондентов президент Рузвельт заявил, что это решение верховного суда является, пожалуй, самым важным «со времени дела Дреда Скотта»¹. Президент зачитал некоторые из тысяч телеграмм, а которых его просили сделать что-нибудь для «спасения народа».

«Важно вот что, — сказал Рузвельт, — означает ли это решение верховного суда, что правительство Соединенных Штатов не имеет права решать какие бы то ни было экономические проблемы?»

Рузвельт был твердо убежден, что так быть не должно.

Месяц спустя, 27 июня, конгресс принял закон о трудовых отношениях. Опираясь на законное право конгресса регулировать вопросы торговли между штатами, этот закон учреждал постоянное Национальное управление по урегулированию трудовых отношений, в задачи которого входило рассмотрение жалоб и вынесение постановлений, запрещающих предпринимателям препятствовать заключению коллективных договоров, создавать профсоюзы, финансируемые предпринимателями, проводить дискриминацию членов профсоюзов при приеме на работу и применять другие меры, ущемляющие права рабочих.

---

¹ Судебный спор о свободе негра-раба, разбиравшийся верховным судом США в 1857 г. (*Прим. ред.*)

Теперь линии фронта четко определились, и Рузвельт ясно показал американскому народу, на чьей стороне он стоит. В своей первой «беседе у камина» в 1936 г. президент заявил:

«Мы утверждаем, что труд имеет такое же право на уважение, как и собственность. Но наши рабочие, обладающие мастерством и умом, нуждаются не только в уважении к их труду. Им нужна действительная защита их права получать за свой труд столько, сколько необходимо для приличного существования при постоянно повышающемся уровне жизни и для того, чтобы делать некоторые сбережения на случай неизбежных превратностей судьбы...»

Рузвельт продолжал:

«Кое-кто не умеет разобраться ни в современной обстановке, ни в уроках истории США. Эти люди пытаются отрицать право рабочих на заключение коллективных договоров, на человеческий уровень жизни и на материальную обеспеченность. Именно эти близорукие люди, а не рабочие, создают угрозу классовых распрей, которые в других странах привели к диктатуре, к власти страха и ненависти над жизнью людей».

На протяжении всех тридцатых годов страну раздирали ожесточенный конфликт, разжигаемый «близорукими людьми», о которых говорил Рузвельт.

Этот конфликт Теодор Драйзер охарактеризовал в 1931 г. в следующих пророческих словах:

«Сейчас в Америке происходит великий спор между богатством и нищетой. Решается вопрос: сможет ли человек, как бы он ни был мал и беден, сохранить свое достоинство и свою жизнь или олигархия богатства окончательно возьмет всю власть в свои руки и будет указывать всем остальным — а их 125 миллионов,— что им делать, о чем думать и сколько они должны расходовать на жизнь, в то время как кучка остальных (сильных и хитрых) будет делать все, что ей угодно и жить в свое удовольствие. Именно в этом и будет заключаться надвигающийся конфликт!»

Глава IX

СИЛА И НАСИЛИЕ

Люди, призывающие к насилиям против радикалов, забастовщиков и негров, остаются совершенно безнаказанными. За последние пятнадцать лет таких людей ни разу не наказывали и не привлекали к суду. Но реакционеры не только призывают к насилию, они прибегают к нему на практике. Ясно... что те, кто защищает предрассудки, исповедуемые большинством, кто защищает право собственности, имеют возможность не только призывать к насилию, но и применять его против своих врагов, не опасаясь привлечения к ответственности.

Отчет Американского союза гражданских свобод, 1936 г.

Насколько мне известно, в стычке, которая произошла в среду, было сделано 60 или 75 выстрелов. Если это верно, то 30 или 35 пуль попали в цель. Я считаю, что эти полицейские — прекрасные стрелки. Если когда-нибудь мне придется формировать армию, они смогут найти у меня работу. Я считал, что во время мировой войны, для того чтобы убить одного солдата, расходовалось более 5 тонн свинца. А здесь мы израсходовали меньше 5 фунтов,—и столько жертв! Я бы сказал, что получилось неплохое соотношение.

Президент «Мэрион манюфакчуринг К°» Р. В. Болдуин в газете «Эшвилл ситизен» 1 октября 1929 г. после того, как полиция убила на его заводе 6 безоружных забастовщиков и ранила 18.

1. Король штрейкбрехеров

В январе 1935 г. в журнале «Форчюн» был напечатан очерк о замечательной карьере одного американского миллионера, которому, как свидетельствует журнал, принесла славу и богатство «профессия, дозволенная только в Соединенных Штатах». Имя его—Пэрл Л. Бергоф. Его профессией было штрейкбрехерство.

В первых же фразах статьи в журнале «Форчюн» перед читателем ставилась следующая проблема:

«Вы—президент промышленной компании. Так написано на двери вашего кабинета. Неделю тому назад ваши рабочие — ваши «ребята», как вы их обычно ласково называли,— поставили вас в известность, что вам дается недельный срок для решения вопроса о повышении их заработной платы с 4 до 4,5 доллара в день. Иначе... Последние четыре дня и четыре ночи вы ломали себе голову в поисках выхода. И вот у вас уже осталось всего 12 часов на размышления.

Сколько просил с вас тот парень? Он за 50 тыс. долларов сорвет забастовку и разгромит профсоюз; вы останетесь полновластным хозяином своего предприятия. 50 тыс. долларов, а сколько будет разбито голов?»

И автор статьи продолжал:

«Вышесказанное должно дать вам некоторое представление о том смятении чувств, какое испытывает обычно руководитель предприятия, сталкиваясь с угрозой забастовки... Если он, наконец, решится принять вызов и бороться до конца, то он, вероятно, поднимет телефонную трубку и позвонит некоему г-ну Пэрлу Л. Бергофу или в контору Бергофа в Нью-Йорке, потому что г-н Бергоф самый старый, самый боевой, испытанный специалист по профессиональному штрейкбрехерству. Г-н Бергоф никогда не колеблется».

Пэрл Бергоф пользовался всеобщей известностью больше 20 лет. Все американские газеты фамильярно называли этого рыжего штрейкбрехера «Рыжим дьяволом». Тысячи профессиональных убийц и мелких шантажистов почтительно титуловали его «генералом».

Но из всех титулов Бергоф предпочитал придуманный им самим — «Король штрейкбрехеров».

До Пэрла Бергофа славились и другие штрейкбрехеры, да и при нем на этом поприще успешно действовало немало людей. Но в начале 1930-х годов ни один штрейкбрехер в Америке не мог сравниться с Бергофом по беспощадности, проявлявшейся при подавлении многих крупных забастовок, по безудержной жестокости расправ с бастующими и по блестящей клиентуре. Имен-

но он поставил штрейкбрехерство в США на современную основу — на основу массового производства.

«Мне нужно только одно — деньги», — заявил он, приехав в начале века в Нью-Йорк. Этот предприимчивый и упорный молодой головорез с бычьей шеей открыл сыскное агентство и поставлял нью-йоркским капиталистам телохранителей. В 1907 г. он решил, по его собственным словам, что «производственная работа» сулит больше. Под «производственной работой» Бергоф подразумевал штрейкбрехерство.

Когда страна вступила в период кризиса и острых классовых боев, предприниматели стали предъявлять широкий спрос на «производственные услуги» сыскного агентства Бергофа. Как писал журнал «Форчюн», «он вступил в исключительно прибыльное десятилетие своей жизни».

Так как в дальнейшем за Бергофом все больше укреплялась слава опытного штрейкбрехера и в его контору стало поступать больше заказов, чем он был в состоянии выполнить, он стал крайне разборчив. Иногда, в виде личного одолжения какому-нибудь крупному концерну, Бергоф соглашался сорвать небольшую забастовку, конечно, при условии соответствующего гонорара. Но, как правило, он специализировался в срыве крупных забастовок в ведущих отраслях промышленности. «Сорвать забастовку рабочих, пришивающих пуговицы к пиджакам, могут и другие, — говорил Бергоф. — Но когда бастуют сталевары, приглашают меня».

Приведем названия некоторых из многочисленных американских фирм, которые прибежали к услугам Бергофа за период с 1907 по 1935 г.:

«Прессед стил кар К⁰»,
«Эри рейлрод»,
«Мансон стимшип лайн»,
«Голланд-Америкэн лайн»,
«Постал телеграф-кейбл К⁰»,
«Балтимор энд Огайо рейлрод»,
«Болдуин локомотив уоркс»,
«Саузерн Пасифик»,
«Пенсильвания рейлрод»,
«Нью-Йорк сентрал рейлрод»,
«Интерборо рапид транзит оф Нью-Йорк сити»,

«Стандард ойл оф Нью-Йорк»,
«Стандард ойл оф Нью-Джерси»,
«Уэллс Фарго экспресс К⁰»,
«Трентон стрит рейлуэй»,
«Морган стимшип лайн»,
«Вильсон стимшип лайн»,
«Гавана-Америкэн стимшип лайн»,
«Америкэн смелтинг энд рифайнинг К⁰».

Гонорары, которые Бергоф получал за срыв забастовок, соответствовали роли, которую играли его кли-

енты в деловом мире. К 1925 г. чистая прибыль фирмы Бергофа достигла 10 млн. долларов. Его личный доход составлял 100 тыс. долларов в год жалования и на несколько сот тысяч долларов дивидендов и премий. Его личное состояние тогда оценивалось в 4 млн. долларов¹.

«Подготовка к срыву забастовки, — говорил Бергоф одному журналисту в 1934 г., — напоминает мобилизацию небольшой армии для подлинной войны».

В качестве своих помощников по мобилизации армии штрейкбрехеров и по руководству ее операциями на местах Бергоф нанимал отборных головорезов, которые в большинстве своем имели тюремный стаж. Все они умело действовали кулаком, револьвером, ножом и кастетом. Бергоф именовал этих помощников «аристократами». «Армейский резерв» Бергофа, как он его называл, составляли главным образом босяки, бандиты, мелкие преступники и профессиональные штрейкбрехеры. Их обязанности состояли в том, чтобы занимать места бастующих рабочих и если не работать всерьез, то, по крайней мере, создавать впечатление, что предприятие продолжает действовать, например поддерживать огонь в топке, чтобы фабричные трубы продолжали дымить. Эти люди назывались «пташками» Бергофа. Имелось в

---

¹ В 1925 г. дела Бергофа неожиданно резко пошатнулись, и он временно прекратил активную деятельность. «Я закрыл контро-ру,— рассказывал он впоследствии,— отправился во Флориду... и занялся недвижимостью».

Потеряв 2 млн. долларов на спекуляции землей во Флориде, Бергоф вернулся в Нью-Йорк и реорганизовал свою штрейкбрехерскую фирму, назвав ее «Бергоф сервис бюро» (Бюро обслуживания Бергофа).

Новый штаб Бергофа размещался в четырех комнатах на 14-м этаже здания «Фред Френч» по Пятому авеню, д. № 551. В скупо обставленной приемной висел плакат: «Шуметь и сквернословить воспрещается». Прежде чем допустить посетителей в кабинет Бергофа, их тщательно разглядывали через глазок с железной решеткой. В кабинете Бергофа висели в рамках вырезки из газет с описанием его подвигов и благодарственные письма от руководителей крупных предприятий.

После биржевого краха 1929 г. «Бергоф сервис бюро», наряду с другими крупными предприятиями, переживало временные затруднения. Бергоф впоследствии рассказывал: «Дела шли так скверно, что нам пришлось распродать свой арсенал. Создавалось ужасное положение. Но я, разумеется, не обвиняю в этом г-на Гувера».

виду, что несколько долларов в день, которые они получали, не составляли их полного вознаграждения. Оно дополнялось инструментами, фабричным имуществом, одеждой и другими предметами, которые они имели возможность воровать, будучи на работе. В своей книге «Я срываю забастовки! Техника Пэрла Бергофа» Эдуард Левинсон писал в 1935 г.: «Пташки» Бергофа воровали все, что попадало им под руку, начиная с водопроводных труб и кончая мехами, стоившими 50 тыс. долларов».

Бергоф вел длинный список «пташек» и «аристократов», услугами которых он пользовался в течение своей долголетней штрейкбрехерской деятельности. В списке они были распределены по «подготовке и опыту». «Этот список, — говорил он, — мое самое бесценное достояние, сердце моего дела. Его нельзя ни составить заново, ни восстановить, потому что это плод долгого труда, тщательного отбора и тяжелого опыта».

Вот имена и дела некоторых «аристократов», числившихся в списке Бергофа..

Джемс Фрэнсис О'Доннел, он же «Двухпушечный Джим О'Доннел»: в 1917 г. крупная кража в Нью-Йорке, отбывал наказание в тюрьме «Блекуэлл Айленд». В 1926 г. убийство в Дюмонте, штат Нью-Джерси, приговорен к восьми годам заключения в тюрьме штата Нью-Джерси.

Джемс Вейлер, он же Испанец-Джо: в 1919 г. убийство в Нью-Йорке, отбывал наказание в Данне-морской тюрьме; в 1925 г. нападение в Нью-Йорке; в 1934 г. нападение с преступным намерением, оправдан.

Джон Б. Бэрон, он же Джесси Мандель: в 1903 г. осужден за мелкую кражу в Нью-Йорке. В 1905 г. — мелкая кража в Нью-Йорке, отправлен в исправительный дом. В 1909 г. крупная кража в Нью-Йорке, отправлен в исправительный дом Эльмира; в 1910 г. крупная кража в Нью-Йорке, приговорен к пяти годам заключения в тюрьме «Синг-Синг».

Джемс Тадлок: в 1921 г. за наркоманию — 2 года и 6 месяцев тюремного заключения в Филадельфии; в 1934 г. за развращение малолетних в Нью-Йорке — тюремное заключение.

Уильям Стерн, он же КидСтейни: в 1911, г. мелкая кража в Нью-Йорке, приговорен к 3 месяцам тюремного заключения; в 1920 г. убийство в Нью-Йорке, приговорен к заключению в тюрьму «Синг-Синг» на срок от 10 до 20 лет.

Джозеф Коэн, он же Джо Пулман: в 1924 г. ограбление в Кливленде, штат Огайо; признал себя виновным в нападении и избиении, подвергнут денежному штрафу; в 1930 г. нападение и избиение в Кливленде, оправдан; в 1930 г. тайное ношение оружия в Кливленде, оправдан. В 1931 г. нарушение закона Гаррисона о наркотиках — 60 дней тюремного заключения; в 1932 г. нападение — последствия неизвестны; в 1932 г. нападение в Сен-Луи — последствия неизвестны; в 1934 г. хулиганское поведение в Нью-Джерси — 90 дней тюремного заключения.

«Когда мы ставим человека охранять штрейкбрехеров, — заявлял Бергоф, — нам нужны люди добронравные. Но учителя воскресных школ нам не годятся».

Штрейкбрехерская деятельность Бергофа, неизменно сопровождалась насилиями и кровопролитием. «Он был меньше всего заинтересован в членовредительстве и убийствах, — писал журнал «Форчюн». — Он; ставил себе психологические задачи».

Так как местные блюстители закона обычно состояли в тайном сговоре с влиятельными компаниями, которые обслуживал Бергоф, его штрейкбрехеры безнаказанно совершали бесчисленные преступления. Его армии босяков и убийц, как орды средневековых наемников, обрушивались на один город за другим, грабя и терроризируя население и оставляя на своем кровавом пути множество раненых и убитых.

Обычным приемом Бергофа была преднамеренная провокация. Во время одной штрейкбрехерской операции его агент «Французик Джо» рассказал сотруднику журнала «Кольерс» Джону Крейджу:

«Дайте мне двадцать пять молодцов с дубинками и револьверами, посадите их в машины; дайте мне еще парочку тайных агентов с револьверами, которые вотрутса в толпу забастовщиков и начнут стрелять по машинам, чтобы дать нам возможность приступить к делу. Мы управились бы с этим

городом за один день. Мы бы их успокоили. Мы бы их так укротили, что они разбегались бы при одном виде машины или опускались бы на колени и читали молитвы. А что мы могли бы вытрясти из этого города, если бы дело было поставлено как следует!»

«Для любителей сильных ощущений, — рассказывает биограф Бергофа Эдуард Левинсон, — у него на службе было двое сумасшедших, Фрэнсис Мэгстедт и Джо Шульц. Один из них сбежал из сумасшедшего дома, а другой был кандидатом туда же. Когда их выпускали на ничего не подозревающих забастовщиков, они начинали крушить, и убивать, не ощущая стеснительных уз здравого рассудка»¹.

---

¹ Типичный случай произошел на раннем этапе деятельности Бергофа, в 1910 г., когда «Филадельфия рапид транзит К» наняла его для разгрома забастовки 5000 водителей и кондукторов, требовавших увеличения зарплаты на 21 цент в час. В течение нескольких недель в Филадельфии царил террор. Штрейкбрехеры Бергофа грабили магазины, врываются в частные дома, убивали бастующих и других граждан.

Однажды банда пьяных штрейкбрехеров забралась в два троллейбуса и устроила дикую гонку по городу, стреляя из револьверов в прохожих; они ранили человек двенадцать, в том числе одного спящего ребенка.

«В первый день забастовки было убито двое из наших людей, — рассказывал впоследствии Бергоф. — Я похоронил одного из них за наш счет. Он был семейным человеком».

Журналист Джон Крейдж, находившийся во время забастовки в Филадельфии, писал в журнале «Кольерс»: «Никогда еще не происходило такого систематического, обдуманного, дикого, ничем не вызванного нападения на мирное население американского города. Никогда еще не было такого массового воровства и грабежа.

Если вы давали кондуктору-штрейкбрехеру монету, он не давал сдачи. Если вы протестовали, вас вышвыривали из вагона, избивали дубинкой, а если вы сопротивлялись, то вас могли и застрелить. Я никогда не забуду женщину с ребенком на руках... которая шла, спотыкаясь, и у нее текла кровь из трех ран на голове, которые ей нанес один из погромщиков».

Филадельфийская полиция и не пыталась помешать разгулу штрейкбрехеров Бергофа.

Бергоф подавлял забастовку «Филадельфия рэпид транзит К» в течение двух месяцев, и за это время было убито 16 мужчин, женщин и детей.

Штрейкбрехерская деятельность Бергофа часто несла смерть многим людям. Например, в 1909 г. при попытке разгромить забастовку на заводе «Прессед стил кар» в Мак-Киз Рокс, штат Пенсильвания (это дело и принесло Бергофу известность), было уби-

24 и 25 октября 1934 г. в газете «Нью-Йорк пост» появились две статьи под заголовком: «Я срываю забастовки». В них Бергоф рассказывал о своей штрейкбрехерской деятельности с гордостью преуспевающего бизнесмена, добившегося успеха собственными силами.

«Штрейкбрехерство—моя профессия, — писал Бергоф. — Я играю ведущую роль на этом поприще уже больше 30 лет, притом почти непрерывно. По просьбе железных дорог, транспортных и пароходных компаний я создавал в течение нескольких часов маленькие армии в десятках городов».

По словам Бергофа, техника штрейкбрехерства очень мало изменилась с тех пор, как он начал заниматься этой профессией. Главная задача — это подорвать дух забастовщиков, «убедить» их в безнадежности их дела. Правда, средств убеждения стало несколько больше.

«В прежние времена мы содержали арсенал. У нас было 2500 винтовок и множество патронов. В запасе всегда имелось несколько тысяч дубинок. Теперь мы идем в ногу с временем. Во время недавней забастовки текстильщиков в штате Джорджия мы послали туда слезоточивый газ»¹.

Отмечая, что критерием успеха всякого коммерческого предприятия является чистая прибыль, которую она дает, Бергоф говорит: «Штрейкбрехерство приносит крупные доходы». Но, разумеется, его достижения измерялись не только доходами. Он имел и иные основания чувствовать удовлетворение:

то 22 человека. В числе убитых было двое громил Бергофа. «Семье каждого из наших убитых людей мы выплатили 4—5 тысяч долларов, — говорил впоследствии Бергоф. — Мы зарабатываем столько, что этот расход не имел для нас значения».

¹ Журнал «Форчюн» рассказывает об арсенале Бергофа: «В настоящее время он оценивает свой арсенал в 14 500 долларов. Время от времени он его пополняет. Слезоточивый газ он покупает у фирмы «Федерал лабораторис» в Питтсбурге. (Сведения о «Федерал лабораторис» см. главу IX, раздел 3.) Дубинки он приобретает сотнями у поставщиков полиции, которых имеется немало в Чикаго и в Нью-Йорке. В основном Бергофа обслуживает компания Кан-Уолтер, Лафайет-стрит, Манхэттен. Медные кастеты можно покупать где угодно. Что же касается пулеметов, то, по недавно изданному федеральному закону, их владельцы обязаны регистрироваться. Тем не менее оживленная подпольная торговля ими продолжается, и приобрести пулемет может всякий желающий.

«Я привык смотреть на услуги, оказываемые моей организацией торговле и промышленности, как на помощь, оказываемую врачом больному. Существует, кажется, какое-то ученое звание «доктора экономики», а мне думается, что я по справедливости могу претендовать на звание «доктора практической экономики», и никто не должен меня за это осуждать».

Находились в Америке и другие люди, разделявшие мнение Бергофа об общественном значении его деятельности. В начале 1930-х годов газеты цитировали высказывания этого штрейкбрехера-миллионера по вопросам внутренней и внешней политики. Органы финансовых кругов комментировали феноменальный успех «Бергоф сервис бюро». Суд присяжных, разбиравший дело о беспорядках, связанных с одной из штрейкбрехерских операций Бергофа, вынес ему благодарность за «спасение города от бедствия».

Среди друзей и знакомых Бергофа были известные политические деятели и видные коммерсанты. Бергоф играл в гольф в модных клубах, жертвовал крупные суммы на благотворительные цели и принял католицизм. В Байонне, штат Нью-Джерси, где Бергоф жил со своей семьей, он построил здание, на фасаде которого были высечены готическими буквами его инициалы «П. Л. Б.».

В декабре 1934 г. Пэрл Бергоф, который на протяжении 27 лет возил по всей стране армии отъявленных негодяев, терроризировавших целые города и убивавших десятки граждан, наконец, предстал перед судом. Но его обвиняли не какие-либо местные или федеральные органы, а группа бывших арестантов и профессиональных штрейкбрехеров. Они пожаловались на то, что Бергоф нанял их для срыва забастовки и не заплатил за работу. Они предъявили ему иск, требуя оплаты их «труда» и дорожных расходов.

Дело слушалось в муниципальном суде Нью-Йорка под председательством судьи Кейса Винтера.

Адвокат Бергофа старался опорочить показания бывших служащих своего клиента, доказывая, что им нельзя верить.

«Были ли вы когда-нибудь осуждены за преступление?»—спросил он смуглого молодого человека Гарри Борака, щеголявшего в гетрах.

Борак с негодованием повернулся к судье: «Судья, я не грабитель, — запротестовал он. — Я гулял с девушкой, она отказалась выйти за меня замуж, и я ее застрелил. Я был молод и влюблен». Когда показания давал другой истец, Бенни Манн, судья наклонился вперед и, глядя на его оттопыренный карман, спросил: «У вас при себе револьвер?» — «Конечно», — ответил Манн. «Зачем же вы являетесь в суд с револьвером?» — спросил судья. «Я собирался сегодня утром на работу», — ответил Манн.

Давая свои показания, Бергоф гордо заявил суду:

«Я помогал американской промышленности на севере, юге, востоке и западе. Я обслуживаю ее уже тридцать лет. Я посылал на Кубу и в Канаду целые армии. Я срывал забастовки на железных дорогах, в портах, на транспорте, в текстильной промышленности, да и сейчас к моим услугам обращаются еще очень многие».

Выдвинутые против него обвинения, выкрикивал Бергоф, бросая злобные взгляды на своих противников, полностью вымышлены. Его профессиональная этика завоевала ему глубокое уважение в коммерческом мире.

«Я знаком с президентами всех железнодорожных компаний, все они пользовались моими услугами.

За всю свою деятельность я не обманул никого ни на грош. Я самый известный штрейкбрехер в стране».

Но, несмотря на все красноречие Бергофа, суд с ним не согласился. Судья Винтер постановил, что он должен уплатить штрейкбрехерам жалование и возместить их расходы.

Удар по престижу Бергофа был смягчен формулировкой приговора, в котором судья Винтер назвал его «гением своего дела» и лестно отозвался о его «славе руководителя учреждения, обслуживающего промышленность», и его «замечательной деятельности на пользу крупным компаниям».

Но «замечательная деятельность» Бергофа подходила к концу.

С быстрым ростом профсоюзного движения, утверждением закона о трудовых отношениях и закона, запрещающего перевозку штрейкбрехеров из одного штата в другой, золотые дни штрейкбрехеров миновали.

В 1936 г. «король штрейкбрехеров» Пэрл Бергоф закрыл свою контору и навсегда удалился от дел.

2. Черносотенцы и «черные списки»

«Мы вовсе не считаем предосудительным пользоваться услугами детективов, — заявил поверенный Мичиганской ассоциации промышленников на заседании сенатской комиссии, гражданских свобод в 1937 г. — Слова «детектив» и «шпион» употребляются в оскорбительном смысле, но ведь для войны нужны и шпионы».

В войне против профсоюзов американские крупные промышленники давно признали шпионаж важнейшим оружием. Уже более полувека замаскированные отряды профессиональных шпииков, детективов, провокаторов и наемных доносчиков вели тайную войну против рабочего движения. Но только с началом «нового курса», когда грубая штрейкбрехерская тактика Бергофа отжила свой век, развитие шпионажа достигло высшей точки.

В 1936 г. в Соединенных Штатах имелось более 200 агентств, занимавшихся шпионажем в профсоюзах, и их услуги были нарасхват. Самыми крупными и преуспевающими из них, с отделениями в десятках городов, были «Нэйшнл детектив эйдженси» Пинкертона, «Рейлуэй одит энд инспекшн К°» и «Корпорейшнс огзильери К°». В числе около 500 клиентов, обслуженных агентством «Корпорейшнс огзильери К°» за время с 1934 по 1936 г., были следующие компании:

«Алюминум К° оф Америка»
«Крайслер корпорейшн» (23
завода)
«Дайамонд мэтч К°»
«Дикси грейхаунд лайнс»

«Файрстоун тайр энд раб-
бер К°»
«Дженерал моторс корпорейшн»
(13 заводов)
«Интернейшнл шу К°»

---

¹ 11 августа 1947 г. Пэрл Бергоф умер в нью-йоркской больнице св. Винцента. В больничных книгах запечатлено последнее проявление его тщеславия. Ложась на лечение за неделю до смерти, он уменьшил свой возраст на 8 лет.

«Я знал его давно, — писал Вестбрук Пеглер в некрологе, напечатанном во всех газетах Херста. — Пэрл Бергоф никогда не стоял за коммунистов. Он был борцом за закон и порядок. Пэрл Бергоф был замечательным штрейкбрехером... Я считаю, что он был порядочнее и честнее любого профсоюзного босса в США. Штрейкбрехерство было для него честным бизнесом. Он никогда не разглагольствовал о демократии или о правах человека».

«Келлог К°»	«Рейдио корпорейшн оф Аме- рика»
«Кельвинеитор корпорейшн»	«Стандард ойл К°»
«Мидлэнд стил продактс К°»	«Стэтлер отелс, инкопорей- тед»

«Нью-Йорк Эдисон К°»

А вот некоторые из фирм, с которыми вело дела агентство Пинкертон:

«Бетлеем стил К°»	«Нэйшнл кэш реджистер К°»
«Кэмпбел суп К°»	«Монтгомери Уорд энд К°»
«Кертис паблишинг К°»	«Пенсильвания рейлрод К°»
«Дженерал моторс корпо- рейшн»	«Шелл петролеум корпо- рейшн»
«Либби-Оуэнс Форд гласе К°»	«Синклер рифайнинг К°»

В списке клиентов «Рейлуэй одит энд инспекшн К°» числились следующие предприятия:

«Борден милк К°»	«Фриджидэр корпорейшн»
«Карнеги-Иллинойс стил кор- порейшн»	«Пенсильвания грейхаунд бас К°»
«Х. С. Фрик коул энд коук К°»	«Вестерн юнион»
«Консолидейтед гэс К° оф Нью-Йорк»	«Вестерн электрик энд маню- фекчуринг К°»

«Общее число известных нам фирм, пользующихся шпионскими услугами этих агентств (засылающих шпионов в рабочие организации), достигает примерно 2500,— докладывала в декабре 1937 г. сенатская комиссия Лафоллета, расследовавшая случаи нарушения свободы слова и прав трудящихся. — Их список представляет собой нечто вроде справочника по американской промышленности».

За время с января 1934 г. по июль 1936 г. расходы на шпионаж среди рабочих одной только фирмы «Дженерал моторе» составили около 1 млн. долларов.

По данным, собранным в 1935 г. специалистом по экономике промышленности Гебером Бленкенхорном, работавшим в Национальном управлении по урегулированию трудовых отношений, всем шпионским агентствам за этот год выплачено свыше 80 млн. долларов.

«Основной целью шпионажа в промышленности, — пишет Лео Губерман в своей книге «Шпионаж в рабочем движении», — является препятствовать организации профсоюзов и громить профсоюзы».

Для этого шпионские агентства занимаются в основном систематическим разжиганием разногласий и вражды

между трудящимися, особенно путем травли «красных»; широкой пропагандой против профсоюзов и составлением «черных списков» членов профсоюзов и сочувствующих.

Глава «Фостер индастриэл энд детектив бюро» Роберт Дж. Фостер доверительно сообщал промышленникам, что его агентство может оказывать им следующие услуги:

«Первое. Я заявляю, что если вы начнете пользоваться нашими услугами до того, как на вашем предприятии возникнет профессиональный союз или какая-либо другая рабочая организация, то у вас не будет происходить ни забастовок, ни беспорядков. Это не значит, что у вас не будет создан профсоюз, но это значит, что мы сами будем руководить деятельностью этого профсоюза и определять его политику, при условии, что наши клиенты предоставят нам свободу действий.

Второе. Если профсоюз уже организован... то хотя мы не окажемся в таком выгодном положении, как в вышеуказанном случае, мы, тем не менее, сможем — и я полагаю, успешно — вызвать в нем путем интриг раскол, разногласия, уход в отставку руководителей и убыль членов».

Более тонко подходила к клиентуре «Корпорейшнс озгильери К°»:

«Начиная каждую операцию, мы ставим себе задачей, чтобы наш агент стал влиятельным лицом в том узком кругу, в котором он работает, и употреблял свое влияние на благо нам. По мере расширения круга его знакомств расширяется и его влияние.

Там, где мы уже работаем достаточно долго... число членов союза не растет, если так угодно нашим клиентам. Ряд местных профсоюзных организаций был распущен. Агитаторов и организаторов мы устраняем втихомолку, без излишнего шума и осложнений».

В инструктивном письме «Рейлуэй одит энд инспекшн К°», направленном одному из сотен тайных агентов, следующим образом определялись некоторые обязанности шпионов в рабочей среде:

«Вы должны общаться с рабочими и настолько войти к ним в доверие, чтобы они вам рассказывали обо всем, что они делают, и т. д. Вы должны ежедневно представлять обстоятельный, подробный отчет о положении вещей, о своих беседах с рабочими, о разговорах, которые вы подслушали, и т. д. Сообщайте... ведется ли какая-нибудь профсоюзная агитация и т. д.

Необходимо представлять отчеты и за воскресные дни и за нерабочее время. Для того чтобы мы могли держать клиента в курсе дела и в эти дни, вам необходимо сойтись с некоторыми рабочими поближе, посещать их на дому, чтобы добывать от них сведения, которые вы не можете получать иным путем. Таким образом можно собрать много ценной для клиента информации».

Из всех сведений, собираемых шпионами, самыми ценными считались данные об активных членах профсоюзов. Каждую неделю агентства составляли длинные списки таких рабочих и передавали их своим клиентам. Включенные в эти списки рабочие немедленно увольнялись, а их имена вносились в тайные «черные списки». Приводя типичный случай применения подобных черных списков, член Национального управления по регулированию трудовых отношений Эдвин С. Смит заявил:

«Мне никогда не приходилось слышать ничего более трагического, более противного традициям Америки, чем рассказы бывших рабочих «Фрюгоф трэйлер К°», уволенных с работы по доносу шпиона. К нам приходили один за другим честные и мужественные люди в расцвете лет и рассказывали об ударах, обрушившихся на них за то единственное преступление, что они вступили в профсоюз. Отцы семейств, кормильцы своих жен и детей, жили на пособия, потому что в Детройте они не могли найти работы, числясь в черном списке. Единственная их вина состояла в том, что они — граждане свободной страны — захотели организовать, чтобы улучшить условия своего труда. Рабочих, отдававших все свои силы хозяевам, наемные шпионы преследовали, как последних преступников, а потом вышвырнули на свалку, как негодный хлам».

Другим видом услуг, которые оказывали шпионские агентства, была организация предпринимательских профсоюзов. Эти союзы создавались для того, чтобы не давать рабочим вступать в подлинные профсоюзы; ими исподтишка руководили и финансировали их сами предприниматели, а во главе таких союзов часто стояли профессиональные шпионы.

«Когда желательно организовать предпринимательский профсоюз, — читаем мы в брошюре, изданной шпионским агентством «Батлер систем оф индастриал сэрвей», — мы сначала внушаем эту идею рабочим, а потом осуществляем ее на деле. Таких организаций уже созданы сотни».

По данным обследования, проведенного «Фондом двадцатого века», к 1935 г. около двух с половиной миллионов рабочих в США состояли в предпринимательских профсоюзах.

Кроме того, шпионские агентства особенно старались провести своих агентов на руководящие посты в подлинных профсоюзах.

Изображая ревностных профсоюзных деятелей и настойчиво завоевывая популярность среди «товарищей рабочих», десятки засланных шпионов пробирались на руководящие должности в Конгрессе производственных профсоюзов (КПП), в Американской федерации труда (АФТ) и союзах железнодорожников. Добившись своей цели, они энергично и самыми разнообразными способами проводили свою подрывную работу.

Один из агентов «Корпорейшнс озгильери К°», которому в 1935 г. удалось пролезть на пост секретаря местного отделения профсоюза рабочих заводов пишущих машинок (входящего в АФТ) в Хартфолде, штат Коннектикут, действовал так успешно, что число членов этого отделения менее чем за год упало с 2500 до 75.

В другой профсоюзной организации, в г. Флинт, штат Мичиган, где у руководства находились засланные шпионы, число членов упало с 26 тыс. человек в 1935 г. до 122 человек в 1936 г.

«Это — очень эффективное средство, — сообщал агент Пинкертон Лоренс Бейкер по поводу кампании, проводившейся шпионами по поручению компании «Дженерал моторс» на заводе кузовов Фишера в

городе Лэнсинг, штат Мичиган. «Еще недавно на заводе Лэнсинг—Фишер почти 100% рабочих входили в профсоюз. А в конце концов в профсоюзе не осталось никого, кроме пяти должностных лиц».

В своем предварительном отчете сенату США 8 февраля 1937 г. комиссия Лафоллета по расследованию нарушений свободы слова и прав трудящихся сообщала:

«Ясно, что шпионаж стал для руководителей американских предприятий обычным методом действий. Пока положение не изменится, право рабочих на организацию, свобода слова, свобода собраний останутся пустым звуком. Люди не могут свободно собираться для обсуждения своих жалоб или организоваться для улучшения своего экономического положения. Они не могут даже высказывать свои политические и религиозные взгляды, так как вся их повседневная жизнь протекает под надзором шпионов...»

Далее в отчете говорится:

«Как это ни странно, частным лицам и предприятиям разрешается иметь свои арсеналы. Удивительно, что промышленникам разрешается вооружать за свой счет бесчестных людей, которым выдаются еще и значки блюстителей закона. Истинного защитника конституционного правопорядка потрясает факт существования гигантского коммерческого предприятия, в котором наниматели прибегают к помощи профессиональных шпионов, чтобы преследовать граждан за то, что они пользуются своим законным правом на организацию для коллективной защиты своих интересов».

3. Газы и винтовки

«Трудовые конфликты возникают по всей стране, — писал вице-президент компании «Федерал лабораторис, инкорпорейтед» в Питтсбурге, штат Пенсильвания, Бэйли Г. Баркер одному из своих коммивояжеров весной 1934 г.— Человек, обслуживающий район, где имеется значительное количество промышленных предприятий, не должен упускать возможности выгодно распродавать имеющиеся у нас средства защиты. Мне представляется,

что 1934 год станет блестящим годом для всех наших агентов».

«Средствами защиты», которые сбывала компания «Федерал лабораторис» и о которых говорил в своем письме Баркер, были станковые и ручные пулеметы, револьверы, автоматы, ружья, винтовки, броневики, газовые ружья, газометы, минометы для газовых мин, боеприпасы, непроницаемые для пуль панцири, слезоточивый и рвотный газы, газовые бомбы, противогазы и т. д.

«Федерал лабораторис» была одной из крупнейших в Соединенных Штатах фирм, которые вели торговлю, существующую только в США: продавали оружие, боеприпасы и прочее военное снаряжение частной промышленности, штрейкбрехерским и шпионским агентствам, черносотенным организациям, государственной и муниципальной полиции¹.

Фирма имела сотни клиентов, в том числе концерны:

«Американ Гавайан стимшип К°»

«Бендикс корпорейшн»

«Бетлеем стил К°»

«Карнеги стил К°»

«Шевроле мотор К°»

«Чикаго энд истерн илинойс рейлрод К°»

«Чикаго трибюн»

«Дженерал моторе корпорейшн»

«Гудйир тайр энд раббер К°»

«Джонс энд Лафлин стил корпорейшн»

«Л. А. рейлуэй корпорейшн»

«Пасифик Р. энд Х. кемикал корпорейшн»

«Понтиак мотор кар К°»

«Сире Робак К°»

«Сикс компанис, инк.»

«Стандард ойл, инк.»

«Теннеси коул, айрон энд рейлрод К°»

Одним из крупнейших акционеров «Федерал лабораторис» была компания «Атлас паудер» в Вильмингтоне, штат Делавэр, тесно связанная с крупной химической фирмой «Дюпон де Немур К°».

Поскольку деятельность «Федерал лабораторис» часто граничила с нарушением закона, представители

---

¹ В основном такого рода торговлей занимались три фирмы: «Федерал лабораторис», «Лейк Эри кемикал К°» и «Мэнвилл манюфакчуринг К°».

За период с 1933 по 1937 г. доход этих трех компаний от продажи газов и газового снаряжения достиг 1 040 621 доллара 14 центов. В эту цифру не входит доход от продажи пулеметов, револьверов, винтовок, боеприпасов и другого снаряжения, который составил еще несколько миллионов долларов.

Следует заметить, что слова «Федерал лабораторис» — это название фирмы, которая не имеет никакого официального отношения ни к одному правительственному учреждению.

фирмы должны были отличаться большой осторожностью и изобретательностью.

Об этом свидетельствуют переговоры, которые велись фирмой «Федерал лабораторис» в Сан-Франциско во время всеобщей забастовки 1934 года.

Коммивояжер «Федерал лабораторис» получил от начальника полиции Сан-Франциско заказ на газы и газовое снаряжение на сумму свыше 13 тысяч долларов. Но, как впоследствии сообщал вице-президент «Федерал лабораторис» Бэйли Г. Баркер, при выполнении этого заказа возникли затруднения вследствие «отказа некоторых чиновников муниципалитета подтвердить заказ начальника полиции». Чтобы уладить это дело, в Сан-Франциско поспешил сам Баркер.

После конфиденциального совещания с представителями некоторых пароходных компаний западного побережья, Баркер направил Американскому банку письмо, в котором, между прочим, говорилось:

Американскому банку Н. Т. и С. А.
Отделение в Маркет Нью-Монтгомери.
Сан-Франциско, Калифорния,

Господа,

Мы прилагаем при сем запечатанный конверт и просим передать его лицу, которое уплатит Вам 13 809 долларов 12 центов.

По получении этой суммы, просим перевести ее в адрес нашей главной конторы: «Федерал лабораторис», 51-я улица, д. № 185, Питтсбург, Пенсильвания.

С совершенным почтением
«Федерал лабораторис, инкорпорейтед»
Вице-президент Б. Г. Баркер.

В «запечатанном конверте», переданном Баркером Американскому банку, находилась накладная «Федерал лабораторис» на газы и газовое снаряжение, заказанные начальником полиции Сан-Франциско. За все это заплатили люди, имена которых так и остались неизвестными, и все это было отправлено полицейскому управлению Сан-Франциско.

«Уверяю вас, мы не забудем, в каком исключительно сложном положении мы оказались, — писал Баркер, вернувшись в Питтсбург, в благодарственном письме Эшфильду Стоу из «Америкэн Гавайан стимшип К°». —

И то, что вы не только помогали нам советом, но и согласились поддержать людей, связанных с нами честными деловыми отношениями, надолго останется в нашей памяти, даже если многие другие вещи и забудутся».

Позднее в том же году президент компании «Федерал лабораторис» Джон В. Янг разослал агентам компании письмо, в котором подводились итоги достижений фирмы за предыдущие месяцы. Письмо Янга начиналось так:

«Господа, мы переживаем очень важные времена — времена исторические — не только для нашей компании, но и для всей нашей страны. Классовая борьба становится все очевиднее, все отчетливее.

Сбыт наших товаров за первые шесть месяцев текущего года значительно превысил миллион долларов».

Отмечая международный размах операций фирмы, Янг сообщал:

«Два вагона газов и двадцать два полицейских броневика нашего производства были отправлены на Кубу. Полицию обучают обращению с этим оружием, и газы пускаются в ход то здесь, то там почти каждую неделю».

Но лучше всего шли дела фирмы в самих Соединенных Штатах. «В Толидо, где происходили беспорядки, было отправлено газов производства «Федерал лабораторис» на сумму около 7500 долларов,— писал Янг,— в Янгстоун на 20 000 долларов, в Питтсбург на 25 000, в Висконсин на 10 000 и в Сиэтл на 5000».

В заключение президент «Федерал лабораторис» писал:

«Вы, вероятно, заметили, что в газетах не раз сообщалось об эффективном применении слезоточивого газа. Это объясняется тем, что полицейские все лучше осваивают обращение с этим газом. Они применяют его в большом количестве, и, по нашим данным, в большинстве случаев они пользуются газом «Федерал лабораторис».

Я хочу особенно поблагодарить Бакстера, Рауша, Баума, Грига, Фишера, Ричардсона и других парней, которые в трудных случаях лично руководили действиями полиции при применении этого средства».

Агент «Федерал лабораторией Джозеф М. Рауш, получивший особую благодарность в письме Янга, был направлен в начале 1934 г. питтсбургской конторой компании в Калифорнию. С обострением борьбы рабочих на всем западном побережье руководители «Федерал лабораторис» сочли необходимым послать на место одного из самых опытных своих представителей. Рауш оправдал их доверие...

После предварительного ознакомления с положением в Калифорнии Рауш докладывал в письме вице-президенту «Федерал лабораторис» Баркеру, что перспективы сбыта там чрезвычайно благоприятны.

«Здесь почти все считают, — писал Рауш, — что в нынешнем году будут происходить крупнейшие забастовки и беспорядки в истории нашей страны... В будущем месяце дела должны пойти хорошо: в «Импириал Вэлли» ожидается новая забастовка».

Готовятся и другие «славные, вкусные» забастовки, продолжал Рауш, и имеются все основания предвидеть в Калифорнии в ближайшем будущем «здоровый спрос» на пулеметы и другое огнестрельное оружие, а в особенности на слезоточивый газ».

В дальнейших отчетах Рауш сообщал своему начальству, что он прилагает особые усилия для расширения сбыта нового газа, вырабатываемого «Федерал лабораторис». Этот газ, известный в технике под названием дифениламинхлорарсин (ДМ), а в просторечии как «рвотный газ», — описывался в рекламных изданиях «Федерал лабораторис» следующим образом:

«Он применяется как слезоточивое средство, но вызывает также и тошноту, сильную головную боль, рвоту и т. д. Большая доза выводит человека из строя на 6—8 часов. Считается, что при применении в закрытом помещении он обладает и отравляющими свойствами, но смертельные случаи при его применении еще не зарегистрированы».

«Надеюсь, что каждый красный в Лос-Анжелосе получит порцию рвотного газа, — писал Рауш в одном из писем. — Я приложу к этому все усилия».

Как и всякий коммивояжер, Рауш возил с собой различные рекламные издания, которые должны были помочь ему сбывать свой товар. Для привлечения покупателей он широко пользовался книжкой «Красная сеть». Автор

этой книжки Элизабет Диллинг занималась антикоммунистической пропагандой, а впоследствии была привлечена к суду по обвинению в тайном сговоре с нацистской Германией против правительства США¹.

Рауш использовал книжку Диллинг, чтобы продемонстрировать покупателям, как глубоко «красные агенты» проникли в американское общество и как желательно применять для «защиты» от них продукцию «Федерал лабораторис». Рауш также обычно возил с собой для снабжения новых покупателей и постоянных клиентов брошюру «Красная тактика преступлений и массовых беспорядков»².

В начале лета Рауш неожиданно столкнулся с затруднениями в деле сбыта слезоточивого газа. Покупателей было достаточно, но, как писал Рауш Баркеру, некоторые законы штата создавали очень серьезные препятствия.

«Действующий в штате закон о слезоточивых газах испортил мне все дело. Вы помните, с каким трудом мы добивались разрешений на продажу газа

---

¹ Элизабет Диллинг и еще 29 явных изменников-фашистов предстали перед судом в 1944 г., но не были осуждены. Во время процесса судья умер, судопроизводство было объявлено неправильным, и после этого процесс так и не возобновлялся.

² В целях расширения сбыта фирма «Федерал лабораторис» регулярно снабжала всех своих коммивояжеров и местных представителей антикоммунистическими пропагандистскими материалами. 24 июля 1934 г. в бюллетене, адресованном «Всем федеральным агентам», президент «Федерал лабораторис» Джон В. Янг извещал своих представителей, что он высылает им книжку Элизабет Диллинг «Красная сеть», доказывающую наличие «угрозы революции» в США.

«Нам предстоят большие трудности; настало время, когда каждый специалист должен проявить свой патриотизм, — писал Янг. — Во что бы то ни стало найдите время прочитать эту книжку. Возите ее с собой, уговаривайте каждого начальника полиции, каждого шерифа, с которыми вы сталкиваетесь, каждого руководителя промышленного предприятия покупать ее. Мы будем с удовольствием выполнять эти заказы по себестоимости, чтобы мобилизовать народ Америки в предвидении событий».

В другом обращении Янга «Ко всем агентам», между прочим, говорилось: «Третий Интернационал... на своем конгрессе, состоявшемся в этом месяце в Москве, изменил свою тактику. Он уже не скрывает своих планов мировой революции. Он открыто хвастает своими успехами в различных странах, и в частности в Соединенных Штатах». В заключение Янг писал: «Самый приятный заказ за эту неделю был получен из Детройта через Джорджа Грига: заказано 12 ручных пулеметов Томпсона».

во время забастовки в мясной промышленности. Сейчас городские власти решительно отказывают в выдаче разрешений на использование нашей продукции частными предприятиями. Как это вам понравится?»

Сочувствуя горю Рауша, Баркер писал ему в ответ:

«Если нельзя помочь делу на месте, то вряд ли мы сможем помочь вам отсюда. Придется примириться с этим разочарованием в надежде, что вам удастся заключить сделки по другим товарам».

Но Рауш получал самые крупные комиссионные именно с заказов на слезоточивый газ и твердо решил не упускать их из рук. Он решил подружиться с начальником уголовно-розыскного отдела штата Кларенсом Мориллом. Последний имел право выдавать разрешения на продажу газов и пулеметов в любом пункте Калифорнии или отказывать в их выдаче.

Однажды Рауш связался с Баркером по междугороднему телефону и запросил у него разрешения предоставить Мориллу исключительное право продажи продукции «Федерал лабораторис» в Аляске. Баркер немедленно дал согласие. После этого никаких затруднений в получении разрешений на продажу газов и пулеметов в Калифорнии не отмечалось.

22 июля 1934 г., через два дня после окончания всеобщей забастовки в Сан-Франциско, Рауш ликующим тоном сообщал в длинном письме Баркеру, что дела «пошли на лад».

«Вечером 2 июля сержант Макинерни и полицейский Майрон Джерни... попросили меня выехать с ними на следующее утро в полицейской машине, захватив с собой газовое снаряжение. Они ожидали серьезных беспорядков и очень хотели использовать мой опыт в применении газа.

Мы отправились в бой, запасшись газовым снаряжением и двумя дробовиками. Ждать пришлось недолго. Беспорядки начались рано утром; мы встретили забастовщиков гранатами и бомбами ближнего действия».

Когда некоторые «бунтовщики» — бастующие грузчики, мирно пикетировавшие в порту Сан-Франциско, начали подбирать газовые гранаты и швырять их обратно в полицейских, Рауш посоветовал применить «бомбы

дальнего действия». «Поверьте мне, — писал он, — это и решило все дело. В дальнейшем каждая стачка завершалась нашей победой... Было и интересно и поучительно...»

Применение газовых бомб в порту дало такие «блестящие результаты», доносил Рауш, что не только полиция Сан-Франциско, но и многие другие покупатели стали заказывать крупные партии продукции «Федерал лабораторис».

«На меня обрушилась лавина заказов. После событий в Сан-Франциско сразу же стали поступать заказы на газы и пулеметы из ближайших городов... Разумеется, я чувствовал себя на седьмом небе.

Так как оставлять наши запасы на складе было небезопасно, я перевез их в подвалы полицейского управления Сан-Франциско.

Трудно представить себе более любезный прием, чем я встретил в полицейских управлениях Беркли, Оклэнда, Сан-Франциско и в окружной прокуратуре. Наша компания и лично я должны быть им только благодарны... Полицейское управление Беркли предоставило нам рабочее место, телефон и даже снабжало нас бензином, когда в городе его невозможно было достать».

Рауш писал, что он достал фотографии «беспорядков» в порту и посылает их в главную контору.

«Хочу добавить,—сообщал он,— что во время одной стычки я пустил в толпу бомбу дальнего действия. Она попала одному человеку в голову, и он вскоре умер. Так как это был коммунист, то я не огорчился и только жалею, что их не было больше».

В заключение Рауш писал:

«Теперь разрешите мне поблагодарить Вас от глубины души за оказанное мне Вами исключительное содействие. Мне нехватает слов для выражения своих чувств по этому поводу. Прошу Вас передать мою благодарность всем коллегам, которые дали нам возможность заключить эту сделку.

Больше всего поощряет меня в дальнейшей работе сознание того, что за моей спиной непоколебимо стоит фирма и ее персонал...

Я устрою свою постоянную штаб-квартиру в Сан-Франциско... Я считаю это настолько практичным и приятным, что решил оставаться здесь и дальше...

С теплым приветом Вам лично и остальным коллегам...

Искренне Ваш
Джозеф М. Рауш¹

4. Методы террора

Впоследствии Конгресс производственных профсоюзов (КПП), объединявший 6 миллионов членов, был признан почти всеми как неотъемлемая составная часть американского общества. Но в середине 30-х годов на рабочих, которые едва только начали строить КПП, нередко смотрели как на уголовных преступников, называли их «коммунистическими заговорщиками», «предателями родины», часто сажали в тюрьмы, гоняли из города в город и заносили в «черные списки» во всех основных отраслях промышленности. В 1935—1937 гг. в Америке было арестовано за участие в профсоюзной борьбе более 47 тысяч рабочих.

---

¹ Несмотря на ликующий тон письма Рауша, перед промышленниками на западном побережье США стоял ряд проблем, которые нельзя было разрешить газом и пулеметами. Одну из таких серьезных трудностей представлял профсоюзный лидер, австралиец Гарри Бриджес.

Во время забастовки 1934 г. в Сан-Франциско и после нее Бриджес проявил себя как один из самых способных и боевых руководителей рабочего движения. В 1937 г. он стал президентом Межнационального союза докеров и складских рабочих. Началась бешеная кампания, имевшая целью добиться высылки его из страны как «коммуниста», стремящегося к «насильственному» свержению правительства США. В то же время все ходатайства Бриджеса о приеме в гражданство Соединенных Штатов неизменно отклонялись.

По наущению крупных дельцов министерство труда провело исчерпывающее расследование деятельности Бриджеса, но в 1936 г. оно сообщило, что расследование не дало никаких «законных оснований» для его высылки. Несмотря на это, в марте 1938 г. министерство издало приказ о высылке Бриджеса, обвинив его в коммунизме. В 1939 г. дело о высылке Бриджеса слушалось в течение одиннадцати недель судом под председательством дека на Гарвардского юридического института Джемса М. Лэндиса. Лэндис вынес решение, что правительство не сумело доказать принадлежность Бриджеса к коммунистической партии и что для

При исполнении своих обязанностей профсоюзные организаторы часто рисковали жизнью. Не раз их похищали наемные убийцы и погромщики, состоявшие на службе у предпринимателей. Их беспощадно избивали, подвергали зверским пыткам, а многих безжалостно убивали.

В августе 1935 г. журнал «Нью-Рипаблик» напечатал красочный рассказ организатора профсоюза рабочих сталеплавильной промышленности в Бирмингеме, штат Алабама, Блэйна Оуэна об испытаниях, которые ему лично пришлось перенести. Другие профсоюзные организаторы нередко переживали то же самое. Вот что писал Блэйн Оуэн:

«В Бирмингеме имеет свои (предприятия ряд компаний: ТКА, «Рипаблик стил», «Шлосс-Шеффильд». Важнейшая из них ТКА — «Теннесси кол энд айрон» — филиал фирмы Моргана «Юнайтед Стейтс стил».

Эта компания ввела правило, что рабочие, живущие в ее домах и занимающиеся огородничеством, не имеют права сажать кукурузу и другие растения, достигающие человеческого роста. Промежутки между домами освещаются всю ночь. Вечером после половины десятого выходить на улицу воспрещается. И все же собрания

его высылки нет оснований. Приказ о высылке был аннулирован, а дело прекращено.

В июне 1940 г. палата представителей приняла специальный закон, дававший возможность выслать Бриджеса, но этот закон не был утвержден сенатом.

Тогда палата представителей внесла в закон об иммиграции поправку, которая должна была сделать высылку Бриджеса «конституционной».

В 1941 г. был издан новый приказ о высылке Бриджеса; после слушания дела председательствующий, инспектор по делам иммиграции Чарльз Сирс, подтвердил этот приказ...

Характеризуя некоторых свидетелей обвинения и агентов Федерального бюро расследований, выступавших против Бриджеса на первом слушании его дела, Лэндис говорил, что майор Лоренс А. Мильнер «сам признался в том, что он лгун», Харпер Л. Ноулз из «Американского легиона» — «лгал всегда, когда не боялся лгать», Джон Р. Дэвис — «был арестован в Индиане по обвинению в крупной краже... Он был признан виновным в растрате 1800 долларов из средств своего союза», Ричард А. Сен Клер — «неоднократно сидел в тюрьме за пьянство».

Один из свидетелей, выступавших против Бриджеса, Уильям Мак Кьюстон арестовывался 8 раз и был дважды осужден по обвинению в вооруженном нападении. Впоследствии он судился по обвинению в убийстве сотрудника Национального союза моря-

созываются, и все же никакой террор не в силах этому помешать. Несмотря на аресты и извинения, по ночам на дверях домов таинственным образом появляются листовки, призывающие к организации и борьбе.

Однажды, когда я шел домой, мимо меня медленно проехал полицейский автомобиль. Двое одетых в форму людей сидели впереди. Один вел машину, другой направили прямо на меня прожектор. По другую сторону улицы стояла закрытая машина. Возле нее курила группа людей. Я повернул за угол. Они пошли за мной, машина бесшумно подкатила к нам; ее дверь была уже открыта...

Я сидел, зажатый между ними на заднем сидении. Мы мчались мимо светофоров, вдоль уснувших домов. Никто не произносил ни слова. Окна были закрыты, и все мы обливались потом, задыхаясь от борьбы...

Трах! Удар был нанесен неожиданно, хотя я знал, что его не миновать. Моя губа онемела; я глубоко вздохнул и хотел нагнуться, но в это время последовал второй удар. Он пришелся по щеке. Густая кровь была соленой на вкус. Когда я дышал, она попадала мне в легкие. Кто-то уперся острым коленом в мой живот, я ловил воздух, стараясь освободить руки. Мне казалось,

---

ков, но был оправдан. В числе свидетелей, выступавших против Бриджеса на втором процессе, был Питер Дж. Иннз—шпик, посланный в профсоюз и исключенный из него за воровство, а впоследствии приговоренный к тюремному заключению за попытку изнасилования малолетней. Другой свидетель, Джон Оливер Томпсон, зарезал свою жену, признал себя виновным в убийстве и был приговорен к тюремному заключению на срок от 2 до 5 лет.

В июне 1945 г., после длительного разбирательства в низших судебных инстанциях, верховный суд США признал приказ о высылке Бриджеса незаконным. В сентябре того же года Бриджес получил американское гражданство.

«Отчет об этом деле, — заявил член верховного суда Фрэнк Мэрфи, — навсегда останется памятником нетерпимости людей. Едва ли когда-либо в истории нашей страны затрачивалось столько усилий для высылки человека только за то, что он посмел воспользоваться свободой, которая принадлежит ему как человеку и гарантируется конституцией».

Через четыре года после окончания второй мировой войны, в мае 1949 г., Бриджес был предан министерством юстиции суду по обвинению в сокрытии фактов и лжесвидетельстве в связи с принятием его в американское гражданство. Министерство возбудило ходатайство о лишении Бриджеса американского гражданства и о высылке его в Австралию.

Дальнейшие подробности см. главу XV, раздел 2.

что я больше никогда не смогу дышать, что мои легкие разорваны, раздавлены. Почему-то я не чувствовал и своего лица. Может быть, оно лежало у меня на коленях, может быть у него на коленях... Они молотили по нему, но это уже не было моим лицом.

...Внезапно удары прекратились. Это поразило меня, и я попытался открыть глаза. Но открылся только один правый глаз...

Высокий худой человек стоял в полумраке, на боку у него тускло поблескивал револьвер. Он задавал мне отрывистые, короткие вопросы. После каждого вопроса он делал достаточно длинную паузу, чтобы другой, помоложе, с прямыми темными бровями и толстыми губами, имел время ударить меня по лицу. «Он не хочет говорить»— удар! «Не говорит, сволочь, ни слова» — еще удар!.. «Молчи, — повторял я про себя, — молчи, потому что они тебя все равно прикончат. Чем больше им скажешь, тем сильнее они тебя будут бить и, наконец, убьют». — «Брось его в реку», — сказал младший. Откуда-то появилась веревка...

Веревка хлестала меня по плечам, с громким свистом рассекая воздух. Я чувствовал, как чьи-то руки срывали с меня кусками рубашку. Там, где кровь начала подсыхать и рубашка прилипла к телу, они отрывали ее вместе с кожей... Кто-то ножом разрезал на мне брюки...

Потом они перестали меня стегать, и чей-то сапог с силой ударил по моим ребрам. Я перевернулся, упал лицом вниз. После короткой передышки все началось снова...

Я не знаю, когда это прекратилось. Я сознавал лишь абсолютную необходимость хранить молчание и лежать совершенно неподвижно. Я помню, что они задавали еще какие-то вопросы...

Как в дурмане, я почувствовал, что удары прекратились, слышал, как захлопнулась дверца автомобиля, и попытался приподнять голову. Машина быстро унеслась, шины шуршали по мягкой земле... Я снова упал лицом вниз и прижался к земле, стараясь не потерять сознания. Я хотел во что бы то ни стало добраться обратно до Бирмингама, вернуться к рабочим...

Вооруженные рабочие дежурили у моей постели. Один металлист, который еще несколько лет назад был членом Ку-клукс-клана, привел ко мне своего восьми-

летнего сына. Он попросил меня сесть на кровати и показал ребенку раны и кровоподтеки, покрывавшие все мое тело и лицо.

— Посмотри, сынок,— сказал он.— Это дело рук хозяев. Учись ненавидеть их и продолжать нашу борьбу».

В середине тридцатых годов, когда миллионы рабочих пытались использовать права, которые правительство гарантировало им, утвердив закон Вагнера, и профсоюзное движение росло по всей стране, дикое насилие по отношению к профсоюзным организаторам и членам профсоюзов стали в Америке повседневым явлением.

Приведем несколько характерных случаев применения насилия по отношению к членам профсоюзов за 1935—1938 гг.

Алабама: в августе 1935 г. сборщики хлопка в округе Лоундс объявили забастовку. Местный шериф организовал банду черносотенцев, которые рыскали по району, врываются в дома бастующих, увозили и безжалостно избивали их. 22 августа они увезли и убили бастовавшего рабочего Джемса Мерривезера. Жена убитого впоследствии рассказывала:

«Нам сообщили, что толпа громил порет батраков на участке Белла... Примерно половина этой толпы подошла к нашему дому... Они перевернули все вверх дном, разыскивая листовки, и нашли их под матрацем...

Я сказала, что ничего не знаю о собрании, потому что была на работе.

Ван Райлс сложил веревку вдвое и велел мне раздеться. Он сказал: «Ложись на стул, мне сегодня нужно голое мясо». Я легла на стул, Ральф Маккуайр держал меня за голову, Райлс избивал меня. Он бил меня ниже пояса и по голове. Они говорили: «Теперь расскажи нам все, что знаешь». При этом все они грубо ругались. Райлс сделал петлю, перекинул веревку через балку и подтянул меня почти на два фута над полом... Я слышала ружейные выстрелы... Они сказали мне, что моего мужа расстреливают... В это самое время его линчевали...»

Арканзас: описывая насилие в штате Арканзас, организатор Южного союза арендаторов Говард Кестер писал 10 февраля 1936 г. в газете «Нью-Йорк пост»:

«По ночам полиция и люди в масках разъезжают по дорогам, выслеживая, где происходят тайные собрания союза... Нередко имеют место избиения и убийства. Плантаторы даже организовали фашистские банды, одетые в зеленые рубашки со свастикой. Сотни членов нашего союза были избиты; десятки семейств в испуге покинули свои дома. Не меньше десяти членов нашего союза убито.

Несколько недель тому назад в городе Ирл, штат Арканзас, вооруженные черносотенцы разогнали собрание, происходившее в негритянской церкви, и застрелили двух человек... На следующий день, когда я выступал в методистской церкви перед аудиторией, состоявшей из 450 членов профсоюза — белых и негров, — туда явилось человек пятнадцать вооруженных плантаторов и шерифов.

Трое из них стащили меня с трибуны и швырнули в мой автомобиль, а остальные стали избивать присутствовавших мужчин, женщин и детей. Они разгромили все убранство церкви».

Мичиган: черносотенцы, в том числе члены «Американского легиона» и «Национальной гвардии», вызванные мэром города Монро Дэниелем Кнэгге в ночь на 10 июня 1937 г., бросали бомбы со слезоточивым и рвотным газами в пикеты бастующих рабочих сталеплавильного завода Ньютон. Избив забастовщиков дубинками, стражи «закона и порядка» стали вытаскивать сочувствующих из домов, избивать их, сожгли палатку, служившую штабом пикетчиков, и разбили десяток автомобилей, принадлежавших бастующим.

Техас: в конце 1937 г. во время забастовки рабочих ореховых плантаций в Сан-Антонио свыше 700 бастующих были арестованы при попытке организовать пикеты. Бастующих мужчин и женщин избивали кулаками, дубинками, топтали ногами. Полиция выстроила всех пикетчиков, в том числе женщин, детей и матерей с младенцами на руках, и внезапно пустила на них слезоточивый газ. Десятки бастующих были брошены в тюрьму без предъявления обвинения.

Калифорния: в начале 1938 г. отделение № 283 Межнационального союза горняков и рабочих металлургической промышленности проводило забастовку на золотых приисках Невады, требуя признания союза предпринима-

телями. 20 января толпа черносотенцев под предводительством местного шерифа и работников дорожной охраны штата Калифорния напала на бастующих рабочих рудника Мэрчи. Затем банда из 300 человек, вооруженная ружьями и дубинками, напала на пикет из 60 забастовщиков. На следующий день двенадцать пострадавших пикетчиков были отправлены в больницу. Помещение правления профсоюза было разгромлено. Профсоюзным работникам угрожали линчеванием. Более 100 горнорабочих с семьями были изгнаны из штата.

Миссисипи: 15 апреля 1938 г. в Тапело несколько человек набросились на 27-летнего руководителя местной организации КПП Чарльза Ф. Кокса, втокнули его в автомобиль, увезли за 20 миль от города, раздели до нага и там 11 человек избивали его ремнями. В полусознательном состоянии он дополз до города. Кокс был важным свидетелем со стороны рабочих против фабрикантов по делам, возникшим после забастовки 1937 г. Организации, расследовавшие этот случай, установили, что Кокса увезли, чтобы помешать ему давать показания против предпринимателей.

И все же организованная промышленными компаниями повсюду в стране кампания насилия и запугивания, террора и штрейкбрехерства силами «Национальной гвардии» и муниципальной полиции не достигла своей цели.

Память о нужде и нищете кризисных лет, благоприятная для рабочих политика «нового курса», победы профсоюзов рабочих морского транспорта западного побережья, шахт и других отраслей промышленности побуждали американские рабочие массы идти в профсоюзы и активизировать борьбу за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

В начале 1936 г. руководители профсоюзов, входящих в КПП, создали общий фонд и объединенными силами стали вовлекать в союзы рабочих резиновой, автомобильной, стальной, алюминиевой, радио и других ведущих отраслей промышленности. В растущую армию членов профсоюзов стали вливаться журналисты, рабочие химической промышленности, техники, работники розничной торговли и конторские служащие, государственные служащие, лесорубы, моряки, рабочие обувной, меховой и нефтяной промышленности.

В феврале 1936 г. 10 тысяч рабочих завода «Гудйир тайр энд раббер К°» в городе Акрон заняли заводские здания и объявили первую в Америке «итальянскую забастовку», требуя признания союза рабочих резиновой промышленности. Четыре недели спустя компания согласилась на требования рабочих.

В ноябре 1936 г. союз рабочих автомобильной промышленности объявил забастовку на предприятиях крупнейшей в стране промышленной компании «Дженерал моторс». После трех месяцев ожесточенной борьбы, в которую было вовлечено 125 тыс. рабочих, в результате чего приостановилась работа заводов «Дженерал моторс» в десятках городов, — компания подписала договор с союзом. Два месяца спустя Крайслер признал Объединенный союз рабочих автомобильной промышленности как представителя рабочих в переговорах с компанией.

Решительная борьба происходила и в сталеплавильной промышленности. «Если рабочие одержат победу и в сталеплавильной промышленности, — писал журнал «Бизнес уик» 13 июня 1936 г., — ни одна отрасль промышленности не сможет устоять». К концу года в союзе рабочих сталеплавильной промышленности состоялось 100 тыс. рабочих. 2 марта 1937 г. КПП одержал величайшую победу: новый союз рабочих сталеплавильной промышленности подписал договор с компанией «Юнайтед Стейтс стил» и ее дочерними предприятиями.

5. «Об этом нельзя забывать»

Дело было 30 мая 1937 г., в день национального праздника, когда Америка чтит своих солдат, павших на поле боя. На большом поле, прилегающем к заводу компании «Рипаблик стил», в южной части Чикаго, перед вечером собралось около тысячи мужчин, женщин и детей. Это были бастующие рабочие завода и их семьи, рабочие других заводов, их друзья и сочувствующие, которые явились, чтобы провести демонстрацию перед заводом «Рипаблик стил» в знак протеста против антирабочей политики компании.

«Я не заключу ни устного, ни письменного договора с такой безответственной, вымогательской, коммунистической организацией, как КПП», — вызывающе заявил президент «Рипаблик стил» Том Гердлер. «Рипаблик

стил» была единственной крупной сталеплавильной компанией, рабочие которой еще не вступили в КПП.

Стоял прекрасный, теплый воскресный день, и среди демонстрантов царило веселье. В ожидании начала демонстрации они собирались небольшими группами, весело болтали, смеялись, распевали песни. Женщины были в светлых летних платьях, многие мужчины—без пиджаков. Легкий ветер лениво колыхал два американских флага, высившихся в центре толпы.

Только одно обстоятельство нарушало общую гармонию. Посреди поля между собравшимися демонстрантами и заводом «Рипаблик стил» стояло несколько сот полицейских с дубинками в руках. Большинство их было сгруппировано так, что они заграждали грунтовую дорогу, пересекавшую поле. Позади стояли резервные отряды и полицейские машины.

Вскоре после четырех часов около 300 демонстрантов двинулись в путь. Они шли длинной нестройной колонной по грунтовой дороге и по полю. Впереди два человека несли американские флаги. Демонстранты выкрикивали лозунги, высоко поднимая знамена и плакаты с надписями: «Вступайте в КПП!» «Рипаблик стил» — против народа!», «Рипаблик стил» нарушает законы о труде».

На середине поля им преградила путь полиция. Демонстранты остановились. Молодой человек, шедший между знаменосцами, стал уговаривать полицейских пропустить демонстрацию дальше. Демонстранты столпились вокруг него, внимательно слушая его разговор с полицейскими. Некоторые из демонстрантов кричали, что муниципалитет дал разрешение на демонстрацию и полиция не имеет права им мешать. Полицейские беспокойно шевелились, подтягивали пояса, потрагивали свои дубинки. На поле почувствовалось зловещее напряжение.

Вдруг, без всякого предупреждения, как бы по заранее условленному сигналу, многие полицейские размахнулись и швырнули в толпу слезоточивые бомбы. В то же время с ужасающей неожиданностью раздался револьверный залп.

Десятки людей упали на землю. Остальные обратились в паническое бегство. Полиция кинулась за ними, избивая бегущих дубинками. Под перемежающийся

треск револьверных выстрелов и вопли раненых полицейские окружали то одного, то другого демонстранта и избивали его дубинками до потери сознания. Группы полицейских стояли над упавшими жертвами, продолжая колотить их. Мужчины и женщины с окровавленными лицами, спотыкаясь, как пьяные, бежали через поле, стараясь спастись от своих преследователей.

Так началась расправа, ознаменовавшая этот праздничный день. Преподобный Чарльз Б. Фиск, присутствовавший с киноаппаратом на демонстрации в качестве наблюдателя от группы чикагских священников, обследовавших нарушения гражданских свобод, впоследствии рассказывал:

«Я приставил аппарат к глазам и видел, как перед толпой появились клубы слезоточивого газа и люди, шедшие в голове колонны, десятками падали на землю... Уголком левого глаза я заметил молодого парня, стоявшего шагах в 30—40 от меня... Одно время он стоял без движения, а затем упал. Я снял его лежащим ничком на земле. На его спине проступали кровавые пятна, и я понял, что ему угодила пуля в спину... Недалеко от меня, не более чем в 40 ярдах, двое полицейских преследовали другого парня, который бежал со всех ног и, оборачиваясь назад, кричал: «Я бегу, бегу! Я делаю, как вы мне приказали! Я бегу изо всех сил!» Он споткнулся, и двое полицейских, одновременно подбежав к нему, сбили его с ног за небольшой группой кустов и избивали его в течение нескольких минут. Я сфотографировал их, когда они стояли над ним и ударили его пять или шесть раз, хотя он уже упал и, казалось, был без сознания...»

Другим свидетелем этой расправы была г-жа Люп Маршалл, работающая в одной благотворительной организации. Она попала в свалку в тот момент, когда полицейские атаковали демонстрантов, была сбита с ног дубинками, а затем брошена в полицейскую машину.

Впоследствии она рассказывала:

«Полицейские стали подбирать людей, лежавших недалеко от меня, волоча их по земле до машины, а затем втаскивая в машину за руки и ноги. В машине некуда было сесть. Полиция валила всех в

кучу. Люди лежали на головах друг у друга. У некоторых были вывихнуты руки и ноги...»

Описывая свое кошмарное путешествие в больницу, г-жа Маршалл рассказывает:

«Мы добирались туда целую вечность; всякий раз, когда машину встряхивало, людей подбрасывало примерно на фут, и они снова падали друг на друга. Машину оглашали вопли и стоны, в ней творилось что-то ужасное».

Когда машина подошла к больнице, полицейские вытащили раненых и лежавших без сознания людей, поволокли их за руки и за ноги в здание и там грубо бросили на пол. Вдруг появился какой-то детектив и, указывая на тела, сердито закричал на полицейских: «Какой дьявол разрешил стрелять?» Один из полицейских ответил: «Заткни свою пасть!» Указывая пальцем на г-жу Маршалл, он сказал: «Они еще не все померли».

Самые жуткие сцены этой расправы запечатлены в киноленте, заснятой фирмой «Парамаунт». Этот фильм никогда не демонстрировался публично; дирекция фирмы «Парамаунт» говорила, что его демонстрация может вызвать «беспорядки».

Через несколько дней после проявления фильма он был показан на закрытом просмотре небольшой группе зрителей: сенатору Роберту М. Лафоллету младшему, сенатору Эльберту Д. Томасу и нескольким членам комиссии гражданских свобод Лафоллета.

Впоследствии газета «Сен-Луи пост-диспэтч» поместила потрясающий отчет об этом закрытом просмотре. Мы приведем некоторые выдержки из него:

«Внезапно, без всякого предупреждения, раздалась ужасающая трескотня револьверов, и люди в первых рядах демонстрантов легли, как трава под косой. В одно мгновение полиция набросилась на демонстрантов, молотя их дубинками...

С отталкивающим деловым выражением лиц группы полицейских окружали отдельных людей и обрабатывали их дубинками. В некоторых случаях на одного человека обрушивались 2—4 полицейских. Один бил его со всего размаха дубинкой по лицу, другой колотил дубинкой же по макушке, третий — по спине. Работники КПП сообщили, что когда одного из убитых доставили в похоронное бюро,

оказалось, что мозг у него был буквально вышиблен из головы и весь череп раздроблен...»

Далее в описании фильма говорилось:

«У человека, раненного в спину, парализована нижняя половина тела. Двое полицейских пытаются поставить его на ноги, чтобы довести до машины. Но когда они заставляют его итти, его ноги подкашиваются и он падает лицом в грязь, почти под заднюю ступеньку машины. Он шевелит головой и руками, но ноги его неподвижны. Он поднимает голову, как черепаха, и царапает землю руками...»

Статья заключалась словами:

«Киноаппарат возвращает нас в центральную часть поля. То тут, то там лежат тела, распростертые в причудливых позах, выражающих полное безразличие смерти. Довольно растрепанный полицейский в расстегнутом мундире с хмурым лицом подходит к другому, стоящему перед киноаппаратом. Он вспотел и устал. Он невнятно говорит что-то. Затем его лицо неожиданно расплывается в улыбке, он делает движение, как бы стряхивая пыль с рук, и шагает прочь. Фильм окончен».

В этот день памяти жертв войны десять человек было убито и несколько десятков тяжело ранено.

Руководители чикагской полиции оправдывали эту расправу тем, что демонстрация рабочих сталеплавильного завода якобы представляла собой «коммунистический заговор» с целью захватить завод «Рипаблик стил» и «убить» тех, кто там находился. По словам этих же полицейских чиновников, «дисциплинированные действия полиции» спасли от гибели «двести или триста человек».

Мы приведем некоторые из показаний капитана чикагской полиции Джемса Л. Муни в комиссии Лафоллета 30 июня 1937 г.

Сенатор Томас: Итак, вы считаете, что беспорядки 30 мая представляли собой столкновение между полицией и коммунистами?

Капитан Муни. Беспорядки были вызваны красными агитаторами... Они действительно хотели завладеть заводом... Они убили бы там множество людей.

Сенатор Томас: Вы считаете, что все, кого вы называете коммунистами, хотят убивать людей, что такова их цель?

Капитан Муни: Не все; но все те, с которыми я встречался.

Далее капитан Муни спросил: «Могу ли я внести предложение, которое поможет сенатской комиссии разрешить этот вопрос?»

Сенатор Томас ответил утвердительно.

«Вышлите всех коммунистов и всех красных из страны, — сказал капитан Муни, — и тогда все пойдет на лад».

«Куда же вы бы их послали?» — спросил сенатор Томас.

«Назад в Россию».

«Вы на самом деле считаете их платными агентами России?»

«Я думаю так потому, что некоторые видные коммунисты из 50-го района уехали в Россию за новыми инструкциями».

«Известно ли вам, в какую часть России они поехали?»

«Они поехали в столицу».

«А где это?»

Капитан Муни замаялся, но потом ответил: «Ну, туда, где Ленин».

6. Генеральный штаб

В беспокойные годы «нового курса» небольшая группа могущественнейших американских миллионеров собиралась раз в год под большим секретом в Нью-Йорке, Рокфеллер Плаза 30, комната 3115. Эта группа называла себя «Комитетом особой конференции». Загадочная надпись на дверях комнаты 3115: «Эдуард С. Каудрик, консультант по взаимоотношениям в промышленности» — не проливали никакого света на дела, которыми занимался указанный комитет.

В телефонном справочнике он не значился; его название на бланках не печаталось; все записи, протоколы заседаний, письма носили пометку: «Совершенно секретно».

В переписке с людьми, которые не состояли членами комитета, его секретарь Эдуард С. Каудрик никогда не упоминал название комитета. Он именовал эту организацию просто «мои коллеги» или «группа, на которую я работаю». Комитет состоял из людей, пользовавшихся

легендарной славой в промышленных и финансовых кругах всего мира.

Мы приведем имена некоторых из лиц, присутствовавших на заседаниях комитета или принимавших участие в его деятельности:

Уолтер С. Гиффорд, президент «Америкэн телефон энд телеграф К⁰»;

Ламмот Дюпон, президент «Э. И. Дюпон де Немур К⁰»;

Альфред П. Слоан мл., президент «Дженерал моторс корпорейшн»;

Гарри В. Андерсон, директор отдела рабочей силы «Дженерал моторс корпорейшн»;

Оуэн Д. Янг, председатель правления «Дженерал электрик К⁰».

Эдуард Р. Стеттиниус мл., вице-президент «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн»;

Ф. В. Абраме, президент «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси»;

Сайрус С. Чинг, директор отдела производственных взаимоотношений и печати «Юнайтед Стейтс раббер К⁰»;

Эдгар С. Блюм, президент «Вестерн электрик К⁰»;

Юджин Дж. Грейс, президент «Бетлеем стил К⁰»;

Дж. М. Ларкин, вице-президент «Бетлеем стил К⁰»;

Франк А. Меррик, президент «Вестингауз электрик энд манюфакчуринг К⁰»;

Гарри И. Уорд, президент «Ирвинг траст К⁰»;

Нортроп Хольбрук, вице-президент «Ирвинг траст К⁰»;

Э. Дж. Томас, главный управляющий «Гудйир тайр энд раббер К⁰».

В комитете были представлены монополистические группы:

группа Моргана: «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (крупнейшая промышленная компания в Америке), «Дженерал электрик К⁰», «Америкэн телеграф энд телефон К⁰»;

группа Дюпона: «Дженерал моторе корпорейшн» (3-я по величине промышленная компания в Америке), «Э. И. Дюпон де Немур К⁰» (4-я по величине промышленная компания в Америке), «Юнайтед Стейтс раббер К⁰»;

группа Рокфеллера: «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» (2-я по величине промышленная компания в Америке);

группа Меллона: «Вестингауз электрик энд ма-нюфакчуринг К°»;

чикагская группа: «Интернэйшнл харвестер К°»;

квивлендская группа: «Гудйир тайр энд раб-бер К°».

«Комитет особой конференции» был тайным генеральным штабом; он составлял стратегические и тактические планы и руководил проведением важнейших операций в непрестанной войне, которую вел в 30-х годах американский крупный капитал против профсоюзов и «нового курса»¹.

Хотя заправила комитета встречались только раз в год, в промежутках между этими встречами часто происходили совещания их представителей и подчиненных.

В многочисленных меморандумах, отчетах и других сообщениях секретарь Каудрик постоянно информировал ведущих членов комитета обо всех значительных событиях на промышленном фронте.

Первый год «нового курса» принес членам комитета особенно много хлопот. Вице-президент «Бетлеем стил» и председатель комитета Дж. М. Ларкин докладывал в начале 1934 г.: «По количеству заседаний, по разнообразию и важности обсуждавшихся вопросов и по обилию требований, предъявленных членам комитета со стороны их компаний и отраслей промышленности, 1933 год был рекордным за все время существования комитета».

Выражая удовлетворение деятельностью комитета в эти тревожные времена, Ларкин заявил:

«Компании, которые своим участием и содействием поддерживали Комитет особой конференции ...имели возможность прибегнуть к его опыту и советам при разрешении проблем рабочей силы и других затруднений, возникавших в результате программы восстановления». Однако, добавлял Ларкин, еще существуют сложные проблемы, требующие разрешения. Основной из них является то, что «мы сейчас непосредственно столкнулись

---

¹ «Комитет особой конференции» был создан в 1919 г., в период промышленных конфликтов, наступивший после первой мировой войны. Но только с началом эпохи «нового курса» комитет стал постоянной, регулярно действующей организацией.

с кампанией, ведущейся профсоюзами против найма неорганизованных рабочих...»

В первый период правления Рузвельта комитет имел возможность, используя свои широкие связи, в значительной мере направлять политику правительства в различных внутрисоюзных вопросах. В августе 1933 г., когда министерство торговли США учредило Коммерческий консультативно-плановый совет, президент «Дженерал электрик» Джерард Суш и президент «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Уолтер С. Тигл, чьи фирмы были представлены в «Комитете особой конференции», были назначены: первый — председателем этого совета, а второй — председателем комиссии производственных отношений при совете.

Затем Суоп и Тигл назначили ведущих членов комитета членами комиссии производственных отношений, а Эдуарда Каудрика — ее секретарем.

В секретном письме президенту «Америкэн телефон энд телеграф К°» В. А. Гриффину Каудрик следующим образом разъяснял положение, занимаемое членами «Комитета особой конференции» в новом органе правительства:

«Каждый член комитета приглашается индивидуально, а не как представитель своей компании, и название комитета нигде не упоминается... Работа новой комиссии [комиссии производственных отношений] будет дополнять и расширять, а не подменять работу комитета. Возможно, даже не потребуются созывать особых заседаний, поскольку необходимое руководство работой комиссии производственных отношений можно будет осуществлять на наших очередных совещаниях».

Но по мере того, как «новый курс» все более определялся, комитету становилось ясно, что его члены не могут действовать достаточно эффективно внутри правительства. Тогда, по мнению комитета, возникла необходимость в широкой кампании против Рузвельта и против профсоюзного движения.

Для консультации были приглашены специалисты по рекламе и специалисты в области производственных отношений. Под руководством Каудрика был подготовлен подробный разбор намечавшихся законов в пользу рабочих; он был разослан членам комитета для тщательного

изучения. По предложению Сайруса Чинга из компании «Юнайтед Стейтс раббер», «информационная служба» комитета была значительно расширена¹. Оставаясь по-прежнему за кулисами и используя средства, имевшиеся в распоряжении сочувственно настроенных коммерческих организаций, комитет повел хорошо подготовленную пропагандистскую кампанию против профсоюзов и за сохранение системы «открытых цехов». В меморандуме по вопросу о содействии, которое встретил комитет со стороны различных организаций, проводя эту кампанию, Каудрик отмечал:

«Я установил чрезвычайно полезный контакт с отдельными лицами и организациями, включая Национальную ассоциацию промышленников, Торговую палату Соединенных Штатов, Национальную автомобильную торговую палату и вашингтонские конторы некоторых компаний, представленных в «Комитете особой конференции». Я действовал большей частью через эти знакомства, а не непосредственно через официальных лиц, так как мне казалось, что лучше не обращать на себя внимания и не создавать впечатления, будто я оказываю давление на членов конгресса».

Как сообщал в своем меморандуме Каудрик, Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата Соединенных Штатов «проявили чрезвычайное доброжелательство и готовность к услугам, и это не удивительно, если учесть, что большинство компаний, представленных в комитете, вносят обеим этим организациям крупные суммы».

Утверждение конгрессом закона о трудовых отношениях, несмотря на огромные усилия, приложенные комитетом, чтобы провалить его, поставило перед комитетом множество новых проблем. Как сообщалось в отчете комитета за 1936 г., в котором содержался и обзор деятельности комитета со дня его основания в 1919 г.:

«За все прошедшие восемнадцать лет еще не было такого трудного года, как 1936... В результате

---

¹ 7 августа 1947 г. президент Гарри Трумэн назначил Сайруса Чинга на пост руководителя Федеральной службы посредничества и примирения, возложив на него обязанности главного арбитра в крупных конфликтах между рабочими и предпринимателями.

нового законодательства и агрессивности профсоюзных руководителей трудности во взаимоотношениях с рабочими возросли...

Комитет проявлял в 1936 г. необычайную активность...»

Резкое изменение обстановки потребовало и новой тактики в борьбе против рабочего движения. В качестве одного из новых тактических приемов комитет рекомендовал в своих меморандумах привлечение «населения» и черносотенных элементов для поддержки борьбы крупных компаний за сохранение системы «открытых цехов». В меморандуме, описывавшем применение этой тактики во время забастовки на заводе «Гудйир раббер К°» в Акроне, Каудрик писал:

«В воскресенье бывший мэр Акрона С. Нельсон Спарк принял на себя руководство лигой охраны закона и порядка... В своем выступлении по радио он предложил приедем агитаторам убраться из города. В то же время на губернатора снова оказывается давление, чтобы он прислал войска штата для охраны порядка».

Одновременно «Комитет особой конференции» приступил в широком масштабе к изучению различных американских фашистских организаций, которые можно было бы использовать для срыва забастовок и для других действий, направленных против рабочих. В числе таких групп, о которых шла речь в меморандумах комитета, были «Койституционно-воспитательная лига», «Крестососцы», «Часовые республики» и «Люди Америки».

1 июня 1936 г. Каудрик обратился с письмом к директору отдела рабочей силы компании «Дженерал моторе» и помощнику Уильямса С. Надсена Г. В. Андерсону, запрашивая его мнение об антисемитской, пронацистской организации «Часовые республики». Несколько дней спустя пришел ответ, в котором говорилось:

«В ответ на Ваше письмо от 1 июня относительно «Часовых республики» сообщаю, что я никогда не слышал об этой организации. Пожалуй, вы можете использовать у себя в районе «Черный легион». Это будет бесполезно»¹.

---

¹ «Черный легион» — тайное террористическое общество, действовавшее в штатах Мичиган, Огайо, Иллинойс и Индиана в середине 30-х годов. В своей борьбе против рабочих организа-

Другим свидетельством интереса комитета к фашистским методам борьбы против рабочего движения является меморандум Каудрика, написанный по заданию вице-президента компании «Юнайтед Стейтс стил» Янга. В этом меморандуме членам комитета предлагался подробный разбор одного необычайного закона о труде, в котором, между прочим, имелся следующий пункт:

«Руководитель предприятия решает за служащих и рабочих все вопросы, касающиеся работы предприятия... Он несет ответственность за благополучие служащих и рабочих. Служащие и рабочие должны хранить верность ему в соответствии с принципами заводского коллектива».

В письме к Каудрику Янг объяснял, что он получил этот закон «от одного чиновника германского правительства». Это был «Закон об организации национального труда», подписанный Гитлером.

Вопреки плану, тщательно разработанным членами «Комитета особой конференции», и несмотря на их огромное влияние и большие средства, им не удалось остановить волну подъема профсоюзного движения, прокатившуюся по фабрикам, заводам и шахтам Америки.

За шесть месяцев, с марта до сентября 1937 г., число членов КПП выросло с 1 804 000 до 3 718 000 человек. К концу 1938 г. общее число членов профсоюзов в Соединенных Штатах достигло еще небывалой цифры — 7 700 000 человек.

В начале 1938 г. редактор органа КПП «Юнион ньюс сервис» Лен де Ко, писал:

«За год с небольшим благодаря организационной деятельности КПП в сталеплавильной, автомобильной, резиновой и других отраслях крупной промышленности, где раньше рабочие не были организованы, годовой заработок рабочих вырос почти на 1 миллиард долларов, не говоря уже о выгодах, которые косвенным образом получили рабочие других отраслей промышленности».

Только в одном крупном американском промышленном объединении рабочие остались вне профсоюза. Это объединение—«Форд мотор К°».

ций «Черный легион» прибегал к поджогам, бомбам, пыткам и убийствам. Подробности о деятельности Легиона см. в главе XI, раздел 3.

Глава X

В ИМПЕРИИ ФОРДА

Со дня сотворения мира никто еще не производил и не распределял таких богатств, как Форд. При этом Форд не приобрел и не использовал ни малейшей доли своего богатства за счет кого-либо или чего-либо другого.

Из статьи Самюэля Кроутера «Путь к богатству», «Сатэрдэй ивнинг пост», 17 мая 1930 г.

Не дал ли нам творец, создавший нас,
Прав неотъемлемых и среди них таких,
Как право мирно собираться и просить
того, что нужно?

Не дал ли нам господь всесильный права,
Когда захочется, высказываться смело,
И ни пред кем притом спины не гнуть?
Попробуй же ты полицейским Форда
На Ривер Руж об этом намекнуть,
И если скажешь то, что Форду неуютно,
Где сложишь кости перебитые свои?

Из стихотворения Арчибальда Маклиша
«Страна свободных».

1. Человек и миф

«Мы никогда не признаем Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности или какой-либо другой профсоюз, — заявил Генри Форд после того, как все крупнейшие фабриканты автомобилей подписали договоры с этим профсоюзом. — Профессиональные союзы — наихудшее зло, когда-либо поражавшее мир».

Никто из американских промышленников не вел такой беспощадной и такой успешной борьбы против профессиональных союзов, как Генри Форд. Утверждение закона Вагнера нисколько не помешало Форду препятствовать вступлению его рабочих в союзы. Форд уже давно считал, что на него американские законы не распространяются.

Через три с половиной десятилетия после того, как никому не известный механик Генри Форд стал возиться в пустой конюшне в Детройте со странной штуковиной, похожей на большую детскую коляску с мотором сзади, он стал одним из самых богатых и могущественных людей в мире.

Обширная империя Форда раскинулась по всем частям света. Форд имел свои заводы и конторы в Китае, Египте, Аргентине, Мексике, Венгрии, Японии, Германии и десятках других стран. Он владел нефтяными промыслами в Калифорнии, сотнями тысяч акров богатой углем и лесом земли в Кентукки, Западной Вирджинии и в северной части штата Мичиган, 2225 тыс. акров каучуковых плантаций в Пара (Бразилия). Он контролировал почти четверть производства стекла в Соединенных Штатах. Ему принадлежали банки, железные дороги, воздушные и пароходные линии. Его заводы выпускали легковые автомобили, грузовики, тракторы, электровозы, самолеты, паровые турбины, генераторы, сталь, цемент, текстиль и бумагу. Хотя Форд постоянно нападал на «международных финансистов», его собственные предприятия были очень тесно связаны с химическими, оружейными, стальными и каучуковыми картелями Европы и Азии.

Столицей империи Форда был завод Ривер Руж в Дирборне, штат Мичиган. Крупнейший промышленный комбинат в мире, занимающий территорию в тысячу с лишним акров, Ривер Руж представлял собой целый город. В нем было свыше 100 миль железнодорожных путей; общая протяженность доков, в которые могли войти океанские пароходы, составляла 1,5 мили; отдельные части завода соединялись между собой густой сетью улиц и широких каналов. В его огромных зданиях размещались административные отделы, литейные, стале-прокатные, сборочные, прессовые цехи, бумажная фабрика, заводы, изготовлявшие шины, стекло и цемент. При работе на полную мощность здесь было занято 85 тыс. рабочих.

К 1940 г. «Форд мотор компани» выпустила более 30 млн. автомобилей. Доход фирмы составлял примерно 1 млрд. долларов в год.

Если верить легенде, которую неустанно плели вокруг Форда за большую плату наемники пера и верные по-

клонники, для которых он был символом благословенной системы «свободного предпринимательства», сей всемирно знаменитый фабрикант автомобилей был великим гуманистом, филантропом и мудрецом, его воодушевляли только стремление к прогрессу человечества вообще и к благоденствию его собственных рабочих в частности.

На самом деле, однако, этот высокий, тощий, слегка сутулый миллиардер сочетал в себе выдающиеся конструкторские способности с интеллектуальным бесплодием, злобным ханжеством и бешеной ненавистью к социальному прогрессу¹.

На заводах Форда, разбросанных по всему миру, применение новейших методов промышленного производства и тщательный уход за оборудованием сочетались с самыми отсталыми и жестокими методами обращения с людьми.

Разительнее всего был этот контраст на заводе Ривер Руж в Дирборне, штат Мичиган.

Пройдя через бдительно охраняемые ворота завода Ривер Руж, рабочий попадал как бы в автономное фашистское государство, расположенное в Америке, государство, в котором царил, по выражению Национального управления по урегулированию трудовых отношений, «режим террора и насилия по отношению к рабочим».

Если диктатором этого государства был Генри Форд, то грозным и всесильным начальником его тайной полиции был Гарри Герберт Беннет.

2. «Малыш»

На протяжении всей легендарной карьеры Форда виднейшими его политическими советниками и исполнителями его приказов были подозрительные авантюристы и зачастую преступники. В его окружении неизменно фигурировали такие личности, как бывший царский генерал-майор граф Череп-Спиридович, отъявленный

---

¹ Неудивительно и даже характерно, что Форд, который в свою эпоху сделал, пожалуй, больше кого бы то ни было для революционирования методов промышленного производства, окружал себя старинными вещами, время от времени устраивал вечера старомодных танцев, строго запрещал подчиненным курить в своем присутствии, а в начале 30-х годов заявил, что, если сухой закон будет отменен, он не выпустит больше ни одной машины.

антисемит, который помог выпросить у Форда денег на распространение позорной антисемитской фальшивки — «Протоколы сионских мудрецов»; бывший сотрудник военной разведки Соединенных Штатов д-р Гарри Хау-тон, который в начале 20-х годов возглавлял сыскную службу Форда, тайком подбиравшую материалы против видных американских либералов; германofil Эрнест Густав Либольд, который, не занимая в «Форд мотор компани» никакого официального поста, в силу каких-то загадочных причин имел в любое время доступ в кабинет Форда и одно время уступал по могуществу только самому Форду; наконец, Уильям Дж. Камерон, который руководил антисемитской пропагандой Форда в масштабе всей страны, сначала в качестве редактора фордовской газеты «Дирборн индепендент», а затем как глава антидемократической «Англо-саксонской федерации».

Но из всех помощников, советников и сотрудников Форда самую необычайную и страшную фигуру представлял собой Гарри Герберт Беннет.

Официально Беннет числился директором отдела личного состава «Форд мотор компани». Когда его спрашивали, чем он, собственно, занимается, он обычно отвечал: «Я? Я просто личный помощник г-на Форда». Но это была лишь напускная скромность. В середине 30-х годов многие были согласны с журналом «Лук», писавшим, что Беннет является «неограниченным правителем компании».

«Одним мановением руки Беннет может возвысить человека или уничтожить его, — писал Спенсер Макколлок в газете «Сен-Луи пост-диспатч». — Даже крупному администратору, не поладившему с Беннетом, может оказаться выгоднее всего подать в отставку. Известны случаи, когда люди, не сделавшие этого, скитались месяцами по зданиям компании без определенного дела в наказание за какое-нибудь нарушение дисциплины, установленной Беннетом».

По мнению самого Форда, Беннет мог бы управлять и более крупным предприятием, чем «Форд мотор компани». «Гарри Беннету, — утверждал Форд, — следовало бы быть президентом Соединенных Штатов».

Личные помощники Беннета обычно называли его «малышом». Он был небольшого роста, с тонкими губами, изысканно одевался и неизменно носил галстук бабочкой, потому что однажды его чуть не задушили обыкновенным

галстуком. Беннет прослужил несколько лет в американском флоте, а до поступления на службу к Форду в 1916 г. был некоторое время боксером-легковесом и выступал под псевдонимом «матрос Риз»¹.

Выделяясь своей твердостью, сообразительностью и изобретательностью, Беннет быстро продвигался по службе. Получив задание организовать охрану внуков Форда, чтобы уберечь их от похищения, он так хорошо справился с этим делом, что завоевал личное уважение их деда.

В 1926 г., в возрасте 34 лет, Беннет был назначен начальником «отдела обслуживания» компании Форда. Считалось, что «отдел обслуживания» призван охранять собственность компании от хищений. Но всем было известно, что подлинной миссией отдела было охранять Форда не от грабежей, а от объединения его рабочих в профсоюзы. «Отдел обслуживания» «Форд мотор компани» был отделом борьбы против профсоюзов, отделом шпионажа в рабочей среде.

Под руководством Беннета «отдел обслуживания» разросся в огромный аппарат, многочисленные ответвления которого простирались далеко за пределы заводов Форда. В начале 30-х годов его сеть охватывала не только порода Дирборн и Детройт, но и всю страну, распространяясь на все области общественной и частной жизни. Среди вездесущих платных агентов и тайных союзников Беннета были шпики, гангстеры, наемные убийцы, бывшие уголовники, сыщики, полицейские офицеры, судьи, юристы, педагоги, редакторы и торговцы, чиновники местных и центральных государственных учреждений.

Характеризуя влияние «отдела обслуживания», Малькольм Бингей писал позднее в газете «Детройт фри пресс»:

«Кандидаты на пост губернатора, мэра, в сенат, в конгресс, в муниципальный совет, на должность судьи дрожали от страха, не зная, будет ли «банда Беннета» выступать за них или против. Даже члены совета Мичиганского университета ждали его указа—

---

¹ Как писал — притом довольно неграмотно — сам Беннет в своей биографии, в молодости он успел перебивать музыкантом, художником, чертежником, карикатуристом, футболистом, профессиональным боксером и водолазом.

ний в отношении руководства этим старейшим учебным заведением».

По самым скромным подсчетам, в 1937 г. на заводе Ривер Руж действовало свыше трех тысяч агентов «отдела обслуживания». В большинстве случаев это были шпики, маскировавшиеся под обыкновенных рабочих, дворников, уборщиц, мойщиков окон. Что касается деятельности «отдела обслуживания» вне завода, то о ней один из главных агентов отдела Ральф Римар впоследствии писал:

«Наша шпионская сеть охватывала города Дирборн и Детройт, проникая в квартиру каждого рабочего и в кабинеты самых высоких должностных лиц штата и муниципалитета. На протяжении многих лет слежки компания накопила массу материала о всех сторонах жизни каждого, кто работал у Форда. У нас были и картотеки, освещавшие личную жизнь чиновников, губернаторов и членов правительства, которые могли когда-либо пригодиться компании.

Мои агенты докладывали мне о разговорах в бакалейных лавках, на рынках, в ресторанах, игорных домах, пивных, в различных общественных организациях, детских клубах и даже в церкви. Женщины на рынке иногда вступают в разговоры о работе и других занятиях своих мужей; в таких случаях мне быстро об этом сообщалось. Дети разговаривали о своих отцах...

Один из наших служащих, Ник Торрес, был инструктором бокса в детском клубе в Дирборне. Благодаря его информации мне удалось добиться увольнения многих рабочих...»

Время от времени Римар представлял в «отдел обслуживания» длинные списки членов профсоюза и рабочих, заподозренных в сочувствии профсоюзам. Впоследствии в показании, данном под присягой представителям Национального управления по урегулированию трудовых отношений Римар заявил:

«Я однажды подсчитал, что до 1937 г. и до создания КПП благодаря мне было уволено около 1500 рабочих. В одном только 1940 г. я представил списки более 1000 «сочувствующих», и все они были уволены».

Между фордовским «отделом обслуживания» и уголовным миром существовала тесная деловая связь. Главарь детройтской бандитской шайки Чет Ламар был совладельцем предприятия, за соответствующую плату снабжавшего рабочих завода Ривер Руж завтраками. Это продолжалось до тех пор, пока его не убили члены другой, конкурировавшей с ним шайки. Знаменитый атаман банды шантажистов в Бруклине Джо Адонис обладал монопольным правом на погрузку машин на заводе Форда в Эджуотере, штат Нью-Джерси. Члены «Пурпурной», «Кровавой» и других шаек в Детройте и Дирборне часто посещали завод Ривер Руж, где они пользовались различными привилегиями¹.

Гангстеры, со своей стороны, всячески поддерживали политиканов, которых выдвигал Форд, пополняли из своих рядов «отдел обслуживания» избивали и пытали профсоюзных активистов. Не один профсоюзный организатор в Дирборне был найден мертвым, с пулей в спине.

Беннет не скрывал своих тесных связей со светилами уголовного мира.

После беседы с Беннетом Спенсер Макколлок писал в «Сен-Луи пост-диспэтч»: «Он упоминал о своих дружеских беседах с Аль Капоне».

Посетив завод Ривер Руж, корреспондент «Интернэйшнл ньюс сервис» Дж. Киллгален писал:

«Беннет признал, что обладает обширными знакомствами в уголовном мире. Он сказал, что считает своим долгом поддерживать личное знакомство с наемными убийцами и шантажистами».

---

¹ Публичные и игорные дома Дирборна, большинство которых находилось под контролем «Кровавой банды», вносили известные суммы начальнику дирборнской полиции Карлу А. Бруксу за то, что он разрешал их деятельность. Сам Брукс был раньше тайным агентом фордовского «отдела обслуживания» и получил место начальника полиции по личной просьбе Беннета.

Под покровительством Брукса вся эта преступная компания наживала около 500 тыс. долларов в год. В мае 1941 г. Бруксу было предъявлено обвинение в том, что он за деньги обеспечивал покровительство полиции содержателям публичных и игорных домов. Однако судить его так и не пришлось: вскоре после того, как против него было возбуждено дело, он был найден мертвым в своей машине; сообщалось, что он умер от «разрыва сердца».

Инспектор Чарльз А. Слэмер, который изобличил Брукса, тоже был вскоре найден мертвым. Вскрытие показало, что его отравили.

Однажды некий гангстер, имевший зуб на Беннета, сгоряча выстрелил в него и ранил его в живот. Вскоре после этого Беннет получил по почте фотографию изрешеченного пулями трупа этого гангстера. На фотографии было нацарапано: «Гарри, он больше не будет тебя беспокоить». Подписи не было.

Беннет заявил журналисту Макколлоку: «Я ничего не боюсь. Если я и получу свое, так что же, ничего не поделаешь».

Тем не менее он не рисковал зря. Его всегда сопровождала усиленная личная охрана. Вблизи его кабинета в подвальном этаже административного корпуса завода Ривер Руж дежурили пользовавшиеся особым доверием сотрудники «отдела обслуживания». Дверь в кабинет открывалась только с помощью кнопки, находившейся на столе Беннета. Вооруженные люди днем и ночью охраняли роскошное поместье Беннета «Кэсл» на берегу реки Гурон. С наступлением темноты все поместье освещалось сложной системой прожекторов.

3. «Любимчики Беннета»

На заводе Ривер Руж среди напряженно работавших мастеровых всегда можно было увидеть немало людей, совершенно неприкрыто бездельничавших. Здоровенные, мускулистые парни с перебитыми носами, рваными ушами и изуродованными физиономиями прохаживались взад и вперед вдоль конвейеров, стояли у дверей цехов, слонялись у заводских ворот. Это были янычары из специального отряда при «отделе обслуживания». Фордовские рабочие называли их «любимчиками Беннета».

Отряд янычар при «отделе обслуживания» состоял из бывших профессиональных боксеров, выгнанных со службы полицейских, бывших уголовников, гангстеров, налетчиков. Типичным представителем этой среды был один из любимцев Беннета — Кид Маккой, в прошлом чемпион по боксу, отбывший заключение в тюрьме Сан-Квентин за убийство своей жены.

Беннет имел богатейшие возможности для пополнения «отдела обслуживания» заводов Форда уголовниками. Он не только поддерживал личные связи в уголовном мире, но и был членом комиссии штата Мичиган по досрочному освобождению заключенных.

Приведем имена некоторых уголовных преступников, досрочно освобожденных из тюрем штата Мичиган, чтобы поступить на службу в «Форд мотор компани»:

Осужденные за умышленное убийство при отягчающих вину обстоятельствах: Джемс Сольдан Чарльз Стовер	Осужденные за вооруженное ограбление: Уиллард Клиру Роберт Кук Деннис Кофлин Гилберт Каннингэм Джон До (Франк Корв-чинский) Стэнли М. Эдвардс Джералд Фандрик Тревор Фалькнер Альберт Гэзи Стенли Хи Тафт Хикс Кеннет Хильярд Джордж Кальберн Питер Поппи (он же Поупи) Уильям Томас Юнис Томпсон Марион Вильямс Лео Уоллер
Осужденные за изнасилование: Антони Севетт Джозеф Лабори	Осужденный за кражу со взломом: Рэй Кэрни
Осужденные за убийство: Том Кашук Сэмюэль Смит	Осужденные за ограбление квартиры: Уолтер Хэтбауи Гарольд Харрисон Джефферсон Хаскинс Уильям Крэйи Фрэнсис Долсон Эрнест Мартин Лео Маззарелло Морис Надорожный
Осужденный за непристойное поведение: Херлон Карвер	Осужденный за растрату: Рой Д. Джонс
Осужденный за грубую непристойность: Франк Гэйдж	Осужденный за нарушение закона о наркотиках: Лоренцо Санчес
Осужденные за нападение с преступной целью: Мельвин Кэмпбелл Джордж Кинг Джордж Малд (он же Мэлло) Лео Пимпиналли	Осужденный за ограбление банка: Флойд Дреннан
Осужденные за нападение с целью грабежа: Артур Фодов Ч. Фоустер	
Осужденный за крупную кражу: Рамон Коттер	
Осужденные за кражу: Франк Дитцек Арчи Форгач Генри Джонс Роберт Поль Лоусон Генри Дуглас Алекс Губа Стив Пэйли	
Осужденный за подлог: Луи Рэндолл	

«Мы не держим на службе у Форда ни хулиганов, ни наемных убийц», — заявил однажды Беннет журналисту, посетившему завод Ривер Руж. Кивнув в сторону стоявшей неподалеку группы здоровенных детей из «отдела

обслуживания», Беннет добавил: «Разве эти ребята похожи на наемных убийц? Смешно и говорить об этом! Все они из хороших семей, имеют родных в Детройте».

Однако в своей повседневной деятельности фордовские янычары не блистали добродетелями.

Типичный пример действий этого отряда можно было наблюдать 26 марта 1937 г. В этот день группа членов Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности с разрешения городских властей Дирборна пришла к воротам завода Ривер Руж, чтобы распространять среди рабочих профсоюзные листовки. На верхней площадке лестницы виадука, ведущего на завод, им преградила дорогу группа фордовских охранников.

«Здесь владения Форда, — сказал один из них. — Убирайтесь отсюда к чорту!»

Когда же представители профсоюза повернули обратно, охранники неожиданно напали на них сзади.

Чикагский священник Раймонд П. Сэнфорд, посланный в Дирборн в качестве наблюдателя Конференцией по охране гражданских прав, впоследствии рассказывал, как обошлись фордовские янычары с председателем комитета по организации профсоюза на заводах Форда Ричардом Франкенштейном:

«Несколько человек схватили его за руки и за ноги и стали растягивать ноги в разные стороны и вывертывать его тело; затем другие стали бить его ногами в промежность и в пах; они били его также по спине в область почек, по голове и по животу, в солнечное сплетение».

Представители дирборнской полиции стояли поблизости и наблюдали все это. Тем временем другие члены профсоюза, распространявшие листовки близ виадука, то есть не во владениях Форда, подверглись такому же зверскому избиению. Члена профсоюза автомобильных рабочих Уильяма Мерривезера охранники Форда повалили на землю, били дубинками и топтали ногами, выкрикивая: «Кончай его!.. Расквась ему рожу!.. Выбей из него мозги!..» Врачи, осматривавшие Мерривезера после этого, обнаружили, что охранники сломали ему позвоночник.

Нападению подверглись и женщины, распространявшие листовки. Охранники Форда хватали их, вывертывали им руки, чтобы вырвать у них листовки, и безжалостно избивали. Священник Сэнфорд рассказывал:

«Девушки, повидимому, растерялись и не знали, куда им деться. В это время одну из девушек возле меня ударили ногой в живот; она упала возле лестницы у моих ног, и ее вырвало. Я, наконец, привлек внимание одного из конных полицейских, с которым до этого разговаривал. Он подскакал к западной стороне ограды и умоляющим голосом сказал: «Не надо бить этих женщин, не надо бить этих женщин». Видно было, что он не имеет здесь никакой власти и только просит не увечить женщин».

На следующий день Гарри Беннет сделал заявление представителям печати. «Форд мотор компани», — сказал он, — не несет ни малейшей ответственности за этот инцидент. Представители профсоюза были избиты рядовыми рабочими Форда. Рабочие хотят, чтобы организаторы из КПП оставили их в покое и дали им возможность мирно трудиться».

4. События в Далласе

Весной 1937 г. Гарри Беннет узнал от одного из своих тайных агентов, что Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности Америки готовится начать вербовочную кампанию среди рабочих сборочного завода Форда в Далласе (штат Техас).

Это—один из 16 сборочных заводов Форда в Соединенных Штатах¹.

Поскольку появление профсоюзной организации на одном из них создало бы прецедент и для других заводов, Беннет послал в Даллас одного из самых надежных своих помощников, Уоррена Уорли, с заданием сорвать задуманную профсоюзом кампанию.

Как только Уорли прибыл на завод в Далласе, начальник кузовного цеха Рудольф Рэтленд, руководивший «отделом обслуживания» в Далласе, собрал у себя в кабинете главных деятелей этого отдела на совещание с эмиссаром Беннета. Уорли и Рэтленд изложили свой план действий против профсоюзных организаторов. «Мы не желаем видеть этих крыс у себя на заводе», — заявил Рэтленд.

Начальником специального отряда громил был назначен «Толстяк» Перри, бывший борец, здоровенный детина,

¹ Моторы, задние мосты, шасси и другие части автомобилей доставлялись на эти заводы из Дирборна.

весивший 230 фунтов, и профессиональный убийца. Ближайшими своими помощниками он назначил бывшего боксера «Матроса» Барто Хилла и известного своим садизмом бывшего каторжника «Громилу» Бевилла. Отряд состоял примерно из сорока уголовников, бандитов и профессиональных наемных убийц.

Для них держалось наготове множество разнообразного оружия, включая дубинки, хлысты, кастеты, стальные прутья и палки. «Револьверы у ребят были свои, — рассказывал впоследствии «Толстяк» Перри, — а дубинки были изготовлены в «отделе обслуживания».

Кроме того, Перри запасся кусками резинового шланга, начиненными свинцом; он называл их «средством убеждения». Это оружие использовалось против слишком молчаливых профсоюзных работников. Как говорил сам Перри, «действуя резиной, мы убеждали их развязать языки».

Под руководством Перри были сформированы специальные патрули, которые объезжали весь Даллас, следя, не ведется ли где-нибудь профсоюзная деятельность и не прибывают ли на автобусные станции, железнодорожные вокзалы и в гостиницы профсоюзные организаторы извне. Вскоре такие патрули были сформированы и в Форт-Уорсе, Хаустоне, Бомонте и других близлежащих городах. «Мы знали, что если они проберутся в эти города, то вслед за тем окажутся и в Далласе, — объяснял впоследствии «Громила» Бевилл, — и поэтому мы стали охотиться за ними и там».

Как только патруль обнаруживал профсоюзного работника, об этом ставился в известность «Толстяк» Перри, и тут начинал свою работу карательный отряд...

23 июня 1937 г. активист Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности Бэрн Де-Луис и член исполкома отделения этого же профсоюза в Канзас-сити Леонард Гюмпельгейм прибыли в Даллас. Не успели они зарегистрироваться в гостинице «Нью-Даллас», как «Толстяк» Перри уже знал об их приезде.

В тот же день, когда приезжие завтракали в аптеке¹, туда ввалилась банда громил во главе с Перри.

«Это ты профсоюзный организатор?» — спросил Перри Де-Луиса.

¹ В США аптеки в большинстве случаев являются и закулочными. (Прим. ред.)

«Да, можно назвать это и так, — ответил Де-Луис. — Я стараюсь организовать наших ребят».

Без всякого предупреждения Перри двинул Де-Луиса кулаком в лицо и сшиб его с ног, бросив на прилавок. Остальные сразу же набросились на обоих профсоюзных работников с кулаками и дубинками. Де-Луис вырвался от них и выбежал из аптеки. Гюмпельгейму не повезло. Его уволокли на близлежащий школьный двор, там сбили с ног, избивали ногами, несколько раз поднимали и снова побоями сшибали с ног.

«Ну, а теперь убирайся из города ко всем чертям, — сказал Перри Гюмпельгейму, когда избиение закончилось, — забери с собой другого сукина сына из КПП и больше никогда не показывайтесь в Далласе».

Весь в крови, с несколькими переломанными ребрами, Гюмпельгейм, шатаясь, добрал до гостиницы «Нью-Даллас».

Это зверское избиение наблюдало много свидетелей, и о нем быстро дали знать полиции, но она никого не арестовала.

Чтобы застраховаться от проникновения профсоюзных организаторов на завод в Далласе, каждого нанимавшегося на работу подвергали подробному допросу. Подозреваемые в «симпатиях к профсоюзу» допрашивались карателями «с пристрастием». «Мы их обрабатывали, — рассказывал впоследствии Перри, — кого кулаками, кого дубинками, кого плетью из резинового шнура».

Если рабочие получали такие тяжелые повреждения, что местным властям приходилось предпринимать расследование, каратели на время покидали Даллас. Как выражался Перри, «когда моим мальчикам становилось слишком жарко, они на время исчезали». Обычно расходы по этим экстренным командировкам оплачивались конторой Форда.

Но эти расходы росли, а, кроме того, возникла необходимость время от времени выплачивать штрафы и гонорары поручителям и адвокатам. Тогда глава «отдела обслуживания» в Далласе Рудольф Рэтленд решил обратиться к «помощи» рабочих завода. В дни получек возле кассы устанавливался стеклянный кувшин, и тут же дежурили каратели, приглашавшие каждого рабочего «приложиться к кувшину». Собранные таким образом деньги Перри относил в контору управляющего заводом

У. А. Эббота и передавал секретарю Эббота Леону Армстронгу, который открыл на свое имя специальный счет, именованный «фондом борьбы», в местном банке «Грэнд авеню стейтс бэнк».

7 августа 1937 г. Рэтленду позвонили из полиции и сообщили, что в Даллас прибыл представитель Межнационального профсоюза рабочих шляпной промышленности Джордж Бэр, чтобы создать профсоюзную организацию работниц шляпных мастерских. Полицейский инспектор посоветовал «напустить на него ребят Перри».

Через два дня после этого несколько людей из отряда «Толстяка» Перри схватили Бэра и увезли его на стадион «Спортториум», расположенный на окраине Далласа. Вскоре эти палачи позвонили «Толстяку» со стадиона: «Приезжайте-ка посмотреть на Бэра. Он выглядит очень неважно».

Перри отправился на место вместе с «Громилой» Бевиллом. Автомобиль, в котором находился Бэр и его похитители, стоял за стадионом. Бэр лежал на полу. Его изуродованное лицо было залито кровью, нос был разбит, большая часть зубов выбита, один глаз висел на ниточке.

«Вы уж развяжитесь с ним, — сказал Перри. — Лучше упрячьте его куда-нибудь».

«Громила» Бевилл вытащил Бэра из машины и швырнул на землю. «Давайте заберем этого сукина сына, — сказал он, — и кинем его в реку».

Фордовские палачи втащили Бэра обратно в машину, отъехали несколько миль по шоссе и бросили его в поле.

На обратном пути в Даллас Бевилл сказал: «Надо будет позвонить в похоронное бюро Маккеми—Кэмпбелла, чтобы они его подобрали».

Но несмотря на это зверское истязание, Джордж Бэр не умер. В полусознательном состоянии он выполз на шоссе, был подобран проезжавшим шофером и доставлен в больницу. Через десять дней он уже смог выписаться из больницы, но потерял один глаз.

В течение шести месяцев после того как Уоррен Уорли приехал на завод в Далласе около 50 членов профсоюзов, «подозреваемых» и профсоюзных организаторов, были либо избиты отрядом «Толстяка» Перри прямо на улицах Далласа, либо схвачены и увезены на окраину города, где их избивали плетями и дубинками, обмазывали

смолой, вываливали в перьях и подвергали пыткам. На заводе воцарилась атмосфера подозрений и страха. Не зная, кто именно является шпионом компании, рабочие стали бояться даже упоминать о профсоюзах. Усилия Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности создать свою организацию на этом заводе не привели ни к чему.

Хозяева были удовлетворены успехом борьбы против профсоюза и выразили это удовлетворение в письме, которое управляющий заводом У. Эббот направил «Толстяку» Перри в сочельник, 24 декабря 1937 г. В этом письме говорилось:

Дорогой «Толстяк»!

«Провожайте колоколами старый год, встречайте колоколами новый». Это — очень знаменательное изречение. Оно означает, в частности, что вы лично с 25 декабря прошлого года одержали большие успехи. Я хочу выразить вам искреннюю благодарность от себя лично и от имени компании за вашу многообразную деятельность, направленную на укрепление сотрудничества и взаимопонимания между вашими помощниками, и за то, что ваш отдел работает лучше других.

Я знаю, что вам не раз приходилось разрешать трудные проблемы, но вы всегда решали их с успехом. Вы, пожалуй, и сами не учитываете, в какой мере ваши усилия и ваше умение помогли далласскому филиалу компании пройти очередной этап своей истории и провозгласить, что наше производство не прерывалось. Это также очень знаменательно.

Я выражаю вам благодарность за непоколебимую преданность компании и за ваши личные услуги в деле обеспечения дружной и успешной работы... Вы во многом способствовали успехам далласского филиала в истекшем году. Продолжайте в том же духе!

С наилучшими пожеланиями и с новогодним приветом,
искренне ваш У. А. Эббот, управляющий.

Потратив много месяцев на предварительное расследование и тщательное сопоставление улик, Национальное управление по урегулированию трудовых отношений в

начале 1940 г. предъявило «Форд мотор компани» обвинение в нарушении закона Вагнера на заводе в Далласе.

На чрезвычайной сессии управления, происходившей в Далласе с 26 февраля по 28 марта 1940 г., раскрылась страшная картина борьбы администрации Форда против профсоюза. Среди многочисленных свидетелей, разоблачавших деятельность фордовской шпионской организации и кровавые похождения карательного отряда Перри, были бывшие шпики компании, бывшие каратели, а также профсоюзные организаторы и «подозреваемые», которых избивали и увечили фордовские палачи. Свидетельские показания составили в общей сложности 4258 страниц убористого текста на машинке.

Самые исчерпывающие и самые убийственные показания против компании Форда дал сам «Толстяк» Перри, переметнувшийся на сторону обвинения. Он описал во всех подробностях свою деятельность в качестве руководителя карательного отряда. Приведем выдержку из показаний Перри по поводу того, как лиц, «подозреваемых в принадлежности к профсоюзу», «катали на машине».

Вопрос: Что же вы тогда делали?

Ответ: Первым делом мы их обыскивали, искали у них документы, изобличающие их в принадлежности к какому-нибудь профсоюзу, либо устанавливающие, откуда они прибыли и к какой организации принадлежали; затем мы начинали с ними серьезный разговор и обрабатывали тех, кого подозревали в принадлежности к профсоюзу или у кого находили членские билеты.

Вопрос: Что вы называете «обрабатывали»?

Ответ: Мы их пороли, избивали.

Вопрос: Чем вы их избивали?

Ответ: Мы внушали им страх божий, как это у нас называлось.

Вопрос: Чем же вы их били?

Ответ: Кого кулаками, кого дубинками.

Вопрос: Чем еще?

Ответ: Одного или двух мы хлестали настоящей плетью, сделанной из резинового шнура, некоторых прутьями и хворостинами; мы били каждого, считаясь с тем, выдержит он это, по нашему мнению, или не выдержит.

В результате этих избиений, как было установлено следствием, фордовские палачи изувечили 35 человек, лишили зрения одного, нанесли серьезные повреждения и ранения многим десяткам людей.

Одно из самых потрясающих разоблачений было сделано торговцем противопожарным оборудованием в Далласе Арчи Льюисом, который не скрывал своих симпатий к профсоюзам и этим заслужил ненависть бандитов из фордовского «отдела обслуживания». Льюис рассказал, как фордовские палачи напали на его брата-близнеца (приняв его за самого Арчи Льюиса), избили его до потери сознания дубинками по голове, били ногами по животу. После этого избиения его брат несколько месяцев находился на грани смерти и затем умер. Перед смертью он сказал Арчи Льюису: «Ты знаешь, они убили меня, приняв за тебя».

Адвокаты Форда заняли своеобразную позицию. Они выставили ряд свидетелей, торжественно заявлявших, будто рабочие Форда «боялись», как бы профсоюзные организаторы не «захватили» заводов в Далласе, и потому сами организовали банды для самозащиты. Поверенный Форда Нэт Л. Личмэн сформулировал позицию защиты следующим образом: «Эти люди защищали свои желудки и не хотели, чтобы кто-нибудь нарушил их счастливое существование».

Улики против Форда были неопровержимы.

«За все существование данного управления, — писал в своем докладе руководитель расследования Роберт Денхэм, — я еще не видел примеров преднамеренного осуществления предпринимателем такой программы зверских избиений, истязаний и иных насилий, какую вскрывают никем не опровергнутые и достоверные факты, положенные в основу наших выводов».

Управление установило, что «Форд мотор компани» виновна в грубейших нарушениях закона Вагнера, и приказало компании прекратить эти нарушения и восстановить на работе служащих, уволенных за профсоюзную деятельность.

Это было уже одиннадцатым решением Национального управления по урегулированию трудовых отношений против «Форд мотор компани»¹.

¹ Остальные решения были приняты в связи с действиями компании против профсоюзов на заводе Ривер Руж и на заво-

5. Подрыв профсоюзов изнутри

Несмотря на фактическую безнаказанность, с которой Форд продолжал нарушать закон Вагнера, его деспотической власти «ад рабочими угрожала серьезная опасность. Эту опасность олицетворял Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности.

После успешных «итальянских забастовок» 1937 г. этот профсоюз стал расти невиданными темпами. В течение нескольких месяцев в него вступило около 400 тыс. рабочих, и он вышел по численности на третье место среди союзов, входящих в КПП.

Узнав, что на заводах, где имеются организации профсоюза рабочих автомобильной промышленности, заработная плата была повышена и условия труда улучшились, рабочие заводов Форда заволновались.

Гарри Беннет быстро понял серьезность положения. Когда дело дошло до борьбы с таким мощным противником, каким неожиданно стал профсоюз, прежние методы Беннета оказались явно непригодными. Если в прошлом насилие, террор и запугивание приносили необходимые результаты, то теперь их ценность явно снизилась.

В представлении Беннета, раз уж профсоюз рабочих автомобильной промышленности окончательно утвердился и, несомненно, приобретет влияние и среди фордовских рабочих, необходимо было пересмотреть в корне политику Форда в отношении рабочих. Беннет решил не только допустить организацию профсоюза на заводе

дах в Чикаго, Буффало, Сен-Луи, Канзасе, Sommerвиле (штат Массачусетс), Ричмонде и Лонг Биче (Калифорния). Во всех этих случаях американская общественность осталась почти в полном неведении относительно сенсационных разоблачений, сделанных Национальным управлением по регулированию трудовых отношений. Так, например, о (разборе далласского дела упоминала только одна крупная газета — «Нью-Йорк таймс». Все остальные газеты, за исключением левых и рабочих, почти полностью замалчивали эти неслыханные разоблачения.

Когда автор настоящей книги в 1939 г. собирал материал для серии статей о Форде, напечатанных впоследствии в журнале «Фрайдей», он установил, что значительное количество сведений о Форде, добытых репортерами газет, выходящих в Далласе, не увидело света, а попало в редакционные архивы. Эти материалы автору удалось получить. Среди них были и фотографии профсоюзных работников, избитых и искалеченных карателями «Толстяка» Перри.

Ривер Руж, но и содействовать этому — с условием, однако, что лидеры этого профсоюза будут тайными агентами беннетовского «отдела обслуживания», а сам профсоюз будет целиком ему подчинен...

Прекрасно понимая, что если он лично станет открыто оказывать покровительство какому бы то ни было профсоюзу, то рабочие Форда наверняка не будут в него вступать, Беннет призвал на помощь своего старого друга, располагавшего чрезвычайно богатыми организационными возможностями. Это был священник Чарльз Кофлин¹.

В конце 1937 г. было официально объявлено об организации «Рабочего совета социальной справедливости» — «независимой организации», имеющей целью «объединить и содействовать благосостоянию» служащих заводов Форда. В газете Кофлина «Социал

---

¹ Связь Гарри Беннета с попом Кофлином была лишь одним из проявлений тесного содружества, существовавшего на протяжении многих лет между «Форд мотор компани» и фашистскими элементами не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире. Вскоре после первой мировой войны имя Форда стали связывать с быстро развивавшимся фашистским движением в Европе. Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс» 8 февраля 1923 г., заместитель председателя баварского парламента Ауэр публично заявил: «Баварский парламент уже давно располагает сведениями, что гитлеровское движение частично финансируется главой американских антисемитов Генри Фордом... Гитлер открыто похвалится этой поддержкой и превозносит Форда не как великого индивидуалиста, а как великого антисемита».

В марте 1923 г. Гитлер заявил: «Мы считаем Гейнриха Форда вождем растущего в Америке фашистского движения. Нас особенно восхищает его антиеврейская политика, которая является и платформой баварских фашистов. Мы недавно перевели и издали отдельной книгой его статьи, направленные против евреев. Эта книга распространяется по всей Германии в миллионах экземпляров».

Немецкие агенты в значительном количестве прибывавшие в Америку в 20-х и 30-х годах для создания в США нацистской пятой колонны, поддерживали тесную связь с компанией Форда. Нацистские агенты Гейнц Шпанкнебель, создавший «Общество друзей новой Германии», и Фриц Кун, организовавший «Германо-Американский союз», состояли на жаловании у «Форд мотор компани» и одновременно открыто вели работу по созданию нацистских организаций.

Вплоть до второй мировой войны и даже после ее начала заводы Форда во всех странах являлись центрами фашистских интриг. Управляющие и служащие заводов Форда в Германии, Австрии и Венгрии тесно сотрудничали с нацистской партией. Личный представитель Форда и агент его компании в Париже Га-

джастис» появилась серия статей, призывавших рабочих Форда вступать в этот совет; это издание распространялось в огромных количествах на заводе Ривер Руж фордовскими мастерами и агентами «отдела обслуживания». «Беннет закупал каждую неделю около 30 тыс. экземпляров, — рассказывал впоследствии агент «отдела обслуживания» Ральф Римар. — Это в некоторой степени помогало Кофлину и в финансовом отношении».

Несмотря на все это, лишь небольшая кучка рабочих Форда вступила в совет; основная же их масса не желала иметь ничего общего с движением, связанным с именем Кофлина.

Сделав еще две неудачные попытки организовать на заводе Ривер Руж предпринимательский профсоюз, Беннет задумал исключительно смелое и широкое предприятие. Он поставил себе грандиозную цель — захватить в свои руки Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности.

С 1936 г. пост председателя этого профсоюза занимал бывший баптистский священник Гомер Мартин, честолюбивый молодой человек, бывший некогда чемпионом своего колледжа по бегу. В лихорадочную пору «итальянских забастовок» он завоевал себе своими страстными выступлениями множество сторонников. Он

стон Бержери был одним из главных нацистских агентов во Франции. «Нью-Йорк санди таймс» писала о нем 11 августа 1940 г., как о «восходящей звезде», фигурирующей в гитлеровских планах фашизации Франции. Управляющий отделением «Форд мотор компани» в Мексико Хулио Брунет был связан с создателем фашистской организации «Золотые рубашки» генералом Николасом Родригесом, который в 1936 г. пытался свергнуть правительство Карденаса. Глава английского филиала компании Форда («Форд мотор компани лимитэд оф Инглэнд»), до 1934 г. контролировавшего и германскую компанию «Фордверке А. Г.», лорд Перри был близким другом ряда членов известной профашистской организации «Линк».

В августе 1938 г. Генри Форд первым из американцев получил от правительства нацистской Германии орден — «Большой крест германского орла».

С «Форд мотор компани» поддерживали регулярную связь многие профашистские организации и деятели в Соединенных Штатах.

Сподвижник Гарри Беннета на фордовском заводе Ривер Руж Джон Кус был руководящим деятелем американского отделения фашистского «Украинского гетманского союза», центр которого находился в Берлине. 30 сентября 1938 г. Кус послал Гитлеру по-

не терпел никаких возражений против принятых им единолично решений, объявлял всех работников профсоюза, критиковавших эти решения, «красными» и обвинял их в тайном заговоре против его руководства.

Беннет тайком встретился с Гомером Мартином. Он заявил последнему, что теперь Форд хочет, чтобы его рабочие вступали в союз, но в одном отношении профсоюз Мартина его еще не устраивает: Форд желает, чтобы из руководства союза были устранены все коммунисты...

Глава «отдела обслуживания» заводов Форда и председатель союза рабочих автомобильной промышленности стали встречаться все чаще и чаще. Агент «отдела обслуживания» Ральф Римар впоследствии писал по поводу этих встреч:

«Беннет очень ловко охаживал Мартина. Последний испытывал у себя в союзе серьезные затруднения. Его противники становились все сильнее. Ему нужна была звонкая монета. Беннет заявил, что готов помочь ему «для блага союза». Гомер клюнул

здравительную телеграмму, в которой восхвалял его за «исторические мероприятия по защите прав национальных меньшинств».

Глава фашистской «Национальной рабочей лиги» в Детройте, финансировавшей частично нацистским шпионом Фредом Томасом, Паркер Сейдж проводил свои собрания в Дирборне и имел разрешение вербовать в свою организацию рабочих завода Ривер Руж; он называл Форда «величайшим американцем современности», который «понимает, что в эту войну нас втянули евреи».

Руководитель Ку-клукс-клана в штате Мичиган Чарльз Спэйр являлся сотрудником сысканого агентства, занимавшегося поставкой шпиков для фордовского «отдела обслуживания».

Гарри Беннет периодически выдавал солидные субсидии бывшему члену организации «Серебряные рубашки» (членский билет № 3223) и руководителю фашистской партии «Америка прежде всего» Джералду Смигу. Ближайший советник Смита Уильям Ноуэлл служил у Форда.

В конце 1943 г. автор настоящей книги написал статью, разоблачающую связи между «Форд мотор компани» и пятой колонной в Соединенных Штатах. Все документы по этому вопросу автор направил министру юстиции США с просьбой проверить факты, уполномочив сотрудника министерства юстиции допросить Гарри Беннета.

Вскоре после этого начальник отделения ФБР в Мичигане Джон Бугас действительно прибыл на завод Ривер Руж, однако не для того, чтобы проверять что-либо. Бугас ушел из аппарата ФБР и поступил на службу к Форду в качестве помощника Гарри Беннета. В 1946 г. Бугас стал вице-президентом компании Форда, специально занимающимся вопросами трудовых отношений.

на приманку. Подразумевалось, что он берет эти деньги взаймы и вернет их, как только наведет в союзе порядок... Я не знаю, сколько всего он получил, но мне говорили, что на имя Мартина был открыт счет в одном нью-йоркском банке и что первые два чека были выписаны на суммы в 10 тысяч и 15 тысяч долларов...»

Тем временем агентам Беннета в союзе было приказано воспользоваться разногласиями в руководстве для того, чтобы сеять рознь и в массах членов союза. «Нам было приказано расколоть союз на два лагеря,— рассказывал впоследствии Ральф Римар. — Нам приказали также распространять слух, что против Мартина выступают «красные».

Осенью 1938 г. союз раздирала жестокая внутренняя борьба. Его газеты были полны резких обвинений и контробвинений. Почти все собрания союза проходили в жестоких спорах и нередко заканчивались потасовками.

«Эти чудаки говорили об организации рабочих Форда в союз, а теперь они вышибают оттуда друг друга, — радостно заявил Беннет одному из своих помощников в «отделе обслуживания». — Проклятый союз разваливается на куски! Вот это здорово!»

Но восторги Беннета были преждевременны. В среде рядовых членов союза нарастало возмущение диктаторскими методами Мартина. Когда Мартин своей властью отстранил от работы пятерых членов Исполнительного совета союза, это вызвало такое негодование, что ему пришлось восстановить их. Вскоре после этого Мартин отстранил еще 15 членов совета. Эти 15 членов составляли большинство совета. Они немедленно опубликовали заявление, гласившее, что Мартин больше не представляет членов союза и что они отстраняют его от должности председателя союза.

Встревоженный этим неожиданным оборотом дела, Беннет поспешно созвал пресс-конференцию и объявил, что компания Форда начинает переговоры с союзом в лице Мартина. После встречи между Беннетом и Мартином, которой была дана широкая огласка, газеты сообщили, что между компанией Форда и председателем Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности Гомером Мартином достигнута полная договоренность.

Однако подавляющее большинство членов союза отнюдь не было в восторге от этого поспешного соглашения, рассматривая его как окончательное доказательство сговора между Мартином и ненавистным начальником «отдела обслуживания» заводов Форда. По всему союзу прокатилась волна требований об исключении Мартина из союза.

В январе 1939 г. Исполнительный совет исключил Мартина из числа членов союза.

Так закончилась короткая и бурная карьера Мартина как профсоюзного лидера. Вскоре после этого бывший председатель Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности поступил на службу на завод Ривер Руж.

6. Последний удар

Покончив с разлагающим влиянием Гомера Мартина, союз во главе со своим новым председателем Р. Дж. Томасом начал усиленную подготовку к массовой кампании по вовлечению в союз рабочих завода Ривер Руж. Был создан специальный комитет по организации рабочих Форда.

Исполнительные советы КПП и Союза рабочих автомобильной промышленности внесли каждый по 50 тыс. долларов в фонд, предназначенный для проведения этой кампании.

К осени 1940 г. работа была в полном разгаре.

У рабочих Форда эта кампания встретила самый горячий отклик; сам Беннет вскоре признал в газетном интервью, что выборы представителей в Национальное управление по урегулированию трудовых отношений в Ривер Руж, вероятно, принесут победу Союзу рабочих автомобильной промышленности. В этом случае, добавил Беннет, он встретится с представителями союза и «будет торговаться с ними до второго пришествия, но не уступит союзу ни в чем».

Принимая все меры к тому, чтобы предотвратить выборы представителей в Национальное управление по урегулированию трудовых отношений, Беннет издал приказ об увольнении с завода всех членов Союза рабочих автомобильной промышленности. Однако это привело лишь к росту возмущения среди рабочих.

Первого апреля 1941 г. возмущение в империи Форда достигло высшей точки. К концу дня, в знак протеста против увольнения членов профсоюзной комиссии, избранной для ведения переговоров, 10 тыс. рабочих прокатного цеха бросили работу.

Когда весть о прекращении работы разнеслась по огромному предприятию, рабочие прессового, инструментального, красильного, мартиновского и моторного цехов устремились наружу. Десятки тысяч рабочих двинулись к заводским воротам, и в полночь во всех цехах завода Ривер Руж работа прекратилась.

На рассвете следующего дня Ривер Руж представлял собой необычайное зрелище. На всех дорогах, ведущих к заводу, стояли пикеты, а позади их дороги были перегорожены автомобилями.

Тысячи рабочих утренней смены, еще не знавших о стачке, подъезжали на трамваях, автобусах и автомобилях, которые загрохотали на протяжении многих миль. Через несколько часов линия пикетов уже опоясывала всю территорию громадного завода. Пикетчики маршировали по четыре в ряд, неся наспех написанные плакаты, пели, выкрикивали лозунги. Их число скоро превысило 10 тысяч.

Впервые за 35 лет существования завод Форда остановился из-за стачки.

В своем заявлении представителям печати Гарри Беннет сказал, что ни он, ни кто-либо другой из служащих Форда ни под каким видом не вступит в переговоры о соглашении с представителями Союза рабочих автомобильной промышленности.

«Все это коммунистический заговор, — заявил он, — с целью создать революционную ситуацию, чтобы коммунисты имели возможность установить диктатуру пролетариата».

На следующий день Беннет предпринял отчаянный шаг в надежде сорвать стачку. Он начал тайком проводить на завод негров-штрейкбрехеров, чтобы вызвать расовые столкновения и дискредитировать стачку в глазах общественности.

Штрейкбрехеров подговаривали делать в цехах ножи и другое смертоносное оружие. Затем агенты «отдела обслуживания» стали подстрекать их к нападению на белых рабочих, стоявших в пикетах.

Если все это не закончилось кровавой трагедией, то только благодаря оперативности и дальновидности руководства Союза рабочих автомобильной промышленности и негритянской общины Детройта. Всем пикетчикам было предложено не поддаваться на провокацию и не вступать в столкновения со штрейкбрехерами. Влиятельные жители Детройта — негры — быстро явились на завод Ривер Руж и через громкоговорители, установленные на агитационных машинах Союза рабочих автомобильной промышленности, стали уговаривать штрейкбрехеров покинуть территорию завода. Тысячи рабочих-негров, находившихся в числе пикетчиков, убеждали штрейкбрехеров присоединиться к ним.

Постепенно штрейкбрехеры разбрелись. Завод Ривер Руж походил на покинутый город. В его огромных зданиях царила мертвая тишина. На железнодорожных путях, растянувшихся на много миль по территории завода, не видно было ни одного движущегося вагона. Пароходы Форда стояли без движения в доках.

Огромная стена людей, опоясывавшая завод Ривер Руж, становилась плотнее с каждым часом. Рабочие «Дженерал моторс», «Крайслер» и других автомобильных заводов Детройта приходили сюда после работы и становились в ряды пикетчиков. На третий день стачки в пикетах дежурили в 3 смены 35 тыс. мужчин и женщин.

4 апреля компания Форда объявила, что она закрывает все свои 16 сборочных заводов в различных городах США из-за нехватки частей, вызванной забастовкой на заводе Ривер Руж. Одновременно прекратилась работа еще на 18 предприятиях Форда.

8 апреля, когда исчезла всякая надежда сорвать забастовку, Гарри Беннет вступил в переговоры с руководителями профсоюза рабочих автомобильной промышленности. Спустя 3 дня, после длительных переговоров между администрацией и руководителями профсоюза, «Форд мотор компани» согласилась поднять заработную плату до уровня, существовавшего на других крупных автомобильных заводах, признать профсоюз рабочих автомобильной промышленности в качестве представителя членов профсоюза, работающих у Форда, и разрешить выборы представителей в Национальное управление по урегулированию трудовых отношений.

На выборах профсоюз одержал решительную победу. После этого, 21 июня 1941 г., «Форд мотор компани» подписала договор с профсоюзом.

Застарелый и ожесточенный конфликт на крупнейшем оборонном предприятии Америки был улажен как раз во-время.

Пять с половиной месяцев спустя Соединенные Штаты вступили в войну.

Глава XI

ОПАСНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Есть и такие американские граждане — в том числе весьма высокопоставленные, — которые, чаще всего неумышленно, помогают агентам стран оси.

Президент Франклин Д. Рузвельт,
29 декабря 1940 г.

Многие наши соотечественники в Соединенных Штатах и еще больше наших друзей — граждан Соединенных Штатов — относятся к нам благожелательно. Из числа последних многие играют видную роль в политической и экономической жизни своей страны.

Из речи гитлеровского министра Вальтера Дарре, произнесенной в Берлине в 1940 г.

1. Тайное наступление

Война стран оси против Америки началась задолго до 7 декабря 1941 г., — до того как японцы напали на Пирл Харбор. Исторические события 7 декабря были лишь высшей точкой тайной войны, которую генеральные штабы Германии, Японии и Италии вели против Соединенных Штатов на протяжении почти 10 лет. Основные сражения этой необъявленной войны разыгрывались на американской территории.

В 30-х годах во все области жизни США проникли щупальца огромной «пятой колонны», состоявшей из организаций, которые пользовались моральной поддержкой стран оси и занимались профашистской пропагандой, военным шпионажем и расовым террором. Когда механизированные гитлеровские полчища вторглись в Польшу и развязали вторую мировую войну, в Соединенных Штатах уже орудовало более 700 фашистских организаций.

Мы приведем здесь названия некоторых из организаций, существовавших в США в период 1933—1940 гг. и либо открыто поддерживавших страны оси, либо представлявших американский фашизм:

Партия судьбы Америки
 Американская гвардия
 Американская белая гвардия
 Ausland-Organization der
 NSDAP (заграничная орга-
 низация нацистской партии)
 A. V. Jugendschaft (Гитлеров-
 ская молодежь)
 Лига черного дракона
 Черный легион
 Черные рубашки
 Христианский фронт
 Христианские активисты
 Deutscher Krieger Bund von
 Nord-Amerika (Лига не-
 мецких воинов в Северной
 Америке)
 Эфиопско-Тихоокеанская лига
 Фалангисты
 Германо-Американский союз
 Серые рубашки
 Гетманцы
 Ассоциация молодежи имени
 Гинденбурга

Клубы итальянских фашистов
 Японская императорская лига
 . дружбы
 Японская лига военнотружа-
 щих
 Ку-клукс-клан
 Kufhaeuser Bund
 (Лига немецких ветеранов)
 Национальный союз медно-
 головых
 Национальная лига рабочих
 Организация возрождения
 Украины
 Патриоты республики
 Ordnungsdienst (Служба охра-
 ны порядка — штурмовики)
 Русская фашистская партия
 Серебряные рубашки
 Клубы социальной справед-
 ливости
 Стальной шлем
 Русские белогвардейцы-фа-

Действуя либо в содружестве с министерствами пропаганды и разведками стран оси, либо под их непосредственным руководством, эти организации наводняли Америку своими изданиями, агитировавшими против демократии и рабочего движения, открыто разжигали расовую вражду, хулили правительство Рузвельта, призывали к установлению в Америке фашистского режима. На массовых митингах и тайных собраниях, по радио и по почте, в промышленных центрах и маленьких городках, на заводах и фермах, в школах, церквях и в военных лагерях «пятая колонна» неустанно вела военные действия против американского народа.

Фашистская «пятая колонна» ставила себе следующие основные цели: сеять рознь и раздоры в американском народе; подрывать доверие населения к Рузвельту; убеждать американцев в том, что им угрожает не фашизм, а коммунизм; срывать оборонительные приготовления США и изолировать Америку от ее антифашистских союзников за границей.

Как это ни удивительно, но фашистская «пятая колонна» имела возможность добиваться своих пагубных целей в Америке почти без всяких помех со стороны министерства юстиции и Федерального бюро расследо-

ваний. А с самого начала интригам «пятой колонны» оказывали прямое содействие некоторые из самых богатых и влиятельных людей в Соединенных Штатах¹.

«С каждым днем становится все яснее, что в нашей стране существует опасное движение, которое стремится заменить наши свободные установления ненавистным фашизмом, — заявил в 1935 г. министр внутренних дел Гарольд И. Икес, выступая в Алтауне, штат Пенсильвания. — Эта группа состоит из (или, по меньшей мере, пользуется активной поддержкой) людей, наживших огромные состояния и добившихся могущества путем эксплоатации не только естественных богатств Америки, но и ее мужчин, женщин и детей. Они не останавливались ни перед чем в своей погоне за этими богатствами, а теперь они не остановятся ни перед чем, чтобы их сохранить и приумножить».

---

¹ Самым ярким примером того, как безнаказанно «пятая колонна» имела возможность орудовать в Соединенных Штатах, является деятельность Германо-Американского союза («Бунд»), которым руководили нацистские агенты, обученные в геббельсовском министерстве пропаганды и школах шпионов и диверсантов, созданных немецкой разведкой.

К началу второй мировой войны в крупнейших городах Соединенных Штатов существовало 71 отделение «Бунда». В Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии и Лос-Анжелосе выходили 4 газеты, которые были официальными органами «Бунда». Число членов «Бунда» и всех его отделений достигало 200 тысяч. Тысячи штурмовиков «Бунда» в коричневых рубашках со свастикой на рукаве и I резиновыми дубинками маршировали «пруссским шагом», устраивали публичные фашистские демонстрации в городах США и открыто Выкрикивали «хайль Гитлер!».

Члены «Бунда», которые были обязаны присягать на верность Гитлеру и нацистской Германии, работали на важнейших оборонных предприятиях, на железных дорогах, пароходных линиях и во всех важных отраслях промышленности. Многие из них вступили в американскую армию. С самого начала «Бунд» занимался вербовкой агентов для немецкой военной разведки: он нанимал и обучал шпионов и диверсантов. Почти во всех крупных шпионских процессах в США в период второй мировой войны в качестве подсудимых фигурировали члены «Бунда». По данным Федерального бюро расследований, в течение 1940—1941 г. «Бунд» нелегально перебросил в Соединенные Штаты и укрывал там «по меньшей мере 200 крупнейших нацистских шпионов».

Поразительное всего то, что армия специально подготовленных нацистских шпионов и пропагандистов «Бунда» подвизалась на территории Соединенных Штатов без всяких помех в течение еще семи месяцев после того, как нацистская Германия официально объявила войну США. Только в июле 1942 г. американские вла-

Далее Икес добавил:

«Стремясь довести нас до патриотической горячки разговорами о том, что «нашей стране грозит коммунистическое восстание», эти господа пытаются заручиться нашей поддержкой для фашистского переворота».

Ведущую роль в движении, о котором говорил Икес, играла организация, во главе которой стояли крупнейшие промышленники и финансисты Америки. Эта организация носила явно несоответствующее ее сущности название «Американская лига свободы»...

«Американская лига свободы» была официально зарегистрирована в августе 1934 г. как организация, объявившая своей целью «борьбу с радикализмом» и «охрану и защиту конституции Соединенных Штатов».

Основное влияние в Лиге принадлежало Дюпонам и Морганам. В национальный исполнительный комитет и в консультативный совет Лиги входили Пьер С. Дюпон, Ирени Дюпон и Джон Дж. Рэскоб, занимавшие соответственно посты председателя правления, вице-председателя правления и вице-президента компании «Дюпон де Немур К⁰».

сти, наконец, удосужились арестовать 29 главных руководителей «Бунда» и стали вылавливать и других членов этой организации по обвинению в сговоре в целях противодействия проведению в жизнь воинской повинности. Из многих тысяч активных членов «Бунда» всего лишь несколько сот человек было арестовано и посажено в тюрьму или интернировано до окончания войны.

Официально «Бунд» был распущен летом 1942 г., но фактически он продолжал функционировать на протяжении всей войны через примыкавшие к нему организации и различными другими путями.

Это поразительно терпимое отношение министерства юстиции и ФБР к «Бунду» можно объяснить только тем, что, по старой традиции, фашистские интриги гораздо меньше пугают правительственные органы США, чем деятельность рабочих, левых и вообще всех прогрессивных американских организаций. Кроме того, многое и программе «Бунда», в частности его «антикоммунистическая» и антирабочая агитация, не слишком сильно отличалось от общей ориентации министерства юстиции и ФБР.

В этом смысле «Бунд» не составлял исключения. Министерство юстиции и ФБР всегда относились крайне снисходительно к заговорщической деятельности фашистов в Америке. Автор настоящей книги, редактировавший бюллетень «Аур» для газет, не раз обращал внимание ФБР на интриги агентов держав оси и отечественных американских фашистов, но почти никогда ФБР не предпринимало в связи с этим никаких действий.

Кроме них членами национального исполнительного комитета и консультативного совета Лиги состояли: бывший кандидат в президенты Джон У. Дэвис, поверенный Моргана, директор моргановской «Гаранта траст компани» и находящейся фактически в руках Моргана «Америкэн телефон энд телеграф компани»; Сюэлл Л. Эвери, президент и председатель правления моргановской компании «Монтгомери Уорд энд К°»; председатель правления «Дженерал фудс корпорейшн» Альфред П. Слоан; президент «Дженерал моторс корпорейшн» Уильям С. Надсен; президент «Анаконда коппер К°» Корнелиус Е. Келли; председатель Национальной ассоциации промышленников и член правления «Дженерал моторс корпорейшн» Колби М. Честер; председатель правления «Нэйшнл стил корпорейшн» и президент «Мидист стил корпорейшн» Эрнест Т. Уэйр; президент автомобильной компании «Паккард» Альван Маколи; председатель правления «Сокони-вакуум компани» Герберт Л. Пратт.

На рекламирование «Лиги свободы» было истрчено много денег. Эта организация была представлена американской общественности как патриотическое общество, посвятившее себя защите «прав американского гражданина». Насколько Лига в действительности отражала интересы среднего американца, можно судить по сообщению агентства Юнайтед Пресс от 9 января 1935 г., в котором говорилось:

«Как сегодня выяснилось, «Американская лига свободы» — беспартийное общество, созданное для противодействия «радикальным» тенденциям в управлении страной, действует под контролем группы представителей промышленных и финансовых организаций, владеющих имуществом общей стоимостью на сумму свыше 37 млрд. долларов. Обнаружилось, что руководители Лиги связаны с такими организациями, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторе», «Стандард ойл компани», «Чейз нэйшнл бэнк», «Гудйир тайр энд раббер компани», «Балтимор энд Огайо рейлрод», «Мючуал лайф иншуранс компани» и десятки других».

Анализируя подлинные цели «Американской лиги свободы», писатель Герберт Гаррис заявил:

«Единственная свобода, которую защищает Лига, это свобода снижать реальную ценность акций, устраивая махинации с ценными бумагами, жульнически сбивать цены на бирже и воздвигать до небес пирамиды акционерных компаний... Это — свобода платить нищенскую заработную плату и срывать стачки с помощью наемных убийц... Это — свобода уродовать умы и тела детей на текстильных фабриках и на фермах издольщиков. Это — свобода покупать проповедников и органы печати. Это — свобода, которая несет с собой смерть».

Заявляя публично, что Лига заботится о благе страны, ее лидеры тайком тратили огромные суммы, стремясь дискредитировать правительство Рузвельта, подрывать социальные преобразования, проводимые в порядке «нового курса», и возбуждать враждебное отношение к организованному рабочему движению. Чтобы помогать осуществлению этих целей, члены Лиги создали и субсидировали целый ряд вспомогательных антидемократических организаций.

Приведем названия некоторых из них:

Американская Федерация ак-	Национальная лига бережли-
ционеров предприятий обще-	вости
ственного обслуживания	Экономический совет штата
Лига американских налогопла-	Нью-Йорк
тельщиков	Часовые республики
Крестоносцы	Южный комитет защиты кон-
Совет независимых фермеров	ституции
Лига борьбы за промышлен-	Американские женщины-акцио-
ные права	неры
Новая народная милиция	

18 апреля 1936 г. газета «Нью-Йорк пост» писала: «Целый выводок организаций, борющихся против «нового курса», которые расплодила «Лига свободы», в свою очередь плодит фашизм».

Одной из первых фашиствующих организаций, созданных под эгидой «Лиги свободы», был «Южный комитет защиты конституции»¹.

Южный комитет ставил себе две основные цели: оторвать от Рузвельта избирателей-демократов Юга и

¹ В числе членов Лиги, оказывавших самую значительную финансовую поддержку Южному комитету, были президент фирмы «Дюпон де Немур» и председатель правления «Дженерал моторс корпорейшн» Ламмот Дюпон, Пьер С. Дюпон, Альфред П. Слоан и вице-президент фирмы «Дюпон де Немур» Джон Д. Рэскоб.

разжигать антинегритянские настроения, чтобы препятствовать объединению белых и черных рабочих в профсоюзы.

«Это — гибридная организация, — писала «Балтимор сан» по поводу Южного комитета, — финансируемая северянами, но играющая на южных куклуксклановских настроениях». Когда католик Рэскоб внес 5 тыс. долларов, ему сказали, что эти деньги будут израсходованы на оживление деятельности Ку-клукс-клана.

Председателем этого комитета состоял бывший президент Национальной ассоциации промышленников Джон Генри Кирби — техасский нефтяной магнат и один из богатейших лесопромышленников Америки. Правой рукой Кирби в комитете был самозванный «советник по вопросам связи с общественностью» Ванс Мюз, редактор «Крисчен Америкэн» и специалист по насаждению «христианских» и «антикоммунистических» организаций.

«Теперь, — заявил Ванс Мюз по поводу рузвельтовской политики в рабочем вопросе, — белых мужчин и женщин заставят вступать в одни и те же организации с черными африканскими обезьянами и называть их «братьями», иначе они потеряют работу».

Члены «Лиги свободы» финансировали также фашистскую организацию «Часовые республики». Председателем этой организации был президент «Питкэрн компани» Рэймонд Питкэрн. Семейство Питкэрн пожертвовало «Часовым» более 100 тыс. долларов¹. Большие суммы внесли также президент «Агуотер Кент манюфекчуринг компани» Агуотер Кент, банкир, участник фирмы Моргана Хорейшио Ллойд, президент «Сан ойл компани» Дж. Говард Пью и банкир Бернард Кроджер, крупнейший фабрикант бакалейных товаров.

Как и официальная нацистская пропаганда, литература, распространяемая «Часовыми республиками», твердила об «еврейско-коммунистической» угрозе, которую пред-

---

¹ По данным Временного национального экономического комитета, в 1941 г. семейство Питкэрн из Пенсильвании владело акциями промышленных компаний на сумму 65 576 тыс. долларов и стояло на десятом месте среди богатейших семейств страны, владевших акциями промышленных предприятий. Основные средства семьи Питкэрн были вложены в питтсбургскую компанию по производству стекла.

ставляет собой «новый курс». В 1936 г. сенатская комиссия Блэка, расследовавшая вопрос о методах закулисного воздействия на депутатов конгресса, опубликовала несколько разоблачительных писем, найденных в делах «Часовых республики». Речь идет о переписке между бостонским банкиром Александром Линкольном, состоявшим президентом «Часовых республики», и У. Кливлэндом Раньоном из Плейнфильда, штат Нью-Джерси. В первом письме Раньон обличал «еврейскую команду, которую Рузвельт привез с собой в Вашингтон». Далее в этом письме говорилось:

«Битву за западную христианскую цивилизацию можно выиграть лишь в том случае, если мы признаем, что наш враг укрепился в мире и что этот враг — еврейского происхождения. Нам нужны только деньги.

...Времени у нас мало, но можете ли Вы что-нибудь сделать?»

На это Линкольн отвечал:

«Как один из руководителей «Часовых республики», я делаю все, что в моих силах. Подобно Вам, я считаю еврейскую угрозу серьезной. Я возлагаю надежды на выборы, которые состоятся будущей осенью, и считаю, что добиться успеха мы сможем, только если нанесем поражение Рузвельту».

В ответ на это Раньон писал:

«Народ требует руководства, но мы его не получаем, наши руководители спят. «Часовые» должны по-настоящему руководить этим важнейшим делом. Американцам старого закала, зарабатывающим 1000 долларов в год, нужен Гитлер».

Идея установления в Америке диктатуры была уже не нова. Еще в сентябре 1931 г. журнал «Каррент истори» сообщал:

«Некоторые влиятельные элементы уже давно носят с мыслью, что для преодоления наших трудностей нужно установить некую экономическую и политическую диктатуру. Известно, что в Нью-Йорке и Чикаго уже состоялись совещания влиятельных лиц, на которых выяснялись настроения и обсуждались возможности действий».

Вернувшись в 1933 г. из поездки в Европу, президент «Дженерал моторс» Уильям С. Надсен заявил корре-

спонденту «Нью-Йорк таймс», что гитлеровская Германия — «чудо XX века».

Если такое чудо произошло в Германии, почему бы ему не случиться и в Соединенных Штатах?

Одним из кандидатов на роль американского «фюрера», который всерьез выдвигался в начале 30-х годов, был генерал-майор морской пехоты США Смэдди Батлер.

2. Неудавшийся путч

Кавалер двух орденов, генерал-майор Смэдди Дарлингтон Батлер являл собой весьма красочную фигуру. Этот солдафон прослужил в морской пехоте 33 года; потом его прямота послужила причиной международного инцидента, который и привел к его вынужденной отставке.

В 1931 г., выступая в Филадельфии, генерал Батлер назвал Муссолини «бешеным псом, который скоро сорвется с цепи и кинется на Европу». Тут же генерал рассказал, как Муссолини, мчавшийся на автомобиле по какому-то итальянскому городу, наехал на ребенка и поехал дальше, не сбавляя хода. При этом он сказал сидевшему с ним вместе американскому журналисту: «Никогда не оглядывайтесь. Чего стоит одна жизнь в сравнении с делами государства?» Когда итальянский посол яростно запротестовал против выступления Батлера, президент Гувер приказал министру военно-морского флота предложить генералу отказаться от своих слов, а в противном случае предать его военно-полевому суду. Но Батлер упорно отказывался взять свои слова обратно. Вскоре после этого итальянское правительство, обеспокоенное шумом, поднявшимся в этой связи, и не желая, чтобы обсуждение затронутых фактов продолжалось, попросило прекратить дело. Дело о предании Батлера военно-полевому суду было прекращено, но его заставили выйти в отставку.

Это происшествие не только не отразилось на популярности Батлера, но, наоборот, завоевало ему множество новых восторженных поклонников. Данное обстоятельство было учтено известными влиятельными кругами, которые в то время втихомолку обсуждали различные кандидатуры на роль американского «всадника на белом коне».

В июле 1933 г. к генералу Батлеру, проживавшему в Ньютонсквер, штат Пенсильвания, явились два видных руководителя «Американского легиона» — Джералд Макгайр и Уильям Дойл—и стали уговаривать его выставить свою кандидатуру на пост командора Легиона на съезде в Чикаго, который намечался на октябрь того же года. По словам Макгайра, Батлер был как раз подходящим человеком для того, чтобы возглавить движение рядовых членов Легиона, стремившихся свергнуть деспотическое руководство этой организации.

Батлер ответил, что его привлекает идея «свержения этой королевской династии, уже много лет предающей интересы рядовых членов Легиона», но он не видит, каким способом организовать последних на поддержку его кандидатуры. Где, спросил он, рядовой ветеран возьмет денег на поездку в Чикаго?

Тут Макгайр полез в карман, достал оттуда банковскую расчетную книжку, открыл ее и показал Батлеру записи о двух взносах: одного в 42 тыс., а другого в 64 тыс. долларов. Затем он заявил, что делегаты от рядовых членов будут доставлены на съезд со всех концов страны.

И до этого генерал Батлер чувствовал, что здесь что-то нечисто. Теперь он в этом окончательно убедился. «У солдат таких денег не бывает»,— говорил он впоследствии.

Однако он решил не показывать посетителям, что у него возникли подозрения. «Я решил докопаться до сути дела, а пока не отпугивать их», — объяснял он потом.

Батлер ответил, что ему нужно обдумать все это дело, и предложил новую встречу в ближайшем будущем...¹

Во время свидания Макгайр и Дойл показали генералу Батлеру написанный на машинке «проект» речи, которую он должен был произнести на съезде «Американского легиона». Между прочим, в этой речи съезду предлагалось принять резолюцию, требующую, чтобы правительство США вернулось к золотому стандарту. «Мы хотим,

¹ Описание этой встречи и все цитаты взяты нами из показаний самого генерала Батлера на состоявшихся в ноябре 1934 г. заседаниях специальной комиссии палаты представителей по расследованию нацистской пропаганды в США. Оттуда же заимствованы и остальные данные, приводимые в этой главе, за исключением особо оговоренных.

чтобы ветеранам заплатили по их сертификатам золотом, — заявил Макгайр. — Мы не хотим, чтобы с ними рассчитывались простыми бумажками».

Когда генерал Батлер спросил напрямик, кто будет оплачивать расходы по проведению кампании за избрание его, Батлера, командором Легиона, Макгайр ответил, что это сделают девять очень богатых людей, и в том числе маклер с Уолл-стрита полковник Грейсон М. П. Мэрфи. «Я работаю у него, — сказал Макгайр. — Я служу в его конторе».

«А какое отношение имеет Мэрфи к этому делу?» — допытывался Батлер.

«Как же, ведь в свое время он внес на создание «Американского легиона» 125 тыс. долларов, — отвечал Макгайр. — Вся работа по организации отделений Легиона на местах проводилась за его счет, и он еще не получил обратно затраченных им сумм».

«Потому он еще может сажать на трон своих королей? — сказал Батлер. — У него еще есть над ними власть?»

«Он на нашей стороне, — твердил Макгайр. — Он хочет, чтобы о бывших солдатах заботились как следует»¹.

Батлер заявил, что прежде чем входить в дальнейшее обсуждение вопроса, он хотел бы встретиться с некоторыми из «патронов», финансирующих данное предприятие. Макгайр обещал это устроить.

Вскоре к Батлеру домой явился другой биржевой маклер с Уолл-стрита, Роберт Стерлинг Кларк. По его словам, он был одним из людей, заинтересованных в том, чтобы Батлер стал руководителем Легиона.

¹ Грейсон М. П. Мэрфи был не только владельцем маклерской конторы, которую он сам же и возглавлял, но и членом правления «Анаконда коппер компани», «Гудйир тайр энд раббер компани», «Бетлеем стил компани», а также ряда банков, принадлежащих Дж. П. Моргану. Он обладал большим опытом по части политико-финансовых махинаций.

В начале 1900-х годов, по возвращении из Панамы, куда он ездил, будучи лейтенантом американской армии, с секретным поручением, Мэрфи пытался убедить Дж. П. Моргана финансировать военный путч в этой стране.

После первой мировой войны он возглавлял миссию Красного Креста во Франции, а потом в Италии. Как и Герберт Гувер, Мэрфи старался использовать продовольственные и другие поставки для подавления революционного движения в послевоенной Европе. Впоследствии Муссолини наградил Мэрфи орденом «Итальянской короны».

В беседе с ним генерал Батлер упомянул о тексте речи, который ему вручили Макгайр и Дойл. «Они написали замечательную речь», — сказал Батлер.

«Ребята сказали вам, что они сами писали Эту речь?» — спросил Кларк.

«Да».

Маклер усмехнулся. «Эта речь стоила уйму денег», — сказал он.

Генерал Батлер перешел затем к резолюции о золотом стандарте. «Мне кажется, что эта речь нужна крупным дельцам. С ней что-то неладно, г-н Кларк».

«Я имею 30 миллионов долларов, — спокойно ответил Кларк. — Я не хочу, чтобы мои деньги пропали. Я готов истратить половину этих денег, чтобы спасти другую половину. Если вы выступите в Чикаго с этой речью, я уверен, что резолюция будет принята, а если солдаты станут на нашу сторону, это будет означать шаг вперед по пути к золотому стандарту...»

Когда генерал Батлер категорически отказался участвовать в этом деле, Кларк вежливо попросил у него разрешения позвонить по его телефону. Связавшись по междугородному проводу с Макгайром, Кларк сообщил ему, что Батлер не едет на съезд. «Вы получили 45 тыс. долларов, — сказал Кларк Макгайру. — Действуйте, как мы договорились».

Кларк попрощался с Батлером и ушел.

В октябре 1933 г. съезд «Американского легиона» в Чикаго принял резолюцию о возвращении к золотому стандарту.

Весной 1934 г. Джералд Макгайр выехал в Европу, якобы по своим «коммерческим делам». На самом деле его послали негласно ознакомиться с ролью, которую играли ветераны в нацистской партии в Германии, в фашистском движении в Италии и в организации «Боевые кресты» во Франции.

Прибыв в Париж, Макгайр писал Кларку:

«Организация «Боевые кресты» быстро растет. Недавно я присутствовал на ее собрании, и эти люди произвели на меня самое лучшее впечатление. Они стремятся только к спасению Франции, и я уверен, что под их властью страна была бы в самых надежных руках... Если для Франции наступит

когда-нибудь час решающих испытаний, эти люди будут ее оплотом и спасут ее...»

Возвратившись летом в Америку, Макгайр лично доложил «патронам» в Нью-Йорке о своих европейских наблюдениях.

Вскоре после этого Макгайр снова отправился к генералу Батлеру. На этот раз он обратился к генералу с предложением, которое ошеломило его еще больше, чем первое. «Америка нуждается, — заявил Макгайр, — в полной перестройке системы правления! Только это может спасти ее от коммунистической угрозы. Такую перестройку, — продолжал Макгайр, — сможет осуществить боевая организация ветеранов войны, вроде «Боевых крестов» во Франции, которая произведет в Соединенных Штатах государственный переворот. Финансовая сторона дела уже обеспечена. Для начала мы располагаем 3 миллионами долларов, — сказал Макгайр, — а если потребуется, сможем получить еще столько же». Самым подходящим человеком для того, чтобы возглавить проектируемую «активно патриотическую» организацию ветеранов и повести ее в «поход на Вашингтон», является, как подчеркнул Макгайр, генерал Смэдли Батлер...

Впоследствии Батлер показывал:

«Нужно отдать Макгайру справедливость, он не проявлял особой кровожадности. Он считал, что демонстрация силы в Вашингтоне может привести к свержению существующего строя мирным путем. Он высказал предположение, что «мы можем даже пойти на сотрудничество с Рузвельтом и отвести ему такую же роль, какую Муссолини отвел итальянскому королю...»

В планы Макгайра входило заставить — если потребуется, то и силой — государственного секретаря и вице-президента подать в отставку, после чего Рузвельт, вероятно, разрешит группе Макгайра назначить государственного секретаря по ее собственному выбору. Потом, если Рузвельт «захочет сотрудничать», он может остаться президентом. Но если он не проявит симпатий к фашистскому движению, его заставят выйти в отставку, и тогда пост президента, согласно конституции, перейдет к государственному секретарю...

Он сказал мне, что, по его мнению, не менее половины «Американского легиона» и Союза ветеранов заграничных войн пойдет за ним».

«И вы уже что-нибудь предпринимаете?» — спросил Батлер Макгайра.

«Да, вот увидите, — отвечал Макгайр. — Через две-три недели вы сможете читать об этом в газетах. В движении будут участвовать очень крупные люди. Сейчас мы готовим почву».

Что конкретно произойдет через две-три недели, Макгайр не сказал; беседа закончилась на том, что Макгайр попросил генерала очень тщательно обдумать этот вопрос.

Через две недели было опубликовано сообщение о создании «Американской лиги свободы». Казначеем ее был назначен хозяин Макгайра, финансист с Уолл-стрита, Грейсон М. П. Мэрфи.

Пораженный дерзостью замысла, о котором ему сообщили, Батлер немедленно связался со своим знакомым инициативным журналистом Полем Камли Френчем, сотрудником газеты «Филадельфия рекорд». Он попросил Френча помочь ему раскрыть все подробности заговора. «Здесь пахнет изменой», — говорил ему Батлер впоследствии.

13 сентября 1934 г. Поль Френч посетил Макгайра в конторе фирмы «Грейсон М. П. Мэрфи компани» в Нью-Йорке. Сделав вид, что его чрезвычайно заинтересовало предложение, сделанное Батлеру, и что он относится к нему сочувственно, Френч вошел в доверие к Макгайру.

Как показывал Френч впоследствии, Макгайр тут же изложил ему «в основном тот же план, о котором раньше ему говорил генерал».

«Наше движение, — говорил Макгайр, — носит патриотический характер, так как коммунисты погубят нашу страну, если солдаты не спасут ее, установив фашистский строй. Для того чтобы привлечь на свою сторону миллион людей, генералу Батлеру достаточно будет объявить, что он создает организацию и что членом ее может быть всякий, кто будет платить членские взносы в размере одного доллара в год».

Однако основные расходы организации должны были покрываться из других источников. Френч впоследствии сообщал:

«Он [Макгайр] сказал, что может обратиться к Джону У. Дэвису или к Перкинсу в «Нэйшнл сити бэнк», а также ко многим другим лицам, и они согласятся [оказать финансовую поддержку]...

Потом речь зашла о том, где взять оружие, и он сказал, что его можно будет получить в кредит у фирмы «Ремингтон армс компани» при помощи Дюпона.

Вряд ли он сказал тогда что-нибудь определенное о связях Дюпона с «Американской лигой свободы», но его мысль все время вращалась вокруг того, что во всем этом деле есть лицо и есть изнанка, то есть закулисная сторона».

Чтобы показать Френчу, какие успехи уже сделаны в деле вовлечения организаций американских ветеранов в новое движение, Макгайр показал ему одно письмо. «Это от бывшего командора «Американского легиона» Луиса Джонсона», — сказал он.

Потом, как рассказывал Френч,

«он [Макгайр] сказал мне, что обсуждал с ним [Джонсоном] этот вопрос в том же плане, в каком обсуждает его сейчас со мной; из этого я заключил, что он обсуждал с Джонсоном план фашистского переворота и что тот отнесся к этому плану сочувственно»¹.

Теперь и генерал Батлер и Поль Френч пришли к убеждению, что собранных ими улики достаточно для того, чтобы потребовать официального правительственного расследования по делу о заговоре с целью совершения фашистского государственного переворота. Связавшись с комиссией Маккормака—Дикштейна в конгрессе, которая расследовала тогда нацистскую и прочую антиамериканскую пропаганду в США, Батлер попросил разрешения выступить с показаниями на одном из заседаний комиссии.

20 ноября на закрытом заседании комиссии Маккормака — Дикштейна генерал Батлер подробно рассказал о

---

¹ Когда Луис Джонсон был командором «Американского легиона», Джералд Макгайр занимал пост председателя комиссии Легиона по приему почетных гостей.

28 марта 1949 г. Луис Джонсон был назначен Трумэном на пост министра обороны США.

Дальнейшие подробности о нем см. в главе XIII, раздел 2.

том, как ему было предложено возглавить фашистский путч с целью свержения правительства США. «Если комиссия желает раскрыть этот заговор до конца,— заявил Батлер в заключение,— она должна вызвать и допросить Грейсона М. П. Мэрфи, генерала Дугласа Макартура, бывшего командора «Американского легиона» Хэнфорда Макнайдера и некоторых членов «Американской лиги свободы»¹.

В числе свидетелей, вызванных в комиссию, были командор Союза ветеранов иностранных войн Джеймс Ван Зандт, подтвердивший, что ему было известно о готовившемся заговоре, и Джералд Макгайр, который признал, что он (Периодически встречался и беседовал с генералом Батлером, но утверждал, что генерал его «неправильно понял»...

В газетах «Филадельфия рекорд», «Нью-Йорк пост» и в двух газетах в штате Нью-Джерси появилась статья Поля Френча, написанная специально для этих газет; в ней излагалось то, о чем показывал в комиссии Маккор-мака — Дикштейна генерал Батлер.

Рассказ Батлера взбудоражил всю страну.

Однако сенсационные разоблачения генерала Батлера и Поля Френча не достигли своей цели. За исключением немногих прогрессивных газет, вся остальная американская печать дружно выступила в защиту влиятельных лиц, замешанных в заговоре, обошла молчанием самые важные места из показаний генерала Батлера и вообще высмеяла все это дело. Газета «Нью-Йорк таймс» как бы невзначай заметила, что «так называемый заговор финансовых кругов Уолл-стрита... не принял таких размеров, какие внушали бы тревогу», а журнал «Тайм» вообще издевательски назвал это дело «заговором без заговорщиков».

Большинство газет уделило показаниям Батлера менее видное место, чем заявлению Грейсона М. П. Мэрфи представителям печати, в котором он сказал, что не знает ни о каком заговоре, а рассказ генерала Батлера назвал «шуткой» и «рекламным трюком».

Прошло немного времени, и это сенсационное дело вообще перестало фигурировать в газетах.

---

¹ В своих показаниях Батлер сообщил, что, как говорил ему Макгайр, генерал Макартур и Хэнфорд Макнайдер тоже намечались в качестве возможных руководителей фашистского путча.

Правительство не предприняло никаких мер для расследования заговора.

Комиссия Маккормака—Дикштейна не опросила ни одного из влиятельных лиц, названных генералом Батлером; когда же его собственные показания были в конце концов опубликованы, оказалось, что самые яркие факты, о которых он говорил, в том числе имена ряда представителей Уолл-стрита, а также все упоминания об «Американской лиге свободы», были выброшены из стенограммы.

При всем том, в докладе комиссии говорилось:

«Не подлежит сомнению, что этот план [фашистского путча] намечался, что его обсуждали и что его стали бы выполнять в момент, когда лица, обязавшиеся его финансировать, сочли бы это целесообразным...»

...Комиссия имела возможность проверить все относящиеся к этому показания генерала Батлера, за исключением заявления, в котором он прямо указывал на создание [фашистской] организации. Впрочем, это заявление подтверждается перепиской Макгайра со своим шефом Робертом Стерлингом Кларком в период, когда Макгайр находился за границей, изучая там различные фашистские организации ветеранов».

После опубликования доклада комиссии председатель «Союза гражданских свобод» Роджер Болдуин заявил:

«Комиссия конгресса по расследованию антиамериканской деятельности только что сообщила, что фашистский заговор с целью захвата власти... действительно имел место; однако ни один из его участников не будет привлечен к ответственности, хотя федеральный закон совершенно ясно квалифицирует заговорщическую деятельность как тяжчайшее преступление. Нетрудно представить себе, какие меры последовали бы, если бы подобный заговор был раскрыт среди коммунистов!»

Все это, разумеется, только подчеркивает еще раз, что наше правительство представляет интересы крупных собственников. Тем, кто преследует благородную цель защиты системы капиталистической наживы, прощается все, даже попытки насильственного захвата власти...»

3. *Оргия убийств в штатах Среднего Запада*

В 30-х годах фашистские организации в США росли, как грибы; их появилось бесчисленное множество, но ни одна из них не совершала столько насилий и кровавых преступлений, как «Черный легион». Члены этого тайного общества по ночам разъезжали верхом, одетые в черные балахоны с эмблемой смерти: черепом и скрещенными костями. Лица их закрывались капюшонами с прорезями для глаз. В 1932—1936 гг. «Черный легион» превратил Мичиган, Индиану, Огайо и другие штаты Среднего Запада в царство террора. Там, где орудовали члены Легиона, оставался страшный след: сожженные дома, разрушенные бомбами помещения профсоюзов, убитые и искалеченные люди, объятые ужасом селения.

«Его [«Черного легиона»] сила заключалась в том,— писали А. Б. Мэйджил и Генри Стивенс в своей книге «Фашистская угроза»,— что вся его деятельность носила исключительно террористический характер, что его люди засели в полиции и во всех органах власти в городах, округах и штатах, что он был связан с республиканской партией и, наконец, что он действовал в тесном контакте с органами шпионажа и предпринимательскими профсоюзами, которые были созданы автомобильными компаниями».

Заговорщическая деятельность «Черного легиона» была организована по-военному. Большинство членов Легиона обязано было носить огнестрельное оружие. Они объединялись в «дивизии», которыми командовали «полковники» или «капитаны». Для выполнения таких задач, как разгон профсоюзных собраний, поджог зданий, устройство взрывов, избиения и убийства профсоюзных деятелей, существовали специальные «антикоммунистические отряды», «отряды поджигателей» и «отряды бомбистов», а также «карательные» и «экзекуционные» отряды. Члены Легиона давали клятву слепо повиноваться всем приказам и соблюдать строжайшую тайну. Наказанием за непокорность или за невыполнение поручения были пытки или смерть.

Церемонии посвящения в члены Легиона устраивались обычно по ночам, в мрачной обстановке, в каком-нибудь неосвещенном подвале или глухом лесу. Новичка вводили в круг одетых в черные балахоны легионеров, приказывали ему стать на колени, приставляли к груди

заряженный револьвер, и он повторял слова присяги. Одной из «тайн» «Черного легиона», в которые в этот момент посвящались новообращенные, было:

«Мы считаем своими врагами и врагами нашей страны всех инородцев, негров, евреев и всех тех, кто приемлет учение или веру, проповедующие равенство рас или обязывающие своих последователей хранить верность какому-нибудь иностранному властителю».

Сразу же после посвящения каждому новому члену Легиона выдавалась пуля крупного калибра. При этом его предупреждали, что если он когда-нибудь выдаст тайну Легиона, то получит «другую пулю»...

Цитаделью «Черного легиона» был штат Мичиган, где в годы кризиса безработица свирепствовала сильнее всего и где каждый промышленный центр был очагом недовольства масс. К 1935 г. силы Легиона в штате Мичиган исчислялись десятками тысяч человек, а его тайный аппарат, как злокачественная опухоль, опутал своими невидимыми щупальцами всю промышленность и все политические организации штата.

Террористические ячейки «Черного легиона» существовали на каждом предприятии. В состав высших звеньев «Черного легиона» входили многие члены муниципальных советов, члены законодательного собрания штата, судьи, начальники полиции, крупные бизнесмены, шерифы, мэры и командиры частей Национальной гвардии. Уилл Лиссер писал потом в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Значительную часть членов Легиона составляли богатые граждане. Не менее чем в двух детройтских церквах проводились сборы средств на нужды Легиона. Многие политические деятели вступали в Легион в надежде заполучить голоса его членов».

Чтобы обеспечить осуществление своих целей, особенно политических, Легион создавал в качестве прикрытия различные организации. Одна из них носила название «Лиги мичиганских республиканцев». Эта Лига, руководство которой состояло в основном из членов «Черного легиона», попользовалась для ведения предвыборной агитации за членов и сторонников Легиона, выставивших свои кандидатуры на всякие выборные должности.

Штаб «Лиги мичиганских республиканцев» помещался в комнате № 2120 в здании «Юнион гардиан» в Дет-

ройте. В этой же комнате находилась и канцелярия адвоката республиканца Гарри З. Маркса, который был раньше председателем комиссии «Американского легиона» по вопросам американизации и одновременно юрисконсультom начальника детройтской полиции Гейнриха Пиккерта. Маркс являлся также одним из директоров «Лиги мичиганских республиканцев» и председателем ее руководящего комитета.

О политическом влиянии «Лиги мичиганских республиканцев» наглядно свидетельствует то обстоятельство, что в мае 1936 г., когда бывший мичиганский губернатор Уилбэр М. Брэкер выставил свою кандидатуру в сенат США, первую свою речь к избирателям он произнес на митинге, организованном этой Лигой.

На следующую ночь после его выступления пять руководящих деятелей «Лиги мичиганских республиканцев», состоявших членами «Черного легиона», организовали убийство представителя Управления общественных работ Чарльза Пула¹.

Как и другие фашистские организации в Америке, «Черный легион» проводил террористическую деятельность, направленную против рабочего класса, в основном под флагом борьбы против «коммунистической опасности». Большое жюри, расследовавшее действия «Черного легиона» в округе Оклэнд штата Мичиган, сообщило следующее:

«Членов Легиона в округе Оклэнд с самого начала весьма интересовала деятельность коммунистов...

Один из членов Легиона был заслан в качестве шпиона в организацию коммунистической партии в городе Понтиак; он должен был докладывать обо всей работе этой организации «полковнику» Пирсу (сержанту полиции)...

Руководители «Черного легиона» систематически разжигали в рядах своей организации антикоммунистические настроения...»

Намереваясь перейти к прямым действиям против коммунистов, главари Легиона составили список «смертников», включив в него «красных» и «сочувствующих» им.

В этом списке значились, например, такие люди, как

---

¹ Когда убийцы Чарльза Пула были арестованы и преданы суду, Гарри З. Маркс взял на себя их защиту.

популярный адвокат Морис Шугэр, защищавший в трудовых конфликтах интересы рабочих и выдвинутый весной 1935 г. кандидатом на должность судьи по уголовным делам. Одному из членов Легиона Дэйтону Дину было поручено бросить бомбу в квартиру Шугэра. Дни уже снял себе квартиру в доме, где жил Шугэр, но задания не выполнил. «Я струсил, — объяснял потом Дин, — при мысли о том, сколько людей могло погибнуть при взрыве».

Но «отряды бомбистов» Легиона не часто терзались подобными угрызениями совести. В одном городе за другим они поджигали и взрывали дома, где жили профсоюзные лидеры. Во время забастовки на предприятиях «Мотор продактс компани» члены Легиона взорвали помещение правления профсоюза и несколько домов, где жили руководители забастовки. В Детройте легионеры взорвали клуб Украинского культурно-просветительного общества, «Книжную лавку рабочих» и помещение местной организации коммунистической партии.

Некий мелкий торговец разрешил созывать у себя в лавке собрания организаторов профсоюза. После этого он получил от «Черного легиона» характерную записку:

«Еще одно собрание коммунистической партии в этом притоне—и Вы расстанетесь со своим предприятием. Вас и на свете не будет, так что вы больше никогда и не будете знать, что такое торговля».

Такие угрозы нередко приводились в действие.

Одной из первых жертв убийц из «Черного легиона» был коммунист Джордж Марчук, секретарь организации профсоюза рабочих автомобильной промышленности в городе Линкольн Парк (округ Уэйн, штат Мичиган). «Черный легион» несколько раз предписывал Марчуку прекратить «красную» работу по вовлечению в профсоюз рабочих местного завода Форда, угрожая, что в противном случае его ждут «неприятные последствия». Марчук продолжал свою деятельность. Тогда к нему явился одноногий легионер, бывший полицейский Айзек Уайт «Деревянная нога», и сделал ему последнее предупреждение. 22 декабря 1933 г. труп Марчука нашли на пустыре. Он был убит выстрелом в голову.

15 марта 1934 г. в окрестностях г. Монро в штате Мичиган возле пустынной проселочной дороги был найден продырявленный пулями труп другого проф-

союзного деятеля, Джона Беляка, работавшего раньше организатором от АФТ на заводе компании «Хадсон». Незадолго до убийства к нему тоже являлся с «визитом» Уайт «Деревянная нога»¹.

Иногда бандиты из «Черного легиона» убивали людей просто из любви к «сильным ощущениям». Описывая один такой случай, имевший место в мае 1935 г., легионер Дэйтон Дин рассказывал:

«...Харви Дэвис [один из руководителей «Черного легиона»] однажды зашел ко мне. Мы сидели, беседовали, и он спросил, не смогу ли я найти ему негра.

Он сказал, что они собираются устроить пикник на озере, и им хочется доставить себе маленькое развлечение. Для этого им нужно раздобыть какого-нибудь негра, причем совсем неважно, откуда он будет, лишь бы он был настоящим чернокожим. Они хотят взять его с собой и там убить. Полковник Дэвис сказал, что ему просто хочется испытать удовольствие застрелить негра.

Я разыскал Чарли Роуза, и тот сказал мне, что у него как раз есть подходящий человек, негр, который

---

¹ В 1932 г. бывший полицейский Уайт «Деревянная нога» был членом «Гражданского комитета бдительности», созданного на заводе Форда с помощью «отдела обслуживания» Гарри Беннета. Уайт обслуживал также органы шпионажа за рабочими, существовавшие на других автомобильных заводах. Уайт в июне 1936 г. рассказывал корреспонденту детройтской газеты «Ньюс», как он составлял для автомобильных компаний списки «коммунистов» — организаторов профсоюзов:

«Я бывал в Детройте на всех заводах. Раз или два я доставлял списки правлению «Хадсон мотор кар компани». Сколько людей в них числилось, я не помню, но список составлял несколько страниц, напечатанных на машинке... Я представлял также несколько списков Форду, несколько — компании «Бадд уил» и владельцам всех заводов, на которых происходили или грозили вспыхнуть стачки... Отделы личного состава всегда были рады информации о коммунистах и благодарили меня за нее. Я давал ее просто в порядке любезности».

Интервью Уайта с корреспондентом «Ньюс» появилось в газете в момент, когда некоторые из преступлений «Черного легиона» стали уже достоянием гласности; рабочие стали требовать, чтобы полиция допросила Уайта по делу об убийствах Марчука и Беляка, а также о других террористических актах, совершенных «Черным легионом».

Вскоре после того, как газета «Ньюс» опубликовала неосторожные признания Уайта, он был арестован, а пять дней спустя появилось сообщение, что он умер от «воспаления легких».

у него работает. На этом мы с Дэвисом и договорились...»

В жертву убийцам как «подходящий человек» был намечен 42-летний рабочий, ветеран войны Сайлес Колмэн. Колмэну сказали, что ему хотят уплатить заработную плату за прошлое время, задержанную его хозяином, и под этим предлогом его заманили вечером на дачу в окрестностях Детройта, где Харви Дэвис и еще несколько членов Легиона с женами собрались на вечеринку. Колмэн, ничего не подозревая, приехал на место, тут легионеры схватили его, подъехали с ним к ближайшему болоту, остановились и вылезли из машины. Дальше, по словам Дэйтона, произошло следующее:

«...Негр вышел из машины и стал обходить ее сзади, чтобы посмотреть, что мы там делаем. Как только он стал лицом к нам, Дэвис выхватил револьвер и выстрелил в негра, а за ним стали стрелять другие. Негр хотел что-то сказать, но, очевидно, пуля пробила ему легкое или еще что-нибудь; он не мог выговорить ни слова, и из его горла вырывалось только хриплое бульканье: «хрл, хрл, хрл» или что-то в этом роде. Он бросился бежать, что было сил, но легионеры, со словами «не дадим ему удрать», побежали за ним, стреляя из револьверов.

Потом мы вернулись к своим машинам и поехали обратно на дачу. Они дали мне и Чарли Роузу по рюмке виски и по бутылке пива; мы с ним отправились обратно в Детройт, а они продолжали веселиться».

Изрешеченный пулями труп Колмэна был потом найден в лесу...

Доказано, что членами «Черного легиона» были убиты следующие лица:

Поль Эвери: умер 14 апреля 1935 г. в результате порки, которой его подвергли члены «Черного легиона»;

Оливер Харкетт: был найден мертвым в своей машине 25 апреля 1935 г.; он сам был тесно связан с «Черным легионом», и его убийство было, как говорят, мерой «дисциплинарного наказания»;

Рудольф Андерсон: был найден убитым на улице в Детройте 16 декабря 1935 г.; грудь его была пробита винтовочной пулей;

Чарльз Пул: был застрелен; труп его нашли 13 мая в придорожной канаве в окрестностях Детройта;

Рой В. Пиджок: активный профсоюзный деятель, был найден повешенным 29 мая 1936 г. на острове Файтинг по реке Детройт; перед этим члены «Черного легиона» его пороли.

Однако большинство убийств, совершенных членами этой тайной террористической организации, никогда официально ей не приписывалось. В полицейских протоколах все эти убийства фигурировали как «неразгаданные». Согласно позднейшим показаниям капитана полиции штата Мичиган Аиры Х. Мэрмона, не менее 50 ничем не мотивированных «самоубийств», зарегистрированных в штате за 1933—1936 гг., были в действительности делом рук «Черного легиона».

Летом 1936 г., после ряда особенно наглых и особенно жутких преступлений, совершенных «Черным легионом», власти штата Мичиган под давлением общественного мнения были вынуждены начать расследование деятельности Легиона. Одиннадцать членов Легиона были арестованы в связи с убийством Чарльза Пула, предстали перед судом и были приговорены к пожизненному заключению. Около 50 членов «Черного легиона» было арестовано и привлечено к суду по обвинению в убийствах, похищениях людей, поджогах и других преступлениях.

Профсоюзы, различные объединения граждан и другие общественные организации требовали, чтобы министерство юстиции США предприняло доскональное расследование деятельности «Черного легиона» во всех штатах Среднего Запада. «Только Федеральное бюро расследований в состоянии увязать в единое целое все улики, обнаруженные в различных районах... — писала группа граждан штата Мичиган в заявлении министерству юстиции. — Местные власти стеснены в своих действиях тем, что свидетели боятся говорить... Детройтские газеты писали, что «Черный легион» пользуется властью даже над высшими официальными кругами».

В Вашингтоне сенатор Элмер А. Бенсон от штата Миннесота внес в сенат резолюцию, требовавшую расследования федеральными властями деятельности «Черного легиона».

28 мая 1036 г. министр юстиции Гомер С. Каммингс заявил, что министерству юстиции уже около года известно о деятельности «Черного легиона», но никаких мер против него министерство принять не может, так как «никаких федеральных законов Легион не нарушал».

Расследования преступлений «Черного легиона», проводившиеся местными властями, не столько вскрывали факты, сколько их замазывали.

Из того, что было раскрыта Большим жюри в составе одного лишь судьи Э. Ченота, за стены суда вышло очень мало. «Порядки здесь устанавливаю я, — сказал судья Ченот, открывая заседание, на котором должны были выступать свидетели. — Всякий, кто разгласит тайну Большого жюри, угодит в тюрьму».

В округе Уэйн обязанности прокурора, расследовавшего деятельность «Черного легиона», выполнял детройтский адвокат Дункан Маккри, а главным следователем у него был некий Чарльз Спэйр. Никто в это время не знал, что Спэйр был одним из руководящих деятелей Ку-клукс-клана и основателем филиала этой организации в штате Мичиган.

В разгаре расследования в округе Уэйн газета «Детройт таймс» опубликовала фотографию заявления о приеме в «Черный легион», подписанного прокурором Дунканом Маккри. Маккри даже не отрицал, что это была его подлинная подпись. Вполне возможно, сказал он, что «я действительно подписал такое заявление», ибо, как и другие политические деятели, «я могу состоять в нескольких политических организациях»...

Касаясь преступной заговорщической деятельности «Черного легиона», губернатор штата Пенсильвания Джордж Эрл в свое время заявил:

«Я утверждаю, что создание этой организации есть прямой результат подрывной пропаганды, финансируемой «великими князьями Делаверскими» Дюпонами и королями оружия из «Американской лиги свободы».

В 1933—1934 г. я был посланником Соединенных Штатов в Австрии. Я своими глазами видел, как нацизм и фашизм зарождались тайком, в подполье и развивались именно с помощью таких организаций, как «Черный легион»...

Могу сказать, что крупным промышленникам и

биржевым спекулянтам, стоящим за спиной лидеров республиканской партии, не уйти от ответственности за возникновение этой организации... «Черный легион» — это первый плод их фашистской пропаганды».

4. «Пятая колонна» в конгрессе

В августе 1936 г. американские пропагандисты фашизма и антисемитизма собрались в городе Эшвилль (штат Северная Каролина) на чрезвычайный всеамериканский съезд. Съезд этот, носивший название «Национальной конференции духовенства и мирян», был организован при активном содействии основателей фашистского «Южного комитета защиты конституции» — видного деятеля «Американской лиги свободы», короля лесной промышленности Джона Генри Керби и его ближайшего помощника Ванса Мюза.

Организаторы Эшвилльского съезда открыто ставили себе целью добиться того, чтобы одним из основных лозунгов предвыборной кампании 1936 г. стал антисемитизм. На съезде присутствовали, в частности, глава организации «Серебряные рубашки» Уильям Дэдди Пелли, сотрудничавший с немецкими фашистами; ярый поклонник держав «оси», он же изобретатель запатентованной им «дубинки для евреев» и глава «официальной фашистской партии», Конфедерации американских националистов, Джордж Дэсирейдж, который впоследствии ездил на всемирный конгресс антисемитов в Эрфурте, в Германии, и там произнес речь, которая называлась «Станет ли Америка Ватерлоо для евреев?»

Одним из главных докладчиков на съезде в Эшвилле был коренастый, круглолицый, коротко остриженный Эдвард Салливэн. Судя по сообщениям эшвилльских газет, он говорил «то же самое, что сказал бы Гитлер, окажись он на этой трибуне»...

Эдвард Салливэн впервые включился в фашистское движение в 1933 г., вскоре после прихода Гитлера к власти в Германии. Уже тогда нацистские агенты начали рыскать по всему миру, организуя в демократических странах свои «пятые колонны», особенно среди отдельных национальных групп и меньшинств. В Соединенных Штатах насчитывалось около миллиона американцев украинского происхождения, и под опытным руководством германских нацистов в их среде вскоре возникла

многочисленная «пятая колонна» сторонников держав «оси». Когда для обеспечения новому движению массовой поддержки потребовался опытный пропагандист, некоторые главарь украинских фашистов в Америке решили использовать для этой цели Эдварда Ф. Салливэна. Он был тогда бедным молодым журналистом, работал в Бостоне и, как видно из документов сенатской комиссии по гражданским свободам, одно время состоял на службе в «Рейлуэй одит энд инспекшн компани», занимавшейся шпионажем среди рабочих. Он охотно принял предложение украинских фашистов и стал работать на них.

В 1936 г., когда Салливэн участвовал в Эшвилльском съезде, в кругах «пятой колонны» его уже считали одним из самых выдающихся антидемократических пропагандистов в стране.

Несмотря на все это, в обычных условиях Салливэн ничем не выделялся бы из множества других подобных агитаторов, действовавших тогда в США. Но вскоре произошло событие, благодаря которому Салливэн сразу выдвинулся.

Летом 1938 г. конгресс создал специальную комиссию под председательством члена палаты представителей от штата Техас, Мартина Дайса, «для расследования антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах».

Первым главным следователем, назначенным этой комиссией, оказался Эдвард Ф. Салливэн.

Американские налогоплательщики, из карманов которых Салливэну выплачивалось жалование как главному следователю «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», не были осведомлены о его прежнем участии в антидемократическом движении. Не знали они — хотя им было бы, очевидно, интересно об этом узнать — и уголовного прошлого Салливэна. Вот список его приводов в полицию:

<i>Правонарушение</i>	<i>Где произошло</i>	<i>Дата</i>	<i>Принятые меры</i>
Появление в пьяном виде	Чарлстон, Массачусетс	7 сентября 1920 г.	Освобожден
Езда с неразрешенной скоростью	Роксбэри	18 декабря 1923 г.	Оштрафован на 25 долл.

<i>Правонарушение</i>	<i>Где произошло</i>	<i>Дата</i>	<i>Принятые меры</i>
Езда без водительских прав	Саффолк	11 февраля 1924 г.	Оштрафован на 25 долл.
Езда с неразрешенной скоростью	„	27 июня 1924 г.	Дело передано в суд (по закону должен быть осужден на 6 мес. исправительной тюрьмы; подал апелляцию)
Кража	Миддлсекс	12 апреля 1932 г.	Обвинение снято
Торговля без патента	Лоуэлл	11 февраля 1932 г.	Дело передано в суд
Преступление, предусмотренное статьей 690 уголовного кодекса (педерастия)	Нью-Йорк	20 декабря 1933 г.	Оправдан
Арестован по обвинению в том, что выдавал себя за агента ФБР	Питтсбург	11 декабря 1939 г.	Дело прекращено

Салливан руководил несколькими «расследованиями», предпринятыми комиссией, но потом Дайс, к своему огорчению, вынужден был уволить его с должности главного следователя якобы в порядке «сокращения аппарата». В действительности же либеральные организации вскрыли такие подробности биографии Салливана, которые его сильно компрометировали, и Дайс, хлопотавший тогда о новых ассигнованиях на работу своей комиссии, стремился избежать скандала¹.

Вместо Салливана главным следователем комиссии Дайса был назначен озлобленный ренегат из бывших радикалов Дж. Б. Мэтьюс, который, подобно своему предшественнику, пользовался большим авторитетом у

¹ Помощником Салливана и Дж. Б. Мэтьюса по руководству следственной частью «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» был тощий, бледный, гладко прилизанный южанин Роберт Э. Стриплинг, который в 1943 г. сам стал следователем комиссии.

агентуры держав «оси» и их «пятой колонны» в Америке. В кругах американских фашистов широко распространялась пространная автобиография Мэтьюса «Одиссея попутчика»; эту книгу автор посвятил Мартину Дайсу, Дж. Парнеллу Томасу и другим членам «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», а издателем ее был Джон Сесиль, возглавлявший антисемитскую организацию «Совет конференции по вопросам иммиграции». Министерство пропаганды нацистской Германии горячо одобряло писания Мэтьюса, а его статьи печатались в официальном органе германского министерства иностранных дел «Контра-Коминтерн».

«Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» была учреждена 26 мая 1938 г., причем ее официальной целью было собирать информацию о «распространении в Соединенных Штатах подрывной и антиамериканской пропаганды, источником которой являются либо иностранные государства, либо местные круги, выступающие против гарантированных конституцией принципов государственного строя США».

Вместо этого комиссия с самого начала сама стала органом злостной антидемократической пропаганды и орудием ниспровержения основ американской конституции. Официальный орган чикагской католической епархии «Нью уорлд» писал в передовой статье через полгода после создания комиссии:

«Если это и впрямь комиссия для расследования «антиамериканской деятельности», то ей следовало бы начать с расследования своей же собственной деятельности».

День за днем, неделя за неделей перед комиссией, расположившейся в конференц-зале старого здания палаты представителей, проходили бесконечной и унылой вереницей бывшие уголовники, хозяйские шпики в профсоюзах, агенты иностранных разведок, аферисты, фашистские агитаторы и политические ренегаты, давая комиссии «авторитетные свидетельские показания» о «коммунистической деятельности» в США.

Одним из первых свидетелей, представших перед комиссией, был некий Элвин А. Холперн. На другой день после его выступления суд федерального округа Колумб

бия приговорил его за кражу к тюремному заключению на срок от года до двух лет.

Тем не менее показания Холперна были включены в опубликованный официальный отчет «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» без всякого указания на то, что он является уголовным преступником.

В числе других «авторитетных свидетелей», выступавших на заседаниях комиссии, были:

Питер Дж. Иннес: хозяйский шпик, был исключен из Национального профсоюза моряков за кражу 500 долларов из профсоюзной кассы. Впоследствии был приговорен к 8 годам тюрьмы за попытку изнасиловать ребенка.

Уильям К. Маккистон: организатор черносотенных банд для нападений на членов профсоюзов; когда комиссия вызвала его для дачи показаний, он находился под следствием по делу об убийстве рабочего лидера Филипа Кэри, который был избит дубинками, а потом застрелен в Нью-Орлеане; впоследствии суд признал Маккистона невиновным в этом убийстве.

Уильям Т. Джерней: хозяйский шпик, разоблаченный комиссией Лафоллета как агент № 0273, состоявший на службе в известной организации фабричного шпионажа «Корпорейшнс огзилъери».

Эдвин Перри Бэнта: профашистский пропагандист, член «Христианского фронта» и пособник нацистских агентов в Америке; умер 8 ноября 1945 г. в тюрьме, где отбывал 3-летнее заключение за уголовное преступление.

Джон Кус: занимал руководящее положение в американском филиале «Гетмана» — организации украинских фашистов, которая при фашистском режиме в Германии имела свой штаб в Берлине и работала под руководством германской военной разведки; 30 сентября 1938 г. Кус послал Гитлеру поздравительную телеграмму, в которой превозносил его за принятые им «исторические меры по обеспечению прав национальных меньшинств».

Ричард Кребс, он же Ян Вэлтин: ренегат из бывших германских коммунистов; провел 3 года и 3 месяца в каторжной тюрьме Сен-Квентин; в своей книге «Из мрака ночи» оправдывал свою прежнюю работу в гестапо тем, что он якобы тайно боролся с его деятельностью.

Уолтер С. Стил: редактор журнала «Нэйшнл рипаблик», проводившего линию Кофлина, и один из американцев, участвовавших в издании книги «Коммунизм в Германии»; эта книга, начинавшаяся цитатой из Гитлера, была первым официальным документом нацистской пропаганды, распространявшимся в Америке.

Все эти лица предстали перед «Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности» не как обвиняемые. Наоборот, они были обвинителями. Под видом разоблачения «коммунистической деятельности» в Соединенных Штатах они обливали грязью выдающихся либеральных деятелей, клеветали на прогрессивные организации и профсоюзное движение. Поток чудовищной клеветы и оскорблений, изрыгавшихся этими типами, заполнили десятки томов, изданных правительством и цитировавшихся газетами всей страны.

Но ни организации, ни отдельные лица, подвергшиеся такому публичному поношению, не имели возможности встретиться лицом к лицу с клеветниками. Комиссия не разрешала им ставить вопросы этим «авторитетным свидетелям».

«Мы можем говорить о людях что угодно, и они ничего не могут поделать»,—сказал однажды член комиссии конгрессмен Джон Дж. Демпси.

Комиссия не только вызывала и опрашивала свидетелей, но и насаждала широкую сеть тайных агентов, которые шпионили за американскими гражданами, устанавливали скрытые диктофоны, крали частные документы и составляли длинные «черные списки» либералов, антифашистов и активных профсоюзных работников.

По заявлению самой комиссии, в ее картотеке вскоре числилось «свыше миллиона американцев, ведущих подрывную деятельность».

«Где же они набрали столько имен?»—спросил однажды член палаты представителей от штата Миссури, Джон Дж. Кокрэн. «Они захватили списки адресов, по которым так называемые «подрывные» организации рассылают свои материалы,—ответил ему один из его коллег,—не сомневаюсь, что и ваше и мое имя тоже значатся в этом списке».

Профессору Клайду Р. Миллеру из учительского колледжа при Колумбийском университете стало известно, что он попал в «черный список» комиссии. Он лично от-

правился в канцелярию комиссии в Вашингтоне и поинтересовался, почему комиссия отнесла его к числу «опасных американцев».

Следователь комиссии Честер Николас ответил профессору Миллеру, что, по данным комиссии, он является членом ряда организаций, ведущих борьбу с антисемитизмом. «Ведь вы преподаете в колледже, профессор,— сказал Николас,— и вам надо бы знать, что все организации, выступающие против антисемитизма, представляют собой приводные ремни коммунистов».

«Скажите-ка лучше своим друзьям-евреям,—добавил Николас,— что в Германии евреи чересчур задрали носы, так Гитлер поставил их на место, а если и у нас они не будут вести себя поскромнее, то же самое может случиться и здесь...»

11 февраля 1941 г. член конгресса от штата Нью-Йорк Сэмюэль Дикштейн выдвинул против «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» сенсационные обвинения. Выступая в палате представителей, Дикштейн заявил:

«Сто десять фашистских организаций, существующих в США, пользовались и пользуются негласным покровительством Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности!»

В тревожную пору накануне Пирл Харбора, когда фашистская «пятая колонна» в Америке развертывала лихорадочную деятельность, стремясь подорвать дух американского народа и парализовать оборонные мероприятия США, «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» не только не боролась с происками врагов, но фактически действовала заодно с германскими и японскими агентами и их американскими подручными.

До войны одной из крупнейших и самых опасных организаций «пятой колонны» в Америке был «Христианский фронт». Десятки тысяч членов этой организации действовали под руководством нацистских агентов, в каждом крупном городе у нее были тайные вооруженные «штурмовые отряды», проходившие военную подготовку; ее глава, священник Чарльз Э. Кофлин, в своих выступлениях по радио и в своей газете «Сошиал джастис» вел безудержную пропаганду, используя материалы, которые он получал непосредственно из германского министерства пропаганды.

«Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» и не подумала расследовать действия Кофлина и его обширного фашистского аппарата. Наоборот, между этим фашиствующим попом и комиссией существовало тайное соглашение, в силу которого Кофлин регулярно поставлял председателю комиссии Мартину Дайсу различные пропагандистские материалы и списки «коммунистов».

В 1939 г. Кофлин дал своим штурмовикам следующее указание:

«В знак признательности за проделанную Дайсом работу выберите время написать ему письмо, которое поощряло бы его к дальнейшим действиям. Если он получит миллион таких писем, это будет лучшим ответом людям, стремящимся погубить и его и законодательный орган, представителем которого он является».

8 декабря 1939 г. лидер германо-американского «Бунда», нацистский шпион Фриц Кун, ответил журналисту, который интересовался его мнением о «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности»: «Я за то, чтобы продлить ее полномочия и ассигновать ей больше средств».

Можно привести еще и другие характерные отзывы о работе «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», исходящие от фашистских пропагандистов и главарей «пятой колонны» в США:

«Я отношусь к комиссии с глубочайшим уважением и сочувствую ее деятельности», — немецко-фашистский агент Георг Сильвестр Фирек, приговоренный 21 февраля 1942 г. к тюремному заключению на срок от 8 месяцев до 2 лет.

«Я создал в 1933 г. Легион серебрянорубашечников... для пропаганды этих же принципов», — бывший руководитель фашистской организации «Серебряные рубашки» Уильям Дэдди Пелли, приговоренный 13 августа 1942 г. к 15 годам тюрьмы за «преступную, антиправительственную деятельность».

«Программа комиссии... так похожа на программу Ку-клукс-клана, что никакой существенной разницы между ними нет», — глава Ку-клукс-клана Джемс Коулскотт.

«Комитет миллиона» направил в Вашингтон петицию за подписями более 400 тыс. человек о том, чтобы Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности продолжила свою работу», — бывший серебрянорубашечник № 3223 Джералд Смит, председатель фашистского «Комитета миллиона»¹.

5. «Америка прежде всего»

В тайной войне держав «оси» против Америки накануне Пирл Харбора участвовали не только члены «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», но и другие члены конгресса США. Как в сенате, так и в палате представителей имелись еще люди, которые сознательно или бессознательно приносили большую пользу агентам стран «оси», работавшим в Соединенных Штатах.

Например, сенатор Эрнест Ландин от штата Миннесота выступил в сенате 19 июня 1940 г. с длинной речью, направленной против английского посла в Соединенных Штатах лорда Лотиана. Речь Ландина была опубликована большим тиражом издательской фирмой «Флэндерс холл, инкорпорейтед» и распространялась по всей стране организациями «пятой колонны». Но фирма «Флэндерс холл» была основана и субсидировалась главным агентом немецких фашистов в США Георгом Сильвестром Фиреком. — Он же оказался и автором речи сенатора Ландина. В основном эта речь представляла собой компиляцию из материалов, которые Фирек получал из германского посольства в Вашингтоне.

С фирмой «Флэндерс холл» были тесно связаны и два других американских политических деятеля: член палаты

---

¹ После вступления США в войну «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» продолжала вести пропаганду, очень напомилавшую пропаганду стран фашистской «оси»: выступала с ожесточенными нападками на правительство Рузвельта, заявляла, что правительственные органы США наводнены «красными», и поносила военных союзников США. Министерства пропаганды стран «оси» немедленно подхватывали и повторяли эти обвинения. В своем докладе о коротковолновом радиовещании стран «оси» на Америку Федеральная комиссия по электросвязи указывала: «Член конгресса Дайс получил больше лестных отзывов в радиопропаганде держав «оси» на Америку, чем всякий другой из ныне здравствующих государственных деятелей США. Цитируя высказывания Дайса, фашистское радио никогда их не критикует».

представителей от штата Иллинойс Стефен А. Дэй и бывший сенатор от штата Западная Вирджиния Раш Э. Холт.

Летом 1941 г. Дэй передал председателю правления «Флэндерс холл» Зигфриду Гауку рукопись, содержащую яростные нападки на внутреннюю и внешнюю политику правительства Рузвельта. Фирек несколько отредактировал рукопись, после чего она была издана отдельной книгой под названием «Мы должны спасти республику».

Бывший сенатор Холт несколько раз встречался с Гауком и Фиреком у себя дома в Вашингтоне, а затем представил фирме «Флэндерс холл» рукопись, озаглавленную «Кто разжигает войну?». Книжке Холта не суждено было увидеть свет, но рукопись проделала интересное путешествие. Фирек отправил ее по почте германскому послу в Португалии, а тот должен был послать ее на ознакомление в Берлин. Но рукопись туда не попала. На Бермудских островах ее перехватила английская цензура.

Фирек, которого помощник министра юстиции США впоследствии назвал «мозгом» немецко-фашистского аппарата пропаганды в Америке, в 1940 и 1941 гг. развивал кипучую деятельность в самой столице США. По мере того, как гитлеровские полчища оккупировали всю Европу, а затем ринулись на Восток, в Россию, державы фашистской «оси», разрабатывавшие планы открытого военного нападения на Америку, стали придавать все большее значение задаче срыва ленд-лиза и законодательных мероприятий, направленных на упрочение обороны США. Для этих целей Фирек создал в Вашингтоне специальный аппарат пропаганды.

Штаб этого аппарата помещался в здании палаты представителей, в комнате № 1424, которая была закреплена за членом палаты Гамильтоном Фишем, ярким сторонником изоляционизма и политики «умиротворения»¹.

Личный секретарь Фиша, Джордж Хилл, был одним из главных помощников Фирека. Познакомившись с ним

---

¹ Осенью 1939 г. Фиш посетил фашистскую Германию. Непосредственно перед началом войны он вел там переговоры с министром иностранных дел нацистской Германии Иоахимом фон Риббентропом, итальянским министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано и другими руководителями держав «оси». На спе-

через Фиша, Хилл стал затем, по словам специального помощника министра юстиции США Уильяма Малони, «важной шестерней пропагандистского аппарата, который действовал с такой дьявольской ловкостью, что проник даже в наш конгресс и использовал его трибуну для распространения лжи и полуправды, с тем чтобы расколоть и поработить нашу страну так же, как это сделали нацисты с Францией и другими завоеванными странами».

Другим подручным Фирека в Вашингтоне был журналист изоляционистского толка Прескотт Деннетт. Действуя через Деннетта как подставное лицо, Фирек создал в Вашингтоне специальный «комитет» по пропаганде, который добивался, чтобы изоляционистская пропаганда попадала в официальные «Протоколы конгресса», а потом, в виде выдержек из этих «Протоколов», рассылалась почтой по всей стране в массовых количествах и бесплатно как материалы конгресса. Председателем этого комитета пропаганды был сенатор Эрнест Ландин, почетным председателем — председатель сенатской комиссии по военным делам сенатор Роберт Р. Рейнолдс из Северной Каролины; вице-председателем — член палаты представителей от штата Огайо Мартин Л. Суини, а секретарем-казначеем — Прескотт Деннетт.

Для рассылки своих материалов комитет Фирека — Деннетта использовал права ряда членов конгресса на бесплатную пересылку почтовой корреспонденции, причем одни из них об этом знали, а другие даже и не знали. Речь идет о следующих лицах:

Сенаторы: Д. Уорт Кларк, Раш Д. Холт, Э. С. Джонсон, Джералд П. Най, Роберт Р. Рейнолдс и Бартон К. Уидер.

Члены палаты представителей: Филип Беннет, Стефен Дэй, Генри Дворжак, Гамильтон Фиш, Клэр Э. Гофман, Бартел Джонкмэн, Гарольд Натсон, Джемс С. Оливер, Дьюи Шорт, Уильям Стэттон, Мартин Л. Суини, Джекоб Торкелсон, Джордж Холден Тинкхэм и Джон М. Ворис.

циальном самолете, предоставленном в его распоряжение германскими властями, Фиш облетел всю Европу, уговаривая малые страны принять германские требования. В Берлине Фиш заявил американским корреспондентам, что «притязания Германии спрavedливы».

Главной же организацией, которую использовал Фирек для распространения своей изоляционистской и профашистской пропаганды, был не его собственный аппарат, а комитет «Америка прежде всего».

Комитет «Америка прежде всего» появился на американской политической сцене в сентябре 1940 г. Действуя вплоть до нападения на Пирл Харбор повсюду в стране, комитет через печать, радио, митинги, уличные сходки и всякими другими способами вел злобную антианглийскую и антисоветскую изоляционистскую пропаганду и яростно выступал против поставок по ленд-лизу в Англию и Россию.

Во главе комитета стоял известный изоляционист, чикагский делец, генерал Роберт Э. Вуд, который открыто заявлял, что готов отдать Гитлеру хоть всю Европу, а если будет нужно, то и всю Южную Америку к югу от Натала. В числе других руководителей комитета «Америка прежде всего» вначале были: Генри Форд, который, по слухам, еще в 1923 г. активно выступал в защиту гитлеровцев, а в августе 1938 г. получил от Гитлера орден; издатель крайне изоляционистской газеты «Чикаго трибюн» полковник Роберт Р. Маккормик; Чарльз Э. Линдберг, который обвинял в возникновении военной угрозы для Америки «англичан, евреев и правительство Рузвельта», выступал за сотрудничество США с нацистской Германией против России и в октябре 1938 г. получил от Гитлера медаль; сенаторы Бартон К. Уилер, Джералд П. Най и Роберт Райс Рейнольдс; члены палаты представителей Гамильтон Фиш, Клэр Э. Гофман и Стефен Дэй. Немецко-фашистский агент Фирек использовал для своих пропагандистских целей права всех этих людей на бесплатную пересылку корреспонденции.

С самого начала организацию «Америка прежде всего» заполнили сверху донизу германские и японские агенты и крупнейшие американские проповедники антисемитизма, фашистские пропагандисты и главари «пятой колонны». Одной из виднейших деятельниц комитета была великосветская особа, бывшая летчица Лора Инголлс, осужденная впоследствии за уклонение от регистрации в качестве платного агента гитлеровской Германии. Одним из закулисных стратегов и финансовой опорой нью-йоркского отделения комитета «Америка прежде всего» являлся Вернер К. фон Клемм, попавший потом в тюрьму

за то, что, действуя по сговору с германским военным командованием, занимался контрабандным ввозом в США бриллиантов. Одним из основателей отделения комитета в г. Акрон (штат Огайо) был Фрэнк Б. Бэрч, впоследствии осужденный за то, что он получил от правительства гитлеровской Германии 10 тыс. долларов на ведение нелегальной пропаганды в Соединенных Штатах. Американский журналист Ральф Таунсенд, приговоренный впоследствии к тюремному заключению за уклонение от регистрации в качестве платного агента Японии, возглавлял отделение комитета на западном побережье США и входил в состав редакционной коллегии двух главных пропагандистских органов, издававшихся комитетом «Америка прежде всего», «Скрайбнерс комментэйтор» и «Геральд». Оба эти издания регулярно печатали материалы фашистской пропаганды, получавшиеся по коротковолновому радиовещанию из Берлина, Рима и Токио.

Значительную часть пропагандистских материалов, распространявшихся по всей Америке комитетом «Америка прежде всего», тайком готовил немецко-фашистский агент Георг Сильвестр Фирек...

22 января 1941 г. министерство пропаганды Геббельса в своей радиопередаче на Америку заявило: «Комитет «Америка прежде всего» — истинно американская и подлинно патриотическая организация!»

Некоторые видные американцы были связаны с комитетом «Америка прежде всего» и даже входили в его руководящие органы, однако это не оглашалось, и они никогда не выступали с речами на массовых митингах, устраивавшихся комитетом. К этой категории принадлежал, например, богатый американец Уильям Р. Кэсл, занимавший при Гувере пост заместителя государственного секретаря. Несколько совещаний, на которых разрабатывались первоначальные планы деятельности комитета, происходило в роскошном особняке Кэсла в Вашингтоне. Кэсл поддерживал тесную связь с такими видными изоляционистами и проповедниками политики «умиротворения», как сенатор Бартон К. Уилер, генерал Роберт Э. Вуд, Чарльз Линдберг и бывший президент Герберт Гувер.

Комитет «Америка прежде всего» чрезвычайно охотно перепечатывал и распространял по всей Америке выступления Гувера, в которых тот резко нападал на

внешнюю политику правительства Рузвельта и осуждал ленд-лиз.

В начале 1941 г. Гарри Гопкинс отправил президенту Рузвельту из Лондона секретную телеграмму, в которой говорилось:

«Вчера вечером виделся с Уэнделом Уилки. Он сказал мне, что ожидает яростного сопротивления ленд-лизу, которое ни в коем случае нельзя недооценивать. Кампанию против законопроекта возглавят, по его мнению, чикагские промышленные круги, которые бросят на это громадные средства. Возможно, он уже говорил вам, что закулисным лидером этой оппозиции он считает Герберта Гувера».

К числу старых соратников Гувера, втихомолку сотрудничавших с комитетом «Америка прежде всего», принадлежал и адвокат с Уолл-стрита Джон Фостер Даллес. Ярый проповедник политики «умиротворения», Даллес в марте 1939 г. выступил в Экономическом клубе с речью, в которой отзывался о немцах, итальянцах и японцах, как об «энергичных народах... твердо решивших самостоятельно управлять своей судьбой».

«Нет никаких оснований опасаться,— говорил он,— что тоталитарные государства поодиночке или все вместе попытаются напасть на Соединенные Штаты. Только истерики могут считать, что Германия, Италия или Япония замышляют против нас войну...»

Все документы, необходимые для регистрации нью-йоркского отделения комитета «Америка прежде всего», были оформлены в юридической конторе Даллеса «Салливэн энд Кромвель», а в делах комитета «Америка прежде всего» Джон Фостер Даллес и его супруга значатся в списках крупных жертвователей.

В 1943 г., когда журналисты расспрашивали Даллеса о его прежних связях с комитетом «Америка прежде всего», он, говорят, возмущенно ответил: «Люди, знающие меня, знающие, что я делал и чего добивался на протяжении 37 с лишним лет своей деятельности, не имеют ни малейших оснований считать, что я мог когда-нибудь быть на словах или на деле изоляционистом или сторонником комитета «Америка прежде всего».

В одном отношении Даллес был совершенно прав, заявляя, что он не изоляционист. В период между двумя мировыми войнами мало кто из американцев так основа-

тельно и систематически занимался международными финансово-политическими комбинациями, как Даллес. «Империализм и картели,— заявил сенатор Клод Пеппер,— это единственная область экономической теории, с которой Даллес знаком».

В 1919 г., будучи главным американским советником репарационного и финансового комитетов Парижской мирной конференции и членом Верховного экономического совета, Даллес участвовал в разработке политической линии, которая в послевоенный период привела к катастрофе. В 20-х годах в качестве представителя адвокатской фирмы «Салливэн энд Кромвель» он участвовал в составлении планов Дауэса и Юнга, в предоставлении американских субсидий реакционным европейским правительствам и в заключении картельных соглашений между крупными промышленными трестами Германии и США.

Когда Даллес стал главой фирмы «Салливэн энд Кромвель», которая является одной из богатейших в мире адвокатских фирм (ее члены входят в правления более 40 промышленных компаний, коммунальных трестов и банков), клиентами этой фирмы стали такие компании, как «Дж. Х. Шредер бэнкинг корпорейшн», дочернее предприятие Лондонского банка Шредера, который, как писал в 1939 г. журнал «Тайм», служил «экономической опорой оси Берлин — Рим»; банк Испании после захвата власти фашистским генералом Франко, а также граф Рене де Шамбрэн, зять французского предателя Пьера Лавалья.

«Быть может, это простое совпадение обстоятельств,— писал в октябре 1947 г. бюллетень протестантской федерации социальной помощи «Сошиал квесченс»,— что данная фирма [«Салливэн энд Кромвель»] состояла в теснейших отношениях с банком Шредера, концерном «И. Г. Фарбен», знаменитой германской адвокатской фирмой «Альберт унд Вестрик» и др. и что Даллес является одним из директоров «Интернэйшнл никел компани» в Канаде,— компании, которой правительство США в 1946 г. предъявило иск за то, что она вступила в картельное соглашение с «И. Г. Фарбен» об установлении единых цен и незаконно помогала перевооружению Германии...»

10 октября 1944 г. сенатор Пеппер заявил:

«Об одной связи г-на Даллеса, я думаю, американский народ особенно вправе знать: это его связь с теми банковскими кругами, которые спасли Гитлера от финансового банкротства и поставили его нацистскую партию на ноги... Это, по-моему, является одной из главных проблем, которые сенат должен расследовать раньше, чем поручить ведение мирных переговоров человеку, имевшему такие связи».

После второй мировой войны Даллес, в качестве делегата США на конференции в Сан-Франциско, советника государственного секретаря Бирнса и делегата США на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, стал одним из главных творцов внешней политики США.

6 апреля 1950 г. президент Трумэн назначил его главным советником и консультантом государственного секретаря Дина Ачесона.

Глава XII

ГОДЫ ВОЙНЫ

Мы, Объединенные нации, напрягаем такие усилия и приносим столько жертв не для того, чтобы вернуться к положению, которое существовало после прошлой мировой войны.

Сейчас мы ведем войну за мир, безопасность и прогресс не только для нас самих, но для всего человечества, не только для нашего поколения, но и для всех будущих поколений. Мы боремся для того, чтобы очистить мир от старых бед, от старых болезней.

Из выступления по радио президента Франклина Рузвельта 12 октября 1942 г.

1. Золотой Интернационал

Ранней весной 1940 г. в США прибыл с чрезвычайно важным заданием германский эмиссар Герхардт Вестрик. Официально он был торговым атташе германского посольства в Вашингтоне. Неофициально же он прибыл в Америку как личный представитель министра иностранных дел гитлеровской Германии Иоахима фон Риббентропа. Тайная миссия Вестрика заключалась в том, чтобы договориться с некоторыми крупнейшими американскими промышленниками и банкирами о заключении ряда тайных торговых соглашений.

Для таких переговоров Вестрик был самым подходящим человеком. Уже несколько лет его хорошо знали в международных финансовых кругах. Совладелец процветающей германской адвокатской фирмы «Альберт унд Вестрик», в числе клиентов которой был гигантский химический концерн «И. Г. Фарбениндустри», Вестрик состоял юрисконсультom германских филиалов «Ундервуд-Эллиот-Фишер компани», «Истмэн Кодак компани» и других крупных американских фирм. Кроме того, он возглавлял компанию «Стандард электрицитетс гезельшафт», которая представляла собой герман-

ский филиал «Интернэйшнл телефон энд телеграф компани»¹.

Хотя Вестрик и был аккредитован при государственном департаменте как дипломатический работник, состоящий при германском посольстве, он проводил в Вашингтоне очень мало времени. Он обосновался в роскошном номере гостиницы «Уолдорф Астория» в Нью-Йорке, а свою секретную корреспонденцию стал получать на адрес другого нью-йоркского отеля, где он зарегистрировался под вымышленным именем; кроме того, он снял уединенную загородную виллу в Скарсдейле, округ Уэстчестер, где занимался особо важными делами, связанными с его миссией.

Скоро на этой вилле стали появляться роскошные лимузины, которыми управляли шоферы в расшитых золотом ливреях. В числе первых знатных гостей Вестрика были председатель правления одного из крупнейших в Америке нефтяных концернов, «Тексас компани»,

---

¹ Интересно сопоставить миссию Вестрика в США во время второй мировой войны с ролью, которую его компаньон Гейнрих Альберт играл в Америке в первую мировую войну.

До вступления Америки в войну 1914—1918 гг. Альберт был германским торговым атташе в Вашингтоне. В то же время он был и тайным казначеем, снабжавшим деньгами всю германскую шпионско-диверсантскую сеть в США.

В 1919 г., после расследования сенатом шпионско-диверсионной деятельности немцев в Соединенных Штатах во время войны, сенатор Кнут Нельсон назвал Альберта «настоящим Макиавелли... Никто в истории, вероятно, не обладал такими изысканными манерами, как этот пират и душегуб».

Финансировавшаяся Альбертом диверсантская организация выполняла такие задачи, как потопление американских судов, заражение американского скота разными болезнями, поджоги американских военных заводов и верфей и разжигание в стране враждебного отношения к союзникам. Через руки Альберта прошло не менее 40 млн. долларов, ассигнованных на финансирование саботажа, диверсий и заговорщической деятельности в Соединенных Штатах. В 1917 г. Альберт был вынужден, наконец, вернуться из Америки в Германию.

В 20-х и 30-х годах, будучи сотрудником германского генерального штаба и представителем фирмы «И. Г. Фарбениндустри», Альберт помогал готовить кадры немецких «коммерческих агентов» для шпионажа в Соединенных Штатах. Сам он оставался все это время в Германии, руководя вместе с Герхардтом Вестриком делами адвокатской фирмы «Альберт унд Вестрик».

В феврале 1945 г. Альберт занимал, между прочим, и пост директора «Форд мотор компани» в Кельне, Германия.

капитан Торкилд Рибер и президент «Ундервуд-Эллиот-Фишер компани» Филип Д. Уогонер.

Всякий раз, когда Вестрику нужно было выехать в Нью-Йорк или из Нью-Йорка, в его распоряжение предоставлялась машина, принадлежавшая капитану Торкилду Риберу. Получая номер для этой машины, Вестрик указывал адрес «Тексас компани» как свой служебный адрес...

1 августа 1940 г. на первой полосе газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась сенсационная статья под шапкой: «Гитлеровский агент укрылся в Уэстчестере. Уединенная вилла в Скарсдейле оказалась штаб-квартирой Вестрика». В этой и двух последующих статьях газета приподняла завесу тайны над некоторыми неофициальными занятиями германского торгового атташе Вестрика в Соединенных Штатах¹.

«Нью-Йорк геральд трибюн» писала по этому поводу в передовой:

«Желательно, конечно, выяснить, что делали люди, которые были с ним [Вестриком] связаны; но еще желательнее призвать к ответу всех тех, кто имел с ним дело, и потребовать у них отчета и объяснения... Опасность, которую представляют для демократии потенциальные Петэны, лавали и бодуэны, особенно велика потому, что эти люди вначале носят маску, притворяясь сторонниками большинства, а потом, в критический момент, вдруг совершают предательство, которое может парализовать волю всей нации как раз в то время, когда ее нужно напрячь до предела».

Спешно возвращаясь в нацистскую Германию после этого разоблачения, Вестрик мог, по крайней мере, утешаться сознанием того, что один из его высокопоставленных американских друзей открыто выступил в его защиту.

«Я не верю, чтобы он мог делать что-нибудь плохое,— заявил репортеру «Нью-Йорк геральд трибюн» Джон Фостер Даллес. — Я знаю его очень давно я всегда питал глубокое уважение к его честности».

---

¹ Первые сообщения, разоблачившие деятельность Герхардта Вестрика в Соединенных Штатах, появились 6 и 20 апреля 1940 г. в бюллетене «Аур», редактором которого был в то время автор этих строк.

Спустя несколько лет, в конце второй мировой войны, американские оккупационные власти в Германии допросили Вестрика, и он рассказал о некоторых фактах,, связанных с его поездкой в 1940 г. в Соединенные Штаты:

«Из связей, которые я завязал с американскими деловыми кругами, наибольшее значение представляла для нас связь с «Интернэйшнл телефон энд телеграф компани», президентом которой был полковник Сосенс Бен. Бен состоял также директором «Стандард электрицитетс гезельшафт» — филиала «Интернэйшнл телефон энд телеграф компани»...

В Соединенных Штатах я встречался и вел переговоры также с Торкилдом Рибером из «Тексас компани», Эберхардом Фабером из «Фабер компани», Джемсом Муни из «Дженерал моторс», Эдселем и Генри Фордом...

После моего визита к Муни он однажды явился ко мне с ответным визитом в «Уолдорф Асторию» и по собственной инициативе сообщил мне, что он и некоторые другие лица намерены встретиться с президентом США и постараться убедить его в том, что он должен настоять на сохранении нормальных политических отношений между Соединенными Штатами и Германией. Это происходило вскоре после того, как Германия оккупировала Францию, Бельгию и Норвегию».

В критический период 1939—1941 гг., когда Гитлер открыто поставил себе целью завоевать мировое господство, в Соединенных Штатах было немало крупных бизнесменов, жаждавших, подобно американским друзьям и компаньонам Вестрика, сохранения «нормальных политических отношений» с нацистской Германией. Их точку зрения выразил председатель правления «Дженерал моторс» Альфред П. Слоан весной 1939 г. в письме к одному из акционеров этой компании. Слоан, между прочим, писал:

«Дженерал моторс» — международная организация. Она действует почти во всех странах земного шара... Много лет тому назад — до установления в Германии нынешнего режима — компания «Дженерал моторс» вложила значительные средства в германское акционерное общество «Адам Опель». Это

вложение оказалось чрезвычайно прибыльным, и если не произойдет никаких политических случайностей, то я думаю, что это предприятие с точки зрения своего дальнейшего развития и прибыльности сулит нам, во всяком случае, не меньше, если не больше возможностей, чем многие другие капиталовложения, сделанные компаниями. Оно поставляет около половины всех автомобилей, продаваемых в Германии, точнее говоря, несколько менее половины. Его обслуживают немецкие рабочие, и оно работает на германском сырье...

Достигнув постепенно, упорным трудом, а также, я думаю, и благодаря умелому руководству, такого положения, при котором около 50% продукции одной из важнейших отраслей германской промышленности оказалось в наших руках, мы, я считаю, должны держать себя, как германская организация с германским капиталом...¹

«К началу нынешней войны, — заявил сенатской комиссии Килгора в сентябре 1944 г. помощник начальника отдела экономической войны министерства юстиции США Симс Картер, — большинство крупнейших промышленных, коммерческих и банковских фирм Германии было связано с американским капиталом. Даже после начала военных действий видные представители германских промышленных и финансовых кругов продолжали совершать деловые поездки в Соединенные Штаты и другие страны Западного полушария».

Однако большинство негласных сделок, состоявшихся во время войны между американскими и германскими капиталистами, заключалось не в Западном полушарии. Самым удобным местом для секретных переговоров оказался Банк международных расчетов в Базеле (Швейцария).

19 мая 1943 г. газета «Нью-Йорк таймс» в статье о Базельском банке вынуждена была признать:

«В свете подготовки союзников к вторжению на европейский континент то, что происходит в Банке

¹ Такая крупная автомобилестроительная фирма, как «Адам Опель», имела для германского правительства не меньшее значение, чем для компании «Дженерал моторе». Опель производил большую часть транспортных средств и боевых машин гитлеровских вооруженных сил.

международных расчетов в Базеле (Швейцария), выглядит нелепее, чем когда-либо с начала войны в сентябре 1939 г. В этом уединенном швейцарском городе американские, германские, французские и итальянские банкиры, не говоря уже о представителях Швеции, Швейцарии и Голландии, продолжают как ни в чем не бывало работать рука об руку, устраивать совместные деловые совещания и т. д...

Не означает ли это, что в нынешнем мире, безнадежно расколотом на враждебные лагеря, все воюющие стороны молча согласились оставить укромный уголок для того, что некогда называлось международными финансами, причем этот уголок при желании можно использовать и для проведения политики умиротворения?»

В состав директоров Банка международных расчетов входили три директора Английского банка, три нацистских финансовых туза: барон К. Ф. Шредер из Кельна, президент Рейхсбанка Вальтер Функ и президент компании «И. Г. Фарбениндустри» Герман Шмитц, и от Америки банкир Томас Г. Маккитрик, который был директором «Ферст нэйшнл бэнк оф Нью-Йорк», а также президентом и главным директором Банка международных расчетов.

23 ноября 1943 г. специальный консультант министерства финансов США Гарри Уайт так отозвался о Банке международных расчетов:

«Его контролируют немцы. Американец — президент банка ведет дела с немцами, а в это время наши солдаты дерутся с немцами на полях сражений».

Летом 1944 г. американский банкир Маккитрик сообщил корреспонденту Юнайтед Пресс в Швейцарии:

«Мы не даем машине остановиться... Ведь, когда наступит перемирие, бывшим вражеским державам может очень понадобиться такое мощное орудие, как Банк международных расчетов».

Среди видных персон, прилагавших усилия к тому, чтобы «не дать базельской машине остановиться», были прежний личный представитель фон Риббентропа в Соединенных Штатах Герхардт Вестрик, часто навещавшийся во время войны в Банк международных расчетов, и старый приятель Вестрика Аллен Даллес —

брат Джона Фостера Даллеса, участника адвокатской фирмы «Салливан энд Кромвель» и директора «Шредер бэнкинг компани». В 1942 г. Аллен Даллес был поставлен во главе швейцарского отделения Управления стратегических служб США и оставался в Швейцарии до осени 1944 г...

3 июня 1942 г., выступая в Ассоциации адвокатов штата Иллинойс, помощник министра юстиции США Тэрмонд Арнольд упомянул о международных картельных соглашениях, которые даже и тогда связывали крупных американских промышленников с их германскими коллегами:

«Небольшая группа американских дельцов, входящая в эти международные картели... все еще смотрит на войну, как «а временный разрыв обычных деловых связей с сильной Германией. Они рассчитывают возобновить эти отношения, как только война окончится.

Характерно, что руководители картелей исходят во всем из предположения, что война закончится вничью и что поэтому они должны сохранить сильные позиции, чтобы после войны иметь возможность договориться со своими сильными конкурентами в Германии. В своих речах они этого открыто не говорят, но все документы и доклады, которые мы находим в их делах, доказывают именно это».

На Протяжении всей войны большинство крупнейших американских промышленных компаний продолжало сотрудничать с германскими трестами в порядке картельных соглашений или было обязано возобновить деловые отношения со своими германскими партнерами немедленно после прекращения военных действий. В мае 1942 г. министерство юстиции США только за одну неделю выявило не более не менее как 162 картельных соглашения между германским концерном «И Г. Фарбениндустри» и различными американскими предприятиями. Картели, деятельность которых в годы войны продолжалась или же была «приостановлена» лишь временно, охватывали производство химикалий, каучука, магния, цинка, алюминия и многих других важнейших видов сырья. Некоторые из картельных соглашений должны были оставаться в силе по 1960 г. включительно.

По меньшей мере одна крупная американская компа-

ния, «Стандард ойл оф Нью-Джерси», открыто отказалась прекратить после войны свои картельные отношения с германскими фирмами. 4 июня 1943 г. председатель сенатской комиссии по патентам Гомер Т. Боун сообщил сенатской комиссии по военным делам следующее:

«Некоторые акционеры компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» потребовали, чтобы правление порвало после войны всякую связь с концерном «И. Г. Фарбениндустри», но получили отказ. Один официальный представитель правления заявил, что это требование «оскорбительно». Судя по очевидным признакам, после неприятности, причиненной им войной, обе фирмы намерены снова протянуть друг другу руки и возобновить свои прекрасные и сердечные отношения с картелем».

Но картельные, патентные и другие подобные соглашения грозили опасными последствиями для США отнюдь не только после войны. Дрю Пирсон однажды писал:

«Монопольное соглашение между «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси» помешало развитию в США промышленности синтетического каучука, в результате чего страна четыре года испытывала недостаток шин. Монопольное соглашение между «И. Г. Фарбениндустри» и «Алюминум корпорейшн оф Америка» лишило американскую авиационную промышленность магния и замедлило выпуск самолетов. Тайное соглашение, заключенное фирмой «Бауш энд Ломб» с Карлом Цейсом, нанесло громадный ущерб снабжению американских подводных лодок прицелами...»¹

---

¹ Комиссия сенатора Килгора назвала десятки американских фирм, связанных картельными соглашениями с германскими трестами, в том числе «Агфа Энско корпорейшн», «Алюминум компани оф Америка», «Америкэн сайанамид компани», «Белл энд Хауэлл компани», «Кэрбайд энд карбон кемикал корпорейшн», «Нэйшнл энилайн энд кемикал компани», «Доу кемикал компани», «Истмэн Кодак компани», «Дженерал моторс рисерч корпорейшн», «Гуддир тайр энд раббер компани», «Проктор энд Гэмбл», нефтяные тресты, входящие в объединение «Стандард ойл».

Руководители крупной германской электромашиностроительной фирмы «Сименс-Гальске» 25 октября 1939 г. писали американской фирме «Бендикс авиэйшн компани»: «На основе соглашения в географическую сферу Вашей деятельности входят Соединенные Штаты с принадлежащими им территориями и Канада. Между Канадой и нашей страной сейчас существует состояние войны. Невзи-

Некоторые виднейшие представители американских промышленных и финансовых кругов проводили в годы войны политику поддержания нормальных деловых связей с Германией и кое-какими другими путями.

2. «Сколько стоит патриотизм?»

В середине сентября 1942 г.—в критический момент, когда шестая германская армия, численностью около 330 тыс. человек, ринулась в яростную атаку ил Сталинград, а американский флот и морская пехота в ожесточенных боях удерживали тихоокеанский остров Гвадалканал, «редакционная комиссия» Национальной ассоциации промышленников собралась на секретное заседание в нью-йоркском отеле «Пенсильвания». На повестке дня заседания стояла разработка проекта программы ассоциации на 1943 г., который нужно было представить на утверждение съезда НАП, намеченного на декабрь.

Наиболее патриотически настроенные члены комиссии требовали, чтобы программа НАП сосредоточивалась на одном, основном, вопросе: как выиграть войну. Президент «Рипаблик флоу митерс компани» Джемс Д. Каннингхэм указал, что «если мы не выиграем войну, то для нас не будет и послевоенного периода».

рая на войну, мы, разумеется, будем в меру возможности придерживаться принципов нашего соглашения». Директоры «Сименс-Гальске» просили далее компанию «Бендикс» «не поставлять никаких инструментов, изготовленных по нашим патентам, если будет известно, что они предназначаются нашим противникам».

На это представитель «Бендикс» отвечал: «Что касается чертежей, которые Вы прислали, то можете быть спокойны. Что касается производства... то мы примем все зависящие от нас меры к тому, чтобы оно ограничивалось потребностями внутреннего рынка».

Компания «Сименс-Гальске» имела картельные и патентные соглашения и с целым рядом других американских концернов, в том числе с «Вестингауз мэнюфэктюринг компани».

Как выяснилось после войны, фирма «Сименс-Гальске» проектировала и изготовляла оборудование газовых камер для Освенцима и других немецко-фашистских «лагерей смерти»; ей же принадлежала монополия на производство электрооборудования для газовых камер. В частности, фирма запатентовала систему регулирования притока газа, оказавшуюся настолько эффективной, что в Освенциме с ее помощью убивалось до 10 тыс. человек в сутки.

Гигантский химический концерн «И. Г. Фарбениндустри» имел больше картельных соглашений с американскими фирмами, чем лю-

Ему ответил председатель правления «Дюпон де Немур энд К⁰» Ламмот Дюпон. Члены комиссии слушали его: в благоговейном молчании.

«С правительством и со всякими крикунами нам нужно вести себя так, как мы ведем себя с покупателями дефицитных товаров,— сказал Дюпон.— Если покупателю что-нибудь нужно, он вынужден платить столько, сколько мы требуем. С 1929 по 1942 г. цены диктовал покупатель, а мы вынуждены были с ним соглашаться. Когда война кончится, цены снова будет диктовать покупатель. Но сейчас цены диктуем мы. Им **НУЖНЫ** наши товары. Прекрасно! Пусть платят сполна! Наши цены умеренны и справедливы. А если цена им не нравится, что ж, пусть не покупают».

Дюпон задал своей внимательной аудитории вопрос: «Существуют ли средства, с помощью которых можно выиграть и войну, и мир? Если существуют, то в 1943 г. нам нужно добиться и того, и другого. Что же для этого нужно?» Отвечая на свой собственный вопрос, он продолжал:

«Мы выиграем войну, если (а) добьемся сокращения налогового обложения компаний, т. е. высоких доходов, и увеличения обложения средних и низких доходов; (б) лишим профсоюзы возможности учить «ас, как выпускать продукцию, как обращаться с рабочими и т. д.; (в) ликвидируем все правительст—

бое другое монополистическое объединение. В числе этих американских фирм были «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Дюпон де Немур» и «Этил газолин корпорейшн», половина акций которых принадлежала компании «Дженерал моторс».

Концерн «И. Г. Фарбениндустри» оказывал наибольшую финансовую поддержку Гитлеру и больше всех в Германии наживался на войне, которую вели гитлеровцы. Кроме того, на нюрнбергском процессе германских военных преступников было установлено, что на предприятиях этого концерна во время войны проводились разнообразные «опыты» применения химических веществ и наркотиков, причем роль подопытных морских свинок играли пленники концлагерей. В одном случае «И. Г. Фарбениндустри» купило в Освенциме 150 женщин примерно по 70 долларов за каждую «для испытания нового снотворного средства».

После этого «И. Г. Фарбениндустри» сообщал: «150 заказанных женщин получили. Несмотря на их крайнее истощение, они удовлетворяли нашим требованиям... Испытания были проведены. Все объекты умерли. В ближайшее время начнем с Вами переговоры относительно новой партии».

венные органы, мешающие свободному развитию частного предпринимательства».

Большинство членов комиссии полностью согласилось с Ламмотом Дюпоном. Согласились с ним и некоторые другие представители крупного капитала.

Летом 1940 г., когда США приступили к выполнению своей программы подготовки к обороне, многие крупнейшие американские промышленники наотрез отказались производить вооружение, если правительство не примет продиктованных ими условий. Вначале правительство не пошло на эти условия, включавшие гарантию колоссальных сверхприбылей, специальные налоговые льготы и другие уступки; тогда промышленники устроили так называемую «итальянскую забастовку» американского капитала.

«В широкой «итальянской забастовке» американского капитала в 1940 г., которая задержала размещение заказов на военные материалы и начало их выполнения с мая до начала октября, — писал И. Ф. Стоун в своей книге «Бизнес, как обычно», — в авангарде промышленников, добивавшихся особых налоговых льгот по оборонным заказам, выступали владельцы авиационных заводов».

Временная национальная экономическая комиссия, изучавшая вопрос о концентрации: экономической мощи в Соединенных Штатах, следующим образом характеризовала трудности, с которыми встретилось правительство Рузвельта, стремясь наладить производство военных материалов:

«Нужно прямо сказать, что, когда во время войны или в иной критической обстановке правительству и общественным кругам приходится иметь дело с крупным капиталом, создается невозможное положение. Капиталисты отказываются делать что-либо иначе, как на условиях, которые они же сами диктуют. Они держат в своих руках природные ресурсы страны, ликвидные капиталы, командные позиции во всей экономике страны, техническое оборудование промышленности и производственный опыт. Уроки [первой] мировой войны — а они теперь, видимо, повторяются — говорят, что капита-

листы согласятся пустить все это в ход только за «соответствующую плату». А по существу это шантаж...»

Далее в докладе говорилось:

«Предъявляя условия, на которых они согласны выполнять заказы, капиталисты, повидимому, не колеблются даже угрожать основам существующего строя. При таких условиях возникает вопрос: сколько же стоит их патриотизм?»

Нападение японцев на Пирл Харбор, означавшее, что американский народ вступил в борьбу не на жизнь, а на смерть за свое существование, мало повлияло на отношение многих представителей американского крупного капитала к войне. Им нужна была прежде всего прибыль, а не патриотические чувства.

«Ответственность за нынешнюю острую нехватку стали лежит на крупных компаниях сталеплавильной промышленности, которые стремятся сохранить свою монополию,— заявил в начале 1942 г. сенатор Гарри Трумэн, который был тогда председателем сенатской комиссии по обследованию состояния национальной обороны. — Уже после того, как США вступили в войну, компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» делала все, что могла, чтобы сохранить контроль германского правительства над одним из важнейших военных материалов... Да, это измена. Иначе назвать это нельзя».

Одной из уступок, сделанных правительством крупному капиталу ради того, чтобы обеспечить его участие в военных усилиях США, была почти полная передача в его руки всех правительственных органов, регулировавших военное производство.

Когда известный американский журналист Уильям Аллен Уайт летом 1943 г. приезжал в Вашингтон, его крайне встревожила власть крупного капитала над всеми этими органами. «В Вашингтоне шагу нельзя ступить, чтобы не убедиться в том, что мы ведем две войны — за границей и у себя в стране», — отмечал он в своей «Эмпория газетт». А дальше он писал:

«Внутренняя война идет в различных военно-промышленных учреждениях. Каждая важная отрасль промышленности у нас организована в масштабе всей страны, и многие из них, пожалуй, даже большинство, входят, помимо того, в состав крупных

международных объединений, картелей, которые обслуживают, без различия, обе воюющие стороны.

Можно только удивляться тому, что в различных военно-промышленных органах засели представители крупнейших монополистических объединений, трестов и картелей. Глупо было бы думать, что деятельностью этих учреждений руководят сторонники «нового курса». В них диктуют свою волю прежде всего невидимые хозяева крупных промышленных объединений, люди, которые либо непосредственно, либо через своих служащих держат в подчинении небольшую, но тесно сплоченную кучку лиц, осуществляющих руководство предприятиями этих трестов и монополий».

Эти промышленные магнаты, или «хозяева над хозяевами», были, как писал Уильям Аллен Уайт, твердо намерены любой ценой «выиграть эту войну в пользу своих акционеров».

Мы приведем имена некоторых из этих «хозяев над хозяевами» с указанием постов, которые они занимали в военно-промышленных органах США:

Президент компании «Дженерал моторс» Уильям С.Надсен — председатель Совета по делам военного производства¹.

Председатель правления треста «Юнайтед Стейтс стил» Эдуард Дж. Стеттиниус младший — председатель Совета по военно-стратегическим ресурсам.

Президент банковской фирмы «Диллон, Рид энд компани» Джеймс В. Форрестол — заместитель морского министра, а впоследствии морской министр.

Вице-президент «Америкэн телефон энд телеграф компани» Уильям Х. Гаррисон — директор производства в Бюро по управлению производством.

---

¹ О политической ориентации некоторых руководителей концерна «Дженерал моторс» можно судить по тому, что тот же Уильям С. Надсен в 1933 г. заявил, что гитлеровская Германия является, по его мнению, «чудом XX столетия», а вице-президент этой же компании Джеймс Муни в 1938 г. получил от Гитлера медаль. Во время войны Джеймс Муни осуществлял связь между «Дженерал моторе» и правительством США по делам о военных заказах. Всего компания «Дженерал моторе» получила заказов на сумму около 14 млрд. долларов, что составляло приблизительно двенадцатую часть всех военных заказов американского правительства.

Председатель правления «Дженерал электрик компани» Филип Рид — директор отдела потребительских товаров в Совете по делам военного производства.

Президент «Юнион пасифик рейлорд» Уильям М. Джефферс — директор Бюро каучуковой промышленности.

Директор «Стандард ойл компани оф Калифорния» Ральф К. Дэвис — заместитель администратора по нефти.

Директор «Англо-Калифорния нэйшнл бэнк» Сэмюэль Х. Хасбэнд — председатель комиссии оборонных заводов в составе Комитета по реконструкции финансовой системы.

Директор «Уэстерн пасифик рейлрод» Чарльз Б. Гендерсон — председатель комиссии по металлам в составе того же Комитета.

Вице-президент «Сирс, Робак энд компани» Дональд М. Нельсон — председатель Совета по делам военного производства.

Председатель правления «Стандард гэс энд электрик компани» Лео Т. Кроули — начальник Управления экономических связей с заграницей.

Президент «Дженерал электрик компани» Чарльз Е. Вильсон — заместитель председателя Совета по делам военного производства.

Председатель правления Ассоциации директоров американских предприятий Уильям Л. Батт — президент шарикоподшипниковой фирмы «СКФ индастриз» — помощник вице-председателя Совета по делам военного производства.

Президент «Дженерал миллс, инкорпорейтед» Дональд Д. Дэвис — вице-председатель Совета по делам военного производства.

Вице-президент «Кэртис-Райт корпорейшн Т. П. Райт» — бюро по контролю над ресурсами для авиационной промышленности.

Президент «Америкэн телефон энд телеграф компани» Уолтер С. Гиффорд — член Совета по военно-стратегическим ресурсам и председатель Совещательного комитета промышленников при Совете по делам военных перевозок¹.

¹ Уже в августе 1941 г. член палаты представителей Джон М. Коффи включил в протоколы конгресса список 42 президен-

Поскольку выполнением программы вооружений руководили эти лица, почти все военное производство было монополизировано небольшим числом самых мощных американских промышленных концернов. Концентрация производства в руках монополий достигла такой степени, что по статистическим данным, опубликованным впоследствии сенатской комиссией по делам средних и мелких военных предприятий, 100 ведущих промышленных компаний США получили приблизительно 70% всех военных заказов.

К лету 1945 г. промышленный потенциал страны значительно вырос за счет новых предприятий и оборудования, на которые было израсходовано 26 млрд. долларов, причем большую часть этих капиталовложений составили государственные субсидии. О том, кому принадлежали эти колоссальные новые промышленные ресурсы, можно прочесть в отчете Управления по капиталовложениям на нужды войны:

«250 крупнейших промышленных корпораций, работавших на нужды войны, эксплуатировали в военное время 79% всех вновь построенных на государственные средства заводов и фабрик, переданных в частную эксплуатацию... Эти же компании потом приобрели в собственность 70% имущества, которое правительство стало распродавать после войны как военные излишки...»

Можно вспомнить пророческое указание Временной национальной экономической комиссии, сделанное еще до вступления Америки в войну:

«Вполне возможно, что демократические страны одержат победу над агрессорами лишь для то—

тов крупных промышленных компаний, занимавших высокие посты в государственных органах, созданных для выполнения программы вооружений. В течение всей войны эти промышленные магнаты и сотни подчиненных им руководителей отдельных фирм и предприятий занимали руководящие посты во всех государственных учреждениях, занимавшихся планированием военного производства и закупкой военного имущества. После войны обследование работы Управления по делам морских перевозок во время войны показало, что 186 из 312 сотрудников этого управления получали жалование также у судоходных и судостроительных компаний, а из числа остальных многие работали в смежных областях, как, например, в морских страховых компаниях и в проектных организациях. Управление по делам морских перевозок представляло собой отнюдь не исключение, а скорее типичный случай.

го, чтобы оказаться под властью экономических групп, обладающих такой концентрированной мощью и влиянием, какими ни одна подобная группа не обладала до войны».

А 29 апреля 1938 г. президент Рузвельт в своем послании конгрессу красноречиво предупредил его об опасностях, которыми угрожала американской демократии концентрация громадной экономической мощи в руках небольшой кучки лиц:

«Печальные факты, которые мы наблюдаем за границей, вновь подтверждают две простые истины касательно свободы демократических народов.

Первая истина заключается в том, что свободу в демократической стране нельзя считать гарантированной, если народ допускает такой рост могущества отдельных лиц, что они становятся сильнее данного демократического государства. Когда власть в стране становится достоянием отдельного лица, группы лиц или какой-нибудь частной организации, это, по существу, и есть фашизм...

В нашей стране концентрация власти в руках частных лиц достигает невиданных в истории масштабов...»

Результатом второй мировой войны было небывалое ускорение этой концентрации экономической власти в руках частных лиц.

Пока наш народ помогал уничтожать фашизм в других странах, у него на родине создавалась экономическая основа фашизма, — и в этом заключалось основное и самое опасное противоречие, характеризовавшее военные усилия США.

3. Народная война

Несмотря на то, что гигантские промышленные объединения США продолжали во время войны свои коммерческие сношения с противником через посредство картелей, несмотря на то, что они все больше прибирали к своим рукам всю экономику страны, а на войну смотрели лишь как на средство извлечения грабительских сверхприбылей, американский народ никогда еще не был так сплочен и никогда не вел с такой энергией борьбу за

демократические принципы, как в исторические годы второй мировой войны.

После Пирл Харбора все людские и промышленные ресурсы страны были с молниеносной быстротой мобилизованы под руководством президента Рузвельта для подготовки к крупным военным действиям. В течение немногих месяцев миллионы американских граждан, как мужчин, так и женщин, были призваны в армию; одни из них были отправлены за море, другие проходили усиленным темпом военную подготовку в громадных учебных лагерях, созданных по всей Америке; линии подвоза, соединявшие страну с десятью фронтами, протянулись через все океаны и континенты, составляя в общей сложности более 56 тыс. миль. Названия десятков ранее никому неизвестных мест — Батаан, Мидуэй, Гвадалканал, Окинава, Анцио, Буна, Гуам, Уэйк, Тарава, Бизерта — теперь вошли в быт каждого американца; в этих местах американские солдаты и моряки наступали на суше, на море и в воздухе на войска «оси».

Зимой 1942 г. американские войска, переправившись на транспортных судах через Атлантический океан, высадились в Северной Африке. 6 июня 1944 г. союзники, начав так называемую операцию «Оверлорд», пересекли Ламанш, высадили свои войска в Нормандии и открыли долгожданный второй фронт.

На «внутреннем фронте» американцы полностью оправдывали заявление Рузвельта, назвавшего Америку арсеналом демократии. Через год после Пирл Харбора Америка уже производила столько же военных материалов, сколько все страны «оси» вместе взятые. За время войны, вплоть до разгрома Японии, Соединенные Штаты поставили по ленд-лизу своим союзникам почти на 50 млрд. долларов различных военных материалов, нефтепродуктов, продовольствия, промышленного оборудования, сырья и т. д.

Через две недели после вступления Америки в войну руководители профсоюзов, объединявших около 11 млн. американских рабочих, заявили о добровольном отказе рабочих от своего права на забастовки. Во всех отраслях промышленности были созданы объединенные коми-

теты рабочих и предпринимателей, боровшиеся за расширение производства и выступавшие арбитрами при разногласиях между рабочими и администрацией. К 1944 г. таких комитетов насчитывалось 5 тыс., в них состояло 50 тыс. членов и они представляли 8 млн. рабочих.

15 мая 1944 г., за три недели до высадки американских войск во Франции, главнокомандующий американским флотом адмирал Эрнест Т. Кинг заявил:

«Громадная помощь, которую оказал промышленный фронт наступательным операциям американских войск, навсегда останется в памяти у всех как свидетельство заслуг американского рабочего. Трудно передать, сколько он делает для того, чтобы помочь нам выиграть войну».

А верховный командующий на европейском театре военных действий генерал Дуайт Эйзенхауэр в конце войны говорил:

«Не раз, когда критическое положение требовало чрезвычайных усилий, наши профсоюзы оказывали нам патриотическую поддержку. Американские рабочие по праву делят с американскими солдатами лавры побед, одержанных нами в этой войне».

Число членов американских профсоюзов выросло с 8 944 000 чел. в 1940 г. до 14 796 000 чел. в 1945 г..

Существенное отличие второй мировой войны от войны 1914—1918 гг. состояло в том, что вторая мировая война дала толчок новому подъему демократического духа в Америке. «Во время войны, — писал впоследствии в своем докладе «Американский союз гражданских свобод», — национальное единство и введенные правительством в силу необходимые меры контроля привели, с одной стороны, к сохранению в неприкосновенном виде и даже к расширению демократических свобод, а с другой — к поразительному отсутствию таких явлений, как истерия и нетерпимость»¹.

---

¹ «Американский союз гражданских свобод» имел при этом с виду период, в течение которого Соединенные Штаты активно участвовали в войне.

На начальной же стадии войны, то есть во время так называемой «ложной войны», когда Англия и Франция еще испытывали на себе влияние политики «умиротворения», проводившейся Чемберленом и Даладье, гражданские свободы в Америке всячески урезывались, а рабочее и всякое прогрессивное движение, решитель-

Президент Рузвельт создал комиссию по обеспечению справедливого найма рабочей силы. Эта комиссия должна была проводить в жизнь приказ президента № 8802, который требовал, чтобы «при найме рабочих на предприятия оборонной промышленности и на государственные предприятия не проводилось никакой дискриминации по признакам расы, цвета кожи, национальности или вероисповедания». Коммунисты были официально признаны участниками широкой коалиции, поддерживавшей военные усилия США. 5 февраля 1944 г. генеральный адъютант армии США генерал-майор Джеймс А. Юлио разослал инструкцию, разрешавшую присвоение офицерских званий военнослужащим — членам коммунистической партии. Когда же комиссия палаты представителей по военным делам начала в связи с этой директивой расследование, а реакционная газета «Чикаго трибюн» открыла кампанию против специально избранных ею для этого 23 офицеров-коммунистов, начальник разведывательной службы американской армии генерал-майор Клейтон Биссел заявил: «Военные документы свидетельствуют о лояльности этих офицеров.

но выступавшее против вступления Америки в войну, которая тогда еще не была народной войной, подвергалось всевозможным репрессиям. В то же время комитету «Америка прежде всего» и другим профашистским и изоляционистским организациям разрешалось действовать совершенно свободно. За все годы правления Рузвельта это был период высшего торжества реакции.

Что касается закона Смита, который был самым характерным выражением политики этого периода, то Захария Чэфи младший в своей книге «Свобода слова в Соединенных Штатах» писал о нем следующее:

«28 июня 1940 г. закон об обязательной регистрации иностранцев вступил в силу. Судя по его официальному названию, можно было предположить, что речь идет только о снятии отпечатков пальцев и тому подобных требованиях чисто административного характера... Лишь через несколько месяцев я убедился в том, что этот закон предусматривает также самые свирепые ограничения свободы слова, какие когда-либо вводились в США в мирное время... Закон 1940 г. фактически объявляет в мирное время осадное положение, распространяющееся на всех и в особенности на граждан США.

Митчелла Пальмера уже нет в живых, но федеральный закон о «бунтах», которого он так страстно добивался, внесен, наконец, в свод законов. Груда законопроектов об иностранцах и о «бунтах» — а их в 1939 и 1940 гг. было внесено в конгресс свыше 40 — напоминает аналогичное положение, которое существовало у нас ровно двадцать лет тому назад...»

Они доказали делом, что защищают Соединенные Штаты путем применения силы»¹.

Общие страдания и жертвы, кровь, совместно пролитая в боях во время всемирного столкновения между армиями прогрессивного человечества и силами международного фашизма, — все это выковало еще невиданное дотоле единство демократических наций мира, единство, символом которого стала Организация Объединенных наций. Важнейшим выражением этого единства было установление дружественных отношений и создание боевого союза между двумя крупнейшими мировыми державами — Соединенными Штатами и Советским Союзом. По мере того как суровая правда войны опровергала одну за другой антисоветские пропагандистские фальшивки, американцы стали видеть в России своего самого ценного военного союзника, научились

---

¹ Из 15 тыс. коммунистов, служивших в вооруженных силах США, многие получили ордена, медали и похвальные отзывы за проявленную в боях храбрость и образцовое выполнение своего служебного долга.

В числе награжденных был бывший заместитель председателя Коммунистического союза молодежи рядовой Роберт Томпсон, ставший впоследствии членом Национального комитета коммунистической партии. За героизм, проявленный им в боях в районе Буна, на Новой Гвинее, он был награжден орденом «За отличную службу». А в 1949 г. Томпсон оказался в числе одиннадцати руководителей коммунистической партии, приговоренных к тюремному заключению за то, что они якобы вступили в сговор с целью «проповедовать и отстаивать обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия». (Подробности см. в главе XVI, раздел 4.)

Другим коммунистом, отличившимся на службе в армии США, был германский антифашист Герман Дж. Ботчер, в свое время сражавшийся в Интернациональной бригаде против Франко в Испании. Он служил сначала в чине сержанта, потом был произведен в капитанский чин и награжден за храбрость, проявленную в боях в районе Буна. Впоследствии он, уже будучи майором, пал в бою на Филиппинах. Командовавший американскими войсками при Буна генерал-лейтенант Роберт Л. Эйкельбергер писал о Ботчере в статье, опубликованной в журнале «Сатэрдэй ивнинг пост» 13 августа 1949 г.: «По моей рекомендации союзный командующий произвел Ботчера в чин капитана пехоты за храбрость, проявленную на поле боя. Это был один из лучших американцев, которых мне когда-либо приходилось встречать... Его боевой опыт сослужил нам большую службу в Буна, и хотя он стал американским гражданином лишь недавно, он был боевым и решительным патриотом». По словам генерала Эйкельбергера, Ботчер был «самым славным героем Буна».

понимать подлинную силу русского народа, его руководителей, его промышленности, его армии и, выражаясь словами государственного секретаря США Кордэлла Хэлла, «мощь его патриотического порыва»¹.

Больше того, американский народ осознал, что достижение главных целей, которые стояли перед ним в этой войне, то есть обеспечение безопасности, прогресса и прочного всеобщего мира после войны, зависит в первую очередь от сохранения дружественных отношений

¹ В 1943 г. бывший кандидат в президенты от республиканской партии Уэнделл Уилки совершил 7-недельное кругосветное путешествие на самолете и по возвращении написал книгу «Мир неделим». В ней он так излагал свое представление о Советском Союзе:

«Во-первых, Россия — действительное объединение людей. Оно работает. Оно жизнеспособно. Отпор, который Советский Союз дал Гитлеру, послужил для большинства из нас достаточным доказательством этого, но что касается меня, то я должен признать со всей откровенностью, что до поездки в Россию я не поверил бы всему тому, что я узнал теперь о ее силе как организованного человеческого коллектива.

Во-вторых, Россия — наш союзник в этой войне. Русские, которым пришлось вынести более тяжелый удар гитлеровской военной машины, чем даже англичанам, великолепно выдержали это испытание. Они пылают самой неподдельной, самой глубокой, самой страстной ненавистью к фашизму и нацистской системе...

В-третьих, мы должны сотрудничать с Россией и после войны. Мне, по крайней мере, кажется, что если мы этому не научимся, прочного мира не будет... Россия — энергичная страна, новое общество, полное жизненных соков, сила, которую нельзя сбросить со счетов, какой бы мировой порядок ни сложился в будущем».

Говоря о военных усилиях советского народа, Уинстон Черчилль в 1943 г. заявлял: «Ни одно правительство, когда-либо созданное людьми, не в состоянии было бы вынести такие тяжелые удары, такие страшные раны, какие Гитлер нанес России... Россия не только вынесла эти удары, не только оправилась от тяжких ран, но и сама потом нанесла гитлеровской военной машине смертельный удар, какого не могла бы нанести никакая другая сила в мире».

Об этих заявлениях Черчилля и многих других лидеров союзников бесполезно напомнить сейчас, когда в некоторых кругах в Америке наблюдается тенденция преуменьшить роль Советского Союза в войне. Между тем исторически бесспорно, что на протяжении четырех лет войны Красная Армия сковывала на своих фронтах около 240 германских дивизий, тогда как на Западе число германских дивизий за все время войны почти никогда не превышало 50. Потери Советского Союза в войне убитыми, пропавшими без вести и пленными оцениваются примерно в 6 500 000 человек, что почти в 7 раз превышает общие потери армий Англии и США. А в эту цифру не входит еще громадное число жертв среди гражданского населения той части СССР, которая была оккупирована немцами.

между Советским Союзом и Соединенными Штатами. 11 февраля 1943 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала:

«Перед демократическими странами стоит теперь выбор: либо сотрудничать с Россией в перестройке всего мира — а возможность такого сотрудничества существует, если только мы верим в силу своих же принципов и докажем это на деле, — либо заключить сговор со всеми реакционными и антидемократическими силами в Европе, в результате чего мы только восстановим Кремль против себя».

«Сегодня важнее всего то, — писал Рузвельт в начале апреля 1945 г., накануне конференции Объединенных наций в Сан-Франциско, составляя проект речи, которую он собирался там произнести, — что ради спасения цивилизации мы должны развивать науку о человеческих взаимоотношениях, — то есть способность всех народов земного шара, всяких народов, жить в мире и дружно работать на нашей планете. Задача состоит, друзья мои, в том, чтобы мир положил конец не только этой войне, а всем войнам вообще. Да, нужно навсегда положить конец этому нерациональному, неразумному способу разрешения разногласий между правительствами путем массового уничтожения людей».

Рузвельт заканчивал свою речь следующими словами:

«Я говорю вам и всем американцам, готовым вместе с нами посвятить себя делу обеспечения прочного мира: единственное, что может помешать завтрашнему осуществлению наших надежд, это наши сегодняшние сомнения. Так пойдем же вперед, с твердой и действенной верой».

Эту речь Рузвельт должен был прочитать по радио в день памяти Джефферсона, но ему не довелось это сделать...

12 апреля в 5 час. 49 мин. вечера по местному времени радиопередача компании «Колумбия бродкастинг систем» была вдруг прервана. «Мы прерываем нашу передачу, чтобы прочитать вам экстренный выпуск последних известий — раздался взволнованный голос диктора. — Одно агентство только что сообщило, что президент Рузвельт скончался...»

Когда эта ужасная новость облетела страну, взрослые люди плакали на улицах, как дети, а работа на

фабриках и фермах приостановилась. На всю Америку словно внезапно спустилась темная ночь. Страна облеклась в глубокий траур.

Для миллионов американцев весь мир сразу стал каким-то иным, как будто из их жизни странным образом безвозвратно выпала какая-то необходимая часть, и в эту потерю невозможно было даже поверить.

А когда траурный поезд с телом Рузвельта! двинулся из Уорм Спрингс в Вашингтон, а оттуда в Гайд-Парк, сотни тысяч скорбящих людей выстроились на много миль вдоль железнодорожного полотна; на станциях и переездах стояли в молчании громадные толпы народа; провожая проходивший мимо поезд, мужчины обнажали головы, а женщины, поднимая на руках детей, посылали своему президенту последнее прости.

Ранним серым утром, когда траурный поезд проходил мимо станции Хармон на реке Гудзон, один из провожавших сказал стоявшему рядом с ним: «Я никогда не голосовал за него, а следовало бы, — и теперь я это понимаю. Теперь мы все почувствуем, какая это потеря, какая страшная потеря».

Один мальчик спросил у отца: «Папа, Рузвельт, наверно, оставил в своем доме огромное богатство?»

Отец ответил: «Да, он оставил огромное богатство, но его домом было не только то здание, где он жил, его домом была вся Америка, и богатство, которое он оставил, принадлежит всем нам...»

Миллионы людей во всем мире разделяли скорбь Америки. В странах Британской империи были приспущены национальные флаги. Над Кремлем и на всех площадях Москвы появились красные флаги с черной каймой. В Нанкине и в Париже, в Варшаве и в Маниле, в Праге, Мексико, Бомбее, Будапеште и в сотнях других больших и малых городов всех стран мужчины и женщины скорбили о смерти Рузвельта.

Еще не было американца, смерть которого так оплакивали бы народы всего мира.

Вечером 12 апреля в Белом доме главный судья Харлэн Фиске Стоун привел вице-президента Гарри С. Трумэна к присяге и объявил его президентом Соединенных Штатов.

Через три недели после смерти Рузвельта бронетанковые войска Красной Армии штурмом взяли Берлин.

8 мая 1945 г. фельдмаршал Вильгельм Кейтель от имени германского верховного командования, в присутствии американских, английских и русских генералов, подписал акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Гитлера.

2 сентября на борту американского линкора «Миссури», в Токийской бухте министр иностранных дел Магуму Сигемицу от имени японского императора подписал официальный акт о капитуляции.

Вторая мировая война закончилась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Новая инквизиция

Действительно, если реакция возьмет верх, если история повторится и мы вернемся к так называемому «нормальному положению» 20-х годов, — то можно будет определенно сказать, что хотя мы и разгромили врагов в боях за рубежами нашей страны, здесь, в нашем же доме, нас победил дух фашизма.

Президент Франклин Д. Рузвельт,
11 января 1944 г.

КОНЕЦ «НОВОГО КУРСА»

Эта война, которая на моих глазах охватила весь мир, является, по выражению Сталина, освободительной войной. Это война за освобождение одних стран от германских или японских оккупантов, за освобождение других стран от угрозы оккупации. В этом мы вполне согласны. Но согласны ли мы, что освобождение означает и нечто большее? Конкретно говоря, все ли из 31 Объединенных наций, которые сражаются сейчас бок о бок, согласны, например, с тем, что в нашу общую освободительную миссию должно входить предоставление *всем* народам свободы самоуправления, как только они сумеют управлять собой, а также экономической свободы, как необходимой основы всякого прочного самоуправления?..

Уже наши декларации о том, за что мы боремся, со всей очевидностью продемонстрировали наши собственные пороки. Когда мы говорим о свободе и равных возможностях для всех наций, противоречия нашего собственного общественного строя превращают нас в посмешище для других народов и вопиют так громко, что их невозможно долгие терпеть. Если же мы хотим говорить о свободе, то давайте говорить о свободе не только для себя, но и для других, о свободе для всех, как в нашей стране, так и за ее пределами.

Уэнделл Уилки, «Мир неделим», 1943 г.

Как пишет лондонская «Тайме», выражение «железный занавес» было придумано гитлеровским министром финансов фон Крзигом; до того, как его стал употреблять Черчилль, его несколько лет применял в своей пропаганде Геббельс.

Бартлетт, «Ходячие выражения», 1948 г.

1. Наследство войны

На полях сражений погибло 20 млн. человек. Десятки миллионов мужчин, женщин и детей умерли от голода и болезней, погибли в концентрационных лагерях, были истреблены в газовых камерах. Огромные склады, оставшиеся на месте бывших нацистских лагерей смерти,

были еще забиты пожитками замученных там людей, одеждой, детскими игрушками, женскими волосами. Там, где стояли всемирно знаменитые своей красотой города, тянулись на много миль обгорелые скелеты зданий да груды щебня.

Бесчисленное множество людей, лишившихся крова и имущества, бродило по окровавленным пространствам Европы и Азии. По стопам войны шествовали голод, эпидемии, нищета, разорение громадных масс людей.

А причиной всех этих неисчислимых страданий и потерь была злобная контрреволюция, наступившая после первой мировой войны, когда мировая реакция принялась беспощадно подавлять повсюду демократические устремления народных масс. Именно этот всемирный заговор, целью которого было сохранить привилегии меньшинства путем подавления и порабощения большинства, и привел к возникновению фашизма. Эта измена интересам народов неизбежно привела ко второй мировой войне.

И все же черные дни кровавого террора, антидемократических интриг, предательства, фашизма и тотальных войн закончились тем, что народы мира завоевали победу и приобрели такую силу, какую они еще никогда в истории не обладали.

Созданная державами «оси» чудовищная тюрьма народов лежала в развалинах, а миллионы людей, вырвавшихся на свободу, двинулись вперед в непреклонном стремлении добиться своих извечных целей. В Восточной Европе крестьяне делили между собой помещичьи земли, а потом народы этих стран принялись за выполнение широчайших планов экономического восстановления.

В Индонезии, Индо-Китае, Палестине, Корее и других колониальных и полуколониальных странах зрели народные восстания. На необъятных пространствах Китая нарастала народная революция, подобная могучему, непреодолимому урагану.

Народы всех стран преисполнились надежды на приход новой эры свободы, дружбы между народами и всеобщего прочного мира.

Оплотом международного мира и безопасности служила Организация Объединенных наций, и все понимали,

что плодотворная деятельность этого органа будет зависеть прежде всего от сохранения выкованного войной тесного союза между западными демократиями и СССР.

Однако на обоих берегах Атлантического океана действовали мощные силы реакции, очень мало заинтересованные в сохранении этого союза. Как и после первой мировой войны, они заботились прежде всего об ограждении своих частных интересов и привилегий, стремились сдержать подъем демократического движения масс и укрепить отжившие порядки. И вот, в ходе этой борьбы против международного демократического движения, снова раздался контрреволюционный призыв к всемирному «крестовому походу против коммунизма».

Прошло едва полгода после окончания войны с Японией, как Уинстон Черчилль под влиянием сокрушительного разгрома, постигшего консервативную партию на выборах, и надвигающегося на Англию кризиса вновь обнаружил «угрозу большевизма». В получившей широкую огласку речи, которую он произнес в Соединенных Штатах 5 марта 1946 г., Черчилль призвал к заключению направленного против СССР союза между Великобританией и Соединенными Штатами для борьбы с «растущей опасностью для христианской цивилизации» в лице коммунизма в России.

Черчилль произнес свою речь, вызвавшую сенсацию во всем мире, по случаю присвоения ему почетной степени Вестминстерским колледжем в Фултоне, штат Миссури. Этот малоизвестный колледж находится примерно в 150 милях от родного города Трумэна—Индепенденса. Трумэн предварительно читал эту речь и еще больше подчеркнул свое согласие с ней тем, что присутствовал при ее произнесении.

В первое время после вступления на пост президента Трумэн усердно повторял настоятельные призывы Рузвельта к сохранению единства в рядах Объединенных наций. Но когда он приступил к выполнению своих обязанностей, назначенные им члены правительства почти сразу же начали проводить политику, которая не могла не вызвать разногласий между членами ООН.

Первые серьезные расхождения в рядах ООН обнаружили летом 1945 г. на конференции в Сан-Франциско.

Речь шла о том, приглашать ли на конференцию Аргентину и принимать ли ее в члены ООН. Несмотря на возражения советского делегата, Вячеслава Молотова, английский и американский делегаты поддержали Аргентину и добились ее принятия в ООН.

Через несколько месяцев после этого правительство США опубликовало официальный доклад под названием «Синяя книга об Аргентине», в котором приводились несомненные доказательства «нацистско-фашистского характера аргентинского режима» и указывалось, что правящая Аргентиной «военная клика сотрудничала с агентами противника в выполнении важных шпионских и иных заданий, имевших целью нанести ущерб военным усилиям Объединенных наций...»

Важнейшей целью Организации Объединенных наций было окончательное искоренение фашизма во всем мире; получилось, однако, так, что американский и английский делегаты, настоявшие на допуске Аргентины на конференцию в Сан-Франциско, встали на защиту фашистского государства, вместо того чтобы выступить против него. С этого, собственно, и началась так называемая «жесткая политика» Англии и Соединенных Штатов по отношению к России.

В дальнейшем этот «жесткий» антисоветский курс стал основой всей внешней политики английского и американского правительств.

Отказ Англии и Соединенных Штатов после войны от основных принципов Объединенных наций ни в чем не проявился так наглядно, как в политике этих стран по отношению к их недавнему закланному врагу — Германии.

Спустя много месяцев после капитуляции Германии в английской зоне оккупации продолжали существовать в полной неприкосновенности одетые в военную форму части германской армии общей численностью почти в полмиллиона человек; американские военные власти в своей зоне оккупации начали снаряжать и вооружать под видом «рабочих рот» и всевозможных «охранных частей» тысячи польских, югославских и украинских фашистов. «Большинство зачисленных в эти трудовые роты, — сообщал корреспондент «Нью-Йорк таймс» Рэймонд Дэниель 3 февраля 1946 г., — относятся к евреям и к русским, столь же враждебно, как и любой нацист».

Многие из них, по словам Дэниеля, сражались в рядах гитлеровской армии на восточном фронте...¹

После победы над Германией председатель подкомиссии сенатской комиссии по военным делам сенатор Харли М. Килгор неоднократно обращал внимание на то, что в западных оккупационных зонах аппарат германских картелей не уничтожается, а сознательно восстанавливается. К весне 1946 г. курс акций компании «И. Г. Фарбениндустри» на мюнхенской и франкфуртской фондовых биржах поднялся с 68 до 142,5.

«У меня возникает вопрос, не намерен ли г-н Бирнс выбросить за борт программу, разработанную союзниками в Квебеке, Ялте и Потсдаме, — говорил в своей речи по радио 1 мая 1946 г. бывший министр финансов США Генри Моргентау младший, критикуя политику, проводившуюся в Германии государственным секретарем Джемсом Ф. Бирнсом. — Если г-н Бирнс действительно намерен отказаться от Потсдамского соглашения... то я предсказываю, что мы придем лишь к повторению роковых ошибок Версаля и подготовим почву для третьей мировой войны».

Как сообщал 11 сентября 1946 г. корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» в Германии Эдвин Хартрич, «германские промышленники и финансисты» удовлетворены тем, что «Америка и Англия окончательно решили возродить Западную Германию в качестве противовеса русской зоне».

Замена Джемса Ф. Бирнса на посту государственно-го секретаря генералом Джорджем К. Маршаллом в

---

¹ 31 марта 1948 г. корреспондент газеты «Вашингтон таймс геральд» Джон О'Доннел сообщал: «... В нашей военной политике в Германии мы начинаем брать за ум. Хотя некоторыми источниками это и опровергается, мы разработали планы воссоздания некоторых особо отличившихся своими боевыми качествами германских танковых дивизий и дивизий «СС», которые мы и обеспечим в изобилии продовольствием и первоклассным американским оружием... Немцы всегда были хорошими солдатами; и они скорее согласятся сражаться против своего исторического врага — славяно-монголов Восточной Европы, чем против своих соплеменников на Западе — скандинавов, англичан, американцев и французов... Еще несколько лет тому назад мы подчеркивали, что Рузвельт поставил в этой войне не на ту лошадь и что с точки зрения строго изоляционистской для Америки было бы лучше, если бы европейский континент находился под властью немцев».

январе 1947 г. не внесла в американскую внешнюю политику никаких изменений. Вскоре после этого заместитель государственного секретаря Дин Ачесон заявил:

«Нам следует поторопиться с восстановлением этих двух великих мастерских Европы и Азии — Германии и Японии... Нужно немедленно принять все возможные меры, даже если на это не будет согласия всех четырех держав, чтобы начать в более широких масштабах экономическое восстановление Европы, в том числе и Германии».

На Дальнем Востоке, как и в Европе, «жесткая» политика США по отношению к России сопровождалась поддержкой милитаристских и реакционных клик.

После капитуляции Японии американская армия в Китае приступила к обучению и снаряжению 40 гоминдановских дивизий общей численностью более 700 тыс. человек; это вдвое превышало численность китайских войск, обученных и вооруженных американцами в течение всей второй мировой войны. Чтобы помочь Чан Кай-ши, отчаянно цеплявшемуся за всякую возможность удержать власть в руках своего разложившегося феодального правительства, Трумэн предоставил гоминдану займы свыше 600 млн. долларов на закупку американских «военных излишков», оставшихся на тихоокеанских островах. К 1947 г. общая стоимость американских военных материалов и других видов помощи, предоставленных Чан Кай-ши, превысила 4 млрд. долларов.

Еще 26 ноября 1945 г. член палаты представителей от Вашингтона Хью Дэлеси заявлял, что политика Трумэна на Дальнем Востоке

«продиктована интересами крупного капитала, стремящегося к неограниченной экономической эксплоатации Азии. Это политика империализма доллара. Это политика новой мировой войны, на сей раз против Советского Союза, войны, которая будет начата с баз США на Тихом океане, из Японии, где мы еще не искоренили милитаристов, и с антикоммунистических баз в Северном Китае...»

---

¹ 7 января 1949 г. Дин Ачесон был назначен государственным секретарем.

Продолжение этой политики, заявил Дэлеси, сделает «гражданскую войну в Китае неизбежной»...¹

12 марта 1947 г. «жесткая» политика США в отношении России достигла своего кульминационного пункта. В этот день Трумэн выступил на совместном заседании обеих палат конгресса США со своим «знаменитым» заявлением, в котором потребовал предоставления правительству Греции и Турции займа в 400 млн. долларов и военной помощи. Формальной целью этого займа, хотя сам Трумэн и не заявил об этом прямо, было остановить «советскую экспансию» и распространение «большевизма» в Европе.

Газета «Чикаго дейли ньюс» назвала это заявление Трумэна «откровенным призывом к войне» с Советской Россией.

«Мы имем дело с кризисом не в Греции, а в Америке... — заявил в своем выступлении по радио, транслировавшемся по всей стране на другой день после речи Трумэна, бывший вице-президент Генри Уоллес, смещен-

---

¹ Летом 1946 г. в Китае уже бушевала гражданская война. Вначале хорошо вооруженные войска Чан Кай-ши имели некоторый успех, так как Народно-освободительная армия была в то время сравнительно малочисленной и в ее руках находилось лишь несколько провинций Северного Китая. Однако через два года, когда на стороне Народной армии выступили многие миллионы китайцев, она перешла в наступление на всех фронтах. В октябре 1948 г. Народно-освободительная армия Китая заняла крупнейший промышленный центр Маньчжурии, Мукден. В течение следующего года она осуществила ряд блестящих операций, пройдя триумфальным маршем через необъятные просторы Китая. В небольшой срок победоносными войсками, возглавляемыми Мао Цзедунем, были заняты один за другим Пекин, Нанкин, Шанхай, Кантон и Чунцин.

9 декабря 1949 г. Народно-освободительная армия взяла последний оплот гоминдановцев город Чэнду и вышла на границу Индо-Китая. За исключением острова Формозы (Тайван), на который бежали остатки разгромленных гоминдановцев, народные войска, руководимые коммунистами, освободили всю страну с 470-миллионным населением, составляющим почти четверть населения земного шара.

В августе 1949 г. государственный секретарь Ачесон направил президенту Белую книгу государственного департамента о китайско-американских отношениях и письмо, в котором указывал, что «правительство Соединенных Штатов оказалось не в силах предотвратить печальный исход гражданской войны в Китае», добавив к этому, что Америка «сделала все возможное», чтобы помешать такому исходу.

ный с поста министра торговли за то, что выступал против внешней политики Трумэна. — Если президент Трумэн объявляет о существовании конфликта мирового масштаба между Востоком и Западом, он тем самым говорит советским руководителям, что США начинают готовиться к новой войне...»

Официально «доктрину Трумэна» преподносили широкой американской публике как начало «крестового похода» против коммунизма; однако в ее основе лежали другие, более важные, хотя и неофициальные соображения. Журнал «Тайм» писал 24 марта 1947 г.:

«Вслух говорят только о Греции да о Турции, а на ухо шепчут об океане нефти, который простирается к югу от этих стран.

В момент, когда правительство США готовилось предпринять этот исторический шаг, могучая кучка американских нефтяных компаний тоже пришла к историческому решению. С молчаливого согласия правительств США и Англии эти компании заключили ряд крупнейших в истории сделок, чтобы подготовить возможность полного освоения этого нефтяного океана... «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» и ее партнеры намерены истратить в неспокойных странах Среднего Востока свыше 300 млн. долларов, чтобы извлечь эти богатства на поверхность».

22 марта журнал «Бизнес уик» напечатал на самом видном месте статью, в которой говорилось: «Новая демократия — новый бизнес. Кампания, начатая США, чтобы остановить распространение коммунизма в других странах, означает крупные расходы на базы, помощь и реконструкцию. Зато для американского бизнеса откроются новые внешние рынки».

Редактор финансового отдела газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм» Ральф Гендерсон писал: «Все это сулит нашим обладателям свободных капиталов возможность более обеспеченных и более прибыльных вложений. Это очень приятная новость, имеющая для нас важнейшее значение».

Послевоенная внутренняя политика правительства Трумэна также вызывала в кругах американского крупного капитала немалое удовлетворение.

2. Возвращение Герберта Гувера

Не прошло и двух месяцев после смерти Ф. Д. Рузвельта, как однажды утром впервые за 12 лет в Белом доме появился Герберт Гувер.

Это было 28 мая 1945 г. Гувер прибыл на несколько минут раньше назначенного ему времени и, ожидая, пока Трумэн освободится, не спеша разгуливал по комнатам, которых он не видел с марта 1933 г. Ему было уже 70 лет; его седые волосы поредели, лицо обрюзгло, покрылось морщинами; но, как сообщал через несколько месяцев журналист Сидней Шэллет, Гувер чувствовал себя «помолодевшим».

Трумэн беседовал с Гувером 45 минут. Потом были вызваны фотографы, и они запечатлели момент, когда оба государственных мужа обменивались рукопожатиями и приятными улыбками.

Едва Гувер вышел за порог Белого дома, как его обступили журналисты. «О чем вы беседовали?» — спросил один из них.

Лицо Гувера сморщилось в улыбку. «Президент Соединенных Штатов, — сказал он, — имеет право сам делать заявления о том, что он говорил своим посетителям или посетители говорили ему. Это все, что я могу вам в данный момент сказать».

Однако то обстоятельство, что Трумэн вызвал к себе для переговоров Гувера, говорило о многом.

«В столице носятся слухи, — сообщал журнал «Тайм» 4 июня 1945 г., — что Гувер снова впряжется в работу, хотя бы только и в роли советника. Но чем бы все это ни закончилось, пригласив к себе Гувера, Трумэн сделал ловкий и великодушный жест. Одним мастерским ходом он завоевал расположение республиканцев... и дал понять, что он ни к кому не питает враждебных чувств. Впоследствии он еще ярче подчеркнул это, пригласив Томаса Дьюи и Альфреда Лэндона навещать его «всякий раз, когда им случится быть в Вашингтоне».

Через два дня после встречи Трумэна с Гувером газета «Уолл-стрит джорнэл» радостно восклицала в передовой статье:

«Воинствующей политике «нового курса», которую проводил Белый дом, пришел конец!»

К тому времени, когда Гувер посетил Белый дом, ряд сторонников «нового курса», в том числе три бывших министра правительства Рузвельта, уже получили отставку, а в ближайшем будущем намечалась отставка и многих других деятелей этого типа.

«Произведенные Трумэном назначения в состав правительства истолковываются кругами конгресса как показатель основной политической установки правительства, — сообщалось в официальном органе Национальной ассоциации промышленников 7 июля 1945 г. — Новый президент без излишнего шума отстраняет от высшей власти сторонников «нового курса» и заменяет их людьми, которые считаются демократами в том смысле слова, какой был в ходу до 1932 года. Для деловых кругов это означает ощутительную разрядку крайне неприятной атмосферы последних двенадцати лет».

Среди демократов «в том смысле слова, какой был в ходу до 1932 года» и недемократов в полном смысле этого слова, занявших руководящие посты в правительстве Трумэна, были следующие лица:

Министр обороны Джемс В. Форрестол, бывший президент банковской фирмы «Диллон, Рид энд компани» и бывший министр военно-морского флота. По словам журнала «Тайм», Форрестол был «одиночкой, с трудом пробившим себе дорогу»¹.

---

¹ В 20-х годах фирма «одиночки» Форрестола «Диллон, Рид энд компани» предоставила займы на сотни миллионов долларов германским и итальянским трестам, а также диктаторским правительствам стран Южной Америки (см. главу VI, раздел 1). В то же время она делала крупные вложения в угольные и металлургические предприятия Стиннеса и в стальной трест «Ферейнитге шгальверке» в Германии — два концерна, которые финансировали развивавшееся в те годы гитлеровское движение.

Наконец, фирма «Диллон, Рид энд компани» была связана с двумя германскими банками: «Дейче банк» и «Дрезднер банк», относительно которых орган американской военной администрации в Германии «Уикли информэйшн бюллетин» писал 30 июня 1947 г.: «Они активно участвовали в создании нацистской военной машины и в эксплуатации оккупированной Европы... Некоторым руководителям «Дрезднер банка» будет предъявлено обвинение в военных преступлениях, и они предстанут перед нюрнбергским трибуналом».

В марте 1949 г. Форрестол вышел в отставку с поста министра обороны, и на его место был назначен Луис Джонсон. Юрис-

Министр торговли У. Аверелл Гарриман, один из совладельцев банкирского дома «Браун бразерс, Гарриман энд компани»; председатель правления компании «Юнион пасифик рейлрод» и член правления пяти других крупных железнодорожных компаний; член правления «Гаранти траст компани», «Уэстерн юнион телеграф компани» и других крупных концернов.

Председатель Совета национальных ресурсов Артур М. Хилл, президент «Атлантик грейхаунд корпорейшн».

Секретарь Совета национальной безопасности Сидней У. Соуэрс, бывший вице-президент «Дженерал америкэн лайф иншуренс корпорейшн».

Заместитель государственного секретаря Роберт Ловетт, один из совладельцев банкирского дома «Браун бразерс, Гарриман энд компани».

Помощник государственного секретаря, бригадный генерал Чарльз Э. Залцман, бывший вице-президент Нью-Йоркской фондовой биржи.

Посол в Англии Льюис Дуглас, бывший президент «Мючуал лайф иншуренс компани», бывший вице-пре-

---

консульт многих крупных фирм и бывший помощник военного министра, Джонсон, подобно своему предшественнику, одно время занимал видное положение в международных финансовых кругах. В марте 1943 г. он был назначен директором «Консолидейтед валти корпорейшн», финансировавшейся англо-германо-американским банком Шредера. В апреле 1943 г. Джонсон стал директором американского филиала «И. Г. Фарбениндустрн» — «Дженерал энилайн энд филм компани», а потом президентом одной из дочерних компаний «Дженерал энилайн».

Летом 1949 г. имя Джонсона часто упоминалось в связи с грандиозным скандалом, вызванным размещением правительством крупных заказов на бомбардировщики Б-36, в то время как военное ведомство уже фактически решило отказаться от строительства бомбардировщиков этого типа. 6 июня 1949 г. журнал «Лайф» писал: «Член конгресса Ван Зандт... подчеркнул, что Луис Джонсон был раньше директором фирмы «Консолидейтед валти», строившей бомбардировщики Б-36, и что министр авиации Стюарт Саймингтон, как ему передавали, часто гостил в калифорнийском поместье банкира Флойда Одлэма, ныне контролирующего фирму «Консолидейтед валти». Ван Зандт слышал также, будто Одлэм помог Джонсону собрать около 6,5 миллиона долларов на финансирование избирательной кампании демократической партии на прошлых президентских выборах».

Полагают, что Луис Джонсон был причастен и к готовившемуся в 1934 г. в США фашистскому путчу, планы которого были в свое время разоблачены генералом Смэдли Батлером (см. главу XI, раздел 2).

зидент «Америкэн сайанамид компани» и член правления «Дженерал моторс».

Заместитель министра финансов Арчибалд Уиггинс, бывший президент «Траст компани оф Саус Каролайна» и бывший президент Ассоциации американских банкиров.

Председатель Федерального резервного управления Томас Маккэйб, президент «Скотт пэйсер компани».

Председатель Экспортно-импортного банка Уильям Мартин, бывший президент Нью-йоркской фондовой биржи.

Министр авиации Уильям Саймингтон, президент «Эмерсон электрикал мэнюфэчжуринг компани».

Заместитель министра авиации Артур Барроуз, бывший президент «Сирс, Робак энд компани».

Помощник министра авиации Корнелиус Вандербилт Уитни, председатель правления «Хадсон Бей майнинг энд смелтинг компани».

Председатель комитета по вооружениям Томас Харгрейв, президент «Истмэн Кодак корпорейшн».

Военный министр Кеннет К. Ройялл, председатель правления «Мибэйн-Ройялл компани».

Заместитель военного министра генерал-майора Уильям Х. Дрейпер, бывший вице-президент банковской фирмы «Диллон, Рид энд компани».

С благословения государственного секретаря Маршалла дипломатический корпус все больше и больше пополнялся профессиональными военными, которые заняли все руководящие посты в государственном департаменте. Вскоре 10 из 20 самых ответственных постов в государственном департаменте были заполнены военными, и журнал «Арми энд нэви бюллетин» мог с полным основанием заявить, что «контроль над внешней политикой США перешел теперь фактически к армии...»

«Места, освободившиеся с уходом сторонников «нового курса», — отмечал журнал «Нью-рипаблик», — заняты женщиной и людьми с Уолл-стрита».

Но, кроме этих двух категорий, была еще и третья. Вашингтонские журналисты прозвали ее «миссурийской шайкой».

3. «Миссурийская шайка»

«Миссурийская шайка» состояла из старых приятелей и закадычных друзей Трумэна, которые служили вместе

с ним в армии в первую мировую войну. Вскоре эту группу стали называть «кухонным кабинетом» президента.

Одним из самых влиятельных членов «миссурийской шайки» был дородный полковник запаса Гарри Х. Воган, прославившийся как рассказчик непристойных анекдотов. Когда Трумэн стал сенатором, Воган стал его секретарем. Трумэн и Воган сдружились еще в первую мировую войну, когда оба служили офицерами в артиллерийской части, комплектовавшейся в штате Миссури. Как только Трумэн вступил на пост президента, Воган стал его военным адъютантом и вскоре получил чин генерал-майора. Прошло немного времени, и генерал Воган стал вмешиваться в дела почти всех важных правительственных органов и использовать свое влияние в интересах своих личных знакомых. «Многие находят, что я веду себя неэтично, но я таким и останусь, — открыто заявил как-то Воган в ответ на критические замечания по своему адресу. — Только двум людям я должен нравиться — г-ну Трумэну и своей супруге. Пока я им нравлюсь, я вполне доволен собой»².

---

¹ Бывший торговец галантереей в городке Индепенденс, штат Миссури, Гарри С. Трумэн в начале 20-х годов обанкротился, а затем занялся политикой, пользуясь протекцией продажной и преступной политической машины гангстера Пендергаста. Босс демократической партии в штате Миссури Том Пендергаст в 1922 г. сделал Трумэна окружным судьей, а в 1934 г. поддержал его кандидатуру на выборах в сенат, заявив, что ему нужен в сенате «свой человек».

В последующие годы Трумэн поддерживал тесные отношения с Пендергастом и его политической машиной. В 1939 г. Пендергаст попал за неуплату налогов в тюрьму, но Трумэн продолжал горячо поддерживать своего бывшего политического наставника. Позднее, став президентом, Трумэн уволил с должности окружного прокурора, по чьей инициативе Пендергаст подвергся судебному преследованию.

В сенате Трумэн ничем себя не проявил до 1941 г., когда он был назначен председателем сенатской комиссии по обследованию состояния национальной обороны. Благодаря главным образом работе способных сотрудников этой комиссии, она завоевала большой авторитет.

В 1944 г. съезд демократической партии выдвинул Трумэна кандидатом в вице-президенты, в качестве компромиссной фигуры, в угоду демократам Юга и вообще правому крылу партии.

² Летом 1949 г. в результате разоблачений, напечатанных в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», следственная подкомиссия сената начала расследование по делу о взятках, которые получали высокопоставленные лица от промышленников за передачу им пра-

К «миссурийской шайке» принадлежал и Джемс К. Вардмэн младший, сын покойного сенатора Джемса К. Вардмэна, который в первую мировую войну ратовал за применение расовой дискриминации при приеме служащих в государственные учреждения США. Вардмэн тоже служил во время войны в артиллерии и был старым приятелем Трумэна. Бывший банкир и фабрикант обуви в Сен-Луи, Вардмэн мечтал о флотской карьере и в молодости безуспешно пытался поступить в морскую академию в Аннаполисе. Став президентом, Трумэн назначил Вардмэна своим морским адъютантом и присвоил ему звание капитана 1-го ранга. Потом Вардмэн стал начальником федерального резервного управления и, как выражался журнал «Тайм», говорил бизнесменам «то, что им хотелось слышать».

В «миссурийскую шайку» и «кухонный кабинет» входили еще два друга Трумэна — Джон У. Снайдер и д-р Уоллес Х. Грэхем.

Джон Снайдер, которого вашингтонские журналисты за его походку прозвали «утенком», тоже был когда-то артиллерийским офицером и банкиром в Сен-Луи. В июле 1945 г. он был назначен директором Управления

вительственных заказов (как правило, взяточники получали 5% от стоимости заказа). Расследование показало, что одну из главных ролей в этом деле играл генерал-майор Гарри Х. Воган.

В компании с другим приятелем президента, Джаном Марагоном, и с бывшим консультантом Управления военных имуществ полковником Джемсом В. Хаитом, Воган однажды раздобыл нормированные строительные материалы и употребил их для постройки ипподрома; в другой раз он выхлопотал некоему фабриканту парфюмерии специальные паспорта для поездки в Европу; он же систематически передавал военные заказы тем фирмам, чьи интересы Марагон представлял в Вашингтоне.

В результате одной такой сделки Воган получил бесплатно семь холодильников новейшего типа, которые он подарил некоторым видным вашингтонцам, в том числе жене Трумэна и члену верховного суда Винсону.

Газета «Нью-Йорк геральд генерал трибюн» писала в одной из своих передовиц: «...В Вашингтоне воцарилась атмосфера семейственности, халатного отношения к выполнению служебного долга, нескрываемого пренебрежения к принципам морали. Люди смотрят на все чересчур практически, исходя из прозаического материального расчета. Идет ли речь о спичках и холодильниках или о строительстве ипподрома и повышении в чине — люди действуют, руководствуясь одними и теми же мотивами... В интересах страны необходимо преодолеть царствующую в столице безидейность».

мобилизации и реконверсии. Заняв этот пост, Снайдер вскоре отменил правило, по которому строительные материалы отпускались только для важных строительных объектов, а затем стал быстро, одно за другим, отменять и все остальные ограничения военного времени. В июне 1946 г. Снайдер был назначен министром финансов.

35-летний врач Уоллес Грэхем из Канзас-сити, штат Миссури, был вызван в Белый дом в качестве личного врача Трумэна и получил ранг бригадного генерала. В декабре 1947 г. обнаружилось, что д-р Грэхем участвовал в крупных спекуляциях с зерном. Несмотря на это, он остался личным врачом президента...

Некоторые лица были приняты «миссурийской шайкой» в свою компанию, несмотря на то, что они не были земляками Трумэна. Самую важную роль из них играл уроженец штата Миссисипи Джордж Э. Аллен.

Фамильярный в обращении, толстяк Джордж Аллен был одним из самых горячих агитаторов за кандидатуру Трумэна на съезде демократической партии в 1944 г. и потом сопровождал Трумэна в предвыборной поездке по США. Узнав о смерти Рузвельта, Аллен, по его собственным словам, тотчас же помчался «со всех ног» к Трумэну в Белый дом.

Вначале Аллен не занимал никакого государственного поста; тем не менее 7 января 1946 г. журнал «Тайм» писал о нем:

«Никто... не видится с президентом чаще Аллена. У Трумэна нет более интимного друга и наперсника. Джордж Аллен... знает массу анекдотов, которые Трумэн любит слушать... Когда Гарри Трумэн под вечер отправляется купаться в бассейн Белого дома, обычно его сопровождает Аллен, и они плещутся вместе...

Очень немногие речи и заявления Трумэна сдаются на ротатор без одобрения Аллена... Трумэн все чаще советуется с ним и относительно назначений на ответственные посты».

В феврале 1946 г., когда Аллен был назначен директором Реконструктивно-финансовой корпорации, он острил: «Это учреждение организовано так хорошо, что даже человек вроде меня не может причинить ему никакого вреда».

В Вашингтонских кругах Аллена зовут «придворным шутом». Однако на деле он играет вовсе не такую безобидную роль.

Являясь неофициальным советником Трумэна, Джордж Аллен в то же время состоит членом правлений «Консолидейтед валти эйркрафт корпорейшн», «Ри-паблик стил корпорейшн», «Дженерал энилайн энд филм корпорейшн» (филиал концерна «И. Г. Фарбенинду-стри»), «Гуго Стиннес корпорейшн» и еще десятка гигантских концернов, владеющих предприятиями и капиталами не только в Америке, но и в Европе и в Азии.

Кроме того, Аллен тесно связан с загадочным деятелем Уолл-стрита Виктором Эманюэлем, главой банкирского дома «Эманюэль энд компани». При поддержке банка Дж. Генри Шредера Эманюэль забрал в свои руки фирму «Стандард гэс энд эйвиэшн корпорейшн» и поддерживал тесные связи с «И. Г. Фарбениндустри» и другими международными картелями.

В октябре 1946 г. Джордж Аллен был назначен главой экономической миссии США в Германии.

Иногда Трумэн назначает на важные государственные посты таких людей, что сенат вынужден, во избежание неминуемого скандала, отказывать в утверждении этих назначений. Так случилось, например, с калифорнийским нефтяным магнатом Эдвином У. Поули, президентом «Петролеум корпорейшн оф Лос-Анжелос» и других нефтяных компаний в Калифорнии и основателем банка «Пиплс бэнк оф Калифорния». Эдвин Поули, как и Джордж Аллен, всеми силами поддерживал кандидатуру Трумэна на пост вице-президента. «Речь идет не о вице-президенте, — уверял Поули своих друзей, — а о будущем президенте».

Через две недели после смерти Рузвельта Поули был назначен председателем делегации США в Союзнической комиссии по репарациям, а 18 января 1946 г. президент Трумэн выдвинул его кандидатуру на пост заместителя министра военно-морского флота.

Две недели спустя комиссия сената по морским делам приступила к рассмотрению вопроса о назначении Поули заместителем министра.

Когда этот нефтяной магнат предстал перед комиссией, сенатор Оуэн Брюстер заявил ему: «Нам хотелось бы составить себе представление о ваших этических

установках. Считаете ли вы удобным, занимая пост заместителя министра военно-морского флота, поставлять нефть государственным учреждениям?»

«В этом нет ничего незаконного», — ответил Поули.

Сенатор Чарльз Тоби воскликнул: «Мне вспоминается печальной памяти Типот Доум!»

В числе лиц, вызванных в сенатскую комиссию, был министр внутренних дел Гарольд Икес. Незадолго до того, как ему нужно было давать показания, Икес получил от Трумэна частный совет: «Разумеется, вы должны говорить правду. Но, прошу вас, обойдитесь помягче с Эдом Поули...»

Икес был одним из немногих сторонников «нового курса», еще оставшихся в правительстве. Он человек прямой и обошелся с Поули отнюдь не «мягко». Сославшись на дневник, который он вел, пока был министром, Икес заявил комиссии, что 2 февраля 1945 г. Поули прямо напомнил ему, что он собрал 500 тыс. долларов на проведение избирательной кампании 1944 г., и из них 300 тыс. долларов дали нефтепромышленники Калифорнии. «Поули, — записал Икес в своем дневнике, — считает, что было бы большой ошибкой нарушать интересы этих промышленников».

Икес рассказал также, как, возвращаясь в Вашингтон из Гайд-Парка после похорон Рузвельта, он наткнулся в поезде на председателя Национального комитета демократической партии Роберта Ханнегана, секретаря Трумэна Гарри Вогана и Эдвина Поули, которые тихо о чем-то беседовали. «Увидев меня, — сказал Икес, — они разошлись, и только Поули имел наглость обратиться ко мне с вопросом, что я намерен делать с нефтеносными участками, находящимися в море у берегов Калифорнии...»¹

После показания Икеса президент Трумэн заявил, что он попрежнему доверяет Поули. Трумэн сказал пред-

---

¹ С некоторых пор Поули и другие нефтяные магнаты западного побережья США старались прибрать к рукам нефтяные залежи, находящиеся на затопляемых приливом участках побережья Калифорнии. Эксперты считают, что это крупнейшие, еще не разрабатываемые запасы нефти в США, и в течение долгого времени суды не могли решить вопрос, кому они принадлежат: федеральному правительству или штату Калифорния. Крупные нефтяные компании через своих лоббистов добивались, чтобы они были признаны подлежащими юрисдикции штата, так как это позволи-

ставителям прессы, что Икес, «возможно, заблуждается».

Через неделю, 13 февраля, Икес подал в отставку с поста министра внутренних дел. «Я не желаю, — заявил он, — оставаться в таком правительстве, которое хочет, чтобы я пошел на лжесвидетельство в чьих-нибудь личных интересах».

Но протесты против назначения Поули продолжали поступать отовсюду. Наконец, 13 марта Трумэн очень неохотно снял его кандидатуру, хотя несколько раз до этого он заявлял, что ни при каких условиях не отменит своего решения.

Вскоре после этого государственный департамент объявил о назначении Эдвина Поули главой Американской комиссии по репарациям и о том, что в ближайшие дни он отправится на Дальний Восток — разрабатывать «долгосрочный план мирного экономического развития». Через несколько дней Поули вылетел в Токио.

Когда Поули отправился выполнять свое новое задание, кое-кому вспомнилось, что до нападения на Пирл Харбор Поули поставлял Японии большие партии нефти.

4. Реакционная свистопляска

К концу войны, когда возмущение американской общественности вредительскими методами работы «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» достигло высшей точки, председатель комиссии Мартин Дайс на очередных выборах в конгресс снял свою кандидатуру, а три других члена комиссии выставили свои кандидатуры, «о потерпели полное поражение. Все уже думали, что конгресс распустит комиссию. Неожиданно 3 января 1945 г. на открытии своей 79-й сессии кон-

---

ло бы им разрабатывать нефть без вмешательства со стороны правительства.

Осенью 1945 г. газета «Сен-Луи пост-диспэтч», которая в свое время помогла разоблачить нашумевшую аферу с Типот Доум, сообщила, что некоторые нефтяные компании, в том числе принадлежавшая Поули «Петролеум корпорейшн», начали выкачивать нефть из этих залежей, ставя вышки на берегу. Эти нефтяные компании платили властям штата 5 млн. долларов в год за аренду прибрежных участков и добывали ежегодно на 20 млн. долларов нефти.

гресс принял 207 голосами против 186 законопроект о превращении «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» в свой постоянный орган.

Инициатором этого законодательного трюка был член палаты представителей от штата Миссисипи Джон Э. Рэнкин.

Ярый антисемит и восторженный поклонник теории «превосходства белой расы», этот человек с желтым морщинистым лицом в свое время снискал одобрение немецко-фашистского пропагандистского органа «Вельтдинст», который назвал Рэнкина «выдающимся американцем».

После поражения Японии «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» под руководством Рэнкина открыла «крестовый поход» против коммунизма¹.

Комиссия обрушила на головы американцев целую лавину потрясающих интервью для печати, панических «официальных коммюнике», тревожных заявлений, гласивших, что «советский империализм» вынашивает планы мирового господства и что в Соединенных Штатах кишмя кишат советские шпионы и диверсанты, посланные Кремлем, чтобы похитить секрет атомной бомбы. Все старые специалисты по антисоветской клевете и пропаганде, ренегаты, когда-то побывавшие в коммунистической партии, и прочие «компетентные свидетели» валом повалили в комиссию и принялись рассказывать там басни, одну чудовищнее другой, о «заговорах красных шпионов» и о подготовке СССР к войне против Америки.

Одним из «авторитетных» свидетелей, дававших показания комиссии, оказался ярый враг СССР, бывший дипломат Уильям С. Буллит, изощрявшийся в фантастических сплетнях насчет Советского Союза. Но ни Буллит, ни другие свидетели комиссии не могли придумать ничего нового. Все эти басни уже с 1938 г. повторялись

---

¹ Официально председателем комиссии числился член палаты представителей от штата Нью-Джерси Эдвард Дж. Харт; фактически же ее возглавлял Рэнкин. В июле 1945 г. Харта сменил на посту председателя комиссии член палаты Джон С. Вуд из Джорджии, но фактически главой комиссии попрежнему оставался Рэнкин.

В январе 1947 г. пост председателя комиссии перешел к члену палаты представителей от штата Нью-Джерси Дж. Парнеллу Томасу.

без конца на заседаниях «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». Новым было лишь то, что теперь американская печать и радио стали преподносить эти басни американскому народу под видом сообщений исключительной важности, а ответственные представители правительства даже стали ссылаться на них, как на факты решающего значения для внутренней и внешней политики США.

В 1946—1947 гг. под видом расследования «советских заговоров» и «коммунистических интриг» «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» неуклонно развертывала наступление на демократические установления и конституционные права американского народа. Комиссия начала «расследование» деятельности целого ряда прогрессивных и антифашистских организаций, которым она приклеила ярлык «подрывных». В их числе были, например, такие организации:

Конгресс гражданских прав,
Независимый гражданский комитет деятелей искусств, наук и свободных профессий,
Национальный комитет борьбы с антисемитизмом,
Национальный совет американо-советской дружбы,
Комитет унитарной церкви,
Комитет ветеранов для борьбы с дискриминацией,
Объединенный комитет антифашистов-эмигрантов¹.

---

¹ В качестве характерного примера можно привести методы, использованные комиссией против Объединенного комитета антифашистов-эмигрантов. Как писал Альберт Дейч в газете «ПМ», комиссия в данном случае занималась «не расследованием, а инквизицией».

Начиная с 1942 г., Объединенный комитет антифашистов-эмигрантов занимался сбором денег и медикаментов и содержал на свои средства больницы и сиротские приюты, помогая антифашистам-эмигрантам, особенно испанским республиканцам, эмигрировавшим во Францию и в Мексику после захвата власти в Испании фашистом Франко.

В начале 1946 г. «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» объявила Объединенный комитет антифашистов-эмигрантов «подставной организацией коммунистической партии» и потребовала, чтобы эта благотворительная организация представила в комиссию всю свою финансовую отчетность и документы. Когда сотрудники комитета отказались сделать это, его председателя (известного хирурга, д-ра Эдварда Барского), секретаря и 16 членов правления обвинили в «неуважении к конгрессу» и отдали под суд. 16 января 1947 г. федеральный суд признал их всех виновными и приговорил к тюремному заключению на сро-

В ходе этого наступления комиссии на свободу слова и мысли самой ожесточенной и наглой атаке подверглось кино.

20 октября 1947 г., после тщательной и широко рекламированной подготовки, комиссия начала публичное расследование «подрывной деятельности» в Голливуде. Были вызваны две группы свидетелей. Первая состояла из «дружественных свидетелей», в большинстве своем крупных кинозвезд, показания которых, по замыслу комиссии, должны были раскрыть, до какой степени кинопромышленность поражена «коммунистической заразой». В разряд «недружественных свидетелей» были отнесены 19 кинорежиссеров, сценаристов и актеров, являвшихся, по мнению комиссии, руководителями «красного подполья» в Голливуде¹.

Расследование деятельности работников кино сразу же приняло характер какой-то дикой фантазмагии. В зале была установлена целая батарея аппаратов для

ки от 3 до 6 месяцев и к 500 долларам штрафа каждого.

По инициативе «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» после войны был привлечен к суду за «неуважение к конгрессу» ряд других лиц, в том числе председатель комитета гражданских прав Джордж Маршалл; ответственный секретарь Национального совета американо-советской дружбы священник Ричард Морфорд; десять голливудских режиссеров, сценаристов и актеров (о которых говорилось выше); а также член компартии адвокат Леон Джозефсон, в прошлом участник подпольного антифашистского движения в Германии; ему пришлось отсидеть в тюрьме целый год за то, что он отказался давать комиссии показания, заявив, что считает ее антиконституционным органом.

В июне 1947 г. генеральный секретарь коммунистической партии США Юджин Деннис был приговорен к тюремному заключению сроком на 1 год и к штрафу в 1000 долларов по выдвинутому этой же комиссией обвинению в «неуважении к конгрессу». 27 марта 1950 г. верховный суд США утвердил этот приговор.

¹ В числе «недружественных свидетелей» были автор романа «Крест и стрела», лауреат премии имени О. Генри, Альберт Малц; автор пьесы «Торжественный гимн» и известный ученый-историк Джон Говард Лоусон; автор романа «Джонни получил винтовку» Далтон Трамбо; автор пьесы «Жирный боров» Сэмюэль Орниц; Ринг Ларднер младший. По сценариям этих писателей были сделаны, например, такие выдающиеся фильмы, как «Гордость морской пехоты», «Место назначения — Токио», «Операция в Северной Атлантике», «Братство человека» и «Дом, где я живу».

«Недружественными свидетелями» были также режиссер фильма «Перекрестный огонь» Эдвард Дмитрык и его постановщик Адриан Скотт.

киносъемки и звукозаписи, которые фиксировали каждый жест и каждое слово свидетелей и членов комиссии, а также специальное оборудование для передачи заседаний по радио и по телевизионной сети. Журналисты сидели в черных очках, защищая глаза от света мощных прожекторов. Председатель Томас то и дело прерывал заседание, чтобы кинооператоры могли заснять особенно драматические моменты.

Корреспондентка газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» Рут Монтгомери так описывала обстановку заседания во время выступления одного из главных свидетелей, Роберта Тэйлора:

«Больше тысячи женщин, с воплями расталкивая друг друга, штурмовали сегодня зал заседаний комиссии, чтобы посмотреть на знаменитого киноактера Роберта Тэйлора. Зал был переполнен; сотни людей толпились в коридорах. Какая-то 65-летняя старуха взгромоздилась на радиатор отопительной системы, чтобы увидеть звезду экрана, свалилась оттуда и разбила себе голову. Другим в страшной давке порвали платья... Показания Тэйлора часто прерывались исступленными аплодисментами».

Стараясь все время держать голову под таким углом, чтобы фотографии были довольны, Тэйлор торжественно провозгласил: «Я лично считаю, что коммунистическую партию нужно запретить. Будь на то моя власть, я бы их всех отослал назад в Россию». Когда его попросили назвать нескольких коммунистов, работающих в кинопромышленности, он назвал двух актеров. «Сейчас мне приходят на память только эти двое», — сказал он. Потом, после короткой паузы, он неуверенно добавил: «Впрочем, я не совсем уверен, что они коммунисты».

На заслушивание аналогичных показаний прочих «дружественных свидетелей» по вопросу о «коммунистической деятельности» в Голливуде ушло пять дней.

Когда дошла очередь до «недружественных свидетелей», им категорически запретили читать заранее подготовленные письменные заявления, а потом им стали задавать вызывающим тоном вопросы об их партийной и профсоюзной принадлежности. Те, кто заявлял, что постановка таких вопросов является нарушением конституции, получали короткий приказ сесть, а затем председатель Томас обвинял их в «неуважении к конгрессу».

И все же, несмотря ни на какие угрозы, «недружественные свидетели» не дали себя запугать.

«У нас в стране голосование производится тайно, и за кого человек голосует, это его личное дело, — заявил писатель Алва Бесси. — Генерал Эйзенхауэр отказался сообщить, к какой политической организации он принадлежит, а что разрешается ему, то разрешается и мне».

Между тем возмущение общественности этой затеей охватило всю страну. Профсоюзы, гражданские организации, братства, группы верующих, отдельные видные граждане публиковали заявления, в которых осуждали поведение комиссии и всю ее деятельность.

Газета «Детройт фри пресс» писала в передовой:

«Самой что ни на есть антиамериканской деятельностью сейчас в Соединенных Штатах является деятельность Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности...»

Нельзя допускать существования таких комиссий конгресса, которые порочат доброе имя людей ради одного лишь садистского удовольствия видеть потом свои фамилии в аршинных заголовках... конгресс должен возможно скорее ликвидировать орган, лицемерно называющий себя «Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности».

Столкнувшись с нарастающим возмущением общественности и испугавшись смелого поведения свидетелей, «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» неожиданно прекратила расследование, не доведя его до конца. 30 октября, когда было опрошено всего 10 из 19 «недружественных свидетелей», Томас вдруг объявил, что дальнейшее слушание дела откладывается на неопределенный срок.

Человеческое достоинство и силы демократии в Соединенных Штатах одержали крупную победу.

Но эта победа не была полной.

25 ноября 50 руководителей американской кинопромышленности, в числе которых были представители всех крупнейших фирм и большинства «независимых» студий, не входящих в крупные объединения, опубликовали заявление, в котором говорилось, что они решили не держать у себя на работе коммунистов, а также «освободить от занимаемых должностей и уволить без выплаты компенсации» десять работников Голливуда, обвиненных

в «неуважении к конгрессу», которые к тому времени еще находились у них на службе¹.

Томас восторженно приветствовал этот шаг кинопромышленников как «очень полезное мероприятие и чувствительный удар по коммунистам». «Мы будем продолжать наши расследования и разоблачения», — заявил он².

Важнее всего было, однако, не то, что «Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности», став в 1947 г. постоянным органом конгресса, продолжала в чрезвычайно возросших масштабах плести гнусный заговор против демократии, начало которому было положено за 10 лет до того Дэй-сом. Важнее всего было то, что политика правительства США во многих отношениях уподобилась политике этой комиссии.

При Рузвельте руководящие работники министерства юстиции называли «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» «антидемократическим учреждением», которое само «ведет чуть ли не подрывную работу». Теперь же министр юстиции Том Кларк³ на одном из заседаний комиссии заявил ее членам:

---

¹ Это заявление редактировал в качестве юрисконсульта бывший государственный секретарь США Джемс Ф. Бирнс.

² 8 ноября 1948 г. федеральное Большое жюри предъявило Томасу, который состоял членом «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» с момента ее основания в 1938 г., обвинение в преступном сговоре с целью обмана государства. В обвинении указывалось, что он включал в свои собственные платежные ведомости и в ведомости «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» лиц, которые никакой работы ни для него, как члена конгресса, ни для комиссии не выполняли, а полученное жалование передавали ему. Этой преступной деятельностью Томас, по данным обвинения, занимался с января 1940 г.

Негодующим тоном отрицая свою вину, Томас заявил, что он будет «продолжать разоблачать участников коммунистического, заговора, кем бы они ни являлись: правительственными служащими, учеными, дипломатами, профсоюзными лидерами или кинозвездами».

Суд признал Томаса виновным и 9 декабря 1949 г. приговорил его к тюремному заключению на срок от 6 до 18 месяцев и к штрафу³ в сумме 10 тыс. долларов.

³ Президент Трумэн назначил своего старого приятеля Тома К. Кларка министром юстиции США в мае 1945 г.

Бывший техасский адвокат, Кларк попал в министерство юстиции в 1937 г., по протекции известного поборника идеи «превосходства белой расы» сенатора Тома Коннэли. Впоследствии Кларк стал помощником министра юстиции. Журнал «Лайф» писал, что «он с 1922 г. делал себе карьеру тем, что приобре-

«Можно, мне кажется, сказать, что вы в конгрессе и мы в министерстве юстиции работаем, как хорошие соседи, и ставим себе одну и ту же цель. Деятельность вашей комиссии... может принести американскому народу большую пользу».

При Рузвельте даже Дж. Эдгар Гувер тщательно избегал всякого открытого общения с комиссией. Теперь же, по словам журнала «Лайф», комиссия пользуется «сердечной поддержкой Федерального бюро расследований». Глава последнего, Гувер, заявил:

«Поскольку эта комиссия выполняет свой долг и выявляет важные факты, все честные патриоты в Америке должны ее поддерживать».

При Рузвельте руководящие правительственные деятели особенно резко осуждали такую сторону пропагандистской деятельности комиссии, как ее частые выступления на тему о «проникновении коммунистов» в федеральные органы власти и ее постоянные требования «чистки» государственного аппарата от «нелояльных служащих», а теперь президент Трумэн сам издал 22 марта 1947 г. приказ о проверке лояльности всех

тал друзей и использовал их влияние». Гарольд Икес отзывался о Кларке, как о «второразрядном политикане, весь талант которого состоит в том, что он знает, кого и когда нужно похлопать по плечу».

В 1930-х годах, когда Кларк еще не служил в министерстве юстиции, а занимался частной адвокатской практикой в Техасе, следственная комиссия сената штата Техас обвинила его в неэтических действиях в качестве лоббиста компаний «Синклер ойл» (до сих пор возглавляемой Гарри Синклером, который был замешан в скандале с Типот Доум), «Стандард ойл», «Этил гэс корпорейшн» и других нефтяных фирм.

Комиссия техасского сената констатировала, что доходы Кларка в это время «внезапно очень сильно повысились», но что Кларк «отказался представить комиссии информацию по этому вопросу, а банк, в котором он держит деньги, не согласился предъявить относящиеся к этому документы».

Следственная комиссия сообщила также, что Том Кларк и двое его компаньонов весьма сомнительными путями добились контроля над страховой компанией «Тексас саусуэстерн лайф иншуренс компани». Комиссия потребовала расследования дела Кларка и его коллег по подозрению в нарушении ими антитрестовских законов. Однако делу не был дан дальнейший ход. К тому времени компаньон Кларка по адвокатской конторе Вильям Макгроу стал главным прокурором штата.

28 июля 1949 г. Трумэн назначил Кларка членом верховного суда.

правительственных служащих и об увольнении с работы тех, кто будет признан «нелойяльным».

Президент Рузвельт отзывался о «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», как о «низком, исключительно несправедливом и антиамериканском учреждении».

Президент Трумэн в своем приказе о проверке лойяльности указал «а «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности», как на один из четырех следственных органов, мнение которых должно учитываться в первую очередь при определении того, можно ли считать данного государственного служащего лойяльным или нет.

Глава XIV

ВАШИНГТОНСКИЕ МРАКОБЕСЫ

А чтобы никто не смог убедить вас, почтенные лорды и представители общин, что эти доводы людей просвещенных против вашего приказа не продиктованы чистосердечными побуждениями, а представляют лишь цветы красноречия, я могу поведать вам о том, что я видел и слышал в других странах, где над людьми властвует подобная же инквизиция... Там я разыскал и посетил знаменитого старца Галилея, ставшего узником инквизиции за то, что он исповедует не такие взгляды на астрономию, какие разрешают исповедовать францисканские и доминиканские монахи.

Джон Мильтон. Речь в парламенте, 1644 г.

Страна будет кишеть доносчиками, соглядатаями, наушниками — всеми гнусными ползучими тварями, которые плодятся под лучами самовластья... Минуты нерушимого доверия, излияния дружбы, радости домашнего очага — все будет отравлено... Не дадим никому права говорить, что мы разжигаем страсти под предлогом угрозы иностранной агрессии, а на самом деле стремимся установить тиранию у себя дома, и что мы, глупцы, называем себя свободными и просвещенными гражданами, а на самом деле исповедуем принципы, которые были бы позором даже для готских варваров.

Из выступления члена палаты представителей Эдуарда Ливингстона против «закона о бунтах» 1798 г.

Не ведете ли вы знакомство и дружбу с умными, толковыми людьми?

Вопрос, заданный в 1948 г. одной комиссией по проверке лояльности государственному служащему, обвинявшемуся в нелояльности.

1. Приказ о проверке лояльности

Через 10 дней после того, как президент Трумэн провозгласил в конгрессе США так называемую «доктрину Трумэна», он издал приказ № 9835 о проверке лояльности. Эти два события были связаны между собой не

только во времени. Если целью «доктрины Трумэна» было поддержать иностранную реакцию и контрреволюцию в интересах борьбы с «коммунистической экспансией» за границей, то приказ о проверке лойяльности означал установление «контроля над мыслями» и режима репрессий в интересах борьбы с «коммунистической угрозой» в США.

Оба эти акта составляли единое целое. В обоих наша свое выражение глубокая перемена, совершившаяся в Соединенных Штатах после смерти Франклина Рузвельта.

В день опубликования приказа президента вашингтонский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс подчеркивал широкий размах этого мероприятия и серьезные последствия, которые оно будет иметь для всей страны.

«Приказ президента Трумэна, — писал он, — распространяется примерно на 2 200 000 человек, работающих в органах исполнительной власти. Этот приказ можно применить ко всякому — начиная с президента США и кончая уборщицей почтового отделения в самом маленьком местечке...»

Приказ о проверке лойяльности не давал точного определения понятия «лойяльность», но он вводил сложную процедуру проверки, в том числе создание комиссий по проверке лойяльности во всех правительственных учреждениях и составление министром юстиции списка «нелойяльных организаций». Официальной целью этого мероприятия было «в максимальной степени уберечь США от проникновения нелойяльных людей в ряды государственных служащих».

На деле приказ не давал никаких средств борьбы с деятельностью иностранных агентов и шпионов в правительственном аппарате. Для этого было вполне достаточно уже существующих федеральных законов. Один из партнеров известной вашингтонской адвокатской фирмы «Арнольд, Фортас и Портер», Л. А. Николорич, поместил в журнале «Прогрессив» статью под названием «Наша противозаконная программа проверки лойяльности». В этой статье говорилось:

«Программа проверки лойяльности не поможет нам выловить ни одного шпиона, потому что ее сущность в известном смысле соответствует ее назва—

нию. Это—способ проверить, насколько безраздельно служащие федерального правительства придерживаются некоего образа мышления, который приказом не определен. Приказ издан якобы для того, чтобы выловить коммунистов, но если вы находитесь на государственной службе, то вас можно опозорить на всю жизнь, даже если вы и не коммунист и никогда им не были. Если вы находитесь на службе федерального правительства, то вас можно счесть не—лояльным, если, по мнению существующей в вашем учреждении комиссии по проверке лояльности, вы

1) сочувствуете или когда-либо сочувствовали коммунизму,

2) относитесь или когда-либо относились сочувственно к организациям, которые якобы сочувствуют коммунизму,

3) общаетесь с лицами, входящими в 1-ю или 2-ю группу,

4) по мнению других лиц, проявляете чрезмерную словоохотливость в присутствии лиц, входящих в 1, 2 или 3-ю группу».

К этому Николорич добавлял:

«Кроме того, вовсе не обязательно, чтобы комиссия по проверке лояльности доказала вашу принадлежность к одной из этих категорий. Если даже относительно вас существует лишь сомнение, ваше дело уже проиграно».

13 апреля 1947 г. газета «Нью-Йорк таймс» поместила письмо в редакцию, подписанное четырьмя виднейшими юристами: деканом Гарвардского юридического института Эрнестом Грисуолдом, видным специалистом по законодательству о трестах Остином Скоттом, профессором права Гарвардского юридического института Мильтоном Кацом и другим профессором этого же института, известным знатоком государственного права Захарией Чэфи младшим. Комментируя порядок ведения дел, установленный приказом президента о проверке лояльности эти юристы писали:

«Приказ не требует предъявления обвиняемому доказательств его вины, чтобы он имел возможность их опровергнуть. Да и вообще приказ не требует, чтобы при разборе дела предъявлялись какие бы то ни было доказательства вины.

Приказ не требует ведения при разборе дела подробного протокола, да и вообще какого бы то ни было протокола. Он не требует, чтобы заключение комиссии по проверке лояльности основывалось на каких-либо доказательствах...»

Однако выборные представители американского народа в конгрессе вовсе не проявили такого беспокойства по поводу антидемократического и антиконституционного характера приказа о проверке лояльности. Члены конгресса — как демократы, так и республиканцы, — за немногими исключениями, восторженно приветствовали приказ Трумэна как «существенную гарантию» благополучия страны.

«Радостно видеть, что Трумэн, наконец, убедился в справедливости того, о чем мы твердили ему все последние годы», — заявил лидер республиканцев в палате представителей Джозеф Мартин.

«Программа президента почти в точности совпадает с тем, чего «Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности» требует уже по меньшей мере четыре года», — сказал один из самых активных членов этой комиссии Карл Мундт.

По мнению члена палаты представителей Джона Рэнкина, приказ президента дает «именно то, что требуется нашей стране».

4 мая 1947 г. юрист Абрахам Померанц, вернувшись из Германии, где он участвовал в нюрнбергском процессе в качестве главного советника американского обвинения, обратился в редакцию газеты «Нью-Йорк таймс» с письмом, в котором говорилось:

«Мы узаконили у себя те самые деспотические методы немцев, против которых мы сражались. Я имею в виду приказ нашего президента, на основании которого можно без суда прогнать с работы любого из двух с половиной миллионов государственных служащих, если только он является или когда-нибудь состоял членом или «сочувствующим» какой-нибудь организации или группы лиц, которую министр юстиции США включил в свой секретный «черный» список.

Осужденной таким образом организации не предъявляется никакого обвинения. Ей даже не сообщается о том, что ее лояльность поставлена под

сомнение. Ее не выслушивают, ей не предоставляется возможность опровергнуть обвинение... Американскому гражданину не дается возможность возражать против единоличного осуждения министром юстиции той организации, в которой этот гражданин состоит.

Это осуждение без суда, заимствованное из практики худших времен фашистской инквизиции, является для американского судопроизводства разительным новшеством».

Далее Померанц писал:

«На мой взгляд, приказ президента как по существу, так и с точки зрения процедуры представляет собой самый фашистоподобный и террористический закон, когда-либо издававшийся в США со времени появления закона об иностранцах и «закона о бунтах».

Но осуждение приказа о проверке лояльности не смутило министра юстиции Тома Кларка. Высказывания этого изысканно любезного техасца удивительно походили на речи министра юстиции Пальмера во время антикоммунистической кампании, вспыхнувшей после первой мировой войны. Он изображал проверку лояльности как средство содействия успеху «христианских принципов» и защиты «демократии и конституционных прав, завоеванных нашими праотцами с оружием в руках».

На основании материала, представленного в основном ФБР и «Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности», министр юстиции составил документ, который газета «Нью-Йорк таймс» назвала «первым списком коммунистических организаций, руководствуясь которым можно будет выловить нелояльных государственных служащих». В этом списке значилось 78 организаций, являвшихся, по мнению Кларка, «тоталитаристскими, фашистскими, коммунистическими или подрывными».

Примерно половину этого числа составляли немецкие, японские и итальянские организации, орудовавшие в США до второй мировой войны или во время войны. Но ни одна из этих организаций к тому времени уже не существовала. В остальной же части списка значились главным образом прогрессивные и левые группы, коми-

теты защиты гражданских свобод и антифашистские организации. По словам газеты «ПМ», составляя этот список, Кларк явно шел на поводу у «Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности»¹.

28 мая 1948 г. Кларк опубликовал второй «подрывной» список, в котором в разряд нелояльных были отнесены еще 32 организации. Единственной фашистской организацией, включенной в этот список, была «заграничная организация НСДАП» (германской нацистской партии), которая, разумеется, прекратила свое существование задолго до того, как Кларк составлял этот список.

Что касается способа применения своих списков, то министр юстиции дал на сей предмет следующее разъяснение: «Мы будем действовать по-американски... законным и организованным порядком. Мы не станем применять гитлеровскую тактику гестапо, не станем уничтожать свободу и справедливость, за сохранение которых мы так ожесточенно сражались».

Но действия созданных приказом президента комиссий по проверке лояльности говорили громче слов министра юстиции. Эти действия вскоре создали в США то, что Абрахам Померанц назвал «подобием зловонных германских народных судов».

2. За закрытой дверью

«Порядок разбора дел в комиссии по проверке лояльности, — писал в своей статье «Наша противозаконная программа проверки лояльности» адвокат Л. А. Николорич, — нарушает пятую и шестую поправки к биллю о правах. Государственный служащий держит ответ по поводу предъявленных ему обвинений, не перед беспристрастным судьей, а перед теми же, кто его обвиняет. Ему не сообщают, от кого получены порочащие его сведения. Он не может доказать недостоверность источника этих сведений... Он может оправдаться, лишь дока-

---

¹ В числе прогрессивных организаций, включенных в список Кларка, наряду с коммунистической партией США были Конгресс гражданских прав, Объединенный комитет помощи эмигрантам-антифашистам, Национальный совет американо-советской дружбы, Союз ветеранов для борьбы с дискриминацией, Национальный негритянский конгресс, Американский объединенный союз негров и ветеранов, Международный рабочий орден.

зав свое «лоийальное» умонастроение — понятие весьма туманное».

Но «самой отвратительной чертой» программы проверки лойяльности, пишет Николорич, «является характер улик, на которых строится обвинение».

В подтверждение этого Николорич, защищавший ряд правительственных служащих на процессах, связанных с проверкой лойяльности, приводит несколько характерных примеров из своей практики.

«Мисс А. раз в неделю собирала деньги в фонд военной помощи России перед одним кинотеатром, кроме того она приглашала сенаторов Болла и Пеппера выступать в ее городе с речами на тему о необходимости союза с Россией. Все это происходило в 1943 г., когда русские несли на своих плечах основное бремя войны в Европе. Мисс А. работала также в Красном Кресте, собирала деньги и свитеры в фонд помощи Англии и Франции и дежурила один вечер в неделю в «Объединенной организации по обслуживанию вооруженных сил». На основании всего этого ее обвинили в «нелойяльности».

Г-н Б. женился на девушке, которая за десять лет до этого, учась на втором курсе колледжа, состояла членом комсомольской организации. Комсомольская организация ее колледжа занималась главным образом вопросами удешевления стоимости общежитий и повышения оплаты за работы, выполнявшиеся студентами. Пробыв в комсомоле месяцев 6—8, девушка из него вышла и с тех пор никакой связи с коммунизмом ей не приписывается. Г-н Б. был обвинен в «нелойяльности».

У г-на В. был знакомый по колледжу, которого он не видел 15 лет. Этот знакомый был привлечен к суду по одному из дел «коммунистов». Когда он обратился к своим приятелям, бывшим одноклассникам, с просьбой о поддержке, г-н В. принял участие в сборе денег на расходы по приглашению защитника. За это он был обвинен в «нелойяльности», хотя его знакомый и был оправдан.

Г-н Г. служил по вольному найму в оккупационных силах США в Японии. На одном совещании он внес предложение о том, чтобы при распределении удобрений среди японских крестьян оккупационные

власти, в целях борьбы с утайкой продовольствия, потребовали немедленной продажи известной доли продукции сельского хозяйства через каналы, контролируемые оккупационными властями. Старший из присутствовавших офицеров спросил, не коммунист ли он и верит ли он в свободу частной инициативы. Г-н Г. ответил, что он не коммунист и верит в частную инициативу, но считает, что его предложение поможет обуздать «черный рынок». Вскоре после этого г-н Г. был освобожден от работы и откомандирован в Соединенные Штаты, чтобы держать ответ по обвинению в «нелойальности».

Один из сослуживцев г-на Д. сообщил ФБР, что, как он «слышал», теща г-на Д. сочувствует русским. Г-н Д. был обвинен в «нелойальности».

И это не единичные случаи. Таковы, по словам Николорича, «обвинения, типичные для большого количества дел, с которыми я знаком. Часто служащий даже после окончания процесса не в состоянии понять, почему он оказался в положении обвиняемого».

Допросы правительственных служащих комиссиями по проверке лойальности носили не менее дикий характер, чем «улики», на основании которых им предъявлялись обвинения в «нелойальности». Приведем несколько типичных вопросов, задававшихся этими комиссиями. Они взяты из стенограмм заседаний:

«Ведете ли вы знакомство или дружбу с умными, толковыми людьми?»

«Есть ли у вас какая-нибудь книга Джона Рида?»

«Вас подозревают в том, что вы сочувствуете обездоленным людям. Верно ли это?»

«Родился ли ваш отец в Америке? А дед?»

«Считаете ли вы, что форма правления, существующая в России, годится для русских?»

«Одобряете ли вы план Маршалла?»

«Как вы относитесь к изоляции негров?»

«Приглашали ли когда-нибудь вы или ваша жена негра к себе домой?»

«Не считаете ли вы, что у вашей жены либеральные политические взгляды?»

«Был ли когда-нибудь кто-либо из ваших родственников членом коммунистической партии?»

«Были ли вы с женой когда-нибудь в таком месте, где высказывались либеральные взгляды?»

«Что вы думаете о положении в Италии?»

«Понимаете ли вы, почему католическая церковь выступает против коммунизма?»

«Как бы вы поступили, если бы обнаружили, что ваша жена коммунистка?»

Собирая материалы для серии разоблачительных статей на тему о программе проверки лояльности, Берт Эндрюс, лауреат премии Пулитцера в области журналистики за 1947 г., заведующий вашингтонским отделением газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», посетил государственный департамент, чтобы познакомиться с делами семи служащих, уволенных по обвинению в «нелояльности». В частной беседе с тремя чиновниками государственного департамента Эндрюс подверг сомнению «справедливость и пристойность» такого порядка, при котором служащего обвиняют в «нелояльности» и увольняют, «не дав ему возможности узнать, кто и в чем его обвиняет».

«Разве это по-американски?» — спросил Эндрюс.

Наконец одному из собеседников Эндрюса этот разговор надоел, и он выпалил:

«Зачем в подобных вопросах ходить вокруг да около? Вполне возможно, что любой из нас мог бы стать жертвой очередной судебной инсценировки, будь у него в департаменте достаточное количество врагов, которым хотелось бы от него избавиться».

Эндрюс слушал его, все больше изумляясь. Чиновник продолжал:

«Да, это вполне возможно. И у нас будет не больше возможности оправдаться, чем у мистера... — он назвал одного из уволенных служащих департамента, — даже если бы мы были совершенно невиновны».

«Как вы сказали?» — спросил пораженный Эндрюс. Чиновник спокойно повторил свои слова. «Если человек с вашим умом, — сказал Эндрюс, — может говорить такие вещи, не испытывая стыда и не чувствуя опасности, которая грозит и ему, то здесь у нас что-то не в порядке».

Да, определенно что-то было не в порядке, и притом не только в столице, но и во всей стране.

СИСТЕМА ПОДАВЛЕНИЯ

«На наших глазах чрезвычайные полномочия, которые были необходимы для спасения страны во время войны, широко применяются и после того, как отпали военные ограничения, и в условиях, для которых они не были предназначены. Учитывая этот прецедент, мы имеем серьезные основания сомневаться, уцелеет ли существующее еще в нашей республике конституционное правление после другой большой войны, даже если она окончится нашей победой.

Из речи Чарльза Эванса Юза в Гарвардском юридическом институте 21 июня 1920 г.

В действительности Америку в настоящее время предают... именно те лжепатриоты, которые заглушают голос правды, мешают социальному прогрессу, лишают людей права свободно мыслить и, в то время когда над головой собираются зловещие грозовые тучи, изображают Америку как нежного голубя мира и благополучия, как райскую птицу, несущую благую весть охваченному отчаянием человечеству.

Из предисловия Сэмюэля Д. Шмальгаузена к книге «Смотри, Америка!», вышедшей в 1931 г.

1. Зловещий план

15 июня 1947 г., возвращаясь в Вашингтон из официальной поездки в Канаду, президент Трумэн решил по пути насладиться зрелищем знаменитого Ниагарского водопада. Несколько мгновений он задумчиво молчал, созерцая лавину ревущей воды, а затем глубокомысленно заметил: «Да, не хотел бы я переправиться через него в бочке».

Но в то время перед американским народом стояли более насущные проблемы.

После войны стоимость жизни продолжала расти, а заработная плата далеко от нее отставала. К июню 1947 г., по официальным данным министерства труда,

цены возросли на 18% по сравнению с июнем 1946 г. «Если стоимость жизни будет расти и впредь,— предупреждал инспектор нью-йоркских больниц доктор Эдуард Бернекер,— возникнет серьезная угроза ухудшения состояния здоровья широких слоев населения. Если цены на продовольствие будут повышаться и дальше, заболеваемость населения, ослабленного недоеданием, неизбежно возрастет». Сенатор же Роберт А. Тафт сухо заметил по поводу значительного роста продовольственных цен, что он согласен с Гербертом Гувером: «Самый правильный выход заключается в том, чтобы люди отказались от излишеств и ели поменьше».

Жилищный кризис достиг чудовищных размеров. Около трех миллионов семей не имели своего крова: сотни тысяч были заняты безнадежными поисками жилья; свыше 20 млн. человек ютились в трущобах, лачугах и в домах, где в случае пожара они сгорели бы заживо; одна треть всех семей в стране жила в домах, совершенно непригодных для жилья.

А наряду с понижением жизненного уровня американского народа неумолимо развивалось наступление на его политические и экономические права.

На рассмотрении конгресса находилось более двухсот законопроектов, направленных против интересов рабочего класса. Один штат за другим принимал законы, подрывавшие силу профсоюзного движения. В Небраске, Южной Дакоте и Аризоне система «закрытых цехов» была объявлена незаконной. Так называемые законы о «праве на труд», направленные против этой системы, были приняты в штатах Северная Каролина, Джорджия, Вирджиния, Теннесси, Арканзас, Флорида и Алабама.

В связи с тем, что законодательное собрание штата Техас утвердило восемь антирабочих законов, ассоциация промышленников этого штата с удовлетворением отмечала: «Действия законодательного собрания... отвечают целям нашей ассоциации».

23 июня 1947 г. конгресс Соединенных Штатов принял закон, который, по словам «Американского союза защиты гражданских свобод», «одним ударом, направленным против политического и экономического влияния профсоюзов, ликвидировал многие из прав, которые рабочий класс ценою больших усилий завоевывал на протяжении десяти с лишним лет».

Этим законом, официально именующимся «Законом 1947 г. о регулировании взаимоотношений между предпринимателями и рабочими», а менее официально — «законом Тафта — Хартли», был фактически отменен исторический «Закон о трудовых отношениях». Законом Тафта—Хартли запрещены: система «закрытых цехов»; заключение коллективных договоров в масштабе целой отрасли промышленности; так называемые «законные» забастовки (при нарушении предпринимателями условий договора) и забастовки правительственных служащих; восстановлено право предпринимателей прибегать к постановлениям суда для подавления забастовок; профсоюзам запрещено собирать и расходовать средства на политические цели; профсоюзы, руководители которых не присягнули в том, что они не являются коммунистами, лишаются своих прав.

«Этот законопроект — не пустяк, — заявил его главный автор, сенатор Роберт А. Тафт, во время обсуждения законопроекта в сенате. — Он охватывает около трех четвертей вопросов, на разрешении которых усиленно настаивают предприниматели».

По словам председателя Национальной ассоциации промышленников Эрла Бантинга, новый закон «чрезвычайно полезен» и несет «лучшее будущее всем».

Журнал «Нью-рипаблик» писал:

«Если компании, враждебно относящиеся к рабочим организациям, полностью используют закон Тафта—Хартли, а настроенное точно так же правительство полностью поддержит их в этом деле, то новый закон может вообще уничтожить профсоюзное движение в Америке»¹.

«Конгресс восьмидесятого созыва покончил с губительным «новым курсом», — говорилось в документе раз-

---

¹ Когда законопроект, принятый конгрессом в первом чтении, был направлен в Белый дом, Трумэн наложил на него «вето» и в своем послании, состоявшем из 5 500 слов, назвал его «прямой угрозой успешному функционированию нашего демократического строя». Однако многие считали, что это было лишь политически выгодным для него жестом: дело в том, что приближались президентские выборы 1948 г.

20 июня, когда было опубликовано послание Трумэна, вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Уильям С. Уайт сообщал, что президент «до сих пор не дал ни малейшего пово-

мером в 23 страницы, озаглавленном «Республиканский конгресс в действии», который был выпущен в 1947 г. Национальным комитетом республиканской партии в порядке подытоживания достижений первой сессии этого конгресса. — Этот конгресс сделал значительные успехи в выполнении обширной программы ликвидации того хаоса, который остался после 14 долгих лет безответственного правления демократов—сторонников «нового курса».

«Республиканская партия действует в интересах крупного капитала, — коротко ответил на это ответственный секретарь Национального комитета демократической партии Гэл Салливэн. — Она выполняет волю Уолл-стрита».

Разумеется, Салливэн ни словом не обмолвился о тесном сотрудничестве между республиканцами и демократами в конгрессе, поддерживающими политику «холодной войны», доктрину Трумэна, выдвинутую президентом инквизиторскую программу проверки лояльности, увеличение ассигнований на нужды «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», утверждение закона Тафта—Хартли и другие меры, принимавшиеся конгрессом в порядке ликвидации последних остатков «нового курса».

2. Страх

В августе 1947 г. «Американский союз защиты гражданских свобод» опубликовал доклад, подводивший итоги тому, что произошло за последний год с «американскими свободами». В этом докладе говорилось:

«На положении в стране все больше сказывается общее движение вспять, к национализму, милитаризму и защите статус-кво. Сталкиваясь с любыми вопросами, имеющими какое-либо отношение к коммунизму, многие государственные и общественные деятели проявляют возбуждение граничащее с истерией. Положение еще больше обострилось в связи

да ожидать, что Белый дом окажет давление» с целью мобилизовать демократическую партию против законопроекта. Поскольку фактически было уже предreshено, что конгресс отвергнет «вето» президента, Трумэн таким образом изобразил широко разрекламированную, но заведомо совершенно безрезультатную попытку в последний момент «воспротивиться» утверждению этого законопроекта.

с провозглашением внешней политики, имеющей своей целью борьбу с ростом советского влияния.

В этой атмосфере воинствующего консерватизма силы прогресса почти неизбежно встречались с противодействием: шло наступление на уже провозглашенные при их содействии права и свободы. Либеральные элементы и национальные меньшинства вынуждены были перейти к обороне по всей линии».

Даже в дни «пальмеровских облав» и свирепого похода против коммунизма после первой мировой войны традиционные американские свободы не испытывали таких сильных ударов, как летом 1947 г.

Повсюду в стране проводились расследования деятельности коммунистов, разворачивалась травля «красных», преследование прогрессивных элементов, «чистки».

Повсюду агенты федеральной полиции, шпионы, правительственные следователи и частные сыщики совали свои носы в частные дела американских граждан, составляли огромные «черные» списки «радикальных агитаторов» и людей, «сочувствующих коммунистам», собирали подробные материалы о «попутчиках», антифашистах и либералах.

Прослужив четверть века в ФБР, Дж. Эдгар Гувер достиг видного положения.

«Директор Федерального бюро расследований, — писал Джен Хасбрук в журнале «Нью-рипаблик» 15 декабря 1947 г., — принадлежит к пятерке самых влиятельных людей в Вашингтоне».

Его тайные агенты проникали во все уголки. Его шпионами, следователями и осведомителями кишели профсоюзы и политические партии, редакции газет и университеты, коммерческие компании и профсоюзы, местные органы полиции и суды, правительственные учреждения и вооруженные силы. По меткому выражению Билля Дэвидсона в журнале «Коронет», Дж. Эдгар Гувер был «главным распорядителем охоты».

Подобно прежнему начальнику Гувера, А. Митчеллу Пальмеру, министр юстиции Том Кларк проводил широкую кампанию высылки «радикальных» иностранцев. Однако по словам обозревателя газеты «ПМ» Макса Лернера:

«Том Кларк... научился кое-чему из того, чего не понимал Пальмер. Он не арестовывает тысяч

людей и не пытается выслать их в течение одного месяца... Аресту подвергаются только иностранцы, играющие руководящую роль в радикальной политической деятельности и в левых профсоюзах. Кларк арестовывает по одному человеку за раз... но всегда крупных людей, и об этих арестах газеты всегда сообщают на первых страницах. Он не арестовывает никого без ордера, но отказывается выпускать арестованных под залог... Нельзя не признать, что министерство юстиции ушло далеко от... примитивных методов, применявшихся в дни Пальмера»¹.

В ряде штатов были созданы свои собственные, местные «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности»; на основе «данных» этих комиссий разрабатывались проекты законов о репрессиях.

11 августа 1947 г. журнал «Нью-рипаблик» поместил под общим заголовком «Доклад о состоянии наших гражданских свобод» ряд сообщений из разных районов страны, ярко показывавших размах и интенсивность антидемократической кампании. Из Мичигана корреспондент «Нью-рипаблик» Эндрю Бишоп сообщал, что «со времени «пальмеровских облав» гражданские свободы здесь еще никогда не испытывали таких тяжелых ударов, как теперь». В Калифорнии, писал Роберт Кинкейд, «нынешнее наступление на гражданские свободы... выражается в попытках ввести «контроль над мыслями» государственных служащих, учителей и профсоюзных дея-

---

¹ В числе наиболее известных людей, арестованных в 1947—1948 гг. с целью высылки их из страны, были: секретарь Национального профсоюза моряков Фердинанд Смит; заместитель председателя Межнационального союза рабочих кожевенной и меховой промышленности Ирвинг Поташ, заместитель председателя Объединенного союза рабочих химической промышленности Америки Гарольд А. Дойл; руководящие работники коммунистической партии Джон Уильямсон и Клавдия Джонс; секретарь Американского славянского конгресса Джордж Пиринский; лидеры «Международного рабочего ордена» Питер Харасиадес и Генри Подольский.

Министерство юстиции в 1949 г. расширило рамки своего наступления на неамериканцев, объявив, что оно намерено лишить прав гражданства около 250 иммигрантов, ранее принятых в число граждан США.

В результате судебного процесса, длившегося около пяти месяцев, 4 апреля 1950 г. один из руководителей профсоюзного движения на тихоокеанском побережье США, Гарри Бриджес, был признан виновным в лжесвидетельстве и преступном сговоре; при-

телей, в усилении экономического давления на национальные меньшинства и в уничтожении школьных учебников, якобы «пропитанных бунтарским духом». Гулд Бич писал: «Реакционеры на Юге лихорадочно ищут новых, все более изощренных методов подавления профессиональных союзов, негров и «коммунистов»... Повсюду для реакционеров наступили «боевые дни».

В университетах и научно-исследовательских институтах, на фабриках и в различных обществах, в профсоюзах и в организациях ветеранов, в федеральных учреждениях, в муниципалитетах и в учреждениях штатов — повсюду проводилась проверка лояльности, в ходе которой американцев заставляли отчитываться в своих социальных и политических взглядах.

26 ноября 1947 г. 22 преподавателя юридического факультета Йэйлского университета обратились к президенту Соединенных Штатов, государственному секретарю и председателю палаты представителей с письмом, в котором указывали, что со времени окончания войны демократия в США потерпела огромный урон. В этом письме, в частности, говорилось:

«Планы подавления всего демократического исходят из самых высоких правительственных сфер. В числе наиболее тревожных симптомов можно назвать изданный прошлой весной приказ президента о проверке лояльности, недавно опубликованное министерством юстиции «Заявление о принципах безопасности» и повседневную практику Комиссии палаты

нимая присягу при вступлении в американское гражданство, он якобы утаил свою принадлежность к коммунистической партии. Бриджес был приговорен к тюремному заключению сроком на 5 лет; кроме того, власти сразу же поставили вопрос о лишении его гражданства США и о высылке из страны. В числе свидетелей обвинения, на показаниях которых был основан обвинительный приговор Бриджесу, были лица, в свое время уже сознававшиеся в лжесвидетельстве, как, например, агент ФБР, специалист по шпионажу в профсоюзах Лоренс Росс.

О тактике министерства юстиции в этом деле лучше всего говорит следующий необычный эпизод. Во время процесса два агента министерства юстиции явились к одному из членов профсоюза, руководимого Бриджесом, некоему Герману Манну, и предложили ему предоставить бесплатное лечение его больной раком жене Б содержащейся за счет правительства ракового институте, если Манн покажет на суде, что Бриджес коммунист. Манн отверг это предложение. Вскоре после этого его жена умерла.

представителей по расследованию антиамериканской деятельности...

Имеются угрожающие признаки того, что если не положить конец этому преследованию за убеждения, оно может приобрести такой размах, какого не имело даже в самые мрачные периоды нашей истории.

В результате этого расовый, религиозный и всякий иной фанатизм, если дать ему свободу, вызовет вспышку нетерпимости, которая приведет к полному уничтожению гражданских свобод, а без них демократическое общество существовать не может».

В статье, опубликованной в «Лойерс гилд ревью», преподаватель права Чикагского университета Ричард Р. Уатт писал: «Дух фашизма все шире распространяется в Америке. Исчез дух, породивший мечту о «четыре-х свободах», и у нас на родине эти свободы уже оказались под угрозой... Здесь витает дух фашизма; а ведь прошло только два года с тех пор, как мы разгромили фашизм на полях сражений за океаном».

Никогда, даже в самые тяжелые и опасные моменты второй мировой войны, американский народ не испытывал такой жгучей тревоги, какая сейчас, через два года после войны, охватила всю страну.

Страх, как черная туча, навис над всей страной; его тень легла на все области нашей жизни: это — страх перед третьей мировой войной, страх перед атомным и бактериологическим оружием, страх перед новым кризисом, страх перед перспективой оказаться «вычищенным» по обвинению в «нелояльности», страх перед тем, что грозит всякому, объявленному «красным».

«Вашингтон и вся страна во власти истерии», — заявил известный радиокомментатор Элмер Дэвис, бывший глава Бюро военной информации, выступая по радио (через «Америкэн бродкастинг компани»).

«Мы, американцы, — писала газета «ПМ», — живем в век страха».

Вот такие настроения господствовали в стране через пятнадцать лет после того, как президент Рузвельт в своем послании по случаю вступления на пост президента заявил народу:

«Позвольте мне выразить твердую уверенность в том, что нам совершенно нечего бояться, кроме самого страха».

О напряженной атмосфере страха, господствующей в Америке после войны, свидетельствует и количество внезапных смертей и самоубийств. 3 ноября 1947 г. покончил жизнь самоубийством у себя дома в Конкорде, штат Нью-Гэмпшир, видный деятель «нового курса» и бывший посол США в Англии Джон Гильберт Уайнант. 4 июня 1948 г. перерезал себе горло бывший служащий государственного департамента Мортон Кент, обвинявшийся «в попытке установить связь с советским агентом». Два месяца спустя, 16 августа, бывший заместитель министра финансов Гарри Дектер Уайт умер от сердечного приступа после мучительного допроса в «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». 20 декабря 1948 г. бывший сотрудник государственного департамента Лоренс Дагган, обвинявшийся в принадлежности к коммунистической партии, выпрыгнул из окна одного нью-йоркского небоскреба. 24 декабря 1948 г. покончила с собой нью-йоркская учительница Минни Гатрайд, по поводу «коммунистической» деятельности которой велось расследование. 14 февраля 1950 г. Эмили Андерсон, проживавшая в Бэрлингтоне, штат Калифорния, заявила, что не желает жить в век водородной бомбы, и бросилась под поезд. 1 апреля 1950 г. профессор Гарвардского университета Ф. О. Маттисен, занимавший видное положение в прогрессивной партии, выпрыгнул из окна отеля и разбился насмерть. Три дня спустя покончил жизнь самоубийством либеральный вашингтонский журналист Н. Робертсон.

3. Тактика штурмовиков

Пасмурным вечером 1 ноября 1947 г. на митинг, организованный Союзом прогрессивных граждан на площади перед «Индепенденс холл» в Филадельфии, собралось около 2 тыс. человек. Они собрались, чтобы выразить протест против антидемократических действий «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». Как только ораторы поднялись на трибуну и председательствующий подошел к микрофону, несколько десятков молодых хулиганов и пожилых мужчин со знач-

ками «Американского легиона» и «Католического союза ветеранов войны» подняли невообразимый шум: они улюлюкали, свистели и выкрикивали оскорбления и угрозы. Вой сирены и звон колокола, установленного на подъехавшем к толпе грузовике «Американского легиона», довершали картину этого столпотворения. Голоса ораторов тонули в нарастающем шуме. Когда одна из присутствовавших женщин потребовала, чтобы ораторам дали возможность говорить, несколько хулиганов набросились на нее, сбили ее с ног и стали топтать. На площади завязались кулачные схватки. Одна группа хулиганов по сигналу прорвалась к самой трибуне, но полицейские не пустили их дальше. Тогда они окружили трибуну и стали выкрикивать угрозы и ругательства по адресу ораторов, поднимая руки как для фашистского приветствия.

Среди присутствовавших на трибуне был известный юрист Фрэнсис Фишер Кейн, получивший в свое время премию Бока как выдающийся гражданин Филадельфии. В 1920 г. в знак протеста против «пальмеровских облав» он вышел в отставку с поста окружного прокурора. Теперь ему был уже 81 год. Кейн подошел к микрофону и попросил внимания. «Если мы не будем уважать свободу слова, — сказал он, — у нас не будет свободы... мы потеряем все то, за что мы боролись в прошлом...» Его слова были заглушены яростными воплями. Снизу градом полетели мелкие монеты и камни. Один из них разбил очки Кейна. Трибуну забросали тухлыми яйцами.

Ораторы целый час тщетно пытались перекричать бесновавшихся хулиганов, и, наконец, председатель был вынужден объявить митинг закрытым.

На митинге присутствовало больше сотни полицейских и сыщиков, но они арестовали только одного человека, который к тому же оказался членом Союза прогрессивных граждан Америки.

«Рано или поздно это должно было произойти... — писал редактор «Газетт энд дейли», выходящей в Йорке (штат Пенсильвания), Т. Шарки. — Эта шайка громил проявила свою «лойяльность» (в новом понимании этого слова) тем способом, который был выработан для нее в залах конгресса... Если для того, чтобы заставить американцев подчиниться требованиям этой новой «лойяльности», потребуется учинить новые погромы, проломить

несколько черепов, охотников сделать это найдется достаточно».

Три недели спустя в другом конце страны, в частном доме в окрестностях Лос-Анжелоса, проходило собрание «Демократического клуба Лакресченцы». Внезапно в дом ворвалась банда людей в фуражках «Американского легиона». Ее главарь растолкал ошеломленных членов клуба, отпихнул секретаря клуба от стола и стал читать заявление, начинавшееся словами: «Прогрессивные граждане Америки...»

Владелец дома, старый садовод Хью Хардимэн, сказал ему, что это вовсе не та организация. Не слушая его, главарь банды отрывисто приказал своим людям: «Действуйте по плану!»

«Они действовали, как гестаповцы,—писал потом редактор газеты «Монтроз Леджер» Дон Карпентер, присутствовавший на этом собрании, чтобы дать о нем отчет в газете. — Главарь прочитал нечто вроде указа, в котором говорилось, что им-де известно, что это за компания, что они бывали на ее собраниях, выяснили, что за этим кроется. В заключение было сказано, что присутствующим дается десять минут на то, чтобы разойтись, иначе легионеры будут действовать по-своему».

Член палаты представителей от штата Калифорния Чет Холифилд, выступая в конгрессе, осудил этот налет, как отзвук захлестнувшей всю страну «волны страха, подозрений и истерии». Демонстрируя газеты с фотографиями участников налета, Холифилд заявил:

«Это случилось в демократическом клубе в Монтрозе... в следующий раз то же самое может случиться с католической, еврейской, республиканской, негритянской или профсоюзной организацией... Уж не ждате ли нам, пока повсюду в Америке начнут действовать штурмовики?»

Едва он выступил, как сама действительность дала ответ на его вопрос.

В Трентоне и Ньюарке, в Филадельфии и Нью-Йорке, в Детройте, Чикаго и Нью-Орлеане банды членов «Американского легиона», «Союза католиков-ветеранов войны», куклуксклановцев, бывших членов «Христианского фронта» и «Германо-американского союза» стали устраивать налеты на митинги и собрания, нападать на

мирно собравшихся американских граждан и учинять противозаконные расправы над теми организациями, которые они называли «коммунистическими».

«Повсюду — от Вашингтона до Лос-Анжелоса — люди в фуражках «Американского легиона», — сообщал еженедельник «Лэйбор», орган профсоюза железнодорожников, — разгоняют собрания под тем предлогом, что участники этих собраний являются «красными» или «попутчиками». Но ведь с этого же начинали и Муссолини в Италии и Гитлер в Германии».

Как и в Европе тех времен, когда фашизм там был на подъеме, особенно жестоким насилием в Америке подвергались коммунисты.

В ночь на 30 марта 1948 г. толпа в несколько сот человек вломилась в дом секретаря организации коммунистической партии города Колумбус (штат Огайо) Фрэнка Хэшмолла. Не найдя Хэшмолла, который был предупрежден о готовящемся нападении и отвез свою семью к другу, толпа разграбила весь дом, изорвала книги, переломала мебель и разбила окна. Полицейские, вызванные на место происшествия, постояли возле дома, обмениваясь шуточками с погромщиками, а затем удалились, не задержав никого из участников налета.

Когда губернатора штата Огайо Томаса Д. Херберта попросили высказать свое мнение об этом налете, он изобразил его как инцидент, вызванный тем, что «некоторые слишком увлеклись... Никто их не организовывал. Я не намерен вмешиваться, если это не превратится в систему». Затем губернатор добавил: «Пусть лучше Хэш—молд вернется в Россию. Мы не любим коммунистов, и нам в Огайо они не нужны. Этот штат не для них».

Шесть недель спустя первой жертвой «крестового похода против коммунизма» стал 28-летний моряк Роберт Нью, состоявший представителем Национального союза моряков на президентских выборах в Чарльстоне (штат Южная Каролина). Его убил Рудольфо Серрео, член антикоммунистической группы в Национальном союзе моряков, возглавлявшейся председателем союза Джозефом Карреном. Отпетый хулиган, ранее зарезавший одного из членов команды своего судна, но оправданный под предлогом «самозащиты», Серрео несколько раз угрожал «разделаться с Нью, — с этим другим негром».

Под вечер 7 мая 1948 г. Серрео позвонил в полицейское управление Чарльстона и заявил, что он намерен положить конец «коммунистической пропаганде» и «ниггеризму» (негрофильству) Роберта Нью. «Пришлите-ка скорую помощь, — заявил Серрео. — У меня боевое настроение, и кое-кому может не поздоровиться». Вскоре после этого Серрео напал на Нью в клубе союза моряков, нанеся ему несколько ножевых ран и перерезав сонную артерию. Серрео был арестован и посажен в тюрьму, где его окружили чрезвычайной заботой. «Я делаю для Серрео все, что могу», — заявил начальник тюрьмы.

Защиту Серрео на суде взял на себя бывший мэр Чарльстона Томас П. Стони, глава крупнейшей адвокатской конторы в городе.

По словам Стони, настоящим преступником был не убийца, а убитый. «На суде, — сказал бывший мэр, — я буду обвинять Боба Нью в том, что он сеял недовольство среди негров Юга, и как коммуниста».

Сам Серрео считал, что, убив Нью, он совершил патриотический подвиг. В письме председателю Национального союза моряков Джозефу Каррену он писал:

«Вот, видишь, Джо, я сделал все, что мог, для того, чтобы национальный союз моряков не пошел по коммунистическому пути, и мне очень жаль, что я не могу сделать больше».

Суд над Серрео состоялся в сентябре. Его признали виновным в «непредумышленном убийстве». Вынося приговор, судья Д. Франк Итон пожурил Серрео за «неосмотрительность» и самоуправство. Убийца был приговорен к тюремному заключению сроком на 3 года.

Ночью 22 сентября 1948 г. два бандита, вооруженные дубинками, напали на председателя организации коммунистической партии штата Нью-Йорк Роберта Томпсона. Томпсон — сильный мужчина 33 лет, участник войны, награжденный орденом за героизм, проявленный в боях, — энергично защищался. Тогда один из нападавших выхватил нож и ударил Томпсона в живот. Затем бандиты вскочили в поджидавший их автомобиль и скрылись.

В полубессознательном состоянии, истекая кровью, Томпсон дотащился до дома одного из своих друзей,

жившего неподалеку. Врач обнаружил у него повреждение позвоночника и сотрясение мозга. Если бы удар ножом пришелся сантиметром выше, он мог бы оказаться смертельным.

К мэру Нью-Йорка отправилась делегация, возглавляемая коммунистом, членом муниципального совета Бенджамином Д. Дэвисом, чтобы потребовать специального расследования этого преступления. Мэр отказался ее принять. Газеты намекали, что нападение было инсценировано коммунистами, чтобы завоевать «сочувствие общественности».

Нью-йоркская полиция провела обычное поверхностное расследование и никого не арестовала.

Через два месяца после этого нападения, вечером 20 ноября, когда Томпсон с женой ушли в кино, в их квартиру ворвался частный сыщик, бывший шпик, орудовавший в профсоюзных организациях, Роберт Д. Берке.

Показав значок сыщика г-же Милдред Чани и Гарри Рейни, которые остались присматривать за детьми Томпсона, Берке предупредил их, что у него с собой револьвер, и предложил не поднимать шума. Затем он направился в комнату восьмилетней дочери Томпсона и, после непристойных манипуляций в присутствии девочки, унес перепуганного ребенка в ванную комнату и запер за собой дверь. Г-жа Чени и Рейни взломали дверь и вырвали девочку из рук Берке, который после этого ушел во svoяси.

Будучи арестован и представ перед судом по обвинению в «незаконном проникновении в частный дом», в непристойном поведении и в попытке растления малолетней, Берке оправдывался тем, что он не любит коммунистов и хотел проучить Томпсона. Судья нашел Берке невиновным в «незаконном проникновении в частный дом», но признал его виновным по двум последним пунктам — в преступлениях против нравственности.

Однако помощник окружного прокурора Ирвинг Шапиро, выступавший на суде в качестве обвинителя, нашел какую-то техническую погрешность в отпечатанном на машинке признании Берке. В результате этого приговор был отменен, и дело назначено к новому слушанию. На этот раз Берке был признан невиновным по всем пунктам и оказался на свободе.

4. *И в безумии есть своя система*

Первым очевидцем этого необычайного и грозного явления был некий коммерсант из Бойзе (штат Айдахо). Однажды под вечер он внезапно заметил девять громадных предметов, похожих на «летающие тарелки», которые со страшной скоростью пронеслись по небу и исчезли за Каскадными горами так же внезапно, как и появились.

Вскоре после того, как печать и радио во всех подробностях оповестили мир об этом примечательном событии, заместитель губернатора штата Айдахо Дональд С. Уайтхед заявил, что он видел громадный дискообразный предмет, который «не двигался, а как бы уходил вниз, за горизонт, вследствие вращения земли». Один ремесленник из Пайн Блаф в штате Арканзас увидел летящее тело, «по размерам и окраске походившее на корыто для стирки белья». Какие-то загадочные машины промелькнули по небу на глазах у изумленного плотника над Канзас-Сити (штат Миссури), оставляя за собой «туманный след». Два летчика, ведя пассажирский самолет над горным хребтом в штате Юта, заметили недалеко от себя «несколько огромных светящихся предметов цилиндрической формы». Летчики отклонились от своего курса и в течение некоторого времени преследовали таинственные предметы, но те вдруг исчезли...

Аналогичные сообщения поступали со всех концов страны. Издатель спиритического журнала в Сан-Диего, Мид Лейн, сообщил представителям печати, что ему удалось при помощи медиума установить непосредственную связь с одной из «летающих тарелок». На них, утверждал Лейн, находились живые существа, желавшие поселиться в Соединенных Штатах. «Они прибыли с добрыми намерениями», — заверил Лейн корреспондентов.

Однако оптимизм этого спирита не разделяли очень многие американцы, твердо убежденные в том, что необычайные предметы, бороздившие небо США, представляли собой «секретное советское оружие»...

О серьезности этой «эпидемии» «летающих тарелок» дает представление заметка, опубликованная 6 января 1950 г. в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс»:

«Потратив два года на расследование 375 сообщений и слухов о таинственных летающих тарелках, военно-воздушные силы на прошлой неделе

перестали заниматься этим вопросом, придя к следующему заключению: летающих тарелок не существует. Сотни людей считают, что они видели летающие тарелки, но в действительности здесь имеет место либо ошибочное восприятие некоторых обычных предметов, либо легкая форма массовой истерии, либо, наконец, мистификация».

По меньшей мере одно из этих трех объяснений относилось не только к «летающим тарелкам». Массовая истерия в то время принимала в Америке и другие аналогичные формы.

Незадолго до того, как в Соединенных Штатах была обнаружена первая «летающая тарелка», журнал «Тайм» сообщил своим читателям:

«В военных кругах полагают, что в 1948 г. Россия сможет бросать против Соединенных Штатов отряды по 1000 самолетов, дальность полета которых позволит им долетать до Америки. К 1949 г. Россия сможет иметь управляемые снаряды с радиусом действия в 3000 миль, несущие тонну взрывчатого вещества каждый. Не исключена возможность, что к 1952 г. будет практически создано бактериологическое оружие. По расчетам этих же военных кругов, после 1952 г. Россия, по всей вероятности, уже будет иметь атомную бомбу».

В течение 1947—1949 гг. газеты США изо дня в день пестрели подобными паническими сообщениями о сверхдальних стратосферных бомбардировщиках, о гигантских ракетах, о растущей разрушительной силе атомных бомб, о бактериологическом оружии, о военных маневрах, о мобилизационных планах и об экстренных секретных совещаниях начальников генеральных штабов американской и западноевропейской армий.

Чуть не каждую неделю на международном горизонте появлялась новая ужасная «угроза войны». Министры, дипломаты, члены конгресса и генералы неумолчно твердили о «мировом кризисе», об «угрозе России всеобщему миру» и о настоятельной необходимости «соответствующих оборонительных мероприятий».

«Атмосферу, которая царит в Вашингтоне, — писали Джозеф и Стюарт Олсопы в «Нью-Йорк геральд трибюн» 17 марта 1948 г., — уже нельзя назвать послевоенной. Говоря откровенно, это — атмосфера кануна вой-

ны... почти всякий считает сейчас вполне вероятным, что война начнется в ближайшие месяцы».

Обследование общественного мнения, проведенное институтом Гэллага, показало, что 73% американских избирателей уже верили в неизбежность третьей мировой войны¹.

«В своей политике Соединенные Штаты руководствуются военно-стратегическими соображениями, — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» 8 августа 1947 г., то есть менее чем через 2 года после победы над Японией.— В основе всех мероприятий лежат исключительно стратегические мотивы. Пока еще ведется только политическая и экономическая война... Война в подлинном смысле этого слова начнется лет через 10, возможно — через 15, а может быть, и через 5».

---

¹ Рост военной истерии сопровождали и в немалой степени ее разжигали сенсационные судебные процессы «тайных советских агентов», якобы повинных в заговорах против безопасности Соединенных Штатов.

26 марта 1946 г. Федеральное бюро расследований подняло страшный шум по поводу ареста русского офицера, лейтенанта Николая Редина, прикомандированного к советскому консульству в Сан-Франциско. ФБР обвинило Редина в шпионаже с целью получения сведений о пловучей базе эсминцев американского флота «Иеллоустон», которая должна была принять участие в испытаниях атомной бомбы у атолла Бикини. На суде ни одно из обвинений, выдвинутых против Редина, не было доказано, и 17 июля 1946 г. он был оправдан.

В феврале 1947 г. во всех американских газетах появились крикливые сообщения о том, что «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» выследила и вызвала на допрос «главного агента Кремля в Соединенных Штатах», «руководившего атомным шпионажем красных». Оказалось, что при этом имелся в виду эмигрант-антифашист, член германской коммунистической партии, журналист Герхарт Эйслер, проживавший в Америке с 1941 г. В конце 1946 г. он собирался вернуться в Германию, но выданная ему выездная виза была внезапно аннулирована. На заседании комиссии Эйслер попросил разрешения огласить краткое заявление. Этого ему не разрешили, и тогда он отказался давать показания. За это его впоследствии признали виновным в «неуважении к конгрессу». После повторных отказов в разрешении на выезд Эйслер в мае 1949 г. укрылся на польском пароходе «Бато-рий» и вернулся в Германию. Никаких доказательств того, что Эйслер был советским шпионом или участвовал в заговоре против правительства Соединенных Штатов, никто никогда не представлял.

13 августа 1947 г. на первых страницах газет «Нью-Йорк уорлд телеграм» и «Сан» появились сообщения о начавшихся в Нью-Йорке чрезвычайно важных закрытых заседаниях федераль-

Перечислим некоторые из важнейших событий 1947—1949 гг., в которых нашли отражение военно-стратегические соображения, определяющие политику Соединенных Штатов.

26 мая 1947 г., ровно через 2,5 месяца после провозглашения «доктрины Трумэна», президент представил на рассмотрение конгресса «план обороны американского континента». Этот план предусматривал модернизацию и стандартизацию снаряжения и методов подготовки армий стран Латинской Америки и Канады под руководством Соединенных Штатов.

ного Большого жюри, расследовавшего дело «крупнейшей шпионской организации», в которую якобы входили руководители американской коммунистической партии и профсоюзов и советские агенты. Вопреки этому сенсационному сообщению, ни тогда, ни позднее такая организация не была обнаружена.

3 августа 1948 г. «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» заслушала показания бывшего коммуниста, старшего редактора журнала «Тайм» У. Чемберса. Так началось одно из самых сенсационных «шпионских дел», освещавшееся в печати, по радио, в кинохронике и по телевизионной сети. Этот тип, сознавший в лжесвидетельстве, охарактеризованный на суде двумя известными психиатрами как психопат, показал, что перед войной он был «связистом советской шпионской организации». В числе лиц, якобы передававших ему секретные сведения, Чемберс назвал бывшего ответственного работника государственного департамента Алджера Хисса, который в свое время состоял советником Рузвельта в Ялте и был секретарем конференции в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. На заседании федерального Большого жюри Хисс отверг обвинение, выдвинутое Чемберсом, и за это был обвинен в лжесвидетельстве. Первый процесс Хисса, состоявшийся летом 1949 г., окончился тем, что голоса присяжных разделились поровну. Тогда некоторые члены конгресса потребовали проверки биографии самого судьи, а газеты опубликовали протоколы голосования присяжных. Присяжные, голосовавшие за оправдание Хисса, стали получать угрозы по телефону и в письмах. Было назначено новое слушание дела с новым составом присяжных, и 25 января 1950 г. Хисс был признан виновным и приговорен к тюремному заключению на 5 лет.

Не меньшая шумиха была поднята в печати и вокруг «дела» Коплон и Губичева. Сотрудница министерства юстиции Джудит Коплон и советский гражданин Валентин Губичев, сотрудник постоянного секретариата ООН, были арестованы в Нью-Йорке 24 марта 1949 г. В сумке Коплон агенты ФБР обнаружили документы, имевшие отношение к «национальной обороне». Как утверждала впоследствии Коплон, эти документы были ей подсунуты. В числе их были секретные доклады ФБР, в которых выдающиеся деятели американского кино и литературы обвинялись в принадлежности или сочувствии к коммунистической партии. Коплон су-

2 июня 1947 г. «Совещательная комиссия при президенте по вопросам всеобщего военного обучения» предупредила, что «будущая война разразится с катастрофической внезапностью и разрушительной силой». Комиссия потребовала создания на случай возникновения «чрезвычайных обстоятельств военного времени» специальной армии, включающей всех обученных людей в стране, и введения всеобщего военного обучения молодежи.

5 июня 1947 г., выступая с речью в Гарвардском университете, государственный секретарь Маршалл выдвинул программу американской помощи Европе, которая в дальнейшем получила название плана Маршалла¹.

26 июля 1947 г. президент Трумэн подписал «закон о государственной безопасности», которым учреждался «Национальный военный совет», а руководство всеми

дили в Вашингтоне по обвинению в хищении секретных правительственных документов в целях оказания помощи иностранной державе. Хотя обвинение и не сумело доказать, что она намеревалась передать эти документы Губичеву, 1 июня 1949 г. суд приговорил ее к тюремному заключению сроком на 10 лет. Второй процесс, на котором в качестве обвиняемых выступали и Коплон и Губичев, начался в ноябре. Уже в начале процесса сотрудники ФБР, отвечая на вопросы защиты, признали, что не более, не менее как 81 агент полиции незаконно занимались подслушиванием телефонных разговоров и что в их собственных донесениях содержалось много неверных утверждений. Как писал 30 января 1950 г. журнал «Ньюс уик», адвокату обвиняемых Абрахаму Померанцу «удалось доказать, что, хотя агенты ФБР и не лжесвидетельствовали, описывая, каким образом их учреждение подслушивает телефонные разговоры, этого нельзя сказать об остальной части их показаний».

9 марта оба обвиняемых были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению сроком на 15 лет. По предложению государственного департамента Губичев выехал из США.

¹ В конце 1948 г., когда еще не прошло и года со времени вступления в силу «программы восстановления Европы», один из владельцев «Кайзер-Фрезер атомобил корпорейшн» Джозеф У. Фрезер заявил на пресс-конференции в Риме, что «план Маршалла оказался целесообразным с военной точки зрения, но никуда не годится как коммерческое предприятие». В течение 1948—1949 гг. на помощь Европе было ассигновано свыше 10 млрд. долларов, но, несмотря на это, объем американского экспорта резко сократился. Более того, в странах, охваченных планом Маошалла, безработица росла все более быстрыми темпами. За 1948 г. число безработных во Франции почти удвоилось, в Италии достигло поч-

вооруженными силами объединялось в руках министра обороны. На этот новый пост президент назначил бывшего министра военно-морского флота Джемса В. Форрестала.

12 января 1948 г. в своем послании конгрессу по вопросу о бюджете президент Трумэн потребовал ассигнования на оборону Соединенных Штатов и на субсидии иностранным государствам 18 034 млн. долларов. Как сообщил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс», «на пять статей бюджета, имеющих непосредственное отношение к подготовке войны, приходится 79% всех ассигнований».

6 мая 1948 г. после прений, во время которых председатель сенатской комиссии по ассигнованиям Генри Стайлс Бриджес назвал Советский Союз «единственным возможным врагом» Америки, сенат одобрил увеличение числа авиационных групп до 70.

24 июня 1948 г. президент Трумэн подписал законопроект, санкционировавший первый в истории Америки призыв в армию в мирное время.

13 ноября 1948 г. министерство обороны опубликовало подробный план оборонных мероприятий, проводимых по линии гражданского населения. В плане выдвигалось требование мобилизовать 15 млн. мужчин и женщин, «обученных и готовых выполнять свои задачи в случае нападения противника с применением любого оружия».

20 июня 1949 г. президент Трумэн подписал «закон о центральном разведывательном управлении», окрещенный «шпионским законом». Из «соображений безопасности» даже члены конгресса не были ознакомлены со многими деталями этого закона (условия, обеспечивающие сохранение «военной тайны», план засылки американских разведчиков в иностранные государства; меры,

---

ти двух миллионов, в Западной Германии — примерно такой же цифры.

Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» писал 27 января 1950 г.:

«Доктрина Трумэна умерла и похоронена... План Маршалла близок к краху...

Теперь положение уж не таково, каким оно было сразу после войны, когда Соединенные Штаты при помощи долларов могли пытаться устроить мир по своему вкусу. Первым ударом для них оказалась победа коммунистов в Китае, вторым — бюджетный дефицит в самих Соединенных Штатах. Невольно возникает мысль, что прошло время, когда Соединенные Штаты могли делать с миром все, что им заблагорассудится».

облегчающие вербовку шпионов из числа иностранцев, как, например, нераспространение обычных правил иммиграции на иностранцев, которые могут оказать «содействие американской разведывательной деятельности», и т. д.) Центральному разведывательному управлению были предоставлены такие обширные полномочия, что даже газета «Нью-Йорк таймс» предостерегала против возможных опасных последствий этого законодательного акта. Используя его, говорила газета, «правительство в силу своей неспособности или под влиянием военной истерии может зайти слишком далеко в ограничении гражданских свобод».

25 июля 1949 г. президент Трумэн подписал Северо-атлантический пакт, являющийся договором о «взаимной помощи против агрессии» между двенадцатью «северо-атлантическими нациями», в том числе Данией, которая омывается водами Северного моря, и Италией, расположенной на Средиземном море. Сразу же после подписания пакта Трумэн направил конгрессу послание, предлагавшее одобрить «программу военной помощи», которая предусматривала ассигнование 1450 млн. долларов на вооружение европейских участников Северо-атлантического пакта, а также Ирана, Филиппин и Южной Кореи, «передачу им некоторого количества необходимого военного снаряжения и... предоставление специалистов для оказания помощи в отношении производства и применения военного снаряжения и обучения личного состава».

По словам министра обороны Луиса Джонсона, «основная цель» Северо-атлантического пакта заключалась в следующем: предотвращение войны и обеспечение максимальной боеспособности стран, подписавших пакт, если предотвратить войну не удастся. В интерпретации члена палаты представителей от штата Миссури Кларенса Кеннона это звучало несколько грубее:

«Мы сотрем с лица земли жизненно важные центры противника, а затем предоставим нашим союзникам послать свои армии, своих сыновей — а не наших, — чтобы оккупировать завоеванную нами территорию. Заключив Атлантический договор, мы получили базы, и теперь нам нужны только самолеты, чтобы доставить бомбы к месту назначения. Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» писала в передовой:

«Довольно чепухи и притворства! Признаем, что, заключив договор, мы создали военный союз, целью которого является война с Советской Россией».

Рост военной истерии в Соединенных Штатах сопровождался и ростом числа требований немедленно начать «оборонительную войну» против Советского Союза. Газеты, военные и политические журналы стали помещать десятки статей, наглядно разъясняющих стратегию и тактику атомного наступления на Россию.

Типичным примером подобных военных выкладок могут служить две пространные статьи бывшего начальника штаба американских военно-воздушных сил генерала Спаатса, опубликованные в июньских номерах журнала «Лайф» за 1948 г. «Может показаться циничным, — писал Спаатс в начале своей первой статьи, — что солдат, только что закончив одну войну, начинает планировать другую». После этого вступления он изложил в общих чертах свой план нападения на Советский Союз, утверждая, что «прицельные бомбардировки десятка русских промышленных центров общей площадью в несколько сот квадратных миль окончательно подорвут индустриальную мощь России».

«Прежде всего нужно ответить на вопрос, можно ли добраться до уязвимых центров русской промышленности, — писал он. — В настоящее время это определяется радиусом действия бомбардировщика Б-29, который после усовершенствований, внесенных в конструкцию этого самолета после войны, превышает 2000 миль...»

Тут же генерал подсказывал читателю ответ на свой вопрос:

«Возьмите глобус и бечевку, длина которой должна соответствовать по масштабу расстоянию в 2000 миль; затем закрепите булавкой один конец бечевки в точке, где находится Москва, а свободным концом очертите окружность. На западе в ее пределах окажутся Британские острова и часть Исландии, на юге — часть Северной Африки. Прделайте то же самое, взяв за центр Магнитогорск на Урале. На юге свободный конец бечевки захватит Ирак, Иран и северную часть Пакистана вплоть до Карачи. Если закрепить один конец бечевки где-нибудь между Украиной и Поволжьем, то другой ее конец пройдет через Англию, Францию и Северную Африку».

ку. Если проделать такую же операцию, взяв за центр Баку на Кавказе, в пределах круга окажутся часть Индии, Саудовская Аравия и часть Европы. Кроме того, новый быстро растущий промышленный район находится в Сибири, где проходит двухколейная Сибирская железнодорожная магистраль. Бомбардировщики Б-29 могут долететь до этих мест с баз, расположенных в Китае и Японии».

В каждом случае, как указывал генерал Спаатс, в пределах круга, очерченного «свободным концом бечевки», имеются авиабазы, с которых бомбардировщики Б-29 могут совершать налеты на намеченные «объекты, имеющие первостепенное значение».

Осенью 1948 г. полковник Дейл О. Смит, редактор теоретического журнала военно-воздушных сил «Эйр юниверсити куортерли ревью» и страстный проповедник спаатсовской теории воздушной войны, предсказал «атомный сверхблиц», который обеспечит Америке победу в несколько недель. «Если война продлится целый месяц,— писал Смит,— для нашей бомбардировочной авиации, пожалуй, не останется достойных целей». «Нужно также учесть,— продолжал он,— то влияние, которое окажут на исход войны бомбардировки мирного населения в городских центрах»¹.

29 декабря 1948 г. министр обороны Форрестол объявил, что американское командование изучает возможность создания «ракетной станции» в безвоздушном пространстве!. В сообщении, переданном агентством Ассошиэйтед пресс, говорилось:

«Находясь на высоте более 200 миль, такой спутник земли имел бы «на прицеле» весь земной шар. Наряду с возможностью создать «спутник», автоматически управляемый по радио, рисуется и возможность направить на такой «спутник» людей и оборудование, необходимое для того, чтобы атаковать ракетами любые цели на земле.

Некоторые ученые полагают, что государство,

¹ Резко разошелся во мнениях с энтузиастами атомной войны вице-президент компании «Катлер-Хэммер, инкорпорейтед» П. Б. Харвуд, заявивший на собрании Американского политехнического института в Милуоки: «Атомная бомба — плохое оружие, так как она уничтожает слишком большие материальные ценности. Меня могут счесть кровожадным, но если уж воевать, то таким оружием, которое будет уничтожать только людей».

которое первым создаст межпланетную базу для ведения атомной войны при помощи ракет, сможет господствовать над всей землей».

«Но какой же народ хочет войны? — спрашивал бывший губернатор штата Миннесота Эльмер Бенсон. — Американский народ не желает войны, мы хотим мира. Некоторые утверждают, что войны хочет Россия. Но разве можно представить себе, чтобы страна, потерявшая во второй мировой войне около 10 млн. человек, страна, треть территории которой была обращена в пустыню, — разве мыслимо, чтобы такая страна стремилась к третьей мировой войне? Нет, это совершенно невероятно! Русский народ, как и американский, желает мира. А если народы мира не хотят войны, к чему тогда все эти безумные разговоры о войне, которые ведутся в нашей стране?»

Однако в этом кажущемся безумии была определенная система. За истерическими криками о войне крылись известные «практические» расчеты.

К началу 1947 г. скоротечный послевоенный «бум» закончился. Цены продолжали расти, покупательная способность населения падала, на складах росли горы непроданных товаров. В деловых кругах говорили о надвигающемся крахе. Но крах удалось предотвратить. «Угроза войны», «советская агрессия», вспышки шпиономании и «распространение коммунизма» послужили благодидным предлогом для перевода американской экономики на военные рельсы. В своей книге «Неизбежна ли гибель Америки?» Гершл Мейер писал¹:

«Капиталистам было сделано «впрыскивание» — с ними были заключены новые миллиардные контракты на поставку вооружения. С поразительной быстротой стала возрастать «коммунистическая опасность» и параллельно с нею требования монополий, добивавшихся все больших заказов на вооружения. С каждым миллиардом, ассигнованным на самолеты, бомбы и винтовки, милитаристы все неистовее вопили о войне. В одном только 1949 г. предполагалось израсходовать на вооружение 20 млрд. долларов — больше чем США израсходовали за целое десятилетие с 1930 до 1940 г., когда

¹ Г. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?*, Издательство иностранной литературы, Москва, 1950. (*Прим ред.*)

Япония и Германия угрожали безопасности Америки и всеобщему миру. Огромные ассигнования на вооружения сразу же привели к повышению на биржах курсов акций и товарных цен».

«Все опасения по поводу возможного спада деловой активности,— ликовал еженедельник «Барронс файненшл уикли», — теперь, кажется, исчезли, раз стало известно, что план военной помощи, согласованный с Трумэновской программой европейского сотрудничества, будет рассмотрен конгрессом в январе. До тех пор, пока производство вооружений поддерживает деловую активность, трудно ожидать падения спроса».

Две недели спустя этот же орган Уолл-стрита заявил:

«Значительное увеличение спроса на военные материалы полностью устранило бы опасность, которую представляют выросшие запасы товаров на складах. Если бы была принята программа значительного ускорения оборонительных мероприятий или если бы разразилась война, то проблема товарных излишков отпала бы окончательно».

14 января 1949 г. в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс» появилась передовая статья под заголовком «Мы не готовы к внезапному миру». Автор этой статьи, Дэвид Лоуренс, писал:

«От нас требуют, чтобы мы тратили 15 млрд. долларов в год на вооружения и, кроме того, по меньшей мере 1 млрд. долларов на поставки оружия странам, вступившим в Северо-атлантический военный союз. Совершенно очевидно, что искусственное процветание американской экономики явилось следствием расходов на вооружение... Отсюда парадокс: величайшей из опасностей, которые угрожают американской экономике, является опасность внезапного поворота России к миру».

Консервативный французский журнал «Ви Франсэз» резюмировал все подобные рассуждения одним заголовком: «Лучше война, чем кризис».

Однако широкие массы американского народа отнюдь не разделяют удовлетворения, которое дает американским дельцам и промышленникам подготовка к войне.

25, 26 и 27 марта 1949 г. в Нью-Йорке состоялся «Конгресс деятелей науки и культуры США в защиту

мира», созданный по инициативе более чем 600 выдающихся американцев, в числе которых были д-р Харлоу Шепли, епископ Артур У. Моултон, Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Арон Копленд, Олин Даунс и Лилиан Хеллман. Организационная работа по созыву конгресса была проведена «Национальным советом работников искусств, науки и свободных профессий». Помещения, где происходили пленарные и секционные заседания конгресса, были всегда переполнены, а сотням людей вообще не удавалось проникнуть внутрь. На заключительном митинге 27 марта в «Мэдисон сквер гарден» присутствовало 20 тыс. человек. Государственный департамент ограничил число иностранных гостей делегатами из стран Восточной Европы, отказав в визах более чем 20 представителям стран Западной Европы и Латинской Америки; среди них были такие видные личности, как Поль Элюар, Дж. Д. Бернал, Карло Леви и аббат Жан Булье. В числе присутствующих на конгрессе были Дмитрий Шостакович, Хуан Маринельо, Олаф Стэплдон и Александр Фадеев.

В апреле того же года около 300 видных американцев организовали «Американский инициативный комитет по созыву Всемирного конгресса сторонников мира». Председателями «Американского инициативного комитета» были епископ Артур У. Моултон, доктор У. Дюбуа и О. Джон Рогге. На Всемирном конгрессе сторонников мира, заседавшем в Париже с 20 по 25 апреля 1949 г., среди 2000 делегатов от 72 стран, представлявших более 600 млн. человек, было 50 американцев. Более 200 делегатов США участвовало в работе Американского континентального конгресса в защиту мира, который происходил в начале сентября 1949 г. в Мексико.

1 и 2 октября 1949 г. в Чикаго состоялась Национальная профсоюзная конференция в защиту мира. На ней присутствовало более 1000 делегатов из 28 штатов, причем каждый делегат представлял не менее 25 сторонников мира — членов Американской федерации труда, Конгресса производственных профсоюзов, независимых профсоюзов и профсоюзов железнодорожников.

Кроме того, самые разнообразные группы и организации проводили по всей стране многочисленные отдельные выступления в защиту мира.

ЧУДОВИЩНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что создатель наделил их определенными неотъемлемыми правами, к которым относится право на жизнь, свободу и на стремление к счастью.

Декларация независимости, 4 июля 1776 г.

Ни для одного цветного, зараженного стремлением к политическому равенству, в Южных штатах нет работы. Это страна белых, — и страной белых она останется навсегда.

Член конгресса США Джемс Ф. Вирнс,
25 августа 1919 г.

Народ, который расколот теорией господства одной расы над другой, не может наслаждаться ни свободой, ни справедливостью.

Из доклада Национального комитета по
борьбе с сегрегацией негров в столице
США, 1948 г.

1. Во имя свободы

С сентября 1947 г. по декабрь 1948 г. по Соединенным Штатам курсировал широко разрекламированный «поезд свободы». Он состоял из трех вагонов, символически окрашенных в красный, белый и синий цвета¹; в них размещался 131 экспонат: исторические документы и флаги, «отражавшие все этапы развития свободы в Соединенных Штатах». Инициатором этого рейса, во время которого поезд побывал во всех штатах, был министр юстиции Кларк; его инициативу поддержал президент Трумэн. Организовал это предприятие «Фонд американского наследия», председателем правления которого является глава «Чейз нэйшнл бэнк» Уинтроп Олдрич.

В своем сообщении о рейсе «поезда свободы» «Фонд американского наследия» заявлял:

¹ Цвета американского флага. (*Прим. ред.*)

«Основной принцип, в который мы верим, заключается в том, что сутью демократии является святость человеческой личности. Люди рождены для свободы, ибо только свободный человек достоин жить на земле. Мы будем подчеркивать, что наше государство гарантирует своему народу неприкосновенность личности и неограниченную возможность добиваться полного ее развития».

«Фонд» подчеркивал, что пропагандируемые им принципы имеют не только национальное, но и международное значение:

«Говоря о «нашем образе жизни», мы имеем в виду надежды и чаяния несчетных миллионов людей во всем мире. Присущее всем людям стремление к свободе не признает географических границ... Мы должны неустанно пропагандировать «наш образ жизни», как вдохновляющий пример для всего человечества».

Даже если бы эти пышные фразы об американской демократии не совпали по времени с невиданным наступлением на традиционные права и свободы американцев, «американский образ жизни» все же отличался одной ярко выраженной особенностью, которая вряд ли могла завоевать симпатии остального человечества.

Речь идет о том позорном, чудовищном факте, что 15 млн. американцев, то есть десятая часть населения страны, были обречены с самого рождения на бесправное существование и в течение всей своей жизни систематически подвергались угнетению, издевательствам и самым жестоким гонениям. Прошло более полутора столетий со дня провозглашения Американской республики, в основу конституции которой был положен принцип равенства всех людей, и без малого сто лет со дня подписания «Декларации об освобождении», а условия жизни негров в современной Америке во многих отношениях напоминают то, что приходилось выносить евреям в фашистской Германии.

«Нигде в мире, за исключением разве только Южной Африки,— писал о положении американских негров Гарри Хейвуд¹ в своей вышедшей в 1948 г. книге «Осво-

¹ Г. Хейвуд, Освобождение негров, Издательство иностранной литературы, Москва, 1950 г.

бождение негров», — расовая принадлежность не играет такой решающей роли в социально-экономическом угнетении народа...»

Буэлл Г. Галлахер пишет в своей книге «Цвет кожи и совесть»:

«Рабство как право собственности на раба исчезло, но как кастовая система оно продолжает существовать. Цель этой системы заключается в том, чтобы держать цветное население в более низком или подчиненном положении по сравнению с положением белых; она проявляется в самых разнообразных формах: от суда Линча и погромов как одной крайности, через юридические акты и внеюридические махинации суда и полиции, до обычаев и этикета) как орудий кастового господства».

В период «нового курса», и в особенности в годы войны, в стене американской кастовой системы было пробито несколько брешей. Развитие прогрессивного профсоюзного движения, представленного главным образом Конгрессом производственных профсоюзов, и учреждение «Комиссии по обеспечению справедливого найма рабочей силы» привели к тому, что десятки тысяч негров получили квалифицированную работу, к которой они раньше не допускались. А по мере роста потребности вооруженных сил в людях ломалась и традиционная система дискриминации, которая не позволяла неграм служить во многих родах войск¹.

Однако после победы над Японией прежний порядок был быстро восстановлен. Летом 1946 г. негров перестали принимать в армию², а через несколько месяцев всем неграм, служившим в морской пехоте, предложили на выбор — уйти со службы или перейти в разряд обслуживающего персонала.

---

¹ Тем не менее остается фактом (и притом весьма скандальным), что, несмотря на уступки, сделанные во время войны в армии по отношению к неграм, почти все они были выделены в особые части; в этом заключалось одно из глубочайших противоречий политики США во время войны. Солдаты-негры получили право умирать, но не могли сражаться плечом к плечу со своими белыми товарищами.

² В 1947 г., когда число негров в армии было сокращено до желаемого уровня, прием их на службу был возобновлен в ограниченных пределах.

В промышленности негров нанимали в последнюю очередь, а увольняли в первую. С июля 1945 г. по апрель 1947 г. безработица среди негров росла вдвое быстрее, чем среди белых. Конгресс отказал «Комиссии по обеспечению справедливого найма рабочей силы» в дальнейших ассигнованиях, ввиду чего в мае 1946 г. она прекратила свою работу. В своем последнем докладе комиссия писала:

«Все то, чего рабочие-негры, мексиканцы и евреи достигли во время войны в отношении возможности получить работу, теперь сводится на нет беспрепятственным возрождением дискриминации... Только законодательные меры, направленные против дискриминации при найме рабочей силы, могут предотвратить такое положение, когда американский рабочий класс окажется расколотым на замкнутые группы, а личные способности и усердная работа людей, принадлежащих к «неполноценной» расе или религии, не будут играть никакой роли».

Дискриминация негров снова стала законом. Некоторое представление о том, как до сих пор во многих штатах дискриминация негров существует на законном основании, дают следующие статьи конституции штата Миссисипи:

«Статья 8. — Образование.

Раздел 207.

Для белых и цветных детей должны существовать отдельные школы.

Статья 10. — Исправительные дома и тюрьмы.

Раздел 225.

Оно [законодательное собрание] может в пределах осуществимого принимать меры для изоляции белых заключенных от черных, а также для обеспечения им возможности отправлять религиозные культы.

Статья 14. — Общие положения.

Раздел 263.

Брак белого человека с негром или с мулатом или с лицом, в жилах которого течет не меньше $\frac{1}{8}$ негритянской крови, считается незаконным и недействительным».

Пожалуй, самым примечательным из законов штата Миссисипи нужно считать следующий:

«Любое лицо, фирма или корпорация, повинные в напечатании, опубликовании или распространении печатных, написанных на машинке или от руки материалов, требующих социального равенства или смешанных браков между белыми и неграми, или представляющих на общественное одобрение или для всеобщего сведения доводы и предложения в защиту этого,— будут считаться виновными в нарушении общественного порядка. Лица, признанные виновными, могут быть подвергнуты, по усмотрению суда, штрафу, не превышающему 500 долларов, или тюремному заключению на срок не более 6 месяцев, или обоим этим наказаниям одновременно».

«Примерно такие же законы, как в штате Миссисипи,— говорилось в документе под названием «Обращение ко всему миру», представленном в феврале 1947 г. Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения в Организацию Объединенных наций,— действуют в штатах Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Флорида, Луизиана, Арканзас, Оклахома и Техас. Подобные же, но несколько менее суровые законы действуют в штатах Делавэр, Западная Вирджиния, Кентукки, Теннесси и Миссури...

В восьми северо-западных штатах (Калифорния, Колорадо, Айдахо, Индиана, Небраска, Невада, Орегон и Юта) запрещены смешанные браки...»

Далее в «Обращении» говорилось:

«В двадцати штатах отдельное обучение белых и негров в школах является обязательным правилом или недвусмысленно разрешается. Согласно законам трех штатов, даже глухих, немых и слепых негров нужно учить отдельно от белых. Законы шести штатов предусматривают организацию особых школ для слепых негров... Во Флориде существует закон, согласно которому учебники, которыми пользуются школьники-негры, должны храниться отдельно.

В четырнадцати штатах закон требует, чтобы в поездах отводились особые вагоны для негров. Отдельные залы ожидания на вокзалах существуют в восьми штатах. В одиннадцати штатах для негров должны существовать особые отделения в автобусах; в десяти штатах это же правило существует и в отношении трамвайных вагонов...

Существуют законы, требующие разделения по расовому признаку пациентов в больницах. В одиннадцати штатах это обязательно даже в отношении психиатрических больниц.

В одиннадцати штатах разделение обязательно в карательных и исправительных заведениях...

Существуют законы, предусматривающие разделение рас в громадном количестве других частных случаев,— их так много, что здесь нехватит места для их перечисления. Разнообразию предусмотренных законом методов дискриминации можно проиллюстрировать несколькими примерами.

В Оклахоме негры должны пользоваться особыми телефонными будками; законы штата Техас запрещают белым и неграм выступать друг против друга в соревнованиях по боксу; в Южной Каролине белым и неграм не разрешают работать на текстильных фабриках в одном и том же помещении, а также одновременно входить и выходить через одни и те же двери»¹.

В конце войны подавляющее большинство пятимиллионного негритянского населения «Черного пояса» на Юге США жило в условиях фактической крепостной зависимости или принудительного каторжного труда на обширных хлопковых плантациях в качестве издольщиков и арендаторов. Хотя негры составляли около 60% населения «Черного пояса», протянувшегося через 12 Южных штатов, в своем подавляющем большинстве они были лишены права голоса. Чтобы воспрепятствовать участию негров в выборах, применялись самые различные «законных» средств и кончая запугиванием и линчеванием...

«Черные пояса» существовали и на Севере.

В каждом крупном городе Севера подавляющее большинство негров было вынуждено жить в грязных и страшно перенаселенных гетто — гнилых трущобах,

---

¹ Автором этой части «Обращения» был адъюнкт-профессор Корнельского университета Мильтон Р. Конвигт. Полный заголовок документа: «Обращение ко всему миру. Заявление об отказе в правах человека национальным меньшинствам, а именно — американским гражданам негритянского происхождения, и призыв к Объединенным нациям исправить это положение».

состоящих из ветхих лачуг и кишаших крысами многоквартирных домов, в которых в случае пожара люди оказываются как в ловушке. В «Черном поясе» города Чикаго плотность населения кое-где достигала 90 тыс. человек на одну квадратную милю, тогда как органы здравоохранения установили предельную норму в 35 тыс. человек.

В Гарлеме в каждом квартале проживало в среднем 3780 человек. «При такой плотности населения, — писал журнал «Архитектурал форум», — всех жителей Соединенных Штатов можно было бы разместить в половине Нью-Йорка».

Соглашения между домовладельцами и различные другие «юридические» и внеюридические средства, а нередко и страх перед погромами держали негров в «Черных поясах», как в карантине. Эта изоляция была почти такой же строгой, как изоляция евреев в варшавском гетто во время оккупации. В одном только Чикаго с 1944 по 1946 г. на дома негров, пытавшихся поселиться в белых районах, было произведено 59 нападений: при этом в них пять раз стреляли, 22 раза забрасывали их камнями и более 20 раз — зажигательными бомбами. Ни один из виновников этих преступлений не был наказан.

Что касается условий жизни в негритянских гетто многих районов страны, то И. С. Браун писал в докладе, опубликованном Управлением народного образования Соединенных Штатов:

«Там, где начинаются негритянские кварталы, часто исчезают мостовые, освещение, канализация и надзор полиции за порядком. Во многих районах совсем нет больниц, доступных для негров, медицинское и санитарное обслуживание совершенно недостаточно, а часто и вовсе отсутствует».

В Чикаго и Нью-Йорке процент больных туберкулезом среди негров был в 1947 г. в пять раз выше, чем среди белых; в Ньюарке (штат Нью-Джерси) — почти в 7 раз.

Смертность от родов среди негритянок была в два с лишним раза выше, чем среди белых женщин. Детская смертность у негров была на 70% выше, чем у белых. Средняя продолжительность жизни американских негров была на 10 лет меньше, чем у белых американцев.

«К чему извиняться и вилить? — спрашивал на страницах журнала «Либерти» бывший член верховного суда штата Джорджия, а ныне сенатор Уолтер Ф.Джордж.— Мы весьма тщательно соблюдаем букву конституции Соединенных Штатов, но одновременно мы очень усердно и ловко нарушаем дух тех поправок к конституции и законов, которые могут натолкнуть негра на мысль, что он равен с белым.

То же самое мы будем делать и впредь!»

2. В столице Соединенных Штатов

«Столица государства, — заявил однажды член верховного суда федерального округа Колумбия Узделл Филиппс Стаффорд, — даже если она, как, например, наша столица, лежит на уровне моря, поистине должна быть «городом на горе», который виден отовсюду... и тогда она будет символом великой республики, для которой она служит как бы реальным тронем».

Послевоенный Вашингтон, с его нарядными зданиями из белого гранита, величественными памятниками и широкими бульварами, по своей внешности должен являться как бы «достойным символом великих традиций Американской республики». Но его внешний блеск и величие представляли собой лишь обманчивый фасад, за которым скрывалась зловонная клоака расовых предрасудков, дискриминации, подлинно фашистской национальной ненависти и изощренных издевательств над людьми, у которых кожа потемнее.

Вблизи самого Белого дома и прекрасного в своей строгости памятника Линкольну лепится отвратительное гетто, в которое загнано 250 тыс. чернокожих американцев, то есть больше четверти населения города.

В столице своей родины неграм — гражданам США запрещено бывать в «белых» гостиницах, ресторанах и театрах, делать покупки в крупнейших универсальных магазинах; их заставляют учиться в отдельных школах, лечиться в отдельных больницах; в закусочных, расположенных в центре города, они должны есть стоя.

В 1947 г. владелец собачьего кладбища в Вашингтоне объявил, что отныне он не будет хоронить у себя на кладбище собак, принадлежавших неграм. Ему-де

известно, разъяснил он далее, что сами собаки не стали бы протестовать против погребения на одном и том же кладбище, но оказалось, что его белых клиентов это оскорбляет.

Посетив столицу Соединенных Штатов, один индус заявил: «Лучше быть «неприкасаемым» в Индии, чем негром в Вашингтоне».

В опубликованной в ноябре 1948 г. брошюре «Сегрегация в Вашингтоне. Доклад Национального комитета по борьбе с сегрегацией в столице США»¹, в частности, говорилось:

«Время от времени государственный департамент заявляет энергичные протесты иностранным государствам, которые пытаются ограничить свободу передвижения наших представителей за границей. Однако единственной в мире крупной столицей, где приходится прикреплять к цветнокожим иностранцам специальных провожатых, чтобы оградить их от оскорблений, является Вашингтон».

В докладе приводятся некоторые примеры, характеризующие отношение к цветнокожим иностранцам в Вашингтоне:

«Во время войны государственный департамент пригласил министра иностранных дел одного африканского государства посетить Вашингтон и заранее забронировал для него номер в гостинице. Министр приехал поздно вечером, но директор гостиницы наотрез отказался впустить его. Пришлось поднять с постели ответственного чиновника государственного департамента, который в конце концов по телефону убедил администрацию гостиницы впустить приезжего министра. Для этого пришлось сослаться на срочные «нужды военного времени».

Один влиятельный сенатор из Пуэрто-Рико часто наезжает в Вашингтон для свиданий с постоянным резидентом Пуэрто-Рико в столице США. Последнему всегда приходится изыскивать возможности обеспечить этого сенатора жильем и питанием. В первый приезд его приютило одно частное лицо:

---

¹ В «Национальный комитет по борьбе с сегрегацией в столице США» входили Роджер Н. Болдуин, Брюс Блайзен, преподаватель Гарри Эмерсон Фосдик, профессор Луис Уирт, епископ Дж. Бромли Окснем и Уолтер Уайт.

во второй — он поселился у корреспондента пуэрто-риксской газеты. На третий раз резидент так и не сумел найти частную квартиру, и сенатору пришлось спать на диване в канцелярии резидента.

Один набожный католик из Панамы как-то вошел в Вашингтоне в католическую церковь. Когда он преклонил колени в молитве, к нему подошел священник и сунул ему листок бумаги с адресом католической церкви для негров. Священник пояснил, что «для негров-католиков имеются особые церкви, и там он встретит радушный прием».

Однако, как правило, в Вашингтоне темнокожим иностранцам отдают предпочтение перед темнокожими же американцами. В докладе «Национального комитета по борьбе а сегрегацией в столице США» говорится, что «владельцы большинства магазинов, ресторанов и кафе в столице уже усвоили, как важно проводить различие между американскими неграми и темнокожими иностранцами, с которыми они стараются обращаться как с белыми. Зачастую негру-иностранцу, если у него есть дипломатический паспорт или если он может каким-либо другим способом доказать, что он не американец, в закусочной позволяют есть сидя».

Таким образом, в столице США дискриминация составляет собою привилегию американских негров.

«В районах, заселенных белыми, — гласит опубликованный в 1948 г. кодекс нравственности Вашингтонского совета владельцев недвижимых имуществ, — нельзя продавать, сдавать в наем, рекламировать или предлагать цветнокожим никакого недвижимого имущества».

Газета «Вашингтон пост» поместила статью Агнес Мейер, озаглавленную «Как живут негры. Столице США принадлежит рекорд в отношении убожества ее трущоб». Автор статьи пишет о негритянском «гетто» в Вашингтоне:

«Во время своей поездки по центрам размещения военной промышленности я... имела возможность ознакомиться с самыми худшими жилищными условиями. Но ни в негритянских трущобах Детройта, ни даже в городах Юга я не видела, чтобы люди жили в таком убожестве и нищете, как в нашей столице...

Не только отдельные дома, но и небольшие комнатики, загрязненные до такой степени, что в них

нельзя держать и животных, разделены картонными перегородками на клетушки, чтобы втиснуть побольше жильцов.

В Беркес Корт в одну комнату втиснуто 14 человек; на Девятой улице (северо-западная часть города) в маленьком домике живет 19 человек, причем одна мать с тремя детьми ютится в жутком подвале.

Очень часто встречаются комнатухи, в которых живет по пять-шесть человек, причем порою на всех приходится одна кровать...»

Негры составляют всего 30 процентов населения округа Колумбия, но на них приходится 70 процентов населения вашингтонских трущоб и 69 процентов смертей от туберкулеза...

14 мая 1948 г. газета «Нью-Йорк таймс» напечатала на первой полосе сообщение под крупным заголовком: «51 школьника не пускают в столицу из-за расовой дискриминации». В этом сообщении говорилось:

«Действующие в Вашингтоне правила сегрегации и дискриминации негров вчера развеяли в прах надежды 51 нью-йоркского школьника, уже давно мечтавших провести несколько часов за осмотром символов свободы и исторических достопримечательностей нашей столицы. Все эти школьники вышли победителями в соревнованиях добровольческих команд по обеспечению безопасности уличного движения в Нью-Йорке...

Четверо из них—негры. Когда автомобильный клуб попытался разместить их в Вашингтоне вместе с их белыми товарищами, двери вашингтонских отелей перед ними закрылись. В результате этого экскурсия вчера была отложена. Ожидалось специальное заявление президента Трумэна...»

Комментируя этот случай, «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в передовой статье: «Это издевательство над нью-йоркскими школьниками — позор для нашей страны»¹.

---

¹ Негритянских детей в Вашингтоне тщательно изолируют от белых и постоянно дают им чувствовать, что они стоят ниже белых. Для негритянских детей существуют отдельные школы. В оправдание этого приводится лицемерная и противоречивая формула «раздельность и равенство», но на деле школы для нег-

Хуже всего то, что дискриминация негров в Вашингтоне после войны не только допускается, но и поощряется правительством.

Вот что говорит об этом «Национальный комитет по борьбе с сегрегацией в столице США»:

«В этой неприглядной деятельности, направленной против негров... участвует всей своей мощью и правительство США...

Вопреки всем своим установкам и заявлениям, приказам и директивам, правительство Соединенных Штатов систематически отказывает цветнокожим жителям столицы в возможности получать работу на равных основаниях с белыми и тем самым показывает городу и всей стране пример расовой дискриминации».

После войны министерства и правительственные учреждения снова перестали принимать негров на какие-либо должности, кроме низших канцелярских служащих и сторожей. В государственном департаменте, в министерстве юстиции, в бюджетном управлении, в Федеральной торговой комиссии и в Федеральном резервном управлении негры находятся почти исключительно на черной работе. В Бюро переписи населения, в правительственной типографии и в Бюро по гравированию и печатанию большинство служащих-негров работает в обособленных помещениях и получает самую низкую заработную плату.

Касаясь дискриминации негров, проводимой правительством в Вашингтоне после войны, «Национальный комитет по борьбе с сегрегацией в столице США» писал в конце своего доклада:

«В данный момент федеральное правительство угнетает большее число граждан, чем какое бы то

ров помещаются в старых, обветшалых зданиях, из которых треть была построена еще в прошлом веке.

Белые дети не имеют возможности состязаться с неграми в спорте и в ораторском искусстве. В 1947 г. финальные встречи организованных торговой палатой состязаний в красноречии, посвященных Биллю о правах, нельзя было устроить, как намечалось, в школьной аудитории, потому что в них принимали участие и белые и чернокожие школьники.

На общественных площадках для игр, как и везде, строго соблюдается дискриминация. Предписания Совета по организации детского отдыха в округе Колумбия запрещают цветнокожим детям вход на площадки для белых.

ни было лицо или организация в нашей стране. И это его вина, потому что оно, и только оно, в состоянии сломить преграды, которые не позволяют четверти миллиона негров в Вашингтоне пользоваться своими правами американских граждан.

Хуже того, само правительство и помогло воздвигнуть эти преграды. Его окружные суды использовались явно в нарушение конституции, для того чтобы загонять негров в гетто. Той же цели служила и деятельность его кредитных, жилищных и плановых организаций. Высшие власти округа Колумбия, назначаемые президентом, как и прочие должностные лица, поддерживают режим расовой сегрегации в муниципальных учреждениях, школах, больницах и местах отдыха...

Народ, который расколот теорией господства одной расы над другой, не может наслаждаться ни свободой, ни справедливостью. И в столице это очевиднее всего»,

«По иронии истории,— писала газета «Вашингтон ивнинг стар» через год после разгрома фашистских держав,— южане, которым не удалось захватить Вашингтон во время гражданской войны, теперь держат его в руках, как беспомощную пешку».

3. Террор в Теннесси

Утром 25 февраля 1946 г. в местечке Колумбия (штат Теннесси) 19-летний негр Джемс Стефенсон, служивший во время войны в военно-морском флоте, направился со своей матерью в магазин фирмы Кастнер и Нотт за отданным туда в починку радиоприемником.

Г-жа Стефенсон заплатила за ремонт 13 долларов, попробовала включить приемник и обнаружила, что он не действует. «Как, я отдала 13 долларов, а радио не играет!» — воскликнула она.

Взбешенный тем, что негритянка посмела говорить с ним таким тоном, механик Вильям Флеминг с угрожающим видом вышел из-за прилавка и приказал Стефенсонам убраться вон. Когда они уже направлялись к выходу, один из служащих магазина ткнул Джемса Стефенсона сзади кулаком, а Флеминг ударил г-жу Стефенсон ногой и сбил ее с ног.

Молодой Стефенсон бросился к Флемингу и ударил его так, что тот пробил витрину и вылетел на улицу. На шум прибежал владелец соседней бакалейной лавки и заорал: «Бей черных негодяев!» Собралась толпа; кто-то крикнул: «Линчевать их!»

Тут на месте происшествия появилась полиция. Один из полицейских занес дубинку над головой молодого Стефенсона. Его мать закричала: «Не бейте моего мальчика!» Полицейский повернулся, и удар достался ей.

Стефенсоны были арестованы.

Полицейский судья задал им один вопрос: «Вы дрались?»

Они ответили утвердительно.

«Виновны, — сказал судья. — Штраф 50 долларов».

В это время в комнату вбежал какой-то человек и сообщил судье, что перед зданием собирается толпа и в ней идут разговоры о суде Линча.

Судья позвонил шерифу и сказал ему: «Уберите-ка лучше отсюда этих людей. Мы не можем их охранять». Шериф отвез Стефенсонов в окружную тюрьму и запер в камеру.

Тем временем по указанию местного судьи К. Хейса Дентона был изготовлен документ, подтвержденный под присягой рядом свидетелей, в котором Стефенсоны обвинялись в «попытке совершить убийство путем использования опасного для жизни инструмента, а именно кусков стекла». За освобождение Стефенсонов на поруки Дентон потребовал залог в 3500 долларов за каждого.

В тот же день шериф позвонил местному коммерсанту-негру Джулиусу Блэру. «Вы бы внесли деньги и забрали их отсюда, — сказал он, — потому что их хотят повесить. Здесь собирается толпа».

Блэр немедленно послал судье обязательство на 7 000 долларов, отправился в тюрьму и увез Стефенсонов с собой. Затем их обоих тайком выпроводили из города.

К вечеру того же дня на площади перед зданием городского суда собралось около сотни людей с ружьями и револьверами. Они угощали друг друга виски, а ораторы подогревали страсти, призывая их направиться в негритянский район Минк Слайд и «задать перцу этим черномазым».

Но толпа не спешила откликнуться на этот призыв. Прошел слух, что на оборону негритянского квартала

встали негры — ветераны войны, вооруженные трофейными германскими и японскими револьверами и другим огнестрельным оружием.

В Минк Слайде группа негров, в том числе и некоторые ветераны, ходила из дома в дом, уговаривая людей запирать двери и не выходить на улицу. Ветераны собрали немного оружия: несколько дробовиков, две мелкокалиберные винтовки и несколько пистолетов. Это оружие они предполагали использовать в случае необходимости, как последнее средство для защиты своих семей и домашних очагов.

Ночью Минк Слайд не подавал признаков жизни. За исключением немногих негритянских патрулей, на улицах никто не появлялся. Все двери были заперты, шторы плотно закрыты. Детей перевели в задние комнаты и на чердаки. Нигде не было видно ни огонька, весь район молча, напряженно ждал, что будет дальше.

Вскоре после наступления темноты по окраинам Минк Слайда стали курсировать машины, полные вооруженных белых. По временам раздавались отдельные выстрелы — это сидевшие в машинах стреляли наудачу в неосвещенные дома.

Одна машина с четырьмя полицейскими направилась прямо в Минк Слайд. Она не имела никаких опознавательных знаков, и в темноте ее приняли за одну из машин погромщиков. «Вот они», — крикнул кто-то. Раздался выстрел. Осыпанные дробью, полицейские повернули машину и направились обратно к центру города...

Тут мэр Колумбии позвонил губернатору Маккорду в Нэшвилль и попросил его немедленно прислать в Колумбию вооруженные силы штата.

В течение ночи в Колумбию было переброшено 500 бойцов гвардии штата в полном военном снаряжении, в том числе и пулеметная рота. Ими командовал бригадный генерал Джэкоб Дикинсон. В Колумбии в эти войска штата влилось еще 75 человек дорожной полиции под командованием начальника управления общественной безопасности штата Линна Бомара.

Не обращая никакого внимания на все еще находившуюся на площади толпу вооруженных белых, генерал Дикинсон развернул свои силы цепью вокруг Минк Слайда и объявил репортерам газеты: «Негры окружены».

Ровно в 5 часов утра началось вторжение в негритянский квартал.

Наступление велось по-военному четко. Впереди выступала дорожная полиция, вооруженная автоматами, винтовками и карабинами. Вслед за ней шла гвардия штата в стальных шлемах с ружьями наперевес. Медленно продвигаясь вперед, войска вели непрерывную стрельбу залпами по домам и магазинам. Улицы окутались дымом.

Описывая эту операцию, газета «Нэшвилль бэннер» писала:

«Проходя сегодня утром через Минк Слайд, или район «Черной ямы», дорожная полиция уничтожила огнем своих пулеметов и карабинов несколько магазинов и контор... Зеркальные стекла витрин разлетелись вдребезги, двери были сорваны, и все эти предприятия были по существу разгромлены»,
«Участникам недавней войны,— писали сотрудники «Колумбия дейли геральд» Том Кэттерсон и Поль Пэйдж,— это зрелище напоминало вступление американских войск в захваченные города Европы».

Однако между тактикой американских войск за границей и тактикой банд погромщиков в Минк Слайде было и существенное различие. Как писал Роберт Майнор в своей брошюре «Суд Линча и провокации в Теннесси».

«разрушались только предприятия, принадлежащие неграм; все, что принадлежит белым, осталось в целости. Таким образом, все это больше походило на налет гитлеровских штурмовиков на еврейский квартал».

Полиция штата под личным командованием начальника управления общественной безопасности Линна Бомара вламывалась в принадлежащие неграм магазины, рестораны и конторы, ломала мебель и выбрасывала товары и все имущество на улицу. Полицейские палили из автоматов по зеркалам и картинам, взламывали кассы, забирали их содержимое.

Сокрушая двери, они врываются в частные дома и квартиры, вытаскивали мужчин, женщин, детей, не щадя никого, на покрытые мусором улицы, безжалостно избивали их прикладами и заставляли стоять, подняв руки вверх.

Затем всех арестованных негров провели длинной процессией по улицам города в тюрьму...

В полдень в Колумбию прибыл губернатор Маккорд. Он в спешном порядке провел секретное совещание с муниципальными властями, на котором было решено прекратить всякие разговоры о линчевании и официально изобразить происшедшее как «вооруженное восстание негров», предотвращенное в последний момент. Секретарь губернатора Бэйард Тарпли заявил репортерам, что имелись сведения о скупке неграми оружия «по всему штату».

В тот же день газета «Колумбия дейли геральд» заявила в передовой:

«Негры не могут рассчитывать покорить суверенный народ, и чем скорее лучшие элементы негритянской расы осознают это, тем лучше будет для всей расы».

Газеты всей Америки подняли крик о «негритянском бунте» в Колумбии, штат Теннесси.

Было арестовано 70 негров, и большинству из них были предъявлены обвинения в покушении на убийство. Судья Дентон назначил залог в 5 тыс. долларов за каждого, то есть всего 350 тыс. долларов.

Предварительный допрос арестованных проводился в переполненной городской тюрьме. Их выводили одного за другим из камер, вели по коридорам, полным вооруженных солдат, и вталкивали в комнату, которая в обычное время служила шерифу столовой. Здесь им заявляли, что если они будут «говорить правду» и расскажут все, что им известно о «заговоре», — к ним отнесутся снисходительно. Но, несмотря на все уговоры, угрозы и пытки, ни один из арестованных не «говорил правды».

28 февраля в столовую шерифа ввели вместе троих арестованных — Уильяма Гордона, Джемса Джонсона и Наполеона Стюарта. После долгого допроса, в результате которого они не дали того, что полицейские именовали «удовлетворительным ответом», помощники шерифа и вооруженная охрана вывели их в соседнюю комнату.

Внезапно прогремела пулеметная очередь.

Истекавших кровью Гордона и Джонсона отвезли в больницу Кингс Дотерс, сделали им переливание крови,

но в больнице их не оставили, так как, по словам «Вашингтон пост», это была «больница для белых». Их отправили в Нэшвилль, но по пути оба умерли.

По всей стране прокатилась волна протестов; граждане требовали, чтобы в это дело вмешалось правительство; и тогда для расследования было назначено федеральное Большое жюри, которое должно было решить вопрос о передаче дела в суд. Но это Большое жюри было составлено целиком из белых.

После расследования, продолжавшегося два месяца, Большое жюри объявило, что оно не обнаружило «нарушения гражданских прав» и нет никаких оснований говорить о том, что в Колумбии имели место какие-либо попытки линчевания.

В то же время Большое жюри резко обрушилось на «подстрекательские статьи», появившиеся в «коммунистической печати».

В своих сообщениях о результатах деятельности Большого жюри американская печать не сочла нужным привести один чрезвычайно интересный факт. Дело в том, что, как сообщала «Нью-Йорк таймс» 19 июля 1939 г., судья Эльмер Д. Дэвис, который по назначению министра юстиции Кларка председательствовал на заседаниях Большого жюри, был ранее, по его собственному признанию, членом Ку-клукс-клана.

4. Пуля, кнут и петля

6 июня 1947 г. журнал «Лайф» в статье, озаглавленной «Процесс линчевателей — новый этап в истории Юга», счел уместным выразить удовлетворение по поводу «шага вперед»: в отношении негров Юга стало применяться «правосудие».

В феврале того же года в Гринвилле, штат Южная Каролина, был убит ударом ножа белый шофер такси. Власти немедленно арестовали молодого негра Вилли Эрля. «На следующий день рано утром, — сообщает «Лайф», — толпа линчевателей, приехав на машинах, вытащила Эрля из тюрьмы, потащила его в расположенный поблизости Пиккенс, избивала его, топтала ногами, била ружейными прикладами; затем ему нанесли

пять ножевых ран, вырезали огромный кусок мяса из его ноги и, наконец, размозжили ему череп тремя ружейными выстрелами».

К суду были привлечены 26 человек, признавших что они участвовали в суде Линча. Судебное разбирательство, как пишет «Лайф», нередко принимало интимный характер семейной беседы. Приговор суда гласил: «невиновны».

Вслед за этим Р. С. Хант, который выстрелом из ружья размозжил Эрлю череп, устроил вечеринку, во время которой он заявил: «В отношении обеих сторон проявлена справедливость». Другой участник линчевания, Дюран Кинэн, сказал представителям печати: «Лучше этого в нашей стране еще ничего не бывало».

Излагая свою точку зрения, журнал «Лайф» восхвалял процесс на том основании, что «впервые в истории отвратительная картина зверского суда Линча отображена в протоколе суда». Журнал писал:

«Обвиняемых судили со всей серьезностью в продолжении девяти дней... Исход процесса не удовлетворил тех, кто понимает демократию формально, не считаясь с цветом кожи людей... Тем не менее, он имеет историческое значение... Он показал, что отныне линчеватели на Юге не могут считать себя на 100% в безопасности или, по крайней мере, что линчевание уже невозможно полностью хранить в тайне...»

Через два месяца после появления этой статьи в «Лайф», 13 августа 1947 г., газета «Нью-Йорк таймс» в свою очередь выступила с передовой статьей, озаглавленной «Джорджия идет вперед». Речь шла о зверском убийстве восьми негров в тюрьме Ангуилла, близ Брансвика, штат Джорджия.

11 июля 1947 г. группа заключенных негров, содержащихся в лагере Ангуилла, была послана тюремной охраной на работу в болото, изобилующее гремучими змеями. Некоторые из заключенных заколебались и попросили выдать им для безопасности сапоги. Начальник тюрьмы Х. С. Уорси вспылил и отослал их обратно в лагерь. У ограды лагеря он приказал пяти заключенным, которых он назвал «зачинщиками», выйти вперед. Те не выполнили его приказания. Уорси закричал тюремной охране: «Задайте-ка им!» Охрана и начальник тюрьмы

открыли огонь, и пятеро заключенных были убиты на месте, а трое — смертельно ранены.

Во время разбора дела окружным Большим жюри Уорси утверждал, что негры пытались организовать «побег». Большое жюри постановило, что начальник тюрьмы и охрана «были правы» и что они «действовали в интересах сохранения порядка». В постановлении далее указывалось, что «этого не случилось бы, если бы заключенные были закованы в кандалы и носили полосатую форму каторжников».

В результате протестов «Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения» и других либеральных организаций решено было передать дело начальника тюрьмы и четырех охранников, обвинявшихся в нарушении федерального закона о гражданских правах, в федеральный суд. На суде защита утверждала, что расстрел был необходим для того, чтобы подавить «инспирированный коммунистами заговор» с целью захвата тюрьмы. После восьмиминутного совещания присяжные, среди которых не было ни одного негра, вынесли обвиняемым оправдательный приговор.

«Нью-Йорк таймс» комментировала это дело в своей передовой «Джорджия идет вперед» следующим образом:

«В периодически повторяющихся до сих пор вспышках расового насилия на далеком Юге имеется одна положительная сторона: они, наконец, стали вызывать здоровую реакцию, направленную к улучшению положения... В Джорджии, как и в остальных южных штатах, заметно распространяется культура и с каждым новым конфликтом постепенно расширяется поле действия свободы».

Выступая 14 марта 1947 г. в Совете министров иностранных дел четырех держав в Москве, государственный секретарь США Джордж Маршалл заявил:

«Я понимаю, что слову «демократия» дается много толкований. Для правительства и граждан Америки оно имеет важнейшее значение. Мы считаем, что человек обладает некоторыми неотъемлемыми правами...

К ним относится право каждого развиваться умственно и духовно в направлении, определяемом его собственными желаниями, не испытывая ни

страха, ни принуждения... С нашей точки зрения, общество не свободно, если законопослушные граждане боятся, что их лишат права на труд или жизни, свободы и благополучия».

В том же 1947 г., когда Маршалл сделал свое заявление, в США не проходило почти ни одного дня без грубейших нарушений «неотъемлемых прав» американских негров. Мы приведем лишь некоторые из бесчисленного множества подобных случаев¹.

Атланта, Джорджия, февраль: банда белых предупредила негритянского священника А. С. Эппса, чтобы он переехал из населенного белыми района. Две недели спустя дом священника был взорван. После этого члены банды на глазах у публики обменивались шутками с полицией.

Смитфилд, Северная Каролина, апрель: негр—санитар больницы «Провидент» в Балтиморе Флетчер Мартин возвращался поездом на родину в Северную Каролину. Кондуктор предложил ему перейти в вагон для негров, но он отказался, и тогда кондуктор застрелил его. Потом

---

¹ Число зверских преступлений, совершаемых в отношении негров, точно установить невозможно. В печать попадают лишь сведения о немногих таких случаях, и то почти исключительно, когда ими активно интересуются прогрессивные организации, выступающие в защиту прав негров. Бесчисленное множество зверств остается неизвестным общественности. Кроме того, после войны в Америке применяется такой способ расправы с неграми, при котором многие убийства остаются даже неизвестными. В «Петиции», подготовленной историком д-ром Гербертом Аптекером и представленной в июне 1946 г. Национальным негритянским конгрессом Экономическому и Социальному совету Организации Объединенных наций, говорится: «Теперь стало широко применяться «сухое линчевание», то есть тайное, не предаваемое огласке увечье или убийство нежелательных негров небольшой кучкой людей (являющихся зачастую, как предполагают, чинами полиции). В силу самого характера этой системы точных цифр и данных о ней не имеется; но, как показало обследование, предпринятое в 1940 г. по инициативе четырех членов конгресса США, включая сенаторов Вагнера и Каппера, и проведенное одним «белым уроженцем Юга, имя которого должно остаться неизвестным», «бесчисленное множество негров ежегодно подвергается линчеванию, но их исчезновение окутано тайной, их убирают без шума, так что об этом никто не знает». В других исследованиях последнего времени также приводятся доказательства распространенности этих варварских действий, которые следует тщательно расследовать и полностью искоренить»

убийца утверждал, что застрелил Мартина в порядке «самозащиты».

Роки-Маунт, Северная Каролина, май: на обочине дороги близ Роки-Маунт был найден зверски изуродованный труп шофера такси негра Вилли Питмана. Его голова была размозжена, ноги и руки отрезаны.

Сардис, Джорджия, май: 23-летний негр, участник войны, Джо Натан Робертс, учившийся в университете Темпл на основании закона о демобилизованных, был застрелен за то, что обратился к белому, не произнеся слова «сэр». Убийца не был привлечен к суду.

Гамильтон, Джорджия, май: негр-фермер Генри Гильберт был убит полицейскими в окружной тюрьме в г. Гаррис. Убийцы размозжили ему череп и переломали ребра.

Леттуорт, Луизиана, июль: лесной объездчик вступил в спор с 83-летним негром Вильямом Брауном, охотившимся на белок, потащил его на опушку леса и выстрелил ему в затылок. Затем он пошел к живущему по соседству белому издольщику и сказал ему: «Я сейчас застрелил негра, нужно сказать его родне». Заключение следователя гласило: «Убийство оправдано, так как объездчик стрелял в порядке самозащиты».

Калхун, Луизиана, июль: негр-дровосек Уэсли Томас, служивший у белого фермера, бросил работу. Фермер стал предлагать 50 долларов тому, кто убьет Томаса, так как Томас якобы покушался на его жизнь. Другой белый фермер разыскал Томаса и застрелил его, объяснив, что «он пытался спрятаться в чужом доме, но тут-то я ему и показал». Понятые, участвовавшие в расследовании, определили это как «оправданное убийство», утверждая, что убийца действовал в порядке «самозащиты».

Прентисс, Миссисипи, август: толпа белых дала шерифу срок в восемь часов на то, чтобы он добился признания от негра Верси Джонсона, рабочего лесопильни, задержанного по обвинению в изнасиловании. Шериф и два его помощника застрелили Джонсона. Шериф заявил, что следствие «не нужно», так как полицейские застрелили Джонсона, когда он пытался выхватить у одного из них револьвер.

Нью-Йорк, август: негр-инвалид, ветеран войны, Ллойд Кэртис Джонс, музыкант, добивавшийся получе-

ния стипендии имени Гуггенхайма, пел с небольшой группой людей у входа в Центральный парк. Полицейский Фрэнсис Лемэр приказал Джонсу убираться и толкнул его дубинкой. Когда Джонс стал возражать, Лемэр ударил его по голове с такой силой, что дубинка сломалась. Джонс поднял руку, чтобы защититься, тогда Лемэр трижды выстрелил ему в живот, нанеся ему не смертельные, но серьезные раны. После поверхностного расследования Лемэр был признан невиновным.

Рочестер, Нью-Йорк, ноябрь: негр, участник войны, Роланд Т. Прайс заявил в ресторане, что ему недодали сдачи. Администрация вызвала полицию. После перебранки полицейские стали стрелять в Прайса и убили его. Они утверждали, что Прайс пытался вытащить револьвер. Позднее, однако, было установлено, что Прайс не имел никакого оружия. Следователь признал полицейских невиновными.

Луисвилль, Кентукки, ноябрь: два полицейских вошли в кондитерскую и обвинили негра Джорджа Келли в том, что он учинил дебош. Келли пытался выбить револьвер из рук одного из полицейских. Полицейский избил его до потери сознания, а потом изрешетил его тело пулями. Суд оправдал убийцу.

7 января 1948 г. президент Трумэн заявил в своем обращении к конгрессу США:

«Основной источник нашей силы — наш дух. Ибо мы живем верой. Мы верим в человеческое достоинство... Мы глубоко уважаем благополучие и права каждого. Наша первоочередная цель — полностью обеспечить всем гражданам нашей страны все основные человеческие права. Отрицать права человека — значит отрицать основные принципы демократии, отрицать ценность человеческой личности».

В том же году, в то время как конгресс маринировал законопроект о запрещении «суда Линча», избирательного налога и дискриминации при найме рабочей силы, человеческие права негров нарушались многократно. Мы приведем некоторые факты.

Магон, Джорджия, февраль: после судебного разбирательства, продолжавшегося всего один день, суд присяжных, состоявший из одних только белых, признал негритянку Розу Ли Инграм и двух ее сыновей 17 и

14 лет виновными в злоумышленном убийстве и приговорил их к смерти. «Преступление» было совершено тремя месяцами раньше, когда оба мальчика защищали свою мать от нападения белого фермера. В драке один из мальчиков нанес фермеру удар по голове, который оказался смертельным. В результате массовых протестов казнь была заменена для Инграм и ее сыновей пожизненным заключением.

Трентон, Нью-Джерси, февраль: после убийства белого владельца магазина полиция задержала несколько десятков негров. Из них шестеро были затем посажены под арест. В дальнейшем полиция предъявила признания, подписанные пятью из арестованных. Однако на суде все обвиняемые представили убедительные доказательства своей невиновности. Главный свидетель обвинения не смог опознать виновных, а трое из обвиняемых показали, что полиция давала им наркотики. Тем не менее присяжные признали их виновными, и все шесть были приговорены к казни на электрическом стуле. Их защита обжаловала приговор суда.

Мемфис, Теннесси, май: негр Эли Блэйн заявил в полицейское управление, что, когда полиция производила расследование по поводу драки, у него отняли деньги. Служащие полицейского управления жестоко избили его и выбили ему один глаз.

Детройт, Мичиган, июнь: двое полицейских зверски избили, а затем застрелили 15-летнего мальчика-негра Леона Мозли. В своем донесении полиция указала, что Мозли ехал на машине, не включив фар.

Августа, Джорджия, июль: заключенный в тюрьму негр Айк Кроуфорд умер там в результате избиений. У него был проломлен череп и выбит один глаз.

Калхун Фоллс, Южная Каролина, август: священник негр Арчи Уэйр, принявший, несмотря на угрозы, участие в выборах, подвергся нападению, был избит, исколот ножами и брошен почти мертвый, на глазах у двух полицейских, которые спокойно все это наблюдали.

Монтгомери Каунти, Джорджия, сентябрь: председатель местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Картер, невзирая на угрозы, принял участие в голосовании. Банда белых избивала его и под угрозой смерти приказала ему больше не привозить своих соседей на избирательные участки.

Лайонс, Джорджия, ноябрь: фермер-негр Роберт Маллард, возвращавшийся со своей женой, ребенком и двумя другими неграми из церкви домой, был убит на глухой дороге группой белых. Показания жены Малларда и двух негров, бывших свидетелями убийства, не были приняты местными властями во внимание.

15 сентября 1949 г. Джон Фостер Даллес заявил в связи с выдвижением республиканской партией его кандидатуры в сенат от штата Нью-Йорк:

«Америка стала Америкой потому, что наш народ всегда верил, что важнее всего, ценнее всего на свете человек, что нужно содействовать его духовному и умственному развитию и создавать для него благоприятные условия, которые внушали бы ему возвышенные мысли и вдохновляли бы его на благородные дела».

Приведем некоторые заголовки из трех ведущих негритянских газет США — «Афро-Америкэн», «Питтсбург курьер» и «Чикаго дефендер» — за 1949 год.

50 полицейских, избивших человека до полусмерти, оправданы. Присяжные совещались всего пять минут (Майами, Флорида, 22 января).

2 убийства на почве расовой вражды — новый удар по негритянскому Югу (Бессемер, штат Алабама, и Форт Майерс, штат Флорида, 12 февраля).

Во Флориде толпа белых высекла негра. От испуга высеченный лишился рассудка (Орландо, Флорида, 19 марта).

Алабамский судья считает шерифа причастным к избиению. Рассказывает, что полицейские принимали участие в порке 7 человек (Чатануга, Теннесси, 30 апреля).

Судья порицает шерифа в Джорджии, выдавшего заключенных членам Ку-клукс-клана (Трентон, Джорджия, 21 мая).

Большое жюри выпустило на свободу двух алабамских полицейских, напавших на женщину (Монтгомери, Алабама, 28 мая).

Рабство в Джерси. Расследование жалобы на долгое рабство в Асбери-Парк (Асбери-Парк, Нью-Джерси, 18 июня).

Суд Линча за нарушение правил движения (Хьюстон, Миссисипи, 16 июля).

В Южной Каролине задержан белый, убивший десятилетнего мальчика, который его ругал (Спартансбург, Южная Каролина, 19 июля).

Белый—убийца ветерана войны—освобожден (Ирвингтон, Джорджия, 23 июля).

В Чатануге брошена бомба в дом (Чатануга, Теннесси, 30 июля).

Тюремщик вторично обвиняется в практике долгового рабства (Даллас, Техас, 30 июля).

Двухтысячная толпа осаждает новых владельцев негров... (Чикаго, Иллинойс, 6 августа).

Белый убил человека в городе, где в 1948 г. имело место линчевание (Лайонс, Джорджия, 21 августа).

140 человек на положении рабов на ферме (Джексон, Миссисипи, 3 сентября).

Пятеро линчевали зажиточного фермера в Джорджии (Бэйнбридж, Джорджия, 10 сентября).

В столице страны зажжен «огненный крест»¹ (Вашингтон, 12 сентября).

И все же массовый послевоенный террор не запугал негров.

На каждом шагу мы все чаще встречаемся с проявлениями решительной борьбы негров не только за сохранение завоеваний, за которые они так упорно боролись в период «нового курса», но и за их дальнейшее расширение. Действуя совместно с другими прогрессивными американцами, негры проводили во всех городах США кампании за уничтожение негритянского гетто, за прекращение дискриминации при найме на работу, за прекращение насилий против негров, за уничтожение всех проявлений расового угнетения.

Выражением подъема боевого духа негритянского народа является поразительный рост участия негров в выборах в Южных штатах. Невзирая на угрозы куклуксклановцев, зверства полиции и бесчисленные юридические и внеюридические преграды, число поданных неграми голосов на Юге увеличилось с 211 тыс. в 1940 г. до миллиона с лишним в 1948 г.

Негры в США твердо решили раз навсегда, невзирая ни на какое противодействие, добиться равенства и стать полноправными гражданами Америки.

¹ «Сжигание креста» — обряд, совершаемый мракобесами-куклуксклановцами на своих массовых сборищах. (Прим. ред.)

Глава XVII

КРАСНЫЙ ПРИЗРАК

Систематически уничтожая всех своих противников, Гитлер и Муссолини начали с коммунистов. Коммунисты сражались в авангарде первых борцов против фашизма.

Из инструктивного бюллетеня армии США
«Беседы с солдатами», март 1945 г.

Всякого, кто защищает интересы народа в целом, прозывают «красным», и потому эта кличка стала почетной, — разумеется, для тех, кто верит в достоинство и равенство людей.

Бригадный генерал Эванс Ф. Карлсон,
7 мая 1947 г.

Следовало бы разрешить свободную охоту на коммунистов и всех им подобных деятелей. Следовало бы даже выдавать премии за шкуры этих вредных животных.

Журнал текстильных фабрикантов
«Америкэн Улен энд Коттон Рипортер»,
20 января 1949 г.

1. Тема и вариации

В конце марта 1949 г. в тихом городке Хоуб Саунд, штат Флорида, произошло необычайное событие международной важности. Поздно ночью на улице завывала сирена пожарной машины. Тотчас же из одного дома вылетел взлохмаченный человек в пижаме и бросился бежать с криком: «Красная армия высадилась». Это был военный министр США Джемс В. Форрестол.

Инцидент этот был тщательно замят¹.

Форрестола отправили в специальном самолете в военно-морской госпиталь в Бетесде, штат Мэриленд. Там он был поручен наблюдению психиатров и находился

---

¹ Впервые о нем стало известно широким кругам 10 апреля 1949 г. из выступления по радио журналиста Дрю Пирсона.

под неусыпным надзором санитаров. Военно-морские врачи сообщили представителям печати, что Форрестол страдает «переутомлением в результате перегрузки работой в годы войны и после нее».

22 мая в 2 часа ночи Форрестол незаметно выскользнул из своей роскошной палаты, расположенной на 16-м этаже госпиталя, пробежал через коридор, открыл окно и выбросился на улицу.

Основатели Первого Интернационала Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали в 1848 г. в Коммунистическом Манифесте: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

Сто лет спустя этот призрак стал бродить по Соединенным Штатам Америки.

Самоубийство Форрестола было как бы символом антикоммунистической истерии, которая в то время сотрясала всю страну, как некий эпидемический психоз. Нигде на свете общественное мнение после войны не мучил такой страх перед грозным призраком «коммунистической опасности», как в США. Во власти этого массового психоза оказались и малые и великие мира сего.

Но, в отличие от большинства эпидемий, данная эпидемия была сознательно вызвана людьми.

К концу войны стало ясно, что одного только шантажирования новой войной и разжигания шпиономании еще недостаточно для того, чтобы убедить американский народ, будто его родине угрожает вторжение советских армий и руководимое Москвой коммунистическое восстание. Сначала нужно было вытравить еще свежие воспоминания о военном союзе между Америкой и СССР и об огромном вкладе России в дело победы. Для этой цели была пущена в ход хитроумная машина пропаганды.

Для широчайшей антикоммунистической кампании, охватившей все области жизни страны, были использованы все доступные воображению способы и приемы пропаганды, все наличные средства связи, органы федерального правительства и правительства штатов, учебные заведения, организации деловых кругов, церковные объединения, ура-патриотические общества, братства, организации ветеранов войны¹.

---

¹ Простой перечень материалов антикоммунистической пропаганды, наводнившей Соединенные Штаты в послевоенные годы, составил бы много томов. Почти каждый день правительствен-

«Коммунизм в Америке, — писал журнал «Ньюс уик» 2 июня 1947 г., — никогда еще не попадал под такой сильный обстрел, как сейчас... Нынешние мероприятия представляют собой гораздо более трезвую и разумную попытку борьбы с коммунизмом, чем истерическая антибольшевистская кампания, проводившаяся после первой мировой войны. Основная опасность заключается в том, что общественности, как это было после первой мировой войны, может надоесть борьба против коммунизма...»

Но, исходя именно из этих соображений, была создана такая обстановка, чтобы «крестовый поход» не мог надоесть общественности.

Антикоммунистическая пропаганда становилась все визгливее и визгливее, а правительственные учреждения и должностные лица прибегали к самым острым средствам, чтобы поразить воображение американцев «опасностью коммунизма». Началась проверка лояльности. Члены конгресса призывали граждан не давать коммунистической партии выставлять своих кандидатов на выборах. В июне 1947 г. бывший сотрудник Управления стратегических служб США Карл Марзани был приго-

---

ное издательство в Вашингтоне выпускало какой-нибудь антикоммунистический или антисоветский документ. Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности издавала доклад за докладом на тему о «красной опасности». Приведем заголовки одной такой серии материалов, выпущенных комиссией:

- 100 фактов, которые ты должен знать о коммунизме в США,
- 100 фактов, которые ты должен знать о коммунизме в религии,
- 100 фактов, которые ты должен знать о коммунизме в просвещении,
- 100 фактов, которые ты должен знать о коммунизме в рабочем движении,
- 100 фактов, которые ты должен знать о коммунизме в правительстве.

Конгресс выпускал непрерывным потоком официальные отчеты, вроде: «Советский шпионаж в правительстве США», «100 лет коммунизма», «Коммунизм на Ближнем Востоке», «Коммунизм в Китае», «500 виднейших коммунистов», «Коммунизм в действии — документированный обзор и анализ коммунизма в действии в Советском Союзе».

Федеральное бюро расследований и другие отделы министерства юстиции непрерывно извергали антикоммунистические заявления, доклады, информацию для газет, журнальные и газетные статьи, подготовленные под умелым руководством министра юстиции Тома Кларка и директора Федерального бюро расследований Дж. Эдгара Гувера.

ворен к тюремному заключению на срок от года до 3 лет за то, что он якобы скрывал то обстоятельство, что в 1940—1941 г. состоял в коммунистической партии. В январе 1948 г. член палаты представителей от Пенсильвании Уильям Дж. Кроу внес законопроект о том, чтобы на коммунистов — ветеранов войны не распространялся закон о льготах демобилизованным. В мае того же года, с явной целью поставить коммунистическую партию вне закона, был разработан законопроект Мундта—Никсона «о защите Соединенных Штатов от антиамериканской и подрывной деятельности»¹.

Кампания достигла своего апогея в 1949 г., когда начался судебный процесс 12 членов Национального комитета коммунистической партии.

2. Процесс двенадцати

20 июля 1948 г. федеральное Большое жюри предъявило 12 членам Национального комитета коммунистической партии США обвинение в участии в заговоре с целью «проповедовать и отстаивать обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия».

Большое жюри 16 месяцев занималось расследованием деятельности коммунистов в Америке, но не предъявило коммунистической партии обвинения в каких-нибудь конкретных подрывных действиях. В обвинительном акте указывалось, что лидеры коммунистической партии вступили в заговор, имевший целью свергнуть правительство путем: 1) организации политической партии, руководствующейся принципами марксизма-ленинизма; 2) «опубликования и распространения... книг, статей, журналов и газет, проповедующих принципы марксизма-ленинизма», и 3) устройства «школ и курсов для изучения принципов марксизма-ленинизма, где проповедовались и отстаивались бы обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия».

---

¹ Законопроект Мундта—Никсона не прошел благодаря тому, что либеральные и антифашистские круги повели против него кампанию во всеамериканском масштабе. В 1950 г. он был слегка переработан и вновь внесен в обе палаты конгресса..

Обвинительный акт был составлен на основании закона 1940 г. о регистрации иностранцев, известного под названием закона Смита. По словам видного авторитета в области государственного права, профессора Гарвардского юридического института Захарии Чэфи младшего, закон Смита разрешает самое грубое ограничение свободы слова, когда-либо применявшееся в США в мирное время... первое (после печально знаменитого закона 1798 г. «о бунтах») ограничение права американских граждан говорить и писать, проводимое в федеральном масштабе в мирное время.

В обвинительном акте были названы следующие руководители коммунистической партии:

Председатель Национального комитета коммунистической партии Уильям З. Фостер, бывший профсоюзный деятель, возглавлявший кампанию Американской федерации труда по организации рабочих сталеплавильной промышленности и руководивший крупной забастовкой в сталеплавильной промышленности в 1918—1919 гг.¹

Генеральный секретарь Юджин Деннис, бывший организатор сельскохозяйственных рабочих западного побережья США.

Единственный негр — член муниципального совета Нью-Йорка Бенджамин Дэвис, выступавший в качестве защитника на процессе узников Скоттсборо.

Секретарь по организационным вопросам Национального комитета партии Генри Уинстон, ветеран второй мировой войны и бывший секретарь Союза коммунистической молодежи.

Председатель комитета партии в штате Нью-Йорк Роберт Томпсон, бывший организатор Американской федерации труда, бывший командир канадского батальона Интернациональной бригады в Испании, награжденный орденом за боевые заслуги во вторую мировую войну.

Редактор газеты «Дейли уоркер» Джон Гейтс, бывший организатор рабочих в сталеплавильной промышленности, бывший подполковник Интернациональной бригады в Испании и парашютист армии США во вторую мировую войну.

Заместитель председателя профсоюза рабочих меховой и кожевенной промышленности Ирвинг Поташ.

---

¹ 18 января 1949 г. дело Фосгера было выделено вследствие его серьезной болезни.

Руководитель отдела воспитательной работы Джекоб Стэчел, бывший шапочник, организатор безработных.

Председатель комитета партии в штате Иллинойс Гильберт Грин, бывший машинист, бывший председатель Союза коммунистической молодежи.

Председатель комитета партии в штате Огайо Гэс Холл, ветеран второй мировой войны и бывший организатор лесорубов и рабочих сталеплавильной промышленности.

Председатель комитета партии в штате Мичиган Карл Винтер, бывший организатор безработных.

Привлечение этих людей к суду было событием важнейшего значения для американского народа. Речь шла не просто о привлечении к суду 12 руководителей коммунистической партии. Как говорилось в заявлении, опубликованном главным судьей штата Юта Джемсом Х. Вольфом, представителем Американского союза гражданских свобод Артуром Гарфильдом Хэйсом, бывшим деканом юридического факультета Говардского университета Чарльзом Х. Хьюстоном и другими видными американцами:

«Суд над коммунистической партией означает, что на скамье подсудимых сидит свобода слова; весь этот процесс представляет собой извращение функций правительства, как они понимались и регламентировались в Соединенных Штатах на протяжении 159 лет...

Подсудимые не обвиняются ни в каких конкретных действиях, за исключением того, что они «проповедовали и отстаивали принципы марксизма-ленинизма».

Если такие действия объявляются преступными, это означает, что проводить политические преобразования в демократическом обществе невозможно.

Подобное решение фактически поставило бы коммунистическую партию и другие левые организации в США вне закона такими методами, которые вряд ли отличаются от методов, применявшихся в отношении коммунистических партий Гитлером, Муссолини и Франко...»

Процесс руководителей коммунистической партии открылся 17 января 1949 г. в зале № ПО федерального суда на Фоли сквер в Нью-Йорке.

Председательствовал на процессе судья Гарольд Р. Медина, бывший адвокат, владелец крупного недвижимого имущества в Нью-Йорке, в том числе многих домов в городских трущобах. Вкрадчиво-учтивый, щеголеватый, с тщательно подстриженными усами, судья Медина был только недавно назначен президентом Трумэном на должность федерального судьи¹.

Процесс открылся в небывалой в истории американского суда атмосфере. В день начала процесса столичные газеты вышли с огромными шапками, объявлявшими о привлечении «красных вождей» к суду по обвинению в заговоре с целью «свержения правительства США». Вокруг здания суда расположилась целая армия конных и пеших полицейских, сыщиков и агентов федеральной полиции, как будто ожидалось вооруженное восстание. Репортер «Нью-Йорк таймс» насчитал там «не меньше 45 сыщиков, 40 полицейских, регулирующих уличное движение, 38 высших чинов полиции, 11 конных... и 260 пеших полицейских. История полиции не знает случая, когда бы на время судебного процесса выделялись такие крупные силы».

Защита решительно протестовала против этой необычайной охраны. «Вооруженная толпа, облаченная в мун-

---

¹ 6 сентября 1949 г. газета «Нью-Йорк уорлд телеграм» напечатала сообщение, озаглавленное «Трудности ведения процесса коммунистов обрекают Медину на уединенную жизнь». В этом сообщении описывается роскошный загородный дом Медины в Апоак Пойнт, Лонг-Айленд:

«Судья особенно гордится своей благоустроенной библиотекой, оборудованной установкой для кондиционирования воздуха. Библиотека находится на расстоянии нескольких сот футов от дома и отделена от него садом. При ней имеется два рабочих кабинета...

В доме имеется также бильярдная. «В сущности судья и построил этот дом ради бильярдной», — говорит г-жа Медина. Еще больше игры в бильярд судья любит кататься на яхте. У него есть моторная яхта длиной 54 фута. В автобиографии, написанной для справочника о видных деятелях США, Медина упомянул как одно из своих важнейших достижений, что он был защитником Герберта Зингера, единственного оправданного судом обвиняемого на процессе служащих Банка США. Некоторый свет на юридическую карьеру Медины проливает то любопытное обстоятельство, что осенью 1942 г. он был назначен защитником Антони Кремера, участника одного из восьми нацистских диверсантов, высаженных с германской подводной лодки. Вначале Кремер был приговорен к Тюремному заключению на 45 лет. Медине удалось путем апелляции сократить этот срок до 12 лет.

диры и прикрывающаяся авторитетом закона, очевидно, должна запугать нас», — заявил защитник Джордж Крокетт судье Медине.

«Я не вижу, чтобы вооруженная охрана кого-нибудь запугивала, — ответил судья. — Наоборот, я был ей даже благодарен за то, что она помогла мне пробраться через толпу, когда я уезжал завтракать».

Для первой стадии процесса обвинение вызвало 13 свидетелей. За исключением двух официальных агентов ФБР, все свидетели обвинения были либо ренегатами, либо шпионами ФБР, засланными в коммунистическую партию. Мы приведем характеристики некоторых из них.

Луис Ф. Буденц, бывший редактор «Дейли уоркер», покинувший редакцию в октябре 1945 г. Он сразу же принял католицизм, написал бульварную книжонку против коммунистов под названием «Мой рассказ о себе» и стал выступать в качестве эксперта по вопросам коммунизма в «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и на различных процессах при разборе дел о высылке из пределов США. Во время одного такого разбирательства в сентябре 1947 г. Буденц отказался ответить на 23 вопроса, поставленных ему защитой, на том основании, что его ответы могли бы «повести к его уголовному преследованию и осуждению».

Уильям О. Ноуэлл, ренегат, бывший коммунист, которого рабочие автомобильной промышленности обвиняли в том, что он был тайным агентом промышленной полиции Форда и состоял в подчинении у директора «отдела обслуживания» фордовских заводов Гарри Беннета. Уйдя с этой службы, Ноуэлл стал тайным «консультантом по расовому вопросу» у известного фашиста, бывшего серебрянорубашечника Джералда Л. К. Смита. По окончании войны Ноуэлл стал осведомителем ФБР и, выступал в качестве свидетеля обвинения на ряде процессов против коммунистов и левых профсоюзов. Незадолго до начала процесса руководителей коммунистической партии Ноуэлл получил должность в управлении иммиграции при министерстве юстиции.

Чарльз У. Никодемус, бывший рабочий, исключенный в 1946 г. из коммунистической партии за агитацию против негров. Был арестован и судился в Питтсбурге весной 1948 г. за тайное хранение оружия «с противозакон-

ным намерением нанести физический ущерб» неназванным лицам. Никодемус признал себя виновным, «о впоследствии ему было разрешено взять свое признание обратно. Дело его было прекращено, и примерно в то же время он стал осведомителем ФБР.

Уильям Каммингс, бывший хозяйский шпик и осведомитель ФБР, действовавший в рядах коммунистической партии. К числу его деяний в качестве «коммуниста» относится, между прочим, и то, что он завербовал трех своих родственников в коммунистическую партию, а затем сам же донес на них в ФБР.

Джон Виктор Бланк, провокатор, действовавший в рядах коммунистической партии. Он вербовал рабочих в партию, сам платил за них членские взносы, а затем сам же и доносил на них в ФБР. В числе завербованных числился и зять Бланка, который в действительности никогда не вступал в коммунистическую партию, но Бланк подписал за него заявление о приеме в партию.

«Эти свидетели обвинения, — заявил прокурор Джон Макгохи, — люди, глубоко преданные своей родине, выполнили задачу, требовавшую от них огромных личных жертв, и вошли в историю как замечательные патриоты. По моему мнению, они проделали под руководством Федерального бюро расследований блестящую работу».

Совершенно иное мнение высказал по этому поводу окружной судья штата Индиана Норвал Гаррис:

«Процесс коммунистов — это фарс... весь обвинительный акт нужно перечеркнуть. Обвинение основывается на подлых показаниях провокаторов и доносчиков. У себя в суде я не принял бы такого рода показаний. Я презираю провокаторов и доносчиков. Их презирает весь американский народ».

В полном согласии с судьей Гаррисом профессор Захария Чэфи младший заметил:

«Из показаний свидетелей обвинения... явствует, что по меньшей мере трое из тайных агентов правительства фактически занимались тем, что убеждали людей вступить в коммунистическую партию и принимать участие в деятельности, которую их официальные хозяева рассматривали как преступный заговор против США... Отсюда только один шаг до того, чтобы стать «агентами-провокаторами», шпионами, которые подстрекают организации к про-

тивозаконным действиям только для того, чтобы добыть порочащий эти организации материал. Комиссия Лафоллета отметила, что в профессиональных союзах ведется именно такая деятельность».

Свидетели обвинения не добавили ничего нового к старым рассказам о «коммунистических интригах». На протяжении трех десятилетий эти рассказы фигурировали во всех разоблачениях коммунистов в газетах, в книгах о «красной опасности», в докладах Торговой палаты и «Американского легиона» о «радикализме» и в «выводах» различных комиссий конгресса, вроде «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Свидетели обвинения один за другим пытались утверждать, что коммунистическая партия США действовала по прямому «приказу Москвы», что американские коммунисты являются «злостными заговорщиками», действующими через сеть разбросанных по всей стране «тайных ячеек», и что основной целью коммунистической партии является «свержение правительства путем применения силы и насилия».

Открывая процесс, судья Медина поучал присяжных, что они должны подходить к делу совершенно непредубежденно, с такими же «чистыми» намерениями, как лист белой бумаги, которым он потрясал в воздухе. С самого начала, однако, было ясно, чему он сам сочувствует. Оценивая поведение Медины, известный юрист, бывший министр юстиции правительства Кубы, Доминго Вильямилль докладывал Международной ассоциации юристов-демократов, которая делегировала его на этот процесс в качестве наблюдателя:

«То, что я слышал и видел, оскорбляло мое чувство справедливости и приличия.

Судья Гарольд Медина произвел на меня впечатление явно пристрастного человека, который отнюдь не служит украшением судебной системы США... Он был уступчив, приветлив и любезен с прокурором... а по отношению к обвиняемым проявлял предубежденность и говорил с ними в ироническом и грубом тоне...

Судья явно нарушал обязательное для всех юристов моральное правило: вместо того, чтобы считать обвиняемых невиновными до тех пор, пока их вина

не доказана, он заранее объявил их людьми порочными и потому виновными...

На этом процессе выступают два обвинителя и ни одного судьи, — причем судья Медина является даже более суровым обвинителем, чем сам прокурор».

Изучив протоколы суда, составляющие свыше 13 тыс. страниц, для того чтобы установить, правильно ли процесс освещался в газетах, группа нью-йоркских адвокатов опубликовала исследование под названием «Надлежащий порядок ведения политического процесса». В предисловии авторы писали:

«Дальнейшее изложение покажет читателю такой порядок ведения судебного дела, который характеризуется предубеждением против обвиняемых и их защитников. Это означает, что обвиняемые судятся не по справедливости, а защитники не имеют возможности выполнять свой долг».

Далее нью-йоркские адвокаты перечисляют и подробно документируют следующие категории нарушения судьей Мединой норм поведения на суде:

а) решения в ходе процесса, преследующие цель заставить защитников замолчать или парализовать их действия;

б) неуместные замечания о представителях защиты в присутствии присяжных;

в) дискриминация представителей защиты в сравнении с представителями обвинения;

г) угрозы наложить взыскание на представителей защиты за выполнение ими своего долга;

д) дискриминация в оценке доказательств защиты в сравнении с доказательствами обвинения;

е) травля обвиняемых и свидетелей защиты наряду с вежливым и предупредительным обращением со свидетелями обвинения;

ж) опорочивание показаний обвиняемых в присутствии присяжных;

з) приписывание защите низменных и недостойных побуждений в присутствии присяжных¹.

---

¹ Судья Медина не раз позволял себе делать защитникам грубые замечания, вроде следующих: «Говорите сколько угодно, все равно последнее слово остается за мной», «Это совершенная чепуха. Вы явно всегда говорите чепуху», «Можете возражать хоть

Ярким и убедительным примером благосклонного отношения Медины к обвинению может служить его поведение в связи с разбором одного из важнейших вопросов, поднятых на процессе,—о значении термина «марксизм-ленинизм». Когда свидетельские показания давал Луис Буденц, прокурор Макгохи просил его дать свое толкование той части программы коммунистической партии, где говорится, что партия строится «на принципах марксизма-ленинизма». Представители защиты опротестовали этот вопрос на том основании, что полное определение данного термина имеется в официальных документах коммунистической партии, уже представленных в качестве доказательств, и что присяжные должны определять значение этого термина на основании указанных материалов.

Судья Медина отверг все возражения. «Откуда же они (присяжные) будут знать, что такое марксизм-ленинизм, — заявил он, — если никто им об этом не скажет».

По предложению Медины, Буденц ответил на вопрос, заявив, что, согласно принципам марксизма-ленинизма, социализм может быть установлен в Америке только в результате «свержения правительства США... и установления диктатуры пролетариата путем применения силы и насилия». Это, заявил Буденц, и составляет основу программы привлеченных к суду коммунистов...

В дальнейшем, когда показания давал обвиняемый Роберт Томпсон, защитник Ричард Глэдстейн задал ему вопрос: «Расскажите суду, что такое марксизм-ленинизм».

Обвинитель Макгохи заявил протест против этого вопроса.

«Протест принят», — сказал судья Медина.

«Позвольте мне обратить внимание вашей чести, — сказал Глэдстейн, — на протокол судебного заседания...»

«Нет, — прервал его судья, — я не желаю больше слышать никаких споров на эту тему».

до второго пришествия», «У вас такой невинный вид», «Возьмите книгу, садитесь и читайте», «Чем меньше вы будете делать замечаний, тем лучше». Один раз Медина обвинил защитника Гарри Зачера в «сознательной лжи». Когда Зачер заявил протест против выражений судьи, Медина раздраженно заявил: «Я не верю ни единому вашему слову».

«Но, ваша честь...»

Медина снова резко оборвал Глэдстейна, заявив, что этот вопрос «к делу не относится».

«Прошу, вашу честь, заметить,—сказал Глэдстейн,— что вы разрешили задать этот самый вопрос свидетелю Буденцу и разрешили ему ответить на него».

«Ведь я вам уже сказал, — раздраженно заявил Медина, — что не желаю слушать никаких споров по этому вопросу, а вы хотите его снова поднять и снова проявляете неуважение к суду».

На протяжении всего процесса Медина много раз обвинял защитников в «дерзости» и «неуважении» к суду и неоднократно угрожал им репрессиями за их упорное стремление предъявлять доказательства, которые они считали исключительно важными для своих клиентов.

Напуская на себя усталый и обиженный вид, Медина обвинял представителей защиты в том, что они сговорились подорвать его здоровье. Он не раз делал им замечания, вроде следующих: «Вы так истрепали мне нервы, что я не знаю, смогу ли дальше вести этот процесс...», «Это выше сил человеческих...», «Я хотел бы устроить перерыв на два-три дня, так как меня тревожит мое переутомление».

Судья периодически прерывал судебные заседания, чтобы «отдохнуть» в своих покоях от «мук» процесса.

Печать и радиообозреватели без конца расхваливали Медину за его «безграничную терпеливость» и «умеренность»...

3 июня Джон Гейтс отказался назвать прокурору имена своих товарищей, бывших участников войны, которые помогли ему подготовить брошюру на тему об условиях жизни ветеранов. Назвать этих людей — значит навлечь на них преследование, заявил Гейтс. За это Медина приговорил его к заключению в тюрьму на 30 дней. Когда обвиняемые Генри Уинстон и Гэс Холл заявили протест, Медина тут же удалил их из зала суда на все время процесса.

20 июня Гильберт Грин опротестовал отказ Медины принять в качестве доказательства статью, которую он, Грин, сам написал. «Я полагал, что нам будет дана возможность изложить свои доводы, — сказал Грин. — Эта статья имеет прямое отношение к сущности вопроса».

За это замечание Грин был приговорен к тюремному заключению на все время процесса.

Когда Карл Винтер отказался ответить, присутствовал ли его тесть на одном из съездов коммунистической партии, судья Медина приговорил его к тюремному заключению на тридцать дней¹.

23 августа нью-йоркская газета «Дейли компас» опубликовала сенсационную статью в связи с процессом коммунистов. В этой статье сообщалось, что один из присяжных заседателей, престарелый режиссер и автор книги «Чудо колоколов», Рассел Дженни, публично выражал свое резко враждебное отношение к коммунистической партии менее чем за месяц до того, как он дал присягу, что будет выполнять обязанности присяжного заседателя без всякого предубеждения.

Статья в «Дейли компас» была написана самим редактором и издателем газеты, Тэдом О. Тэкри. В ней приводились выдержки из речи, произнесенной Дженни в Мэкроне, штат Джорджия, 21 февраля 1949 г. В этой речи Дженни заявил:

«Между коммунизмом и демократией не может быть компромисса... Пусть те, кто хочет коммунизма, отправляются в Россию и там живут... Мы уже воюем против коммунизма и будем воевать не на жизнь, а на смерть».

Тэкри писал далее, что в ходе процесса Дженни не раз делал вне зала суда заявления, ясно свидетельствовавшие о его глубокой предубежденности против обвиняемых.

В заключение Тэкри писал:

«Имеются заявления, сделанные под присягой и, подтверждающие то, что я здесь рассказал.

---

¹ Обвиняемые, привлеченные к ответственности за неуважение к суду, содержались в промежутках между судебными заседаниями в старой, ветхой тюрьме на Вест-стрит. В своих камерах они не имели возможности надлежащим образом консультироваться со своими защитниками. Другим и родственникам подсудимых не разрешалось приносить им пищу в дополнение к скудному тюремному пайку. Летом, в сильный зной, подсудимых держали в тесных, плохо проветриваемых камерах. Когда Генри Уинстон перенес в тюрьме два сердечных припадка, судья Медина отказался разрешить постоянному врачу Уинстона оказать ему помощь. Он отказал также в перерыве процесса, равно как и в отсрочке исполнения приговора Уинстону за неуважение к суду.

Этого достаточно, чтобы поставить вопрос, свободен ли и был ли свободен г-н Дженни от предвзятых мнений в отношении подсудимых и способен ли он беспристрастно их выслушать и беспристрастно судить».

На основе этих разоблачений защитники 24 августа потребовали исключения Дженни из числа присяжных заседателей.

Судья Медина отклонил это требование.

14 октября, после девятимесячного разбирательства, процесс одиннадцати коммунистов завершился так, как и следовало ожидать. Присяжные признали их виновными.

Как только старшина присяжных огласил это решение, судья приказал всем защитникам встать. Зачитав свое определение по обвинению пяти защитников и Юджина Денниса, который сам вел свою защиту, в неуважении к суду, судья приговорил всех шестерых к тюремному заключению на сроки от тридцати дней до шести месяцев.

Неделю спустя судья Медина приговорил десять руководителей коммунистической партии к тюремному заключению сроком на 5 лет и к штрафу в 10 тыс. долларов каждого.

Роберт Томпсон был приговорен к трем годам тюрьмы и к штрафу в 10 тыс. долларов. Судья заявил, что он отнесся к Томпсону мягко, учитывая его героизм во время войны.

Американская печать перевозносила решение присяжных и приговор суда как апофеоз американского правосудия. «Голос Америки» поведал всему миру об этом приговоре, как о свидетельстве того, что в Америке суд относится с должным вниманием ко всякому, богатому и бедному, независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Однако многие мыслящие американцы поняли подлинное значение осуждения коммунистов и разделяют мнение, выраженное газетой «Сен-Луи пост-дис-пэтч»:

«Наказывая коммунистов за их идеи, мы создаем возможность наказывать других граждан по еще менее значительному поводу, а то и вовсе без всякого повода».

3. Пикскилл

За десять с лишним лет до процесса руководителей американской коммунистической партии помощник Геббельса Эуген Хадамовский, возглавлявший у гитлеровцев радиовещание, писал:

«Пропаганда и сила не являются абсолютными противоположностями: применение силы может ее ставить часть пропаганды. Между ними располагаются всевозможные средства влияния: от «сообщений-молний» для возбуждения отдельных личностей, от терпеливого убеждения до разнузданной агитации в массах; от бесформенной организации сочувствующих до государственных и полугосударственных организаций; от индивидуального до массового террора...»

Летом 1949 г., когда антикоммунистическая пропаганда в Америке достигла предельного, лихорадочного накала, произошло событие, которое потрясло весь мир и как бы проиллюстрировало это «откровение» геббельсовца Хадамовского.

В то время как федеральный суд в Нью-Йорке слушал дело одиннадцати руководителей коммунистической партии, обвинявшихся в пропаганде применения силы и насилия против правительства, менее чем в 50 милях от зала суда орудовали подлинные поборники силы и насилия.

В субботу 27 августа в парке Лэйкленд Эйкрс, а окрестностях городка Пикскилл, штат Нью-Йорк, должен был состояться концерт Поля Робсона. (Сбор с концерта поступал в пользу гарлемского отдела Конгресса защиты гражданских прав, организации, выступающей в защиту конституционных свобод и включенной министерством юстиции Кларком в список «подрывных» организаций.)

За четыре дня до концерта газета «Пикскилл ивининг стар» вышла с шапкой: «Концерт Робсона помогает «подрывным элементам». В редакционной статье газета писала: «Довольно терпеливого молчания, которое означает одобрение...» Председатель местной торговой палаты и другие «ура-патриоты» объявили этот концерт «антиамериканским». Организации «ветеранов войны» постановили провести во время концерта демонстрацию протеста.

Концерт так и не состоялся.

Когда Поль Робсон прибыл в Пикскилл, он не смог попасть в Лэйкленд Эйкрс. Разъяренная толпа хулиганов расположилась на дороге, не пропуская никого к месту концерта.

На дороге, ведущей к парку, сгрудились автомобили, стоявшие вплотную друг к другу на протяжении двух миль. Нигде не было видно ни одного полицейского.

С наступлением темноты хулиганы изломали складные стулья, расставленные на концертной площадке, устроили из них огромный костер и яростно набросились на людей, приехавших на концерт раньше. Нападавшие орала: «Никто из вас отсюда живым не уйдет... Мы, гитлеровские молодцы... мы завершим его дело!»

Несколько десятков человек спешно организовали оборону. В 8 час. 30 мин. один из них пробрался в темноте сквозь бесновавшуюся толпу и стал звонить по телефону в полицейское управление штата. Потом он рассказывал:

«На моих глазах один негр и двое белых подошли к парку. Их остановила толпа. С десятков людей прижали негра к ограде. Он все время твердил: «Я американец. Я имею право быть на этом концерте». Вдруг один из нападавших ударил его. Он упал, а вся банда сгрудилась над ним и орала: «Убей его! Прикончим его!» Они беспощадно били его, топтали ногами. Тут я увидел человека в солдатской форме, который стоял в стороне. Я сказал ему: «Что это делается, друг, ведь это несправедливо!» Он ответил: «Верно, это не по-американски», и бросился к банде. Мне удалось протащить негра почти волоком между стоявшими машинами в лес. Если бы не это, они, вероятно, убили бы его».

«Нью-Йорк геральд трибюн» 29 августа описывала расправу со многими людьми, пытавшимися попасть на концерт:

«Им приходилось останавливаться перед баррикадой из камней и бревен, преграждавшей дорогу. Здесь им приказывали выйти из машин или просто вытаскивали силой. Мужчин избивали, женщинам разрешали уехать и улюлюкали им вслед. Хулиганы пробивали камнями крыши, борта и окна автомоби-

лей, перевернули восемь машин. Последние были убраны с дороги только около двух часов ночи».

Эти бесчинства продолжались несколько часов, пока, наконец, на место действия не прибыла полиция, восстановившая видимость порядка.

На следующий день, в воскресенье, в усадьбе д-ра Сэмюэля Розена в Катоне собралось около 1500 возмущенных местных жителей. Они создали Вестчестерский комитет охраны закона и порядка и единогласно решили послать Полю Робсону второе приглашение выступить в Пикскилле. «Не отдадим организованным хулиганам ни одной пяди территории Соединенных Штатов, — решил комитет. — На карте наша свобода и гражданские права».

Во вторник вечером 8 000 человек собрались в зале Голден Гэйтс в Гарлеме на митинг протеста против насилия в Пикскилле. Выступая на этом митинге, Поль Робсон объявил, что он снова приедет в Вестчестер и будет там петь.

Новый концерт был назначен на воскресенье, 4 сентября, в загородном клубе Холлоу Брук.

По мере приближения этого дня напряжение в Пикскилле росло. Местные организации «ветеранов войны» призывали организовать мощное шествие протеста рядом с концертной площадкой. В городе появились плакаты и афиши с лозунгами: «Проснись, Америка! Пикскилл уже проснулся». Газета «Дейли компас» сообщала, что отдыхающие в близлежащей летней колонии «были так напуганы, что мужчины организовали круглосуточные дежурства для охраны колонии от нападения».

В субботу вечером молодые люди, околавившиеся в барах, игорных домах и на перекрестках Пикскилла, открыто хвастались, что проучат «комми» (коммунистов), «черномазых» и «жидов».

Уступив упорным настояниям Вестчестерского комитета охраны закона и порядка, губернатор Томас Е. Дьюи распорядился направить в Пикскилл в день концерта полицию штата.

Чтобы обеспечить охрану слушателей, организаторы концерта сами создали отряд из 2500 ветеранов-антифашистов. Под командованием заместителя председателя профсоюза рабочих меховой и кожевенной промышленности, офицера запаса Леона Штрауса, эти

ветераны на рассвете в день концерта собрались у клуба Холлоу Брук. Стоя плечом к плечу, они образовали оборонительную линию, опоясавшую весь парк.

В полдень к месту концерта начали съезжаться слушатели; многие прибывали целыми семьями, нагруженные корзинками с провизией. Приближаясь к входу, они проходили сквозь строй полицейских, которых здесь насчитывалось сотни. Полиция сдерживала толпы демонстрантов, выкрикивавших угрозы, проклятия, ругань.

Местные «ветераны» маршировали группами взад и вперед под звуки оркестра.

К началу концерта, в 2 часа, на площадке собралось около 20 тыс. человек. Пока Поль Робсон пел, царила тишина. Восторженные аплодисменты отдавались мощным эхом в окрестных холмах.

По окончании концерта полиция направляла отъезжавшие автобусы и машины по крутой извилистой дороге, проходившей через густой лес. Здесь их поджидали в засаде сотни людей, вооруженных камнями, бутылками и кирпичами. Подъезжавшие машины попадали под ураганный «обстрел».

Приведем некоторые выдержки из показаний, полученных впоследствии от людей, пострадавших во время этого нападения:

«Мы попросили одного солдата арестовать человека, швырявшего камни. Он ответил руганью».

«Я видел нескольких раненых, которые просили солдат и полицейских помочь им. Над ними издевались, некоторых раненых полицейские избивали дубинками. Я видел также, как солдаты и полицейские сами швыряли камни в машины и автобусы...»

«Женщинам и детям, ехавшим в автобусе, приказали лечь на пол. Женщины нагибались над детьми, защищая их своим телом от камней и осколков стекла... Некоторые хулиганы подбегали вплотную к автобусу и, тщательно прицелившись, швыряли камни прямо в головы женщин...»

«Один из солдат сказал: «Зададим этим ублюдкам». Он остановился у переднего окна машины, где я сидел, тщательно прицелился и ткнул концом своей дубинки прямо в мой левый глаз... Дубинка не попала в глазное яблоко, задев лишь край века.

Потекла кровь. Полиция приказала нам выйти из машины... Меня заставили пробежать сквозь строй из 15—20 полицейских. Каждый из них ударял меня дубинкой по голове или по спине. Потом они бросили меня на землю и продолжали избивать. Один из полицейских заметил бинт на моей левой руке, которую я обжег неделю назад. Он встал на мою руку, ударил каблуком по перевязанному месту и сломал мне один из обожженных пальцев...»

«Группа хулиганов подошла прямо к автобусу и бросила внутрь огромный камень. Он попал мне в левую руку, и я увидел, что третий сустав среднего пальца висит у меня на одном сухожилии. Солдаты стояли здесь же и смеялись».

Во время этого нападения были ранены сотни людей, многие из них тяжело.

Свыше 50 автобусов и сотни легковых машин пострадали от буйного бешенства толпы — у них были разбиты стекла, вмяты борта, изломаны крылья.

«Я пишу эти строки через несколько часов после того, как вырвался из ада, то есть из Пикскилла,—писал в тот вечер корреспондент негритянской газеты «Нью-Йорк эйдж» Лесли Мэтью.— У меня в ушах еще стоит дикий вой толпы, удары камней по стеклу и по живым телам, вопли женщин, отчаянные крики детей, глумление и насмешки парней с бешеными глазами... Я еще чувствую тошнотворный запах крови, струящейся из свежих ран, бензиновую гарь автомобилей и автобусов, отчаянно пытающихся вывезти свой груз — людей, превратившихся в живые мишени, — за линию огня, подальше от кирпичей, бутылок, камней, дубин. Я еще ощущаю ярость и хаос, которыми была наполнена атмосфера. Я еще слышу, обоняю и осязаю Пикскилл».

По всей стране, от Атлантического до Тихого океана, прокатилась волна гнева и негодования, посыпались протесты от гражданских, религиозных, рабочих и других общественных организаций, а также от многих десятков видных общественных деятелей.

Газета «Крисчен сайенс монитор» писала в редакционной статье:

«Если в таком городке, как Пикскилл, могли вспыхнуть погромы и толпа грубо растоптала гарантированные конституцией свободу собраний и сво-

боду слова, то где же в Америке люди могут чувствовать себя в безопасности?»

В предисловии к брошюре «Свидетельство очевидцев, Пикскилл, США», опубликованной впоследствии «Вестчестерским комитетом борьбы за справедливое расследование насилий в Пикскилле», говорится:

«Мы, авторы доклада, живем в этом районе. Здесь мы создали свои домашние очаги, в здешних школах учатся наши дети.

Теперь мы знаем, что разыгравшиеся здесь события означают фашизм. Теперь фашизм уже не нечто отдаленное, случившееся с народом Германии. Теперь это опасность, придвинувшаяся вплотную, грозящая нам в повседневной личной жизни.

Один местный лавочник говорит: «Наш молодой писмоносец, который каждое утро в течение трех лет приветствовал меня улыбкой, был в той неистовствовавшей толпе, которая сорвала первый концерт Робсона». Другой старожил рассказывает: «Парикмахер... который на протяжении 16 лет стриг наших детей, с гордостью заявляет, что он помогал швырять камни в машины после второго концерта». А одна мать говорит: «Ближайшая подруга нашей дочери сказала ей, что ей поделом попало камнем по лицу; нечего было ходить слушать Робсона».

Заявление заканчивается следующими словами:

«Мы посылаем вам этот доклад в горячей надежде, что и вы также предпримете что-нибудь, пока еще не поздно; что вы не останетесь глухи и слепы к правде; что вы никогда не дадите омерзительному фашизму обратить наш народ в диких зверей».

4. 1950 год

«Вступая во вторую половину XX века, — заявил Трумэн конгрессу в своем послании 4 января 1950 г., — мы не имеем права ни на минуту забывать об основной цели, которую ставит себе наше государство... Мы стремимся к лучшей жизни для всех... Для того, чтобы обеспечить мир, мы должны сохранить свою производственную мощь, свои демократические установления и непоколебимую веру в свободу личности... Сегодня, по милости божьей, наша свободная страна наслаждается про-

цветанием и перед ней открываются невиданные в истории человечества перспективы».

Как выразился в передовой статье журнал «Лайф», это послание Трумэна было «во многих отношениях самым замечательным выражением национального характера и устремлений американцев, исходившим из Белого дома с тех пор, как в нем обитал Теодор Рузвельт». Автор передовой радостно восклицал:

«Какая перемена совершилась в США! Невольно вспоминаются 30-е годы, годы правления Франклина Рузвельта, когда президент США в своих высказываниях отражал бесплодную уверенность многих американцев в том, что перед нами закрыты или закрываются границы других государств».

Нельзя отрицать утверждения «Лайф» относительно глубокой перемены, происшедшей в США за последние 5 лет — с тех пор как пришла к концу эра Рузвельта. Но, в отличие от редакторов журнала «Лайф», миллионы американцев видят все меньше и меньше оснований радоваться этой коренной перемене обстановки в нашей стране.

Больше того, многим американцам представляется, что их родина не продвинулась вперед, а сделала неожиданный скачок назад, что история во многих отношениях повторяется, что мы вновь переживаем тяжкие удары событий, причинивших нашей стране столько зла после первой мировой войны.

На грани второй половины века, как и в бурные 20-е годы, могущественная клика промышленников и банкиров неумолимо осуществляет свою власть над экономической и политической жизнью Америки.

Вновь наступила эра мнимого процветания, когда прибыли монополий невообразимо выросли, а на жизни народа все сильнее и сильнее сказываются безработица и всеобщая неуверенность в завтрашнем дне. Вместо гардинговской «шайки из Огайо» в столице правит «миссурийская шайка» Трумэна. Снова моральные устои нации подрывает наглая коррупция; аферисты и политические боссы грызутся между собой за добычу; в стране разыгрывается оргия преступлений.

Разгул реакции сопровождается истерической кампанией против «красных», ростом фанатизма, массовыми насилиями. Как писал Американский союз борьбы за

гражданские свободы в своем докладе, озаглавленном «Во власти страха», на страну обрушились «небывалые в истории препятствия на пути к свободному общению людей, проверки лояльности, черные списки, чистки». Могущество ФБР дошло до того, что «впервые в своей истории США стоят перед угрозой возникновения власти тайной полиции с ее армией доносчиков и тайных агентов».

Ровно через 30 лет после бесславной памяти «пальмеровских облав», когда тысячи «радикалов» были арестованы под тем предлогом, что они «замышляли свергнуть правительство США», исполняющий обязанности помощника министра юстиции Рэймонд Хартти заявил на заседании одной комиссии конгресса, что ФБР подготовило арест 21 105 американцев за «подрывную деятельность». И вновь, как жуткий призрак кошмарного прошлого, на сцену выступает «главный распорядитель охоты» — Дж. Эдгар Гувер.

Но черты сходства между двумя послевоенными Америками еще не так страшны, как черты различия между ними.

Если после первой мировой войны началось широкое наступление на демократические права американского народа, то в 1950 г. ему угрожает полное уничтожение демократии, как таковой, и установление в Америке фашизма. И если дикая оргия спекуляции и казнокрадства 20-х годов была предвестником нужды и страданий эпохи большого кризиса, то великодержавная политика эпохи «холодной войны» грозит развязать всемирную атомную войну, которая погубила бы миллионы мужчин, женщин и детей.

В 1950 году перед американским народом поставлены в упор два исторической важности вопроса, перед которыми все остальное отходит на задний план: *демократия или фашизм в США? Мир или война во всем мире?*

Во всех уголках земного шара сотни миллионов свободолюбивых людей, стремящихся защитить мир, с тревогой следят за тем, какой из этих путей выберет американский народ.

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга остается недописанной.

Даже теперь, когда я пишу эти строки, находится немало людей, изменяющих американскому народу. Прориски этих изменников создают еще небывалую угрозу нашим свободам и нашей жизни.

В нынешней критической обстановке следует постоянно вспоминать уроки прошлого. Нам кричат со всех сторон, что в настоящее время нашему народу угрожает опасность не справа, а слева; что против нас злоумышляют не реакционеры, а радикалы. Но всякий американец, который ценит демократию и мир, всякий, кто дорожит благополучием своей семьи, должен спросить себя: Кто наживался на первой мировой войне? Кто грабил нашу родину в 20-х годах и привел нас к грозному кризису 30-х годов? Кто интриговал и боролся против движения народа к демократии в дни «нового курса»? Кто вскормил фашизм, привел Гитлера к власти и сделал неизбежной вторую мировую войну? Кто нажился на кровопролитии, страданиях и обнищании масс за последние десятилетия?

Ответы на эти вопросы разоблачают безграничную лживость ведущейся ныне пропаганды, показывают, кто является подлинным врагом народа.

Именно эти враги народа — привилегированное меньшинство и его прислужники на государственных постах — несут ответственность за рост реакции и ущемление свобод в нашей стране. Именно они породили страшную угрозу третьей мировой войны с ее бесчисленными жертвами и разрушениями.

Каждому читателю этой книги должно быть ясно, что эти враги народа весьма могущественны, иначе они не представляли бы для нас особой опасности. Но их нынешнее могущество не должно нас пугать. Их влияние

в нашей стране, как и во всем мире, так же непрочно, как обман и иллюзии, на которых оно держится. Их ярость — это ярость отчаяния, потому что их реальные силы уменьшаются с каждым днем. Они — колоссы на глиняных ногах.

Было бы, разумеется, безрассудно закрывать глаза на то, что дело прогресса и мира в Америке потерпело хотя -и временный, но тяжелый урон. Демократическая коалиция, объединившаяся вокруг Рузвельта и достигшая вершины своей мощи и единства в годы войны, глубоко дезорганизована. Эту коалицию необходимо восстановить и укрепить, чтобы вырвать судьбу большинства народа из рук небольшой кучки людей.

Создавая такую коалицию, мы не должны смущаться тем, что людям, несогласным с политикой нынешнего правительства и выступающим против нее, бросают обвинение в нелойяльности. Американские традиции вовсе не требуют от народа слепой верности и безоговорочной покорности правительству; американская традиция требует верности и покорности правительству народу. А когда правительство перестает быть верным народу, когда оно, наоборот, предает интересы народа, тогда наступает время изменить политику правительства, изменив его состав и избрав в него подлинных представителей народа.

«Конфликт, вызвавший нынешнюю войну, — заявил президент Франклин Рузвельт в своем послании конгрессу 7 июля 1943 г., — это глубокий конфликт между теми, кто верит в человечество, и теми, кто в него не верит,—старый конфликт между теми, кто верит в народ, и теми, кто верит в диктаторов и тиранов. Во все времена находились люди, не верившие в народ, пытавшиеся остановить его исторический прогресс, заставить его вернуться вспять, к рабской, безмолвной покорности».

Рузвельт заявил: «Мы выиграем войну и выиграем послевоенный мир».

Народ выиграл войну. Народ выиграет и мир.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие автора. Об измене	25

Часть первая ЭПОХА ТЕРРОРА

<i>Глава I.</i> Война в дни мира	28
1. Мрачные последствия	28
2. Тайны министерства юстиции	37
3. Облавы	41
4. Камеры ужасов	48
<i>Глава II.</i> Мутная волна	53
1. Характер преступления	53
2. «Позорнейшая страница»	59
<i>Глава III.</i> Итоги	64

Часть вторая ОГРАБЛЕНИЕ СТРАНЫ

<i>Глава IV.</i> Век невероятного	72
1. Как делаются президенты	72
2. «Вот чортова служба!»	75
3. Что такое «нормальная жизнь»	78
<i>Глава V.</i> Галерея мошенников	84
1. «Совсем как в доброе старое время»	84
2. Доум и Хиллс	90
3. Г-н Смит отправляется в Вашингтон	95
4. Внезапная смерть	102
5. Миллионеры перед судом	104
<i>Глава VI.</i> Золотой век	112
1. «Разве все мы не стали богачами?»	112
2. Прибыли преступников	122
3. «Анархистские выродки!»	131
<i>Глава VII.</i> Конец эпохи	143
1. Катастрофа	143
2. Час расплаты	148
3. Поход на Вашингтон	153

Часть третья ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА

<i>Глава VIII.</i> Новый курс	162
1. Франклин Делано Рузвельт	162
2. Первые четыре года правления Рузвельта	168

<i>Глава IX.</i>	Сила и насилие	176
1.	Король штрейкбрехеров	176
2.	Черносотенцы и «черные списки»	186
3.	Газы и винтовки	191
4.	Методы террора	199
5.	«Об этом нельзя забывать»	206
6.	Генеральный штаб	211
<i>Глава X.</i>	В империи Форда	218
1.	Человек и миф	218
2.	«Малыш»	220
3.	«Любимчики Беннета»	225
4.	События в Далласе	228
5.	Подрыв профсоюзов изнутри	235
6.	Последний удар	240
<i>Глава XI.</i>	Опасные американцы	244
1.	Тайное наступление	244
2.	Неудавшийся путч	252
3.	Оргия убийств в штатах Среднего Запада	261
4.	«Пятая колонна» в конгрессе	269
5.	«Америка прежде всего»	277
<i>Глава XII.</i>	Годы войны	285
1.	Золотой Интернационал	285
2.	«Сколько стоит патриотизм?»	293
3.	Народная война	300

Часть четвертая

НОВАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

<i>Глава XIII.</i>	Конец «нового курса»	310
1.	Наследство войны	310
2.	Возвращение Герберта Гувера	318
3.	«Миссурийская шайка»	821
4.	Реакционная свистопляска	327
<i>Глава XIV.</i>	Вашингтонские мракобесы	336
1.	Приказ о проверке лояльности	336
2.	За закрытой дверью	341
<i>Глава XV.</i>	Система подавления	345
1.	Зловещий план	345
2.	Страх	348
3.	Тактика штурмовиков	353
4.	И в безумии есть своя система	359
<i>Глава XVI.</i>	Чудовищная действительность	371
1.	Во имя свободы	371
2.	В столице Соединенных Штатов	378
3.	Террор в Теннесси	383
4.	Пуля, кнут и петля	388
<i>Глава XVII.</i>	Красный призрак	397
1.	Тема и вариации	397
2.	Процесс двенадцати	400
3.	Пикскилл	412
4.	1950 год	417
К	читателю	420

Редакторы **В. Репин** и **И. Овадис**
Технический редактор **А. Никифорова**
Корректор **А. Алябьев**

★

Сдано в производство 22/IX-50 г.
Подписано в печать 11/XII 1950 г.
А 09275. Формат 84X108¹/₃₂=6,6.
Бум. л.—21,6 печ. л. Уч.-издат. л. 22,4.
Цена 10 р. 50 к. Издат. № 7/1044. Зак. 2170.

★

Типография «Известий Советов депутатов
трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-
Степанова. Москва. Пушкинская пл., 5.